НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник
ВОРОНЕЖСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ:
ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

• СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА. 2012, №2 •

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ 5

Н.В. Акованцева, И.А. Стернин, Т.В. Тимошина
РАЗГРАНИЧЕНИЕ БЛИЗКИХ ЗНАЧЕНИЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ 5

О.Ю. Алейников, Т.А. Никонова
ПЛАТОНОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ОТКРЫТ К ДИАЛОГУ 9

Е.В. Архипова
СОГЛАСИЕ/НЕСОГЛАСИЕ КАК РЕАКЦИЯ НА КОМИССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 13

З.Э. Бабаева
РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЛАН В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ» 16

Е. Е. Баринова
ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ В ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ 20

О.В. Борзых
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ 28

О.Е. Виноградова
УНИФИЦИРОВАННОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ТИП ЗНАЧЕНИЯ 32

В.В. Головинова, З.Д. Попова
«НЕСТРОГОЕ» УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНА: ФУНКЦИИ, СЕМАНТИКА 35

П.А. Гончаров, Е.В. Куликова
ПОВЕРХ КОНЦЕПТОВ 39

Е.П. Грибова, Ю.Т. Правда
НОВЫЕ И ВОЗРОЖДЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ РЕЛИГИИ 42

Хусейн Кадим Маджди Драйсави, О.Н. Чарыкова
КАЛАМБУРНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАТ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В. МАЯКОВСКОГО 45

Н.Л. Ермолаева
О КУЛЬТУРЕ ГЕРОЯ В ПОЗДНИХ ОЧЕРКАХ И.А. ГОНЧАРОВА 48

А.Ю.Жданова
КОММЕРЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНОГО РЕКЛАМНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ 53

С.А. Заболотная
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕДАЧИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕРЕВОДАХ
С РУССКОГО НА ДРУГОЙ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК 56

О.С. Зубарская
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ЛАОДАМИИ В ДРАМАХ И. АННЕНСКОГО И Ф. СОЛОГУБА 59

Л.А. Литвинова
МЕТОДИКА ОБОБЩЕННОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА 63

Е.Н. Лучинская
АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ 66

К.В. Овсянникова
АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ 69

И.В. Овчинникова
СТЕРНИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ “СОБОРЯНЕ” Н.С. ЛЕСКОВА 72

Н.А. Пителина
ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ И. ГРЕКОВОЙ 76

Ю.В. Пыльнев
ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ В 1865-1866 ГГ. 80

Э.А. Радь
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ» 83

Е.Ю. Садовская
ОЧЕРК. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ 89

М.С. Саломатина
СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ 97

Е.Г. Серебрякова
ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕТИПА КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДИССИДЕНТОВ 100

М.А. Серегина
РЕЧЕВОЙ МЕНТАЛИТЕТ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ 106

А.В. Соснин
ОЧЕРК ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ЛОНДОНА ВРЕМЕН ОСКАРА УАЙЛЬДА 109
Т.Н.Токарева
СЮЖЕТ ИСПЫТАНИЯ ГЕРОЯ В ПОВЕСТЯХ А. ГАЙДАРА 1930-Х ГГ. 115
С.Р. Туманова
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИРИКЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО (1926–1940) 120
А.Б. Удодов
ОБРАЗ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН» КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:
АЛГОРИТМЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ 126
Т.Ф. Ускова
«...НЕОСТЫВШИЙ ПЕПЕЛ НАШИХ СТРОК! » 130
Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун
ОБ АРАБСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА М. ГОРЬКОГО «МАТЬ» 135
Д.Е. Хохонин
НАИМЕНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ 139

ЖУРНАЛИСТИКА 142

А.Е. Богоявленский
ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ В РОССИИ: ОТ «ПЮБЛИСИТЕ» К «ПИАРУ». СТАТЬЯ 1 142
М.В. Выжлаков
МЕДИЙНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ И АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ «В КОНТЕКСТЕ» 146
С.Н. Гладышева
ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ В «ДНЕВНИКЕ ПОЛИТИКА» П.Б. СТРУВЕ (1925-1927) 140
Т.А. Головина
ИНТЕРНЕТ И ИНТЕРЕСЫ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ 154
Т.А. Горюнова
УНИВЕРСАЛИЗМ – ЛОГИКА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОФЕССИИ 158
Е.А. Дранишникова
К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПАРТИЙНОЙ ПРЕССЫ 161
С. Думати
ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА РАЗВИТИЕ ПАЛЕСТИНСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 166
Е.А. Зверева
МОДЕЛЬ «НОВОЙ ИНТЕРАКТИВНОСТИ» В ЖУРНАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ 169
Е.Р. Ким
ВЛИЯНИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА КОРПОРАЦИЙ НА СОЗДАНИЕ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОСТИ 177
Е.В. Костенко
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СЕТЕВОГО ТЕКСТА КАК ОСОБОГО ВИДА ЖУРНАЛИСТСКОГО ТВОРЧЕСТВА 181
Е.Ю. Красова
БРЕНД-ИМИДЖ ВОРОНЕЖА В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН 185
Л. М. Лопатина
ЦВЕТОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ 189
Д.С. Мамутова
БЛОГИ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ 192
А.В. Мацкевич
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТВ ЧФ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОГО СЕГМЕНТА ТЕЛЕВИДЕНИЯ 195
Ю.А. Оганесова
ТЕЛЕДОКУМЕНТАЛИСТИКА КАК ФОРМАТ СОВРЕМЕННОЙ ПРОГРАММЫ ЭФИРНОГО И МЕДИАКОНТЕНТА 198
К. Г. Осипов
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФАХ
НА ПРИМЕРЕ ИНЦИДЕНТА НА АЭС «ФУКУСИМА-1» 201
А.В. Прытков
КВАЛОИД КАК ТИП СМИ 206
В.А. Сидоров
ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ И ФОРМЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ 211
Ж.А. Смаль
ПРЕДМЕТНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧЕРТА ЖУРНАЛИСТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА 217
М.С. Темиров
КОНВЕРГЕНЦИЯ МЕДИАПЛАТФОРМ В АМЕРИКАНСКОМ ИНОВЕЩАНИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕНДЕНЦИИ 220
Е.А. Цуканов, И.В. Цуканова
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АРХЕТИП КАК ОСНОВА ИМИДЖА ТЕЛЕВЕДУЩЕГО: ЧУДЕСНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА
В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА 227
Чан Тхи Хоанг Йен
ВЬЕТНАМ НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ 233
Е.А. Шаркова
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ 239

CONTENT

PHILOLOGY 5

N. Akovantzeva, I. Sternin,T. Timoshina
EXPERIMENTAL DIFFERENTIATION OF SIMILAR MEANINGS 5

O.U.Aleynikov, T.A.Nikonova
PLATONOV FESTIVAL IS READY FOR A DIALOGUE 9

Arkhipova E.V.
AGREEMENT/DISAGREEMENT AS REACTION TO COMMISSIVE SPEECH ACTS IN THE ENGLISH LANGUAGE 13

Z.E. Babaeva
THE REALISTIC PLANE IN N. V. GOGOL'S SHORT NOVEL «THE PORTRAIT» 16

E.E. Barinova
THE CLASSIFICATION PROBLEM IN THE THEORY OF LITERARY GENRES 20

O.V.Borzih
INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF THE STUDY OF COLOR IN THE POETIC TEXT 28

O. E. Vinogradova
UNIFIED LEXICOGRAPHIC MEANING AS A TYPE OF WORD MEANING 32

V.V.Golovinova, Z.D.Popova
"NOT STRICT" USE OF THE TERM: FUNCTIONS, SEMANTICS
(ON THE MATERIAL OF PHYSICAL AND MATHEMATICAL TERMS IN PUBLIC SPEACH) 35

P.A. Goncharov, E.V. Kulikova
OVER THE CONCEPTS 39

E.P.Gribova, Y.T.Pravda
NEW AND REGENERATED NOMINATIONS FOR WOMEN IN THE SPHERE OF RELIGION 42

Draisavi Husein Kadim Madshdi, Charykova O. N.
PUNNING COMPARISON IN REPRESENTATIVE FUNCTION FOR SPECIFICITY OF ART-THINKING OF M. MAYAKOVSKY 45

N.L. Ermolaeva
ABOUT THE CHARACTER'S CULTURE IN THE LATE ESSAYS BY I. A. GONCHAROV 48

A.Yu. Zhdanova
COMMERCIAL AND COMMUNICATIVE EFFECTIVENESS OF PRIVATE ADVERTISEMENTS 53

S.A. Zabolotnaya
THEORETICAL TRANSLATION PREREQUISITES OF ONOMASTIC UNITS FROM RUSSIAN
TO OTHER SLAVONIC LANGUAGES 56

O.S. Zubarskaja
INTERPRETATIONS OF LAODAMIA'S CHARACTER IN THE PLAYS BY I. ANNENSKY AND F. SOLOGUB 59

L.A. Litvinova
METHODOLOGY OF GENERALIZED DESCRIPTION OF LEXICOGRAPHICAL MEANING OF THE LEXEME "VILLAGE"
IN THE ENGLISH LANGUAGE 63

E. Luchinskaya
ACTUALIZATION OF THE AUTHOR'S PERSONALITY IN POST-MODERN DISCOURSE 66

K.V. Ovsiannikova
THE ACTUAL TENDENCIES OF COMMERCIAL NAMES AND ITS CREATION 69

I.V. Ovchinnikova
STERNE'S TRADITIONS IN N.S. LESKOV'S NOVEL-CHRONICLE "SOBORYANE" 72

N.A. Pitelina
CHEKHOV'S TRADITIONS IN I. GREKOVA'S PROSE 76

Y.V. Pulnev
RUSSIAN LITERATURE TEACHING IN THE VORONEZH PROVINCIAL GYMNASIUM IN 1865-1866 80

E.A. Rad
INTERTEXTUAL INTERTWINEMENT IN A. CHEKHOV'S NOVEL «THE BLACK MONK» 83

E.Y. Sadovskaja
ESSAY. DIACHRONIC SEMANTIZATION 89

M.S. Salomatina
SEMANTICS OF ADJECTIVES AS AN OBJECT OF PSYCHOLINGUISTIC DESCRIPTION 97

E.G. Serebrjakova
THE TRANSFORMATION OF THE CIVIL CHARACTER ARCHETYPE IN THE RECOLLECTIONS OF DISSIDENTS 100

M.A. Seregina
THE SPEECH MENTALITY: THE SEMANTIC-PRAGMATIC LEVEL OF FUNCTION (RUSSIAN AND GERMAN PAROIMIAS) . 106

A.V. Sosnin
AN OVERVIEW OF THE LITERARY LIFE IN LONDON IN THE TIME OF OSCAR WILDE 109

T.N. Tokarev
TESTING A CHARACTER IN A. GAIDAR'S SHORT NOVELS 115

S.R. Tymanova
TIME AND SPACE WORLDVIEW IN A. T. TVARDOVSKY'S LYRICS 120
A.B. Udodov
THE IMAGE OF GREGORY MELEHOV IN THE NOVEL «QUIET FLOWS THE DON»
AS THE PHENOMENON OF CULTURE: ALGORITHMS OF MYTH CREATION 126
T.F. Uskova
«...NOT COOL YET ASHES OF OUR LINES!» 130
Al-Masud Mohammed Kadhim Hassoun
ABOUT THE ARABIC TRANSLATIONS OF M. GORKY'S NOVEL «THE MOTHER» 135
D.E. Hohonin
NAMES OF MUSICAL INSTRUMENTS IN METAPHORICAL USE 139

JOURNALISM 141
A.E. Bogoyavlensky
PUBLIC RELATIONS IN RUSSIA: FROM "PYUBLISITA" K. TO "PUBLIC RELATIONS". ARTICLE 1. 141
M.V. Vyzhlakov
THE MEDIA MANIPULATION AND THE COMMUNICATIVE STRATEGY ANALYSIS OF 'IN THE CONTEXT' TALK SHOW 146
S.N. Gladysheva
FOREIGN RUSSIA IN "THE DIARY OF THE POLITICIAN" TO P. B. STRUVA (1925-1927) 150
T. Golovina
WORLD WIDE WEB AND PEOPLE WITH LIMITED PHYSICAL ABILITIES 154
T. Gorjunova
UNIFICATION – THE LOGIC OF JOURNALISM PROFESSION 158
E.A.Dranishnikova
TO THE QUESTION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF THE MODERN PARTY PRESS 161
S. Dumati
INFLUENCE OF THE POLITICAL CONFLICT ON DEVELOPMENT OF THE PALESTINIAN VISUAL DOCUMENTARY
IN THE MODERN WORLD 166
E.A. Zvereva
MODEL OF THE "NEW INTERACTIVITY" IN MAGAZINE SECTOR:
THE TRANSFORMATION OF MEDIA CONSUMPTION POSSIBILITIES 169
E.R. Kim
INFLUENCE OF COMMERCIAL INTEREST OF CORPORATIONS ON CREATION OF THE IMAGE OF THE PRESENT 177
E.V.Kostenko
THE SPECIFIC FEATURES OF THE WEB TEXT AS SPECIAL TYPE OF JOURNALISTIC TEXTS 181
E.Yu.Krasova
BRAND IMAGE OF VORONEZH IN CITIZENS' RATINGS 185
L.M. Lopatina
COLOUR PERCEPTION IN PRINT ADVERTISING 189
D.S. Mamutova
BLOGS AS FORM OF PUBLIC COMMUNICATION 192
A.V. Mackevich
THE EVOLUTION AND DEVELOPMENT OF THE TV CENTER OF THE BLACK SEA FLEET OF RF
AS SPECIFIC SEGMENT OF TV MEDIA 195
Y.A. Oganesova
TELEDOCUMENTARY AS FORMAT OF THE MODERN PROGRAM RADIO AND MEDIA CONTENT 199
K.G. Osipov
SOME ASPECTS OF THE PUBLIC INFORMING ABOUT TECHNOGENIC CATASTROPHES ON THE EXAMPLE
OF THE ACCIDENT AT THE FUKUSIMA NUCLEAR POWER PLANT 201
A.V. Prytkov
QUALOID AS A TYPE OF MEDIA 206
V.A. Sidorov
THE VALUABLE CONFLICT IN MEDIA REALITY AND FORMS OF ITS MANIFESTATION 211
Z.A. Smal
SUBJECT COMPETENCE – THE INTEGRAL LINE OF JOURNALISTIC PROFESSIONALISM 217
M.S. Temirov
THE CONVERGENCE OF MEDIA PLATFORMS IN THE U.S. INTERNATIONAL BROADCASTING: METHODOLOGY
AND TRENDS 220
E.A. Tsukanov, I.V. Tsukanova
MYTHOLOGICAL ARCHETYPE AS FOUNDATION FOR THE ANALYSIS OF TELEVISION PRESENTERS` IMAGE:
MIRACULOUS METAMORPHOSIS OF IMAGE IN MODERN MASS MEDIA 227
Tran Thi Hoang Yen
VIETNAM ON PAGES OF CONTEMPORARY RUSSIAN PRESS 233
E.A. Sharkova
ENVIRONMENTAL JOURNALISM RUSSIA: THE STAGES OF FORMATION 239

УДК 811.111

РАЗГРАНИЧЕНИЕ БЛИЗКИХ ЗНАЧЕНИЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ

© 2012 Н.В. Акованцева, И.А. Стернин, Т.В. Тимошина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 июня 2012

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Теоретические проблемы разработки и создания психолингвистического толкового словаря современного русского языка», № госрегистрации 1204-00128а от 14 марта 2012 НИЧ 12059.

Аннотация: *Предлагается методика дифференциации значений близких слов психолингвистическими методами.*

Abstract: *The method of differentiation of similar meanings by psycholinguistic means is offered.*

Ключевые слова: *психолингвистика, ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение, лексикография*

Keywords: *psycholinguistics, associative experiment, psycholinguistic meaning, lexicography*

Интересной проблемой описания значений слов является проблема психолингвистического описания семантики близких по значению слов. Недавно эта проблема была интересно рассмотрена в работе Я.А. Дударевой [1], в которой было убедительно показано, что не существует абсолютных синонимов для языкового сознания, и такие синонимы как *бегемот-гиппопотам* имеют заметные семантические различия. Сходные проблемы рассматриваются и в работе О.И. Недоступа [2].

В нашей статье рассматриваются значения близких по семантике слов *врач* и *доктор*, *джип* и *внедорожник,* которые практически не различаются по своим семантическим описаниям (лексикографическим значениям) в традиционных толковых словарях. Выдвигается гипотеза, что эти слова будут различаться по своим психолингвистическим значениям, выявленным экспериментальным путем, что позволит дифференцировать их в языковом сознании и реальном коммуникативном употреблении.

Исследование значений слов экспериментальными методами позволяет выявить психологически реальные значения исследуемых единиц, представленные в языковом сознании носителей языка. Такие значения обозначаются нами как *психолингвистические значения* [3].

По результатам свободного ассоциативного эксперимента и семантической интерпретации его результатов (о методике см. [3]) были получены следующие семные описания исследуемых значений (представим их в виде таблицы, расположив совпадающие семы двух значений напротив друг друга, а несовпадающие выделив отдельной строкой): *см. табл. 1.*

Сопоставление психолингвистических значений исследуемых слов дает возможность сделать следующие выводы.

Значения слов *врач* и *доктор* заметно различаются по семантике. Их синонимические отношения необратимы: слово *врач* в большей степени толкуется через *доктор*, чем *доктор* – через *врач, лекарь, медик*.

В значении *врач* есть сема *профессиональный работник*, у *доктора* –нет.

В значении слова *врач* больше сем, характеризующих конкретную специализацию врача, и эти семы заметно ярче. В значении *доктор* на втором месте стоматолог, потом терапевт, у врача – наоборот.

Доктор работает в больнице или поликлинике, врач – только в больнице.

Действия врача и доктора также имеют определенные отличия: – *врач* избавляет от боли 3 и болезней 2, возвращает здоровье 1 и жизнь 1; *доктор* – помогает 1 сохранить здоровье 2, спасает 1.

Аналогично, *врач* дает таблетки 1, использует градусник 1, стетоскоп 1, скальпель 1, мензурку 1, а *доктор* – дает таблетки 1, лекарства 1, назначает уколы 1. Доктор более абстрактно воспринимается языковым сознанием в функциональном плане, зато сема *в белом халате* у доктора в 3,5 раза ярче, чем у врача.

© Н.В. Акованцева, И.А. Стернин, Т.В. Тимошина, 2012

При этом доктор добрый 1, бедный 1. К *доктору* не хочется ходить 2, а у *врача* такой семы нет. Но при этом требование «должен иметь призвание от бога 2» относится к врачу, а не доктору.

Врач при этом оценивается негативнее, чем доктор с моральной точки зрения – 5. Врач вызывает большее неодобрение – 5 (*плохой 1, зло 1, взятки 1, халтура 1, оборотень 1*) , а доктор только 1, зато какое – (*извращенец*).

Врач более тесно связывается языковым сознанием с окружающей его действительностью – *медбрат 1, лаборант 1, запах лекарств 1.*

При этом оба значения идентифицируются в сознании носителей языка не конкретными врачами, а прецедентными именами – популярными врачами: – Эскулап 3, Айболит 1, доктор Хаус. Интересно, что оба слова совсем не идентифицируются в сознании испытуемых с реальными врачами – например, возможные варианты – *мой, наш, участковый* и под.

Оценочность и эмоциональность обоих слов примерно совпадают, оба слова полиоценочны и полиэмоциональны.

На стимул *доктор* испытуемые дали в 4 раза больше отказов, в числе реакций есть есть эхореакция, ложная сема – *Дуллитл.*

Следовательно, значение слова доктор хуже освоено языковым сознанием носителей языка. При этом оно многозначно, есть значение *доктор наук,* в то время как слово *врач* – однозначно.

Семантика слова *доктор* более абстрактно, отстраненно воспринимается языковым сознанием в функциональном плане, это слово хуже освоено языковым сознанием, используется в основном в виде обращения, а слово *врач* ближе языковому сознанию, лучше освоено, в нем больше сем и выше их яркость.

См. табл. 2.

В Большом толковом словаре русского языка под ред. Кузнецова С.А. [4] слова *джип* и *внедорожник* выступают как синонимы:

ВНЕДОРОЖНИК, -а; *м. Разг.* Легковой автомобиль повышенной проходимости; джип.

ДЖИП, -а; *м.* [англ. jeep]. *Разг.* Легковой автомобиль повышенной проходимости; внедорожник.

Испытуемые также толкуют одно слово через другое, но синонимические отношения этих слов в сознании испытуемых явно асимметричны:

ДЖИП – то же, что внедорожник **2;**

ВНЕДОРОЖНИК – то же, что джип **24.**

Таким образом, *джип* – более употребительное слово, менее употребительное *внедорожник* толкуется через него, но не наоборот.

Сема *повышенная проходимость* ярче выражена у лексемы *внедорожник.*

Одной из отличительных черт лексемы *джип* является сема *свидетельствует о высоком статусе владельца* 3, которая отсутствует у лексемы *внедорожник.* Важно и то, что *джип дорого стоит* 9, в то время как для внедорожника это менее существенный признак – *дорогой* 1.

Для определения *джипа* важен *цвет* 11, чаще всего *черный* 7. Он имеет *тонировку* 2.

Внедорожник полноприводный 2, *с фарами* 2, его использует *патруль* 1. Он *участвует в соревнованиях* 1, *дает чувство свободы* 1

Одобрительные реакции чаще вызывает у испытуемых именно *джип*, *внедорожник* практически не оценивается.

В качестве идентификации *джипа* приводятся дорогостоящие иномарки (Ленд Ровер 1, Мерседес 1, Хаммер 1), а внедорожника – и отечественные марки, относительно недорогие (*УАЗ 5; Нива 3; ВАЗ 1, УАЗ «Козел» 1*).

Таким образом, слово *джип* обозначает престижную дорогостоящую модель автомобиля, положительно оцениваемую языковым сознанием, *внедорожник* же – это преимущественно просто автомобиль высокой проходимости. Слово *внедорожник* – разговорное.

Разумеется, многие выявленные различия, особенно в единичных и малочастотных реакциях, могут оказаться случайными, так как они существенно зависят от состава испытуемых, и новые эксперименты могут скорректировать полученную картину. Но тенденции к дифференциации этих значений в языковом сознании носителей языка, на наш взгляд, вырисовываются достаточно отчетливо. Таким образом, лексемы *врач* и *доктор, джип* и *внедорожник* не являются в русском языковом сознании абсолютными синонимами.

В целом, экспериментальное описание значений слов в языковом сознании носителей языка убедительно доказывает отсутствие в языке такой лексической категории, как абсолютные синонимы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дударева Я.А. Номинативные единицы с близким значением как компоненты ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка. – Автореф. дисс. ... канд. .филол. наук / Я.А. Дударев. – Кемерово, 2012. – 23 с.

2. Недоступ О.И. Семантически тождественные синонимы-существительные в лексикографическом аспекте. – Автореф. дисс. ..канд. филол. наук / О.И. Недоступ. – Новосибирск, 2011. – 24 с.

3. Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание. Теоретические проблемы / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Lambert Academic Publishing : Saarbr cken, 2011. – 192 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / [под ред. С.А. Кузнецова]. – СПб. : Норинт, 2008. – 536 с.

Таблица 1

Врач	Доктор
То же что доктор 30, лекарь 3, медик 1 профессиональный работник 5 здравоохранения 2 по специальности хирург 9, терапевт 6, стоматолог 3, гинеколог 1, дерматолог 1, педиатр 1 женского пола 1 работает в больнице 6	То же, что врач 25, лекарь 1 медицинский работник 2 по специальности хирург 3, стоматолог 3, терапевт 1, лор 1
лечит людей 9 избавляет от боли 3 и болезней 2 возвращает здоровье 1 и жизнь 1 ходит в белом халате 2 дает таблетки 1, использует градусник 1, стетоскоп 1, скальпель 1, мензурку 1 должен иметь призвание от бога 2	– работающий в больнице 5 или поликлинике 1 лечит 5 больных 7 помогает 1 сохранить здоровье 2 спасает 1 в белом халате 7 дает таблетки 1, лекарства 1, назначает уколы 1
– – – вызывает неодобрение 5 (плохой 1, зло 1, взятки 1, халтура 1, оборотень 1)	– добрый 1 бедный 1 не хочется к нему ходить 2 вызывает неодобрение 1 (извращенец)
– устойчивые сочетания 1 – главный врач элементы окружающей действительности - мед-брат 1, лаборант 1, запах лекарств 1 идентификация - Эскулап 3, Айболит 1	вызывает одобрение 2 (друг, хороший), - - идентификация 2 – доктор Хаус, доктор Айболит
неоценочное 95, одобрительное 7, неодобрительное 5	неоценочное 74, одобрительное 5, неодобрительное 3
неэмоциональное 98, положительно-эмоциональное 7, негативно-эмоциональное 2	неэмоциональное 78, положительно-эмоциональное 3 отрицательно-эмоциональное 1
межстилевое СИЯ -107 –	межстилевое СИЯ 82. 2. Человек с ученой степенью доктора наук
	Человек с ученой степенью доктора наук 6, преподаватель 1. Идентификация 1– Дуллитл (контаминация с профессором Хиггинсом) профессор) Неоценочное, неэмоциональное. Разговорное Сия 8
Неактуально – 2 отказа Не интерпретировано - нет	Неактуально – 9 отказов Не интерпретировано – 1 (доктор)

Таблица 2

Джип 100	Внедорожник 103
То же, что внедорожник 2 машина 43 большая 8 повышенной проходимости 5 дорогостоящая 9 черная 7, красная 2, зеленая 2 – тонированная 2 - свидетельствует о высоком статусе владельца 3 - владелец - лысый мужик 1 - - - вызывает одобрение 10 - сочетаемость 1- русский 1 идентификация 3 – Ленд Ровер 1, Мерседес 1, Хаммер 1 неоценочное 88, одобрительное 6, - неэмоциональное 88, положительно-эмоциональное 6 - межстилевое	То же, что джип 24, вездеход 2 автомобиль 30 большой по размеру 8 высокой проходимости 12 дорого стоит 1 – полноприводный 2 - с фарами 1 - на нем ездит дорожный патруль 1 - участвует в соревнованиях 1 дает чувство свободы 1 противостоит «Оке» 1 вызывает одобрение 2 вызывает неодобрение 1 – Идентификация 17: УАЗ 5; Хаммер 4; Нива 3; ВАЗ 1, Ленд Ровер 1, УАЗ «Козел» 1, BMW 1, Land Cruiser 1 неоценочное 84, одобрительное 15, неодобрительное 1 неэмоциональное 97, положительно-эмоциональное 2 отрицательно-эмоциональное 1 разговорное

Воронежский государственный университет, Стернин И.А., профессор кафедры общего языкознания и стилистики, sterninia@mail.ru
Воронежский государственный университет, Акованцева Надежда Валерьевна, преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики nadin007_2002@mail.ru
Воронежский государственный педагогический университет,
Тимошина Татьяна Витальевна, доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы,
tavit-ra@mail.ru

Voronezh State University, Sternin I.A., professor of the department of general linguistics and stylistics, sterninia@mail.ru
Voronezh State University, N.V.Akovantzeva, teacher of the department of general linguistics and stylistics, nadin007_2002@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University, T.V.Timoshina, assistant professor of the department of general linguistics, history and didactics of Russian and literature
tavit-ra@mail.ru

УДК 821.161.1.09

ПЛАТОНОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ОТКРЫТ К ДИАЛОГУ

© 2012 О.Ю. Алейников, Т.А. Никонова

Воронежский государственный университет

Материал поступил в редакцию 28 мая 2012 г.

Аннотация: *статья посвящена Международному Платоновскому фестивалю, крупнейшему научно-просветительскому проекту, реализованному в русской провинции, и проходившим в его рамках VII Платоновским чтениям*

Ключевые слова: *литературоведение, Международный Платоновский фестиваль, VII Платоновские чтения*

Abstract: *The article deals with the International Platonov Festival, the greatest scientific-educational project realized in Russian province, and VII Platonov Readings which were timed to this Festival.*

Key words: *literary studies/criticism, the International Platonov Festival, VII Platonov Readings.*

Немного истории. Осенью 1999 года, встречая столетие Андрея Плато-нова в родном городе писателя, исследователи, приехавшие на юбилей из разных стран, предложили создать постоянно действующий Платоновский форум, чтобы «творческие люди со всей планеты» могли обмениваться на воронежской земле профессиональным опытом по изучению и освоению ху-дожественного наследия Андрея Платонова.

Тогда казалось: все это задумано на достаточно отдаленную перспективу, однако сегодня можно сказать, что, разумеется, сбылись не все ожидания юбилейного года, но сделано для их осуществления немало.

В 1999 г. было создано (и посейчас продолжает свою деятельность) Международное научное Платоновское сообщество, объединяющее ученых из Великобритании, Германии, Нидерландов, Польши, России, США, Франции, Японии. С 2000 г. в Воронежском государственном университете, помимо коллективных сборников, к изданию которых воронежские исследователи приступили в 1970 м году, начал выходить информационно-справочный бюллетень «Платоновский вестник», освещающий заметные события из жизни сообщества: постоянно действующие экспозиции, спектакли, поставленные по произведениям Платонова, семинары и конференции, новые издания, посвященные жизни и творчеству теперь уже признанного классика русской литературы (уже выпущено четыре номера бюллетеня).

Благодаря эффективному сотрудничеству специалистов из ИМЛИ РАН с коллегами из ВГУ и других академических центров продолжается изыскательская практика, составляется источниковедческая карта произведений писателя, выходят коллективные сборники трудов, включающие публикаторские разделы, построенные на архивных материалах, хранящихся в Пушкинском Доме, РГАЛИ, ГАВО, ГАОПИВО и др. Ценные сведения содержат выпуски «Страны философов Андрея Платонова», подготовленые в ИМЛИ. Выдержала испытание временем серия «Творчество Андрея Платонова», выходящая в ИРЛИ.

Накопление фактических знаний о жизни и творчестве писателя, новые публикации и комментарии, осуществленные за последние два десятилетия, в немалой степени способствовали реализации идеи большого Форума, способного объединить творческие усилия деятелей науки и культуры.

В мае 2010 г. правительством Воронежской области был учрежден Международный фестиваль искусств для «сохранения и распространения литературного и духовного наследия Андрея Платонова», а также «с целью укрепления и развития межрегиональных и международных культурных связей».

И уже через год Международный Платоновский фестиваль собрал в Воронеже известных литературоведов и мастеров современного искусства.

Масштаб события впечатляет. В музеях и выставочных залах Воронежа состоялось шесть экспозиций и вернисажей. С 4 по 17 июня 2011 г. зрители увидели 15 спектаклей, подготовленных 10 театральными коллективами из России, Латвии, Великобритании и Франции. В фестивале приняли участие известные солисты-исполнители из 11 стран, 18 творческих групп. Среди них – государственный симфонический оркестр «Новая Россия» во главе с его художественным руководителем и дирижером Юрием Башметом,

© О.Ю. Алейников, Т.А. Никонова, 2012

квартет имени Бородина, Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, камерный оркестр «Кремерата Балтика», немецкий виолончелист Давид Герингас, английский пианист Фредерик Кемпф, латвийский скрипач Гидон Кремер, Театр-студия Олега Табакова, Театр Наций, новосибирский театр «Глобус», воронежские театр кукол им. Валерия Вольховского и театр драмы им. Алексея Кольцова.

«Платоновская» театральная программа состояла из произведений, созданных на основе литературного наследия писателя, либо посвященных его творчеству.

Музыкальный репертуар составлялся с учетом поэтики А. Платонова. Звуковую палитру XX века передавали шедевры Бруха, Вольфа, Гершвина, Прокофьева, Рахманинова, Стравинского, Хиндемита, Шостаковича...

Именно «платоновская тема» – эстетика, феноменология личности и творчества обреченного на трагическую жизнь «гениального художника, обогнавшего свое время», – неизменно составляла грандиозную внутреннюю тему международного Форума, показавшего разнообразие созвучий художе-ственных решений писателя с театральным, изобразительным, музыкальным искусством разных народов.

Нарастающая волна интереса к А. Платонову в ближнем и дальнем зару-бежье формировала особую атмосферу Форума. На приглашение принять участие в VII Платоновских Чтениях, приуроченных к Фестивалю, откликну-лись известные российские и европейские литературоведы, интенсивно рабо-тающие над платоновскими текстами.

Активное изучение творчества писателя на его родине и за рубежом началось в начале 1960 х, тогда же были заложены основы современного платоноведения, осмысляющего присутствие писателя и в русской литературе, и в культуре XX века в целом. В связи с этим участникам Чтений, прошедших в Воронежском государственном университете с 7 по 9 июня 2011 года, было предложено обсудить довольно широкую проблему – «Андрей Платонов и культура его времени» – и попытаться наметить возможные перспективы ее разработки.

Ставя перед участниками Чтений такую задачу, организаторы учитывали достижения современного платоноведения, и не в последнюю очередь работы тех, кто приехал в Воронеж в дни фестиваля. На современном этапе в общую задачу исследований входит не только систематизация отдельных реалий и текстологических данных, но и постижение их совокупности, внутренней связи, анализ их места и роли в реализации художественного замысла.

Можно назвать целый ряд ученых, предлагающих новые аспекты соотношения платоновского наследия с литературой его времени. В немалой степени с их помощью изучение творческого наследия писателя из периода «ознакомительного», выясняющего масштаб и размеры его художественной вселенной, перешло в стадию академического, планомерного изучения феномена А. Платонова с применением самых разных, в том числе и современных писателю, методик. Так, д.ф.н. Д.С. Московская (ИМЛИ), разрабатывая локальный метод в литературоведении Н.П. Анциферова, создававшийся в 1920–1930 е годы, возвращая его в научный обиход, предложила посмотреть на художественный хронотоп (бахтинский термин, освоенный литературоведением с 1960 х гг.) эпохи через «легенду местности». Воронежская топонимика, отмечает исследователь в своих работах, размыкает рамки повествования, делая художественный текст частью национальной истории и культуры. Исследовательница обратила внимание на подвижность, динамичность средств художественной выразительности, взаимосвязь эмпирического материала, фабульного фона (couleur locale) с темой всеобъемлющей «власти земли», традиционно раз-рабатывавшейся русской литературой. Ее новые модификации в XX веке предложил А. Платонов. Одной из важных проблем современного платоноведения, т. о., является комментирование текстов писателя, которые тесно связанны с Черноземьем не только топикой и лексикой, но и конкретными событиями, которые легли в основу платоновских сюжетов.

Заметим, что проблема комментирования платоновских текстов осозна-ется платоноведением в целом едва ли не как первоочередная. Так, на Чтени-ях была заявлена тема доклада проф. Т.М. Вахитовой (ИРЛИ) «Местнография “Котлована”». Разрабатывается эта тема и воронежскими исследователями (краеведческий аспект изучения творчества А. Платонова был заявлен в докладах доц. Е.Е. Роговой и доц. М.А. Слинько (ВГПУ)). Известны в платоноведении разыскания доц. О.Ю. Алейникова (ВГУ), позволяющие по-новому увидеть, более точно комментировать хорошо известные платоновские тексты. Не случайно О.Ю. Алейников привлечен к комментированию и атрибуции платоновских текстов в научном собрании сочинений писателя, над которым работает платоновская группа ИМЛИ (Москва). На Чтениях, опираясь на вновь полученные материалы, он рассказал о причинах обращения А. Платонова к кинематографу. Уточняя вопрос о причинах обращения писателя к ресурсам немого и звукового кино, о кинематографичности стиля А. Платонова, О.Ю. Алейников анализировал природу советских

киномифов 1930 х годов и платоновские реакции на преднаходимые сценарные решения. Исследователь из Белоруссии Л.В. Камлюк-Ярошенко (Минск) ставила вопрос еще шире, рассматривая в своем докладе проблему неомифологизма как культурно-исторический феномен 1920–30 х годов и как важнейшую тенденцию творческих стратегий А. Платонова.

О новизне и актуальности представленных на Чтениях докладов позволяет судить конструктивный диалог, возникавший в их ходе. Так, обращаясь к тексту повести «Котлован», немецкий исследователь Х. Гюнтер (Биллель-фельд) в докладе «Место абсурда в творчестве А. Платонова» развивал мысль о «частичном совпадении эстетики и поэтики» писателя с «Новой Вещественностью», которая развивалась в немецкой живописи, кинематографии и прозе второй половины 1920 х годов.

Содержательный диалог состоялся между Ч. Андрушко (Познань) и Л.И. Шишкиной (С.-Петербург) при обращении к тексту повести «Эфирный тракт». Рассматривая это произведение «в свете оккультизма», польский исследователь предложил систему доказательств, основанных на понимании оккультизма как «синкретического явления мировой культуры». В своем анализе повести «Эфирный тракт», опираясь на работы С. Семеновой о наследии религиозного философа Н. Федорова, Л.И. Шишкина исходила из принятых в современной науке представлений о «русском космизме». Столь разные подходы к предмету исследования, по замечанию принявшей участие в дискуссии Т.А. Никоновой (Воронеж), подтвердили методологически продуктивную мысль о «"многослойности" платоновской поэтики, синтези-рующей приемы различных художественных систем».

Наглядным подтверждением сказанного послужило выступление К.Д. Гордович (С.-Петербург), рассматривавшей «среднеазиатские» произведения А. Платонова в контексте литературы и публицистики 1930 х гг.

Программа научных Чтений, приуроченных к Фестивалю искусств, была бы неполной без анализа драматургии А. Платонова. С интересным докладом

«Пьеса Платонова «Высокое напряжение» в контексте творчества писателя и литературном контексте начала 1930-х гг.» выступила Н.М. Малыгина (Москва), давно и продуктивно работающая над освоением наследия писателя.

О «скрытых сюжетах военной прозы» А. Платонова в свете национальной традиции интересно говорила И.А. Спиридонова (Петрозаводск), вступая в диалог с Р.С. Переславцевой (Воронеж), увидевшей в «сокровенности» и «простодушии» платоновских героев «варианты сохранения человеческого начала на войне».

Демонстрируя прекрасное знание источников, Е.И. Колесникова (СПб) обращается к изучению «малой прозы» Платонова 1920–1930 х годов и выявляет «основные художественные константы» платоновских произведений, антропологические модели героев. Анализирует «ментальные стереотипы» в творчестве А. Платонова Н.С. Цветова (СПб).

Говоря о достижениях платоноведения последних десятилетий XX века, нельзя не сказать о чрезвычайно весомом научном вкладе Платоновской группы этого академического института, об организаторской работе чл. корр. РАН Н.В. Корниенко, руководителя этого коллектива, в деле издания архивных и исследовательских материалов. Благодаря поиску и описанию в ведомственном архиве новых документов и фактов, предпринятому ими с конца 1980 х гг., а также кропотливой работе по изучению и обнародованию рукописного наследия А. Платонова, прежде запрещенного к публикации, в научный оборот введены многочисленные тексты и документы, значимые историко-литературные и текстологические факты. Доклады, подготовленные сотрудниками ИРЛИ РАН и представленные на Чтениях, отличались содержательной новизной, кон-цептуальностью.

Одной из важнейших задач современной науки о Платонове является описание и обнародование «семейного архива», в драматичных обстоятельствах переданного на хранение в ИМЛИ РАН, подготовка Научного собрания сочинений писателя. Этим вопросам был посвящен иллюстрированный цифровыми фотографиями и новыми документами доклад члена-корреспондента РАН Н.В. Корниенко, руководителя Платоновской группы ИМЛИ, и Е.В. Антоновой, хранителя платоновского архива (Москва). Исследователи рассказали об основных этапах работы с материалами, поступившими в отдел рукописей института, в том числе «ранее неизвестными и научно не отрефлектированными», о принципах их описания и публикации. Доклад уместно сопровождался критикой устаревших методов анализа платоновского творчества, в связи с разработкой «идеологии реального комментария». Согласно Н.В. Корниенко, работа над платоновским архивом сопровождается переос-мыслением многих положений прежней интерпретаторской практики, пере-оценкой источниковых ресурсов его творчества. Практика комментирования вводимого в научный оборот прозаического и эпистолярного наследия А. Платонова «обнажила серию еще не поставленных вопросов поэтики», за-острила задачи подробного документирования реальной биографии писа-теля.

Откликаясь на поставленные проблемы, профессор Оксфордского университета Р.Ф. Буллок говорил о современной рецепции платоновских текстов в Великобритании. Исследователь русской литературы и культуры полагает, что творчество писателя еще только начинает открываться зарубежному читателю, так как многие его «произведения не переведены, а некоторые рукописи еще вводятся в научный оборот: «Самые известные тексты не совпадают с рукописями, и очень трудно понять, что мы до сих пор читаем писателя такого масштаба, как Платонов, в ненадежных текстах». Ученый остановился на особенностях перевода «неправильностей» платоновской речи, возникающей в результате «сдвига» лексико-семантических пластов слова, «привычной сочетаемости» понятий.

Молодые воронежские исследователи продемонстрировали непреходя-щую актуальность аксиологического подхода к произведениям А. Платонова.

Н.А. Власова анализировала «детские» рассказы писателя, увидев в них отражение платоновских размышлений о главных ценностных категориях – семье, жизни/смерти, родстве/сиротстве. А.Ю. Грязнова, обратившись к такой хорошо изученной образно-семантической «паре», как «человек+машина», убедительно показала ее обусловленность мировоззренческими исканиями писателя, соединившего в себе технократические увлечения эпохи и гуманистические ценности русской классики.

С интересным докладом о биографических и творческих схождениях про-заика А. Платонова и художника П. Филонова выступила сотрудник государственной Третьяковской галереи И.А. Пронина, дополнив известные факты новыми архивными материалами. Важная подробность, передающая атмосферу Фестиваля и Чтений: обсуждение доклада состоялось в музее изобразительных искусств им. Крамского, где к Платоновскому фестивалю были развернуты экспозиции «Путешествие в человечество. Эпоха Платонова в произведениях живописи из собрания Государственной Третьяковской галереи» и «Время Платонова. Борис Игнатович. Из собрания Музея Московского Дома фотографии».

Итоги Чтений подводились за «круглым столом» в воронежском «Арт-Отеле». Отмечалась доброжелательная дискуссионность, конструктивный об-мен мнениями, наблюдениями и гипотезами. Наряду с достижениями науки об А. Платонове, в ходе обсуждения докладов очевиднее стали и недоработки прошлых лет. Принято решение опубликовать в цифровом разрешении и прокомментировать основной массив особо ценных документов, хранящихся в ГАВО и ГАОПИВО.

Участники и гости Чтений единодушно оценили Международный Платоновский фестиваль как крупнейший научно-просветительский проект, реализованный в русской провинции. В июне 2012 г. он будет продолжен. Отрадно, что выработанные в ходе Чтений рекомендации и решения выполняются. Уже подготовлено к печати уникальное издание – факсимильное воспроизведение автографов А. Платонова воронежского периода, намечен семинар-мастерская по переводу его произведений на европейские языки. В 2013 году платоноведы намерены провести очередные – VIII – Платоновские Чтения, в ходе которых будут разрабатываться новые исследовательские стратегии, вводиться в научное изучение открывшиеся материалы, продолжится диалог, который ведет с читателем наш великий земляк Андрей Платонов.

Алейников Олег Юрьевич. Воронежский государственный университет, филологический факультет, кафедра русской литературы XX-XXI веков, доцент. e-mail: nikonova@phil.vsu.ru

O.U.Aleynikov, Voronezh State University, Philological faculty, Department of Russian litera-ture of the XX-XXI-st centuries , associate professor
e-mail: nikonova@phil.vsu.ru

Никонова Тамара Александровна. Воронежский государственный университет, филологический факультет, кафедра русской литературы XX-XXI веков, заведующий кафедрой, профессор. e-mail: nikonova@phil.vsu.ru

T.A.Nikonova, Voronezh State University, Philological faculty, Department of Russian litera-ture of the XX-XXI-st centuries , professor
e-mail: nikonova@phil.vsu.ru

УДК 811.111.(043.3)

СОГЛАСИЕ/НЕСОГЛАСИЕ КАК РЕАКЦИЯ НА КОМИССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2012 Е.В. Архипова

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 20.6.2012

Аннотация: *Целью данного исследования является установление особенностей функционирования и классификация основных средств выражения реакции согласия/несогласия на комиссивные речевые акты в эпизодах речевого общения. В работе выявляется и дается описание модели эпизода общения "комиссив – согласие/несогласие". Материалом исследования послужили художественные произведения современных британских авторов.*

Ключевые слова: *речевое общение, согласие/несогласие, комиссивные речевые акты, эпизоды общения, адресат, адресант.*

Abstract: *The aim of this study is to define the way agreement/disagreement functions as reaction to commissive speech acts in episodes of communication and classification of the major means of its realization. The model of episode of communication "commissive – agreement/disagreement" is described in the article. Works by modern British authors constituted the subject for study.*

Key-words: *communication, agreement/disagreement, commissive speech acts, episodes of communication, addressee, addresser.*

В процессе речевого общения возникновение реакции согласия / несогласия инициируется предшествующим высказыванием адресанта ($А_1$), который использует различные языковые средства с целью речевого воздействия на адресата ($А_2$). Коммуникативная цель последнего состоит в том, чтобы выразить свою точку зрения, сходную либо противоположную, по отношению к предыдущему высказыванию адресанта. Таким образом, речевой акт согласия / несогласия (РА с/н) представляет собой реагирующий речевой акт, который выражает положительную либо отрицательную реакцию адресата на предшествующий акт, что находит в речи определенное языковое воплощение.

Исследование практического материала выявило эпизоды общения, где речевой акт согласия / несогласия инициируется комиссивными речевыми актами (КРА). Комиссивы представляют собой речевые акты, в которых говорящий принимает на себя обязательства совершить некоторое будущее действие, что представлено в пропозициональном содержании его высказывания. К речевым актам данного класса принадлежат обещания, клятвы, заверения и т.д.

Согласно результатам анализа практического материала, эпизоды общения, в которых согласие / несогласие инициируется комиссивными речевыми актами, могут развиваться следующим образом: $А_1$ принимает на себя обязательства совершить некое действие либо следовать определенной линии поведения и информирует $А_2$ о своем намерении. Реакция согласия возникает при наличии у $А_2$ заинтересованности или потребности в исполнении действия $А_1$. Например:

"...I'll come and help you get comfy. After a Caesarian you need a bit of help." – "All right," Ruth said [1, 72]. – *'... Я приду и помогу устроиться. После кесарева сечения тебе понадобится помощь' – 'Хорошо,' сказала Рут.'*

Помимо этого, $А_2$ может оценить предполагаемое действие с точки зрения его обязательности / необязательности, целесообразности / нецелесообразности, уместности / неуместности.

Если адресат в силу каких-либо обстоятельств не заинтересован в выполнении адресантом действия, либо в данном действии нет необходимости, то он выражает свое отрицательное отношение на обязательство $А_1$ совершить или не совершать указанное действие. Например, в следующем ЭО $А_2$ реагирует отрицательно на обещание его собеседника, поскольку в выполнении обещания нет потребности:

"I'll pay you. I promise." – "Don't bother. The company will put it on the account." [2, 17]. – *'Я заплачу, обещаю' – 'Не беспокойся, фирма оплатит'.*

© Е.В. Архипова, 2012

Если адресата не устраивает либо ему непонятен какой-то момент, то возникает реакция корректирующего либо уточняющего характера. И только после прояснения вопросов, интересующих A_2, возникает реакция согласия или несогласия. Например, в следующем эпизоде на обещание A_1 встретить своего собеседника на вокзале последний осведомляется о наличии возможности у A_1 для этого. Получив утвердительный ответ, A_2 реагирует положительно:

"... I'll come and meet you at the station." – *"And what about your job? Will you be free?"* – *"I'll be free."* – *"Well, Ok then. ..."* [3, 12]. – *'... Я приеду на вокзал проводить тебя' – 'А как же твоя работа? Ты будешь свободна?' – 'Я буду свободна' – 'Ну, тогда хорошо'.*

Положительный или отрицательный ответ A_2 может, в свою очередь, каузировать ответный ход A_1. Это происходит в тех случаях, когда адресанту не ясны причины возникновения, например, реакции несогласия, либо он не до конца уверен в положительном ответе A_2.

Таким образом, наиболее полная модель ЭО, в котором реакция согласия/несогласия инициируется КРА, может быть представлена следующим образом:

A_1 – КРА

A_2 – уточнение (идентификация причин появления комиссивного РА, целей, обстоятельств или возможностей для его реализации)

A_1 – реакция на уточняющий шаг A_2

A_2 – РА с/н

A_1 – запрос обоснования согласия / несогласия (необязательный шаг)

A_2 – обоснование согласия / несогласия (необязательный шаг, зависит от появления шага 5).

К наиболее распространенным относятся эпизоды, состоящие из шагов 1 и 4, а также 1, 4 – 6.

Языковые ресурсы выражения реакции согласия/несогласия на комиссивные речевые акты можно сгруппировать следующим образом.

1. Средства, не содержащие названия действия или указания на него.

К ним относятся *Yes/No (Да / Нет), okay (идет, ладно), all right (хорошо), certainly (безусловно), of course (конечно), good (хорошо), nice (хорошо), wonderful (прекрасно), not bad (неплохо).* Основное свойство данных средств в качестве способов выражения согласия/несогласия на комиссивный речевой акт – это неспособность указывать на планируемое действие A_1.

"I'll tell you everything this evening after supper!" – *"Okay, Cousin Eunice."* [4, 42]. – *'Вечером, после ужина, я все тебе расскажу' – 'Хорошо, кузина'.*

Основное их назначение заключается в фиксации положительного или отрицательного отношения A_2 к указанному действию.

Средства выражения согласия/несогласия данной группы являются наиболее употребительными. Основной сферой их функционирования являются эпизоды неофициального общения, построенные по свободной форме ритуальности и неформализованной форме этикетности. Статусы участников общения могут быть как равнозначными, так и ассиметричными. Тем не менее, как показал анализ практического материала, вышеупомянутые средства довольно часто встречаются и в эпизодах официального общения, что объясняется их нейтральным характером.

2. Средства, выражающие согласие/несогласие через оценку планируемого действия. К таким средствам относятся конструкции *That's a good / brilliant / bad / stupid idea (Хорошая / прекрасная / плохая / глупая идея); That will / would be nice / lovely (Было бы славно / отлично); That's ridiculous / silly (Смешно / глупо).* К основным характеристикам данных средств относятся возможность указания на действие, заявленное в пропозициональном содержании инициального высказывания, а также эксплицитное указание на предполагаемое действие (*That ... – Это...*).

"... And I'll give you good references. The best" – *Ruth nodded. "That would be lovely. Thanks."* [1, 29]. – *'Я дам тебе хорошие рекомендации. Самые лучшие' – 'Было бы славно. Спасибо'.*

Хотя сфера употребления подобных конструкций не ограничена, и практический материал показал возможность их функционирования в эпизодах официального и неофициального общения, тем не менее, преобладающее число примеров относится к официальному стилю общения.

3. Свободно конструируемые высказывания, которые выражают согласие/несогласие ситуативно. К таким средствам относятся реплики следующих типов:

Реплики-обоснования. В подобных репликах A_2 одобряет планируемое A_1 действие либо возражает против него. Такая реакция может сопровождаться объяснением причины положительной или негативной реакции A_2. Информированность коммуникантов друг о друге делает возможным адресату эксплицировать только обоснование своей реакции. Например: *"I promise it'll all be over in a minute"* – *"I wanted a natural birth..."* [1, 65].

Реплики-альтернативы. В случае, когда A_2 не согласен с планируемым действием A_1 или намеченной линией поведения, то им выдвигается предложение альтернативного действия: *"... I'll stay here with you"* – *"Better go..."* [5, 598]. – *'... Я останусь здесь с тобой' – 'Лучше уходи'.*

Реплики-оценки. В подобных репликах содержится критика в отношении инициального лица, его высказывания, указание на своевременность / несвоевременность предлагаемого

действия, акцент на его целесообразность либо нецелесообразность. Например: *"... I won't meet him anymore, I promise, Mum."* – *"Clever of you..."* [3, 48]. – *'Я не буду больше с ним встречаться, обещаю, мам'* – *'Умно...'*.

Реплики-подхваты. С помощью подхватов, которые вводятся союзом and, адресатом выражается положительная реакция со значением уточнения или дополнения: *"...I'll order the carpets at the same time."* – *"And tiles or vinyl for the kitchen," Ruth said wearily.* [1, 57]. – *'... Заодно закажу и ковры'* – *'И еще плитку или обои для кухни,' устало сказала Рут'*.

Реплики-подхваты, которые вводятся союзом but, представляют собой негативную реакцию со значением возражения: *"I'll stay here until Razzy comes back."* – *"But Dr. Potter-Phipps may be away all night."* [6, 102]. – *'Я подожду здесь пока Рэзи не вернется'* – *'Но доктора Поттер-Хипса может и не быть весь вечер'*.

В качестве средств выражения согласия/несогласия на комиссивные речевые акты свободно конструируемые высказывания достаточно редки. Что касается сферы их употребления, то она ограничивается эпизодами неофициального общения.

Результаты, проведенного нами анализа показали, что реакция согласия / несогласия на комиссивные речевые акты возникает, в основном, в эпизодах неофициального общения, при любых значениях статусности коммуникантов. Подобный факт можно объяснить тем, что в случаях с инициальными комиссивными речевыми актами адресат не является предполагаемым исполнителем, а тем, кто оценивает планируемое действие. Следует также отметить, что выбор языковых средств выражения согласия / несогласия детерминирован характером взаимоотношений между коммуникантами, ситуацией общения и другими факторами, влияющими на воплощение согласия / несогласия, наиболее важными из которых является статусно-ролевое равенство / неравенство по коммуникации, а также дистанция между ними.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Gregory, Ph. The Little House / Ph. Gregory. – London : Harper Collins Publishers, 1998. – 365 p.

2. Hannay, B. Her Playboy Challenge / B. Hannay. – London : Mills and Boon, 2003. – 185 p.

3. Drabble, M. A Summer Bird-Cage / M. Drabble. – London : Penguin Books, 1968. – 208 p.

4. Aiken, J. The Shadow Guests / J. Aiken. – London : Puffin Books, 1987. – 170 p.

5. Clark, M.H. The Anastasia Syndrome // While My Pretty One Sleeps. – London : Cresset Editions, 1990. – C.513 – 647.

6. Gordon, R. Doctor at Large / R. Gordon. – London : Michael Joseph, 1955. – 208 p.

Архипова Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина», Республика Беларусь
E-mail: lena-1976@tut.by

Arkhipova Elena Vladimirovna, senior lecturer of the Chair of the English language and methods of teaching foreign languages, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, Belarus
E-mail: lena-1976@tut.by

УДК 821.161.1

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЛАН В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»

© З.Э. Бабаева

Астраханский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *В статье на материале повести Н.В. Гоголя «Портрет» даётся реалистическая интерпретация сюжета первой части произведения. Выделяются и анализируются ключевые описательные характеристики, позволяющие толковать события с рациональной точки зрения. Делается вывод о мотивации поступков героя, не связанной с вмешательством ирреальных, сверхъестественных образов.*

Ключевые слова: *реальность, искусство, талант, деталь, интерпретация.*

Abstract: *In the article on the material of N.V. Gogol's story "The Portrait" gives a realistic interpretation of the plot of the first part of the opus. In this paper the author allocates and analyses the key descriptive characteristics, which allow to interpret events from a rational point of view. In conclusion the author says about the motivation of the hero's deeds, not related to the intervention of surreal, supernatural images.*

Key words: *Reality, art, talent, detail, interpretation.*

ВВЕДЕНИЕ. Гоголь пишет свое произведение в 1834 году (как и А.С. Пушкин «Пиковую даму»). Известно, что повесть имела две редакции: первоначальный ее вариант был напечатан в сборнике «Арабески» в 1835 году. Второй, переработанный вариант, в 1842 году в журнале «Современник». Автор внес изменения в текст вследствие неодобрительного отзыва В.Г. Белинского о повести, который писал: «Портрет есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде... Первой части этой повести невозможно читать без увлечения; даже, в самом деле, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое в этом таинственном портрете, есть какая-то непобедимая прелесть, которая заставляет вас насильно смотреть на него, хотя вам это и страшно... Но вторая ее часть решительно ничего не стоит; в ней совсем не видно г. Гоголя. Это явная приделка, в которой работал ум, а фантазия не принимала никакого участия» [1, 345]. Автор «Портрета», конечно же, не мог остаться равнодушным к критическим замечаниям, поэтому переделал, или, как он писал Плетневу, написал произведение вновь.

МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА. «Портрет» охватывает широкий круг проблем: это и проблема назначения искусства, и извечная антиномия добра и зла, и внутренний конфликт героя с общественными устоями и заказами государства, проблема смысла человеческой жизни и судьбы отдельно взятой личности в тщеславном мире. Все они находят отражение в судьбе центрального персонажа – талантливого художника Чарткова, променявшего свой дар на деньги и славу. Но художник в повести не один. Гоголю было важно показать сложную природу творчества, назначения искусства, правильного использования искры Божьей, поэтому в произведении соотнесены судьбы трех художников: Чарткова, возлагавшего большие надежды в области искусства, но сломавшегося под тяжестью нищеты и растратившего все духовные ценности, которыми наделила его природа; молодого живописца из Италии, чье «чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, произведение возносилось над всем» [2, 113]; сам автор злополучного портрета, остаток жизни своей проведший монахом в уединенной обители.

Первый умирает страшной смертью: автор очень подробно изображает историю его падения. Как пишет Н.Л. Степанов, «угодливая ложь и фальшь, заменявшая правду жизни, мстили за себя. Холодный эгоизм, безразличие ко всему, кроме золота, тщеславие вытеснили в Чарткове все человеческие чувства. Гоголь показывает, как нерасторжимо слиты нравственная, этическая чистота художника с его творчеством» [3]. Второй, вынесший из своей школы «величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти» [2, 113], и третий, соприкоснувшийся с дьявольскими силами, но вовремя раскаявшийся в своих грехах и молящий об искуплении.

В «Портрете» явственно выступают два плана – реалистический, который раскрывает судьбу бедняка художника, продавшего свой талант светской толпе, и аллегорический, иррациональный, связанный с фантастической историей портрета.

© З.Э. Бабаева, 2012

Остановимся подробнее на первом, рассмотрим детали, способствующие реальному толкованию событий повести и раскрывающие проблему положения художника в окружающей действительности.

«В первой части повести Гоголь показал судьбу искусства в обществе, в котором все продается и покупается за деньги, где талант, вдохновение художника становятся достоянием богачей» [3], – пишет Н.Л. Степанов. Автор в пределах одной части изображает две ипостаси Чарткова: одна представлена в начале повести, это человек, который «с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде» [2, 80], другая – его двойник, «светский человек, которого рассеянная жизнь и общество уносило далеко от труда и мыслей» [2, 110]. Для более наглядного детального анализа образа художника до и после приобретения славы и богатства составим сравнительную характеристику по отдельным пунктам, которые позволят реалистически объяснить изменения, произошедшие в жизни героя.

1. Имя. Примечательно, что до того, как стать богатым и знаменитым, автор называет художника лишь по фамилии: «Чартков» или же «молодой Чартков», ведь ему всего 22 года. А после того, как он присваивает 1000 червонных, выпавших из желобка в рамке портрета, общество вокруг узнает и имя-отчество героя: Андрей Петрович. Но подобная вежливость не делает чести герою, так как статья, в которой о нем заговорили на весь город, была им куплена. Впоследствии его даже станут притворно вежливо называть «почтенный наш Андрей Петрович». Так и будем далее различать двойников: Чартков (талантливый и бедный) и Андрей Петрович (богатый и тщеславный).

2. Внешние характеристики: одежда, описание квартиры. На Чарткове – старая шинель, дома он носит сильно заношенный халат, почти не обедает, так как не имеет возможности, не бывает у парикмахера, ему нечем платить за квартиру. Состояние нищеты еще более усугубляет натуралистическое описание места жительства героя: «лестница, облитая помоями и украшенная следами кошек и собак» [2, 83], нестерпимо холодная передняя, низенькая квадратная комната (студия) с сором, дрязгом, пылью, с мерзнувшими окнами, «уставленная всяким художеским хламом: кусками гипсовых рук, рамками, обтянутыми холстом, эскизами, начатыми и брошенными» [2, 84] и т. д., узкий диванчик. Помимо всего прочего, в комнате царит темнота, так как денег нет даже на свечи. Так называемые пургаментарные образы пыли, сора и мусора имеют очень важное место в творчестве Гоголя. Как отмечает Е.Е. Завьялова, они «помогают передать ущербность “маленьких людей”, пошлость и грязь человеческих взаимоотношений, а также порочность общественно-политической системы в целом» [4, 106].

В мастерской же Андрея Петровича (после такой крупной денежной находки герой съезжает с прежнего места жительства) чисто и опрятно, он заводит себе, как принято было делать, учеников и лакеев, обедает в лучших ресторанах, завивается, ездит ежедневно на спектакли, балы, одевается в модный фрак и более не признает профессора, заметившего в нем искру таланта, а также презирает молодых художников, не имеющих возможностей соответствовать роли светского человека.

3. Характер, отношение к искусству. Талант молодого Чарткова тонко подмечает его наставник, который предупреждает героя: «У тебя есть талант; грешно будет, если ты его погубишь. Но ты нетерпелив. Тебя одно что-нибудь заманит – ты им занят, а прочее у тебя дрянь... Смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец. У тебя и теперь уже что-то начинают слишком бойко кричать краски... Берегись; тебя уж начинает свет тянуть... На этом губится, а не развертывается талант...» [2, 85].

Все напророченное профессором сбывается. Андрей Петрович в точности такой, каким тот боялся его видеть. Слава художника растет с каждым днем, работы и заказы увеличиваются, но пишет он без большой охоты, вдохновенья нет. С появлением денег меняется отношение к искусству и величайшим художникам: Чартков восхищается фламандцами, останавливается перед портретами Тициана, ценит глубину работ Рафаэля. Андрей Петрович утверждает, что Рафаэль «писал не все хорошо и за многими произведениями его удержалась только по преданию слава; что Микель-Анжел хвастун, грациозности в нем нет... Настоящий блеск, силу кисти и колорит нужно искать только теперь, в нынешнем веке» [2, 109]. Нетрудно догадаться, что Андрей Петрович считает себя достойным и гениальным художником, которого можно сравнить с Ван Дейком и Тицианом. Слава ослепляет его настолько, что он не стыдится назвать себя гением, оправдывая при этом ловкую и бесчувственную бойкость своей кисти: «Гений творит смело, быстро» [2, 109].

4. Отношение окружающих к личности художника и его работам. Работы Чарткова никому не интересны, его талант не замечается, герой сам не ждет признания от окружающих, ведь «кто купит их [картины], не зная меня по имени» [2; с. 87]. Сцена с квартальным и хозяином квартиры еще более усугубляет положение художника и доказывает непонимание, презрение общества. Квартальный предлагает хозяину квартиры удовлетвориться картинами героя, но тот не только отказывается, но и дает им нелицеприят-

ную характеристику: «Добро бы были картины с благородным содержанием, чтобы можно было на стену повесить... а то вон мужика нарисовал, слуги-то...» [2, 95]. Благородным содержанием Иван Иванович считает портреты генералов, князей, известных личностей. Если это комната, то обязательно прибранная и опрятная. Абсолютное непонимание основ искусства присуще и квартальному, который тень на картине принимает за пятно от табака. Художественные впечатления обоих примитивны, а потому они не способны по достоинству оценить таланта Чарткова, отчего последнему становится еще хуже.

Работы же Андрея Петровича ценятся на вес золота и, несмотря на то, что «даже достоинств самых обыкновенных уже не было видно в его произведениях» [2, 111], пользуются неслыханной славой.

5. Абсурдность светского общества. Очень важной представляется нам сцена, в которой к Андрею Петровичу приходит дама с 18-летней дочерью. Узнав из газет о необыкновенном художнике, она изъявляет желание заказать портрет дочери именно у него. Искаженное восприятие искусства присуще и этой светской женщине, считающей, что талантливы лишь те художники, которые писали портрет с Lise. Например, она хвалит некоего мсьё Ноля, единственным преимуществом которого является знакомство с Lise, когда ей было 12 лет. Гоголь сатирически изображает поверхностное понимание дамой художественных основ. Абсурдное, противоречивое желание заказчицы вызывает смех: она просит нарисовать свою дочь не так, как обычно, на лоне природы, в тени зелени, среди полей и лесов, но, в то же самое время, «чтобы незаметно было, что она едет куда-нибудь на бал или модный вечер» [2, 102]. Попытка художника сделать из Психеи Lise заканчивается недопустимым заблуждением: мать видит в портрете не свою дочь, а совершенно идеальное, воздушное, равное природе создание. Но более всего ее поражает внешняя красота написанного, поражает настолько, что она не позволяет герою придать Психее хотя бы малейшего сходства с оригиналом, дабы не испортить его вовсе.

Последующие клиенты также требуют от Андрея Петровича изображения души и характера, максимального сходства, легкости и непринужденности, но сами при написании принимают настолько неестественные и наигранные выражения, что полностью теряют индивидуальность. Так работы художника получаются похожими друг на друга, а вовсе не на оригиналы. Заказы общества беспрекословно выполняются, и Чартков безвозвратно теряет свой талант.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Осуществлённая нами сравнительная характеристика позволяет проследить моральное падение героя в связи с получением денег. Золото делает героя алчным и жестоким. В его духовном разрушении нужно винить не инфернальный портрет ростовщика, а вполне естественную жажду славы и богатства. Реалистическому толкованию также способствуют следующие детали.

Во-первых, 1000 червонных появляются в результате неудачного нажатия квартальным рамы портрета, а не вследствие выхода из него ростовщика. Как указывает автор, Чарткову приснился сон, и не один. Трижды герой просыпается от кошмара, и якобы выпавшие деньги им не обнаруживаются.

Во-вторых, разгоряченному воображению способствуют захламленная и грязная комната, в которой царит хаос, физическое и психологическое состояние героя: Чартков сильно устал, рассеянно поставил портрет в комнате, находился в досадном расположении духа.

В-третьих, мысли о богатстве приходили ему на ум в моменты крайней необходимости, «когда не на что было купить кистей и красок, когда неотвязчивый хозяин приходил раз по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась в голодном его воображеньи участь богача-живописца...» [2, 86]. Стоит герою подумать о деньгах, как он наталкивается на злосчастный портрет, который, в свою очередь, символизирует начало зарождения пороков, жажды власти, золота, он отражает все злобные, нечеловеческие желания Чарткова, а потому при взгляде на него художника охватывает бешенство.

В-четвертых, вполне вероятно, что странную живость глазам ростовщика на портрете придаёт сияние месяца, не более того. Лунный свет озаряет комнату настолько, что глаза светятся неестественным образом и кажутся настоящими.

Наконец, мучительная смерть художника происходит вовсе не в результате приобретения портрета. Очень важной представляется нам цитата, переданная автором через рассуждающего о произведениях искусства Чарткова: «если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя с ним, он непременно предстанет только в одной ужасной своей действительности, не озаренный светом какой-то непостижимой, скрытой во всем мысли, предстанет в той действительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекрасного человека, вооружаешься анатомическим ножом, рассекаешь его внутренность и видишь отвратительного человека» [2, 88]. Герой строит вокруг себя ужасную действительность, которая поглощает его. И в конце, оставшись наедине со своими мыслями, он начинает анализировать собственные поступки и обнаруживает этого самого отврати-

тельного человека: талант в нем больше не живет, «страшная мука в перешедшем за грань мечтаний обращается в бесплодную жажду... делает человека способным на ужасные злодеяния» [2, 117]. Золото затмевает страх перед портретом, глаза ростовщика уже более не кажутся ему жуткими. Деньги доводят Чарткова до безумия, до бреда. Появление светлого, чистого, непорочного в жизни художника будит в нем остатки человеческого. Критикующий всех и вся, здесь он бессилен. Лучшая ипостась художника, соприкоснувшаяся с основами природы, предстает перед ним в первозданном, не тронутом цивилизацией, виде. Высокая прелесть небесной кисти сталкивается с низменными проявлениями. Герой, в начале первой части вопрошающий («почему же простая, низкая природа является у одного художника в каком-то свету, и не чувствуешь никакого низкого впечатления... И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкою, грязною, а между прочим он так же был верен природе» [2, 88]), теперь понимает всю глубину собственного падения в погоне за наживой и ослепляющей славой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Андрей Петрович – падший ангел, разбивший в себе искру Божью. Безумие, бешенство, жестокая горячка символизируют внутренний ужас, который начинает переходить в ужас внешний: страшные портреты мерещатся герою повсюду, все больше и больше расширяясь и наполняя комнату множеством вперившихся в него глаз. Подобное зрелище способно родиться в воспаленном мозгу художника, который и умирает от безнадежного сумасшествия.

Реалистическое, бытовое описание ситуаций, внешнего вида героя, квартиры художника, его состояния и поведения, мотивированного вполне человеческим желанием (без вмешательства сверхъестественных сил), а также физиологическими и психологическими признаками усталости и болезни, свидетельствует об обоснованной возможности интерпретации сюжета повести с рациональной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений : В 9 т. / В.Г. Белинский. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1976. – 736 с.

2. Гоголь Н.В. Петербургские повести / Н.В. Гоголь. – М. : Советская Россия, 1968. – 205 с.

3. Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь. Творческий путь [электронный ресурс] / Н.Л. Степанов. – Электронные данные. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/ste/ste-001-.htm., свободный. – Яз. рус.

4. Завьялова Е.Е. О пургаментарном пространстве в произведениях Н.В. Гоголя / Е.Е. Завьялова // Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей : коллективная монография / Ю.В. Бельская, Д.М. Бычков, Т.Ю. Громова, Е.Е. Завьялова и др. ; под ред. Г.Г. Исаева. – Астрахань : АГУ, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – С. 79 114. – ISBN 978-5-9926-0454-2.

Бабаева З.Э., аспирант кафедры литературы. Астраханский государственный университет. E-mail: scorpio_1989@mail.ru

УДК 82-1/9

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ В ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ

© Е. Е. Баринова

Новосибирский государственный университет

Поступила в редакцию 1 Октября 2012 года

Аннотация: *Статья посвящена исследованию классификационного вопроса в теории жанра. Для поиска константных и переменных жанровых признаков принимаются во внимание философские подходы к разрешению проблем классифицирования. Основные трудности и противоречия обнаруживаются на формально-функциональном уровне и снимаются путем более высокого уровня абстрагирования и предельной типологизации гуманитарных объектов по мировоззренческим критериям (по В.Г. Мушичу-Громыко). Идеи данного подхода могут быть применены не только к литературным жанрам, но и к другим классам текстов.*

Ключевые слова: *классификация литературных жанров, теория жанров, жанр, жанровые константы, функциональный и мировоззренческий подходы по В.Г. Мушичу-Громыко, философия и филология*

Abstract: *The classification problem of the genre theory is under review in the paper. In the search for constant and variable features of genre we use some philosophical approaches to solving the problems of classification. The main difficulties and contradictions are found at the formal functional level and are removed by the higher level of abstracting and limited typologization of humanitarian objects according to world-view (axiological) criterion (see V. Mushich-Gromyko). The ideas used in this approach can be applied not only to literary genres but also to other classes of texts.*

Keywords: *classification of literary genres, theory of genres, genre, genre constants, functional and world-view approaches by V. Mushich-Gromyko, philosophy and philology*

Классификаторская деятельность в литературоведении прежде всего связана именно с теорией жанров. Современные генологические исследования направлены на осмысление категории жанра, его сущностных характеристик, поиск жанровых констант, логики зарождения и изменения жанров. Считается, что наличие классификации[1] позволяет не только упорядочить, но более целостно и полно охватить материал, внести существенные уточнения в дефиниции. Более того, исследователи указывают на эвристическую ценность классификации, т.к. нахождение общего и закономерного в имеющемся материале позволяет прогнозировать некоторые тенденции функционирования изучаемого класса объектов: «Единичные факты не могут быть предвидены, и в науке совершается большой шаг, когда удается доказать, что „единичные факты" в действительности вовсе не единичны, а связаны в одно единое большое целое» [1, 74]. В то же время, классифицированию в гуманитарной области знаний уделяется гораздо меньше внимания по сравнению с естественными дисциплинами. Несмотря на повышение интереса к феномену литературного жанра, до сих еще не было предпринято попытки полного и систематического пересмотра классификации современных литературных жанров, их номенклатуры и возможной иерархии. В данной статье, разумеется, мы не ставим перед собой такой грандиозной задачи, но хотели бы взглянуть на саму проблему классификации с учетом философских воззрений на эту важную гносеологическую процедуру.

В целом, в отечественном литературоведении выделяют два основных подхода к изучению жанров: типологический и историко-генетический, которые зачастую входят в противоречие друг с другом. Одна из главных проблем жанрологии, по мнению Н.Д. Тамарченко, – это соотношение реальной истории литературы и теории [2]. В проблеме классификации жанров можно усмотреть явные аналогии с трудностями, с которыми сталкивались ученые при создании биологической таксономии и которые уже отрефлексированы в философии. Философский подход важен, т. к.

1. В данной статье мы принципиально не разграничиваем понятия таксономия и классификация – первое употребляется преимущественно в биологии, второе – в логике. Также мы не проблематизируем соотношение понятий классификация и типология. Об этом см. : Чебанов С.В. Логические основания лингвистической типологии // Собр. соч. Т.1. Вильнюс: VLANI, 1996. С. 4-66; Чебанов С.В. Логико-семиотические основания классификаций в лингвистике. СПбГУ, СПб 2001. 54 с. и др.

© Е.Е. Баринова, 2012

позволяет преодолеть ряд противоречий, не разрешаемых в рамках конкретных наук без более абстрагирующего осмысления.

В биологии сегодня разграничивают систематику, имеющую дело с *реальными группами организмов* — таксонами, и учение о таксономических *категориях*, в рамках которого ведутся поиски наиболее удобной и непротиворечивой классификации. В этом случае таксон как понятие – это «обобщение продуктов классификационных процедур и в целом классификационного устройства нашей культуры» [3, 91]. Литературоведы также имеют дело с бесконечным множеством литературных произведений (в рамках *истории* литературы), которые составляют некоторые группы (или таксоны), при систематизации которых необходимо оперирование таксономическими категориями, такими, например, как род и жанр (в рамках *теории* литературы). Далее в биологической классификации выделяют два основных подхода: натуралистический (мир предзадан человеку как субъекту познания) и социокультурный (мир как объект познания постоянно достраивается самим человеком в процессе познания). Натуралистический подход, в свою очередь, представлен двумя основными вариантами таксономий: статической (К. Линней), цель которой – классифицировать разнообразие организмов, и эволюционной (Ч. Дарвин) – в задачи которой входит также обнаружение системных (эволюционных) связей между таксонами [3].

Так называемая каноническая жанровая традиция в литературоведении соотносима, на наш взгляд, с исторически первой (в биологии) – линнеевской таксономией, представляющей таксоны как неизменно существующие в природе «статические объекты-индивиды». Близость филологии и биологии прослеживается здесь также и на терминологическом уровне, о чем, конечно, не раз уже писалось. В частности, С.С. Аверинцев говорит о «телесности» феномена жанра у Аристотеля как «источнике не всегда осознаваемых метафор для описания бытия жанров, который не вполне исчерпан и ныне, – говорим же мы о «рождении» жанров, об их «жизни», о «гибридных» жанрах и т. п. Существование жанров мыслится по аналогии с существованием тел...» [4, 194]. С.С. Аверинцев также указывает на то, что у Аристотеля жанр преимущественно понимается «статически», или типологически. В «Поэтике» «как нельзя более четко и ясно выражено представление о жанре как о сущности, хотя возникающей и постепенно становящейся во времени, однако имеющей вневременную «природу», или, если вспомнить еще один аристотелевский термин, «энтелехию» – внутреннюю заданность, императив тождества себе. Становление жанра – это его приход к себе самому; достигнув самотождественности, жанр естественным образом «останавливается», ему уже некуда идти» [4, 193].

Сосредоточенностью Аристотеля на сущности самого понятия жанр объясняется и выборка имеющихся литературных произведений, наиболее отвечавших внутренней заданности того или иного литературного вида. В дальнейшем, в подавляющем большинстве работ о жанрах такой статический, типологический ракурс оставался преобладающим, т. е. в них был отражен лишь один, «пространственный способ бытия таксона» [3]. Особенно это было характерно для теории классицизма. «В самом деле, со времен поэтик Марко Джироламо Виды (1527 г.) и Юлия Цезаря Скалигера (1561 г.) осмысление античной традиции пошло по пути классицизма, сильно преувеличившего сравнительно с подлинной античностью моменты непререкаемой стройности в размежевании жанров и нормативной жесткости в их разработке» [4, 195]. Как здесь не вспомнить стройную иерархическую «лестницу» К. Линнея (разновидность, вид, род, порядок, класс). Отголоски подобного подхода мы наблюдаем и в классическом учебнике В.Б. Томашевского: «Произведения распадаются на обширные классы, которые, в свою очередь, дифференцируются на виды и разновидности» [5, 206].

Отметим, что в филологии, по сравнению с биологией, картина осложнена тем, что феномен жанра, впервые наиболее полно описанный в *нормативной* (как ее многие воспринимали) поэтике Аристотеля, долгое время понимался канонически, а не теоретически, т. е. так, как больше подобает воспринимать жанр литераторам, а не литературоведам. Поэтому не удивительно, что после низвержения жанровых канонов в литературной среде к проблеме жанра стали относиться скептически и в самом литературоведении. Начало XX века было ознаменовано кризисом жанрологии, и на протяжении десятилетий большинство упоминаний о жанровом своеобразии тех или иных литературных произведений сводилось к проблеме размытия жанровых границ и, как следствие, неопределимости, неуловимости и даже разрушения жанров. Как отмечает Н.Л. Лейдерман, своеобразная «ненависть к жанрам», «жанровый пессимизм» (Б. Кроче, Ж. Деррида, Н. Александров) являются циклическим феноменом литературной истории, возникающим в переходные эпохи смены литературного сознания [6, 154]. Действительно, обращаясь к современной литературе, некоторые исследователи занимают крайние позиции, при которых сложно говорить о какой-либо типологизации, что отчасти продиктовано самой спецификой новейшего литературного материала. С одной стороны,

пишут о «жанровых генерализациях», которые появляются в результате тотального разрушения жанровых границ и своеобразного «стягивания жанров» [7]; поэтому речь идет уже не о жанрах, а о *философской, исторической, документальной* и пр. *жанровых генерализациях*. С другой стороны, говорят об «индивидуальной жанровой форме» применительно к каждому конкретному художественному произведению [8].

Постепенно, с проникновением в научную парадигму идей историзма, статический подход в классификации обнаруживал все больше противоречий. Уже сам Линней сомневался в строгой последовательности выстроенной им схемы. Пришедший на смену эволюционистский подход в биологии был призван не только классифицировать объекты, но и обнаружить их системные (эволюционные) связи. Для ученых все более очевидным становилось, что таксоны не статичны, т. к. система живых организмов эволюционирует в пространстве и времени; в эволюционистской концепции стало важным признание того, что иерархия не предполагает фиксированного числа ступеней для всех организмов – оно зависит от эволюционного возраста и других параметров каждой отдельной группы [3].

Новый шаг в теории жанров был также сделан в связи с появлением историко-генетического подхода в изучении литературных фактов: значительно пополнилась номенклатура жанров, да и сама жанровая система стала представляться иначе – жесткая иерархия все больше не удовлетворяет исследователей. В.Б. Томашевский писал, что «никакой логической и твердой классификации жанров произвести нельзя», но признавал ее необходимость. И хотя в качестве базовой теории у Б.В. Томашевского остается прежний классический подход, при рассмотрении литературного процесса в целом и конкретных примеров для автора становится необходимостью учитывать помимо «отвлеченных жанровых классов» и «конкретные исторические жанры («байроническая поэма», «чеховская новелла», «бальзаковский роман», «духовная ода», «пролетарская поэзия») и даже «отдельные произведения» [5, 210]. Например, выделяя ряд форм романа (исторический, психологический, авантюрный и т. д.), Б.В. Томашевский указывает, что перечень этих форм разворачивается лишь в историко-литературной плоскости: «Только в пределах одной эпохи можно дать точную классификацию произведений по школам, жанрам и направлениям» [5, 257].

Чтобы нагляднее представить данное противоречие, реконструируем из текста Б.В. Томашевского родовидовую цепочку: *произведение А.П. Чехова «Жалобная книга»* < *«чеховская новелла» / «бесфабульная новелла»* < *новелла* < *эпос*. Таким образом, конкретное произведение рассматривается соответственно следующей цепочке таксономических категорий: историческая жанровая разновидность / жанровая разновидность < жанр < род. Как видим, «нестройность» это цепочки наиболее очевидна как раз на более мелком иерархическом уровне (жанровых разновидностей – «отвлеченных» и «исторических») – *чеховская / бесфабульная* новелла. Это подтверждает, с одной стороны, стабильность аристотелевской классификации и необходимость ее дополнения конкретными историческими феноменами, и, с другой стороны, свидетельствует о сложности совмещения теоретического и исторического типов систематизации материала с последовательным сохранением единых критериев классификации.

Но единство критериев сложно соблюдать и на каком-либо одном синхронном литературном срезе. «Признаки многоразличны, они скрещиваются и не дают возможности логической классификации жанров по одному какому-нибудь основанию» [5, 207]. На недостаточную отрефлексированность этого аспекта в литературоведении указывал С.С. Аверинцев. Он обратил внимание, что биологическое понимание жанра как некой сущности предполагало, что «если живое существо принадлежит к одном виду, оно тем самым не может принадлежать к другому виду. Возможны, конечно, скрещивания и гибриды, но они не снимают, а подчеркивают грань между видовыми формами...» [4, 198]. Например, жанр *биографии* или *эпистолярный* жанр. Будучи биографией по теме, по форме произведение может быть принадлежно какому-либо другому жанру и для взаимопроницаемости нет никаких препятствий. В письме конституирующим признаком эпистолярного жанра является обращение к отсутствующему адресату, а по теме это может быть философское размышление или та же биография. Т. к. выбор единицы классификации крайне затруднен, недвусмысленная классификация, по мнению С.С. Аверинцева, здесь невозможна [4, 199].

Данная трудность, на наш взгляд, выходит за рамки «внутренней» классификационной проблемы, т. к. одновременно она непосредственно связана с определением границ классификации (т. е. с включением или непопаданием каких-либо групп текстов в классификацию), и, шире, с определением ареала объектов литературоведения. В литературном процессе можно выделить особые пограничные жанры, например, философская или научная поэзия. Так, некоторые (по форме) поэтические произведения М. Ломоносова выражают научное содержание, или лучшие образцы научно-популярной литературы зачастую содержат не только элементы художественности,

но и создаются по принципам фикционального произведения, хотя призваны выполнять не эстетические, а просветительские функции. На основании признанных в литературоведении критериев такие произведения не могут быть отнесены к какому-либо литературному жанру (и роду), не встраиваются они и в перечень научных или других жанров и, как следствие, редко становятся объектом научного исследования.

Данные тенденции очевидны, если представить более полную картину текстов самых различных жанров, не только литературных. Так, в рамках функциональной стилистики рассматривается гораздо большее количество жанров, группирующихся в пределах пяти основных стилей (и подстилей). И согласно полевой теории стиля в первую очередь учеными рассматриваются наиболее типичные, яркие образцы того или иного стиля, в то время как существует целый ряд периферийных и пограничных жанров, не менее интересных для исследования [9]. Некоторые классы текстов оказываются даже не на периферии, а вне каких-либо классификационных схем. Например, философствование как вид социальной деятельности не выделяется в отдельный функциональный стиль, нет философских жанров и в перечне литературных видов (в литературоведении) или жанров речи (выделяемых в рамках теории речевых жанров). Выпадение из системы сказывается на объеме исследовательского интереса к данной группе жанров в филологии. В то же время необходимо понимать, что увеличение количества таксонов в одной классификации (в нашем случае – классификации литературных жанров) делает ее не только более полной, но и все более проницаемой для какой-либо другой классификации (например, научных или философских жанров), и таким образом мы рискуем либо утерять критерии нашей первоначальной классификации, либо приходим к идее о невозможности создания какой-либо полноценной классификации.

Итак, мы говорили о натуралистическом подходе в таксономии. Но существует еще социокультурный подход, ознаменовавший науку XX века. Если натурализм предусматривал рефлексию преимущественно только по поводу объекта исследования, то в новой парадигме научности представлены две стороны научного познания – и объект изучения, и субъект познания. Социокультурный подход предполагает, что наряду с природными особенностями объектов, выявляемых таксономической практикой, в таксономии также представлен деятельностный элемент – «человеческий характер выделения объектов, отраженный в исследовательских программах и некоторых особенностях таксономических объектов» [3, 98]. Здесь требуется диалектическое понимание гносеологического процесса, когда человек познает некие объективные явления и, взаимодействуя с ними, влияет на изучаемые объекты. Очевидно, что деятельностный подход в гуманитарной классификации должен быть представлен наиболее систематически и более явно по сравнению с естественно-научными. Например, как мы уже отмечали выше, чисто теоретическая деятельность Аристотеля – выделение, описание и систематизация основных видов литературы, которые долгое время воспринимались *канонически*, – оказала серьезное влияние не только на зарождение филологии, но и на историю самой художественной литературы. Кризис теоретической жанрологии и появление большого числа новых жанровых разновидностей, которые не вписывались в прежние каноны, также взаимосвязанные явления.

В современном литературоведении наиболее последовательно данная гносеология представлена, на наш взгляд, в концепции жанра Н.Д. Тамарченко, в которой учтены и типологический, и исторический подходы. Для него определенные литературные типы – *теоретические модели* жанров и критерии их выделения должны всегда соотноситься с *реальной историей литературы*. Понимая литературный жанр как «тип словесно-художественного произведения как целого», он рассматривает его в двух аспектах: как некий *инвариант* – «идеальный тип (логически сконструированная модель) литературного произведения», узнаваемый в *реально существующих в истории* литературы жанрах (комедия, трагедия и др. в области драмы, например) [2]. По его мнению, построение универсальной жанровой модели возможно применять к традиционным каноническим жанрам, традиция выделения которых ведется еще с античности. Но при смене литературных эпох и появлении новых жанровых форм требуются новые критерии выделения жанров. Для работы с современными художественными текстами Н.Д. Тамарченко вводит понятие «внутренняя мера жанра», которая *реконструируется* на базе имеющегося литературного материала в противовес традиционному канону, понимаемому как устойчивая система признаков, *воспроизводимая* в различных художественных произведениях [10, 10-11].

На наш взгляд, в рамках классифицирования принципиальной разницы между литературой разных эпох нет. Различие здесь может быть в том, что традиционные канонические жанры были более стабильны и не подвергались тем значительным и быстрым изменениям, которые более свойственны жанрам новейшей литературы, которые в силу своего бо́льшего разнообразия и

изменчивости в короткие временные отрезки еще не достаточно полно описаны. Также не видится нам сущностного противоречия и между неким идеальным (теоретическим) представлением о жанре и его реальным историческим существованием в виде конкретного класса произведений – если представлять данный феномен диалектически. Если жанр понимается как некая идеальная сущность, но представления об этой сущности корректируются в разные эпохи, это свидетельствует не о тотальной «неуловимости» этой сущности, а о ее интеллигибельности и возможности ее «достраивания» в исследовательском процессе (что не отменяет, конечно, наличия продуктивных и непродуктивных направлений исследований). В процессе познания сам жанр как таксономическая категория претерпевает некоторые изменения, или, другими словами, «основные признаки жанра могут медленно изменяться, но жанр продолжает жить *генетически* [5, с. 207]. Как бы ни изменялись жанры и как бы ни удалялись они от некогда заданной Аристотелем классификации, сами принципы классифицирования и существование классификаторских процедур (несмотря на их возможную изменчивость) проистекают и из наличия множества конкретных текстов – «чувственная» объективная данность, и из наличия в этих текстах неких общих принципов – объективная теоретическая данность, которые не могут существовать сами по себе, но реализованы (в той или иной мере) в каждом конкретном тексте. Здесь уместно вспомнить высказывание П. Корнеля: «Неизменно остается то, что есть законы, поскольку существует искусство, но не являются неизменными сами законы» [11, 334]. То есть, как ни меняется определение жанра, общим во всех этих определениях будут некие константы, принципы, необходимые для работы с конкретным литературным материалом; в то же время, новые исследования вносят свои поправки в понимание этих принципов и констант, о чем мы и говорили в самом начале абзаца.

Говоря философским языком – при *увеличении объема понятия* – т. е. множества текстов, образующих какой-либо таксон (класс), косвенно изменяется и *содержание понятия* («образует тип – систему общих для единичных объектов признаков, на основании которых объекты объединяются в таксон» [3, 91]). И если понимать зависимость между объемом и содержанием понятия *жанр* диалектически, то будет снята главная, по мнению Н.Д. Тамарченко, проблема теории жанров – соотношение «между теоретической моделью художественной структуры и реальной историей литературы» [2, 29].

Мы не случайно останавливаемся на этой проблеме, т. к. в философии, в разделе логики, она считается одной из наиболее сложных и связана с не менее серьезной философской проблемой бытия общего. Вернемся к статье [3], в которой говорится о том, что уже К. Линней в своих работах отмечал, что границы между видами – конкретными единицами живого мира – устанавливаются практически, а поиск надвидовых таксонов требует теоретической, умозрительной работы. Отсюда и возникает сомнение в объективности и даже рациональности такого умозрения (можно увидеть лошадь, но разве можно увидеть «лошадность»?). Для философии здесь встает важный вопрос о существовании общей сущности. Мы не будем здесь вдаваться в подробности разногласий в области номинализма (когда общее признается только как названия, номинации, которым ничто не соответствует в действительности) и эссенционализма, в рамках которого выделяют крайний, платоновский и более умеренный, аристотелевский идеализм. Авторы статьи [3, 91-93] в данном случае действительно трактуют Платона как крайнего идеалиста, для которого «общее существует вне вещей в виде неких идей», и когда платоновский тип – это не какое-то единство, материально реализованное в индивидуумах, а *модель*, по которой они образованы и к которой они приближаются; это их «абстрактный и общий образ». Мы не видим «крайности» позиций Платона, ведь диалектик Платон и говорил (в диалоге «Парменид») о том, что единое и единичное неразрывно связаны друг с другом, и единое существует в частном, а частное выражает единое.

Т. о., если для философии важно понимание *онтологии* общего, то для науки, особенно в гуманитарной ее составляющей, здесь встает вопрос об *объективности* исследования, т. к. именно на этом уровне наиболее представлен «деятельностный элемент», отраженный в структуре таксономических объектов и выходящий за пределы собственно «природного элемента» (объективно существующих продуктов человеческой деятельности – тексты, объекты искусства и пр.). Мы не случайно так долго шли по пути сопоставления биологической и литературоведческой классификаций, в которых нашлось на удивление много общего, несмотря на то, что объекты классификации являются *сущностно разными*. Не выявил этой сущностной разницы и учет деятельностного подхода, который, казалось бы, должен пролить новый свет на проблемы гуманитарных наук, но особенности взаимодействия субъект-объектных отношений, артикулируемые в постнеклассической парадигме, также оказались на удивление похожи в науках о природе и обществе.

В биологической таксономии систематизируются естественнонаучные объекты – природные

организмы. Если речь идет о гуманитарном объекте – здесь должна присутствовать гуманитарная составляющая, причем эта компонента должна определяться не простым участием человека в *деятельности* написания текстов или в *деятельности* по их систематизации, а *отношением* к этой деятельности [12]. Несмотря на то, что на обыденном уровне – и не только на обыденном – очень часто говорят о культурных *образцах*, о *положительном влиянии* объектов искусства и литературы на человека, в методологиях и подходах самих гуманитарных дисциплин, как правило, отсутствуют внятные критерии «образцовости» и «положительности» (или их отсутствия). Например, в современном литературоведении феномен *художественности*, категория *эстетической ценности* описываются вне аксиологического аспекта, а значит, этот аспект никак не проявляет себя в принципах систематизации литературного материала и, в частности, в основаниях жанровых классификаций. Показательны в этом отношении определения понятий литературного рода и жанра, собранные в хрестоматии Н.Д. Тамарченко [13]. Также и в лингвистике, если мы обратимся к различным классификациям жанров речи, то они проводятся по совершенно разным основаниям, кроме ценностных [см.: 14].

Между тем, в античной философии разделы этики и эстетики были взаимодополнительными. С.С. Аверинцев обратил внимание на «биологичность» в подходе к описанию жанров у Аристотеля, но не говорил об аксиологичности, в то время как аристотелевская классификация жанров не только и не столько логическая, а *ценностно-иерархическая*. Продолжая линию Платона, Аристотель так или иначе говорит не только об удовольствии (к которому более склонны звери и дети, как он пишет в «Никомаховой этике»), но и о значимости произведения искусства, которая зависит от человеческих качеств автора и оценивается по степени благотворного влияния на читателя (зрителя). Избегая вульгарного подхода, мы не ищем в работе философа «хорошие» или «плохие жанры» и аксиологичность не путаем с морализаторством. Философ описывал не только разные виды искусств (средства, предмет и способ воспроизведения), в его работе представлена полнота модели появления и существования эстетического объекта: от авторского замысла до читательского восприятия. Именно «соответственно *личным характерам* людей» поэзия, по мнению Аристотеля, разделилась на виды: «Поэты более возвышенного направления стали воспроизводить [хорошие поступки и] поступки хороших людей, а те, кто погрубее – поступки дурных людей: Они составляли сперва сатиры, между тем как первые создавали гимны и хвалебные песни» [15, IV]. Также учтены Аристотелем вкусы и предпочтения читателей, на которые ориентируются поэты. Так, он признает превосходство трагедии над эпосом, производя их сравнительную оценку, т. к. считает менее грубой поэзию – ту, «которая постоянно имеет в виду лучших зрителей».

С.С. Аверинцев верно подметил, что Аристотель много размышляет о самой сущности жанра. На наш взгляд, речь здесь идет не столько о самом жанре, сколько об идее более общего характера – например, *идее трагического* и *комического*. Так, идея комического у Аристотеля сополагается с возможностью (необходимостью) осмеяния пороков: комедия – это «воспроизведение худших людей, но не по всей их порочности, а в смешном виде», а идея трагического – с катарсисом.

Подобная иерархия видов поэзии Аристотеля последовательно отражена и в размышлениях о формально-содержательных характеристиках произведений (эти формально-содержательные характеристики и оказались наиболее востребованы в литературной теории). Более того, очень важным для него является способ отражения действительности, избираемый автором в зависимости от индивидуальных качеств и субъективных предпочтений, которые направляют автора в выборе лиц и действий для поэтического подражания. Так, из различных требований к выбору персонажей для трагедии первым Аристотель называет благородство характеров: «Первое и важнейшее – чтобы они были благородны» [15, XV]. Изображаемые персонажи также типируются как худшие или лучшие по отношению и к автору, и к читателю: «трагедия есть изображение людей лучших, чем мы». Как видим, в ключевых определениях жанра у Аристотеля присутствует аксиологическая компонента, раскрываемая через формально-содержательные характеристики, не имманентные поэтическому тексту как таковому, а зависимые от системы авторских предпочтений более высокого порядка, проявляющих себя в выборе материала, способа его отображения и ориентации на того или иного читателя.

Более прозрачно говорит об этом Платон. Но говорит столь категорично, что и литераторы, и литературоведы не очень часто прибегают к его идее («разлад между философией и поэзией» наблюдается до сих пор). Именно в «Государстве» впервые говорится о трех способах (поэтического) подражания: автор соединяет свои слова со словами чужими (эпос), обмена речами героев, к которым не примешиваются слова поэта (драма) и повествование от своего лица (лирика) [см.: 16, 397-401].

Платоновский пафос направлен на то, чтобы подчеркнуть, что существует *только два основных типа* подражания: «*полезное*» (в масштабах госу-

дарства) – т. к. инициирует лучшее в человеке (обычай и разумение, высшие влечения души) или бесполезное – «*приятное*» (не рациональное, а чисто эмоциональное, инициирующее страдания и удовольствия).

По сути, в этих двух работах сформулированы такие принципы отбора тем, форм и приемов выражения в художественном слове, которые лишь опосредованно зависят от эпохи, географии, культуры и литературной традиции. В истории филологии эти идеи практически не получили развития. В современной философии данная проблема последовательно отражена лишь в работах В.Г. Мушича-Громыко, без знакомства с которыми мы не обратили бы внимания именно на этот аспект в трудах античных авторов. Исследователь также затрагивает проблему возникновения «общих идей», но он видит ее с более высокого уровня абстрагирования. Например, в статье «Возвращающийся рационализм есть возвращающаяся метафизика» [12, 46-53] автор говорит, что предельно-мировоззренческий рационализм метафизичен в том плане, что необходимо выйти за рамки природного, физического и сосредоточить свое внимание на сущности гуманитарного, сущности мышления человека. Деятельностный подход (о котором мы писали выше, ссылаясь на других авторов) остается на вооружении, но видится уже неоднородным и разнонаправленным в свете теории В.Г. Мушича-Громыко. Если для природных (естественно-научных) объектов возможна однозначная интерпретация, то «для объектов гносеологических, так или иначе выражающих бытие человека и его мышления, необходима интерпретация дуально квантово-подобная» [12, 37]. Ключевые позиции исследователя изложены в его монографии [12, 37-46]. Мы же, в рамках данной статьи рискуя в неполноте описать их, остановимся лишь на двух ключевых моментах в применении к заявленной проблеме классификации жанров. Первый заключается в том, что в научном материале по поводу гуманитарного объекта всегда можно выделить два уровня осмысления: функциональный и мировоззренческий (он и является дуальным). «Функциональная часть мышления человека обращена на диалектику отношений во внешнем мире, когда описываются зависимости этого мира с одновременным игнорированием диалектики мышления субъектов, вызванной дуальностью мышления субъектов, пропозициональностью их мышления» [12, 55]. С этих позиций, хрестоматийные определения жанра, исходя из которых строятся современные жанровые классификации, лежат в плоскости функционального осмысления или непредельных мотиваций (выбора). В принципе, и сами литературоведы признают за подобными классификациями их формально-прикладной характер, способствующий лишь первичной (и относительной) систематизации материала. Так, к примеру, распределение в жанровой решетке журналистских, научных, административных и др. жанров необходимо для более оперативного их освоения и воспроизводства в конкретной профессиональной деятельности и т. д. Но прогностической функции, такой как, например, таблица Менделеева в химии, такая гуманитарная классификация не несет. Кратко говоря, по тому, что художественное произведение написано в жанре рассказа или романа, нельзя определить, станет ли оно классикой.

Второй момент связан с мировоззренческим уровнем освещения материала. Речь здесь не идет о научном, философском, обыденном и прочих традиционно выделяемых видах мировоззрения – автор оперирует предельными абстракциями, что позволяет ему выйти на «инварианты мышления», сопрягаемые со «стержневыми жизненными мотивациями субъекта» («предельные мотивации»), т. е. с созидательной или разрушительной тенденцией в мышлении человека, проявляемой в деятельности, в том числе языковой. (Здесь наиболее оперативен введенный им термин «мировоззренческая стилистика» – в отличие от стилистической доминанты, выделяемой по роду деятельности в функциональной стилистике, автором выделяются доминанты мировоззренческие – «вербально организованные предельные мировоззренческие мотивации».) Это другой уровень работы с гуманитарным материалом, зачатки которого мы и находим в трудах цитируемых греческих философов и в котором так нуждается сегодня гуманитарная наука. По концепции В.Г. Мушича-Громыко именно на мировоззренческом уровне можно проследить всю эстетическую коммуникативную цепочку: от закономерностей в мышлении самого автора, определяющих *замысел* (произведения) и *ядро* его реализации через отбор языковых форм, до *итога*, который далее интерпретируется читателем (и исследователем) исходя из вектора его предельных мотиваций.

Итак, систематизация текстового материала сопряжена с проблемой полноты и целостности в классификации. При функциональном подходе к гуманитарным феноменам в стремлении к полноте количественной, как мы выяснили, исследователь рискует нарушить основания классификации и по синхронной горизонтали, и по диахронной вертикали. Напротив, удержание жесткости каркаса приводит к тому, что некоторые классы объектов оказываются вне системы. При этом негибкость классификации (вспомним тезис о «классификационном устройстве нашей

культуры») сказывается еще и на том, что не все аспекты объекта принимаются во внимание в конкретных дисциплинарных рамках, и один и тот же текст, таким образом, рассматривается только с какой-либо одной стороны, наиболее «близкой» той или иной гуманитарной дисциплине. Не случайно все более и более оказываются востребованными междисциплинарные подходы при изучении гуманитарных явлений, хотя многоаспектное изучение вовсе не гарантирует синтезации. Полнота качественная, претендующая на целостность классификации, невозможна на имеющихся в литературоведении основаниях, т. к. в них не заложен гуманитарный показатель «качественности». Но главное, сомнительной оказывается эвристическая ценность жанровой классификации, которой не случайно иногда отводится подсобная роль. Т. о., классификационные проблемы, лежащие в функциональной плоскости литературоведческой теории, на наш взгляд, не принципиальны, т. к. прикладной характер классификаторской деятельности в гуманитарной сфере не дает представлений о сущности человеческой деятельности, в частности, о закономерностях литературного творчества. Некоторые противоречия могут быть преодолимы и на этом уровне с диалектических философских позиций, но важнее здесь выход за пределы естественно-научной парадигмы, выявляющей преимущественно переменные, но не константные признаки жанра. Литературный жанр как особый способ отражения действительности в тексте – та призма, через которую в конкретной творческой деятельности преломляется выбор автора при отборе и организации материала и ориентации на потенциального читателя. Современная философия подводит филолога к возможности рассмотрения проблемы жанра через устойчивые мировоззренческие признаки и дает на вооружение метод, позволяющий выявлять и различать данные мировоззренческие константы. Данный метод нов, но не революционен в том плане, что не отменяет предыдущий функциональный уровень работы, а позволяет качественно «прирастить» его, направив в более продуктивное русло.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Любищев А.А. О критериях реальности в таксономии / А.А. Любищев // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. – М. : ВИНИТИ, 1971. – Вып. 1. – С. 67-81.
2. Тамарченко Н.Д. Жанр литературный / Н.Д. Тамарченко // Литературоведческие термины (материалы к словарю). – Вып. 2. – С. 29-32.
3. Зуев В.В. Проблема способа бытия таксона в биологической таксономии / В.В. Зуев, С.С. Розова // Вопросы философии. – № 2. – 2003. – С. 90-103.
4. Аверинцев С.С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и размокнутости / С.С. Аверинцев // Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996. – С. 191-219.
5. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. / Б.В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
6. Лейдерман Н.Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) / Н.Л. Лейдерман // Studi Slavistici. – V. – 2008. – С. 147-177.
7. Луков Вл.Т. Тезаурусные структуры понимания нового содержания : жанры, жанровые системы, жанровые генерализации / Вл.Т. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2007. Режим доступа : HTTP://WWW.ZPU-JOURNAL.RU/GUM/NEW/ARTICLES/2007/LUKOV_VL/2/
8. Зырянов О.В. Пролегомены в феноменологическую теорию жанра / О.В. Зырянов // Жанрологический сборник. – Выпуск 1. – Елец : ЕГУ имени И.А. Бунина, 2004. – С. 12-16.
9. Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей / Е.С. Троянская // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М.: Наука, 1984. – С. 16–27.
10. Тамарченко Н.Д. / Н.Д. Тамарченко Типология реалистического романа на материале классических образцов жанра в русской литературе XX века / Н.Д. Тамарченко. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 195 с.
11. Корнель П. Рассуждения о полезности и частях драматического произведения / П. Корнель // Пьесы / Перевод Н.П. Козловой. – М. : Московский рабочий. – 1984. – С. 333-351.
12. Мушич-Громыко В.Г. Исследование бытия объектов с нефиксированным статусом / В.Г. Мушич-Громыко. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2011. – 484 с.
13. Жанры // Теоретическая поэтика: понятия и определения / Автор-составитель. Н.Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 1999. – С. 231-267.
14. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
15. Аристотель Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 183 с.
16. Платон Государство / Платон // Сочинения в 4 томах. – Т. 3. – Часть 1. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко. – 2006. – С. 97-494.

Баринова Е.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии. Новосибирский государственный технический университет
E-mail: barinova.e.e@gmail.com

Barinova E.E. PhD, Professor of Department of Philology. Novosibirsk State Technical University
E-mail: barinova.e.e@gmail.com

УДК 821.161.1

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

© О.В. Борзых

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *В статье предпринята попытка рассмотреть случаи употребления цвета в литературном произведении. Изучение цветовой символики в литературных произведениях идет в двух направлениях: проблема экфрасиса и проблема собственно цветовой символики как сугубо словесного образа. Особое внимание обращено на сюжетообразующую функцию цвета.*

Ключевые слова: *цветовая символика; символизм; Александр Блок; Андрей Белый; экфрасис; метафора; сюжет*

Abstract: *In article cases of the use of color in the literary work are allocated. Studying of color symbolics in literary works goes in two directions: ekphrasis' problem and problem of actually color symbolics as especially verbal image. In article the situation when color plays a role in creation of a plot is especially noted.*

Keywords: *color symbolics; symbolism; Alexander Blok; Andrey Bely; ekphrasis; metaphor; plot*

Цветовая символика – очень актуальный предмет исследования в наши дни. Проблема цветовой символики является проблемой общегуманитарного плана, она интересует психологов, богословов, философов, литературоведов. В последнее время поощряются междисциплинарные подходы, позволяющие интегрировать знания различных гуманитарных наук. Проблема цветовой символики как раз относится к числу междисциплинарных.

В науке давнюю традицию имеет потребность осмысления психологических и эстетических свойств цвета. Например, И.В. Гёте рассматривает цвет не только с точки зрения физики, но и со стороны воздействия каждого цвета на человеческую психику. Современную психологию тоже волнует вопрос, каким образом цвета, с самого рождения окружающие каждого из нас, оказывают влияние на организм, нервную систему и психику человека. В качестве примера сошлемся на работы В.В. Драгунского «Цветовой личностный тест» (1999), Б.А. Базыма «Психология цвета: Теория и практика» (2005).

В науке о цвете особое место занимают исследования, в которых дается объяснение природы эстетического восприятия цвета человеком и анализируется функционирование цвета в искусстве. В этой связи можно отметить работы Н. Волкова («Цвет в живописи», 1984), М. Алпатова («Живописное мастерство Врубеля», 2000), С. Даниэля («Искусство видеть : о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о восприятии зрителя», 2006).

© О.В. Борзых, 2012

Вопрос о цветовой символике волнует и ученых-богословов. Например, замечательный русский философ князь Евгений Трубецкой в своих работах «Умозрение в красках», «Два мира в древнерусской иконописи», «Россия в ее иконе», вошедших в книгу «Три очерка о русской иконе», дал первое, целостное, историческое и богословское истолкование древней русской иконы, уделив в своей работе внимание и цветовому наполнению иконы. Как пишет Трубецкой, «то это пурпур небесной грозы, то это ослепительный солнечный свет, или блистание лучезарного, светоносного облика» [7; 47]. По мнению Трубецкого, «в древнерусской живописи мы находим все эти цвета в их символическом, потустороннем применении» [7; 48]. Изучению иконописи и символики цветов, используемых при создании иконы, посвящены и работы В.В. Лепахина: «Русская икона», «Икона в русской художественной литературе», «Образ иконописца в русской литературе XI XX веков».

Размышления Павла Флоренского о цветовой символике небесных знамений на фоне «политизации» цвета в начале XX века выглядят контрастными. Флоренский выделяет три первоцвета, через которые София предстает людям и которые символизируют три ее ипостаси: сине-фиолетовый, красно-розовый, зелено-золотистый. Отец Павел Флоренский развивает вслед за другими исследователями идею происхождения «всех цветов от света и тьмы» [8; 555].

Достаточно подробно в современной науке изучается проблема цвета в национальном сознании. Оценки восприятия цвета у человека исследуют-

ся с учетом социально-культурного феномена, имеющего свои особенности в истории разных народов. Каждая нация имеет свою символику цвета, отражённую в её фольклоре, религии, языке и литературе. Интересны высказывания о цвете в арабском фольклорном эпосе XV века. Одна из сказок «Тысячи и одной ночи» называется «Рассказ о шести молодых девушках». В ней соревнуются в искусстве спора невольница с белыми волосами и черноволосая рабыня. Белая невольница, по имени Лицо Луны, так характеризует белый цвет: «Я – свет сияющий! Я – луна, восходящая на горизонте! Цвет мой ясен и очевиден! Чело мое сияет блеском серебра. Цвет мой – цвет дня! Он также цвет померанцевого цветка и жемчужной утренней звезды!» [6; 75]. Известно, что и в христианстве цвет играет важную роль. Существуют работы исследователей, посвященные толкованию цветов Библии (М.Д. Стюарт «Удивительное значение Чисел и Цветов в текстах Священных Писаний», 2001). Очень разнообразна цветовая гамма богослужебных облачений: белый, красный, желтый, зеленый, черный, фиолетовый. Например, Пасха Христова начинается в белых облачениях, ведь белый цвет – символ Божественного света, чистоты, истины, святости жизни и души.

Многие исследователи отмечали, что для некоторых художественных направлений и целых эпох характерно тяготение к определенным цветам и устойчивым цветовым сочетаниям. Однако особенности восприятия цвета отдельным художником, писателем всегда индивидуальны. В литературоведении известно оригинальное восприятие цвета В. Хлебниковым и поэтами его круга, трепетное отношение к бирюзово-лазурным оттенкам А. Белого и С. Есенина, «малиновые» мелодии М. Цветаевой, «желтизна» Петербурга в колористике Ф. Достоевского, чёрно-белая палитра А. Ахматовой и Джека Лондона, зловещая чернота Э. По («Черный кот») и др.

Проблема цветовой символики в литературном произведении уже давно стала актуальным предметом изучения. Многие писатели, поэты, философы XX века проявляли интерес к цветам, к тому, что может выражать тот или иной цвет. Дальше всех, пожалуй, пошел В. Хлебников, выдвинувший в статье «Художники мира!» особую теорию цвета. Он высказал мысль, что художник может прибегнуть к помощи красок и обозначить буквы алфавита цветами.

Подобные интересные суждения о цвете высказывал и писатель Владимир Набоков, например, в автобиографическом труде, опубликованном на английском языке, «Память, говори» лейтмотивом стала радуга. Для Набокова буквы были не просто окрашены в цвета, как у Хлебникова, они еще и вызывали определенные предметные ассоциации. Латинское О ассоциируется у него с ручным зеркальцем в оправе цвета слоновой кости, а буква L – с кривой макарониной, бледной и длинной, N – с мучнистым цветом овсянки [9; 54]. Вот как вспоминает об этом сам писатель в автобиографии: «Сверх всего этого я наделен в редкой мере цветным слухом. Не знаю, впрочем, правильно ли говорить о “слухе”, цветное ощущение создается, по-моему, самим актом голосового воспроизведения буквы, пока воображаю ее зрительный узор» [5; 464].

«В отличие от своей матери, которая воспринимала цвет в музыкальных тонах, маленький Набоков “видел” цвет в ассоциациях, хотя и называл это явление ”colored hearing”», – пишет Г. Чеснокова [9; 52]. Набоков был синэстетиком, то есть он не только слышал звуки, но и видел их, не только осязал предмет, но и чувствовал его вкус. Среди синэстетиков было много известных личностей. Например, французский поэт Артюр Рембо связывал гласные звуки с определенными цветами. Композитор Александр Скрябин видел цвет музыкальных нот.

Интересное восприятие цветов (особенно белого) было у художников-авангардистов XX века: В. Кандинского и К. Малевича. В недолгой истории психологии цвета одно из самых видных мест занимает работа выдающегося русского живописца В. Кандинского «О духовном в искусстве». Одна из глав его работы называется «Действие цвета», в ней художник констатирует тот факт, что цвет воздействует на человека двояко: сначала происходит чисто физическое воздействие цвета, а потом – психическое его воздействие. «В этом случае обнаруживается психическая сила краски, она вызывает душевную вибрацию. Так первоначальная элементарная физическая сила становится путем, на котором цвет доходит до души», – пишет Кандинский [4; 42]. В книге «О духовном в искусстве» в разделе «Живопись» можно найти описание Кандинским каждого из цветов, воссоздание тех ассоциаций, которые возникают у человека при просмотре определенного цвета. Так, например, Кандинский белый цвет в качестве члена оппозиции белое/черное отсылает к оппозициям свет/тьма, начало/конец и традиционно прочитывает как символ смерти. Отмечал Кандинский и близость белого цвета к желтому (свету, центростремительному). Василий Кандинский слышал звучание красок и даже использовал для описания своих картин музыкальные термины: «композиция», «импровизация».

В живописи Малевича белое выступает как чистый концепт, свободный от традиционных коннотаций, что заметно на его картине 1919 года «Белое на белом». В том же году было создано полотно П. Филонова, названное им «Белая картина». Проникновение белого в названия полотен художников и названия крупных произведений

XX века («Белая стая» Ахматовой, «Белая гвардия» Булгакова, «Белый пароход» Айтматова).

Изучение цветовой символики в современном литературоведении также актуально. Исследованию проблематики белого цвета в литературе посвящена работа Н.В. Злыдневой «Белый цвет в русской культуре XX века». Злыднева отмечает, что в цветовом коде культуры белый цвет стоит особняком и несет в себе оттенки тональности: «Выступая одновременно как эквивалент и света, и пустоты, он осмысливается как просто-цвет и сверх-цвет» [3; 424]. Триада белое – красное – черное, по ее мнению, выступает как универсальный символ культуры.

В русской литературе первой трети XX в. белый цвет занимает доминирующую позицию. В качестве диады белое – красное он маркирует политический дискурс времени революции и гражданской войны. Белое доминирует в названиях стихов и стихотворных циклов А. Ахматовой – «Белая стая», «Белые ночи», «Белое стихотворение» и пр. Много белого у Цветаевой и Пастернака. Совсем недавно появилась еще одна работа, связанная с цветовой образностью, – «Поэтика цвета и света в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А.М. Федорова» Т.Ю. Зиминой Дырда.

Использование цвета как особого «языка», кода было важным практически для всех символистов, как литераторов, так и живописцев. Известные исследователи символизма З. Минц, А. Пайман, В.Н. Топоров отмечают, что начало XX века наполнено поисками способов проникновения в мир «несказуемого», поисками возможностей выражения предчувствий или переживания сверхприродной реальности.

Системно и содержательно обращение к цвету таких творцов символизма, как А. Блок и А. Белый. Они используют изначально присущие цвету свойства символа и его способность порождать массу ассоциаций. В 1905 г. А. Блок в статье «Краски и слова» пишет: «И разве это не выход для писателя – понимание зрительных впечатлений, умение смотреть? Действие света и цвета освободительно. Оно улегчает душу, рождает прекрасную мысль» [10; 111]. При создании цветовых образов Блок вдохновлялся картинами Врубеля («Демон», «Царевна-лебедь»), Нестерова, итальянской живописью и, конечно, богатой палитрой родной русской природы.

Исследователи не обошли вниманием роль цвета и в творчестве Андрея Белого. «Проблема живописности (picturesque) в поэзии А. Белого является частью общей проблемы синтеза искусств, которая была едва ли не центральной в русской культуре рубежа XIX–XX веков», – отмечает исследовательница Е.В. Завадская в работе «Ut pictura poesis Андрея Белого» [1; 461]. Свою цветовую теорию Андрей Белый выразил в статье «Священные цвета», написанной в 1903 году. К теме света и цвета поэтически ориентированный мыслитель обращается и как теософ раньше Флоренского. Он отталкивается от мысли о полноте цветов, заключенных в свете, который есть Бог. В белом цвете А. Белый видит символ воплощенной полноты бытия, а в черном — символ небытия и хаоса. Много говорил Белый и о способности цвета характеризовать самые сложные психологические состояния человека.

Обратимся к роли цвета в художественном творчестве, выделив два направления в рассмотрении его символики в литературных произведениях.

I. Экфрасис – описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте. Из последних работ, посвященных этой проблеме, можно отметить сборник трудов Лозаннского университета под редакцией Л. Геллера «Экфрасис в русской литературе» [10]. Составитель отмечает: «В России у него сложилась долгая история. Описания украшенных предметов и произведений пластических искусств бытуют в русской литературе с древних времен вплоть до самого последнего времени, привлекают разных авторов, включаются в разные виды и жанры, выполняют порой очень важные литературные задачи. Достаточно вспомнить об «Арабесках» Гоголя, о месте картины Клода Лоррена у Достоевского, о «Запечатленном ангеле» Лескова, о поэзии символистов, постсимволистов, постмодернистов» [10; 6].

II. Рассмотрение цветовой символики как сугубо словесного образа.

Литература может обходиться и без описания красок природы, человека, вещей, но может быть и «словесной живописью», активно использующей цвет. В этом случае роль цвета состоит в том, чтобы вызвать у читателя близкое к реальности представление об изображаемых явлениях. В реалистической литературе цвет используется при описании человека, предмета или явлений природы. Эмоционально-выразительная функция цвета является служебной, но она может выйти и на первый план, приобретая метафорическое значение. Таковы, например, цветовые образы в лирике С. Есенина («красные крылья заката», «души сиреневая цветь») или символическое содержание голубого цвета в лирике А. Блока. И это наиболее распространенная и изученная функция цвета в поэзии в целом, независимо от принадлежности поэта к тому или иному течению. «Идеально-преобразовательная функция цвета в литературе, подобно живописи, проявляется тогда, когда поэт или писатель стремится к эстетизации общего впечатления. Особенно это характерно для акмеизма в русской поэзии начала XX века», – отмечает С.Е. Гудина в статье «Цвет как эстетическое и художественное явление» [2; 90].

В модернистической литературе, например, поэзии символизма, цвет объективируется, становясь символом. Поэтический символ рассматривался как более действенное, нежели художественный образ, орудие, помогающее «прорваться» сквозь покров повседневности к идеальной сущности мира – Красоте. «Символ многозначен и неопределенен, когда мы постигаем сущность вещей. Истинный символ нельзя объяснить. То, что можно объяснить "иным", перестает быть символом» [11; 13]. Поэзия, согласно теории символизма, должна подходить к изображению действительности через тонкие намеки и полутона. Так, например, исходя из учения Вл. Соловьева о Софии, Душе Мира, А. Блок окрашивал мир своей Прекрасной Дамы в белый, голубой и золотой цвета, в цвета Софии, Вечной Женственности.

Несмотря на то, что зависимость цветописания А. Блока от учения Вл. Соловьева не вызывает сомнений, следует отметить, что использование цвета при описании внешнего облика героини идет еще из средневековой традиции. Например, у Данте в «Божественной комедии» Беатриче появляется в одеждах трех цветов: зеленой-белой-красной, выражающей, соответственно, надежду-веру-любовь. Нередки обращения поэтов к библейской традиции толкования того или иного цвета.

Особо отметим роль цвета в построении сюжета произведения. Одно из ведущих направлений современного литературоведения – разработка теории мотива, мотивный анализ, связь понятий «мотив» и «сюжет». В области мотива и мотивного анализа основополагающими являются работы А.Н. Веселовского, Б.М. Гаспарова, В.И. Тюпы, И.В. Силантьева и др. Событийный ряд в лирике обозначен далеко не всегда и часто весьма скупо. Переживание не столько обозначается словом, сколько максимально выражается. Вся система художественных средств в поэзии подчинена раскрытию динамики чувств человека. В этом смысле цветовые символы могут помочь в раскрытии душевного состояния лирического героя, давая читателю возможность пережить их как свои собственные. Последовательность смены состояний, в которых может находиться лирическое «я», составляет сюжет лирического стихотворения.

Роль цвета в построении сюжета может быть проиллюстрирована на примере цикла А. Блока «Снежная маска». Сюжет «Снежной маски», по нашему мнению, выстраивается из смыслов, которые рождает белый цвет. В цикле он выступает знаком зимнего пейзажа («белоснежней не было зим»); стихийного начала в человеке, маской, скрывающей истинное лицо. Белый цвет – это и Снежная Дева, и стихия, и метель: «Сны метели светлозмейной, / Песни вьюги легковейной, / Очи девы чародейной». Белый цвет – это смерть («Завела, сковала взорами / И рукою обняла, / И холодными призорами / Белой смерти предала...»), ложь, обман («маска»). Заявленный уже в самом названии цикла – «Снежная маска» – белый цвет в результате движения сюжета по-разному семантизируется, утрачивая только цветообозначающую функцию. Так открывается возможность использовать при изучении традиционных проблем поэтики междисциплинарные связи литературоведения с другими гуманитарными дисциплинами

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белый А. Проблематика творчества: статьи, воспоминания, публикации / А. Белый. – М. : Совет. писатель, 1988. – 558 с.

2. Гудина С.Е. Цвет как эстетическое и художественное явление / С.Е. Гудина // Философские науки, 1986. – № 3. –С. 83-90.

3. Злыднева Н.В. Белый цвет в русской культуре XX века / Н.В. Злыднева // Признаковое пространство культуры / отв. Ред. С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2002. – С.424 – 431.

4. Кандинский В.В. О духовном в искусстве / В.В. Кандинский. – М. : Архимед, 1992. – 107 с.

5. Набоков В.В. Рассказы, воспоминания / В.В. Набоков. – М. : Современник, 1991. – 653 с.

6. Сказки «Тысячи и одной ночи». Волшебные сказки о любви / под ред.

В.П. Бутромеева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 304 с.

7. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе / Е.Н. Трубецкой. – М. : ИнфоАрт, 1991. – 112 с.

8. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи: В двенадцати письмах / П. Флоренский. – Париж, 1989 – 814 с.

9. Чеснокова Г. Цветовое восприятие мальчика "индиго" и цветная грамматология писателя-синэстета В.В. Набокова / Г. Чеснокова // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: международная научно-практическая конференция 24-25 мая 2008 г. СПб,ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008 – 272с. – С. 50-56.

10. Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / [под ред. Л. Геллера]. – М.: МИК, 2002 .– 215 с.

11. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / В. Андреева [и др.]. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 556 с.

Борзых Ольга Викторовна, Место работы, должность: Воронежский государственный университет, филологический факультет, кафедра русской литературы XX-XXI веков, аспирант.
e-mail: www.borzih.olga@yandex.ru

Borzih Olga Viktorovna,Voronezh State University, Philological faculty, Department of Russian literature of the XX-XXI-st centuries , post-graduate student
e-mail: www.borzih.olga@yandex.ru

УДК 81'1

УНИФИЦИРОВАННОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ТИП ЗНАЧЕНИЯ

© О.Е. Виноградова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 января 2012 г.

Аннотация: *целью данного исследования является представление унифицированного лексикографического значения как одного из способов описания значения слова на примере частотных прилагательных русского языка. Источниками для исследования послужили словарные статьи следующих толковых словарей:«Современного толкового словаря русского языка» Кузнецова С.А., «Словаря русского языка» Ожегова С.И., Шведовой Н. Ю., «Толкового словаря русского языка» Ушакова Д.Н., «Нового словаря русского языка» Ефремовой Т.Ф., «Малого академического словаря русского языка» Евгеньевой А.П.*

Ключевые слова: *лексическое значение слова, лексикографическое значение, лексикографическое описание, психолингвистическое описание, коммуникативное описание, метод обобщения словарных дефиниций.*

Abstract: *The aim of this study is to present the unified lexicographic meaning as one of word meaning description methods using high frequency adjectives as example. Definitions of the following dictionaries constituted the subject for study: Modern Russian Dictionary by Khuznetsov S.A., Russian Dictionary by Ozhegov S.I., New Russian Dictionary by Efremova T.F., Little Academy Russian Dictionary by Evgenyeva A.P.*

Key-words: *lexical meaning, lexicographic meaning, lexicographic description, psycholinguistic description, communicative description, method of definition unification*

Современная лингвистика активно обновляет свою проблематику и становится одним из важнейших и эффективных инструментов изучения человеческого сознания. В рамках изучения сознания человека лингвистами рассматривается представление человека об окружающей действительности, отраженное в значениях языковых знаков, а также информация о мире, заложенная в системных значениях слов.

Значение слова фиксирует знания людей, полученные в процессе познания окружающей действительности. Лексическое значение представляет собой разновидность знания о мире. Именно поэтому оно находится в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности.

Отражательная природа лексического значения предполагает его нелимитируемость, однако это не свидетельствует о невозможности описания значения, а лишь ставит вопрос о различных уровнях глубины и адекватности его описания [1, 23-25].

Семантика лексических единиц описывается с разными целями, разными методами и в связи с этим значение предстает в лингвистике в различных по характеру, объему и полноте описаниях.

© О.Е. Виноградова, 2012

Существуют следующие подходы к описанию значений лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка:

лексикографическое описание (сформулированный лексикографами логический минимум признаков для узнавания значения слова, ядерные семы слова в представлении лексикографов);

психолингвистическое описание (совокупность семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментальными приемами разного типа, ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка);

коммуникативное описание – значение, полученное из контекстуальной семантики употребления слова, включающее совокупность семантических компонентов, нашедших актуализацию в контекстах употребления слова в языке) [2, 18-19] .

Традиционно лексикологи в своих исследованиях описывают значения слов в опоре на словарные дефиниции толковых словарей. Однако анализ слова в контексте всегда выявляет семы, которые не входят в словарное толкование. Психолингвистический анализ семантики слова еще более усложняет проблему описания значения, так как значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его

представление в традиционных толковых словарях. Это и позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах и разных типах словарей [3, 94-97] .

Лексикографическое значение сформулировано лексикографами в толковом словаре в результате применения принципа редукционизма, и его можно рассматривать как совокупность основных, ядерных сем значения, отражающих, по мнению лексикографов, основное содержание значения.

С одной стороны, лексикографическое описание большинства лексических единиц языка уже проделано лексикографами и представлено в толковых словарях. С другой стороны, принцип множественности метаязыкового описания ментальных единиц обусловливает значительные несовпадения в описаниях одних и тех же значений в различных словарях.

В связи с этим лексикографическое описание значения слова как системный метод описания языковых единиц требует обобщения данных разных словарей.

Более унифицированное и достоверное лексикографическое описание значения слова может быть осуществлено методом обобщения словарных дефиниций.

Метод обобщения словарных дефиниций направлен на получение максимально полного описания значения исследуемого слова в системе языка на базе всей совокупности имеющихся толковых словарей с дифференциацией современных и устаревших значений в его смысловой структуре.

Данный метод основан на теоретическом принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга [2, 19] .

Используя метод обобщения словарных дефиниций, мы выявили унифицированное лексикографическое значение прилагательных, обладающих наиболее высоким показателем частотности в соответствии с «Частотным словарем русского языка» С.А. Шарова, О.Н. Ляшевской. Источниками для исследования послужили следующие толковые словари: «Современный толковый словарь русского языка» под ред. Кузнецова С.А., «Словарь русского языка» Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю., «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Новый словарь русского языка» Ефремовой Т.Ф., «Малый академический словарь русского языка» под ред. Евгеньевой А.П.

В таблице указано количественное соотношение обнаруженных значений исследуемых прилагательных в изученных нами словарях *(См. табл. 1)*.

Таким образом, ни один словарь не привел всех значений изучаемых слов; обобщенное, унифицированное лексикографическое описание значений слова содержит существенно больше значений, чем каждый отдельный словарь.

Толковые словари дают пользователю информацию о значении слова и возможность «опознать» слово в разных контекстах. Унифицированное лексикографическое значение дает максимально полное описание значения исследуемого слова в системе языка, но и оно не является исчерпывающимся для описания реального функционирования слова в речи. Унификация лексических значений слов является необходимым этапом системного описания семантики слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж гос. ун-та, 1985. – 170 с.

2. Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbruecken : Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 314 с.

4. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 150 с.

Таблица 1

	Количество значений в словаре					всего обнаруженных значений
Автор словаря	Кузнецов С.А.	Ожегов С.И.	Ушаков Д.Н.	Ефремова Т.Ф.	Евгеньева А.П.	
новый	10	4	7	10	13	20
хороший	9	10	7	11	19	22
должный	2	2	3	3	1	3
последний	10	7	13	13	14	17
российский	1	2	2	4	1	5
высокий	9	7	11	10	12	14
русский	1	2	2	4	1	5
общий	19	9	9	21	12	29
главный	6	2	3	5	6	10
государственный	2	2	3	5	2	6
маленький	10	3	8	10	10	13
любой	4	2	3	7	4	9
полный	16	5	14	9	15	23
молодой	9	6	7	10	10	11
советский	2	2	6	6	6	7
разный	3	5	5	4	4	6
настоящий	8	7	8	7	9	14
всякий	6	4	7	6	6	13
военный	4	4	5	5	8	7
иной	4	2	3	5	5	6
нужный	2	4	1	2	2	5

Воронежский государственный университет
Виноградова Ольга Евгеньевна
Преподаватель кафедры английского языка естественно-научных факультетов
e-mail: o.vinogradova@list.ru

Voronezh State University
Vinogradova Olga Evgenyevna
Teacher of English chair for science departments
e-mail: o.vinogradova@list.ru,

УДК 81’ 373; 001,4

«НЕСТРОГОЕ» УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНА: ФУНКЦИИ, СЕМАНТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ)

© *В.В. Головинова, З.Д. Попова*

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 мая 2012 года

Аннотация: *В статье рассматривается употребление физико-математических терминов за пределами научного стиля, а именно в выступлениях политиков. Анализируются функции такого употребления терминов и вызываемые им семантические изменения терминологических лексем.*

Ключевые слова: *Термин, типы значений слова, политическое выступление, речевое воздействие, развитие полисемии.*

Abstract: *the article deals with the using of physical and mathematical terms outside of scientific style in speeches of politics. Functions of such use of terms and semantic changes of terminological lexemes caused by it are analyzed.*

Key words: *term, types of meanings, politic appearance, speech impact, development of polysemia.*

«Нестрогое» употребление термина делается намеренно с различными целями, имеет различные функции и ведёт к семантическим изменениям. Такое употребление терминов и его цели мы прослеживаем на материале использования физико-математических терминов в политических выступлениях.

Официальное политическое выступление – это любая произнесённая речь, которая связана с политикой как общественным институтом. Изучено 65 выступлений политических деятелей. Среди них встреча Президента РФ с представителями интернет-сообщества 29.04.11, заседание комиссии при Президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России 31.01.11, вступительное слово Президента на совещании по вопросам правоохранительной деятельности 29.09.10 и ряд других. Эти выступления застенографированы и представлены на официальном сайте политического деятеля или информационного агентства.

В ряде выступлений термины употреблены в своём прямом номинативном значении (по нашей терминологии [1] – с денотативной первой семемой, которую мы обозначаем символом Д1).

Только с семемой Д1отмечены такие термины: *тонна, ватт, гектар, грамм, кубометр, приёмник* и некоторые другие.

Свободное и активное терминоупотребление демонстрирует компетентность (или иллюзию компетентности) в узком вопросе, реализует такое правило речевого воздействия, как демонстрация некоторого превосходства над аудиторией [2, 168].

© В.В. Головинова, З.Д. Попова, 2012

Например, термин *процент о*бычно реализуется с семемой Д1: «сотая доля какого-либо числа, принимаемого за целое, за единицу. *Десять процентов от двухсот составляет двадцать*» и «количество кого/чего-либо, измеряемое в сотых долях чего-либо принятого за единицу. *Выполнение задания на сто десять процентов*» [3, 1037-1038].

Доля частного сектора на тот период была близка к нулю, сейчас же он составляет более 60 процентов (Медведев Д.А., 17.06.2011).

Тем не менее, это пример неоднозначно трактуемого воздействия. И.А. Стернин выделяет использование цифр, статистических данных как одно из правил речевого воздействия, а К. Бредемайер [4] относит сообщение точных количественных, процентных данных без указания источника и способа подсчёта к уловке или стратегическому элементу чёрной риторики, т.е. манипуляции. Очевидно одно – использование точных числовых данных обладает высоким воздействующим эффектом.

Во многих выступлениях физико-математические термины употреблены в производно-номинативном значении (с денотативной второй семемой, в нашей символике Д2).

Термин *алгоритм* (последовательность проведения вычислительных операций [3, 34] в политических выступлениях получает семему Д2 (порядок действия, правила, используемые в какой-либо деятельности).

Но вместе с тем надо понимать, что существует определённый алгоритм *действий судебного пристава* (Сазанов С.В. 15.04.2010). *Поэтому этот* алгоритм *перевода [высших военных учебных*

заведений] из бюджетных в казённые очень сложный, но мы будем этим заниматься (Приезжева Е.Г. 28.09.2010).

Лексема *генератор* сememой Д1 «устройство (аппарат или машина), производящее какой-либо продукт, вырабатывающее электрическую энергию или один вид энергии в другой» [6, 12] представляет собой физический термин. Но лексема *генератор* реализует и семему Д2: «генератор – о том, кто постоянно выдвигает, предлагает, изобретает, придумывает что-л. *Генератор идей*» [3, 198]. Термин является производящим для лексем *генерирование, генерировать*.

Надеюсь, что общественный совет в этом году будет важным инструментом и экспертизы, и, может быть, ***генерирования*** *тех идей, которые позволят министерству выполнять свои обязанности на более высоком уровне* (Шохин А.Н. 19.03.2010). *Мы спрос* ***генерируем****, но не всегда достаточно компетенций, которые могли бы эти запросы на НИОКР исполнить* (Набиуллина Э.С. 31.01.2011).

Содержание термина *динамика* в специальной литературе определяется как «раздел механики, изучающий движение тел под действием приложенных к ним сил» [6, 14]. Это реализация термина с семемой Д1. От этого значения образовалось второе, также отражающее момент движения, но в более широком понимании (семема Д2): состояние чего-л., находящегося в движении, развитии, и перспективы его изменения [3, 693].

То есть за последние 2-3 года идёт очень сильная ***динамика*** *как раз по поиску новых форм, их внедрение на территории различных регионов* (Лисицын Д.В. 16.02.2010). *Безусловно, это субъективная оценка, но поскольку мы несколько лет проводим анализ, то эта* ***динамика*** *не может не тревожить* (Шохин А.Н. 19.03.2010).

Данный термин оказался одним из наиболее продуктивных: в публичной речи используются и его дериваты: *динамично* и новообразование *динамизм*.

Стратегическое партнёрство между Россией и Китаем помогает делать мир одновременно и более стабильным, и более ***динамично*** *развивающимся* (Медведев Д.А. 17.06.2011). *Доля передовой экономики в ВВП, которая определяет её* ***динамизм*** *и конкурентоспособность, у нас пока ещё на достаточно низком уровне* (Кудрин А.Л. 09.02.2011)

Термин *сегмент* имеет семему Д1 «отрезок прямой» [3, 1170]. В нашей выборке отмечено употребление термина с семемой Д2: «часть общественной сферы», это значение не зафиксировано в словарях.

...Быстрее всего растущий ***сегмент*** *– это совсем новые рынки, на которых раньше госкорпорация не участвовала* (Кириенко С.В. 31.01.2011). *Я думаю, у нас сегодня есть неплохая возможность обсудить состояние дел в российском* ***интернет-сегменте****, да и вообще в области интернета* (Медведев Д.А. 29.04.2011).

С семемой Д2 отмечены также термины *пропорция, коэффициент, инерция, компонента, сфера, энергия, единица, минус, плюс, цифра, площадь, сумма*.

Употребление терминов в публичном выступлении с семемой Д2 придаёт речи некий научный характер, создаёт оратору имидж компетентного человека, указывает на осведомлённость выступающего в предмете речи, на его свободное владение специальной лексикой.

В публичных выступлениях мы обнаружили и метафорическое употребление терминов (коннотативная мотивированная семема К1), придающее речи образность. А метафоры, особенно новые, неожиданные, останавливают на себе внимание и делают выступление запоминающимся. Приведём примеры.

Физический термин *резонанс* имеет семему Д1: «явление сильного возрастания амплитуды колебаний (электрических, механических, звуковых и т.д.) под влиянием внешних воздействий, когда частота собственных колебаний системы совпадает с частотой внешнего воздействия» [6, 34]. В нашем материале отмечено употребление термина и его деривата *резонансный* с семемой К1 «реакция множества людей на какое-то явление».

Это обсуждение получило некий ***резонанс****...* (Приезжева Е.Г. 28.09.2010). *Можно сказать ещё об одной, довольно* ***резонансной*** *стороне, которая вызвала, естественно, много эмоций, обсуждений* (Медведев Д.А. 23.09.2010).

В механике лексема *рычаг* употребляется с семемой Д1: «устройство для уравновешения большей силы меньшей» [6, 35]. В исследуемом материале отмечена реализация термина с семемой К1: «средство воздействия на кого/что-либо [3, 1138]

Я уж про Минобороны не говорю. То есть у нас кто заказывает, тот и должен иметь финансовый ***рычаг*** (Иванов С.Б. 27.06.2011). *Потому что у нас как такового* ***рычага*** *воздействия, конечно же, нет* (Жилкин А.А. 15.07.2010).

Чаще всего в физических справочниках термин *спектр* определяется только с точки зрения оптики: при разложении белого света, т.е. света в видимом диапазоне, содержащего все длины волн, возникает цветовая полоса, которую называют спектром [7, 288]. Это исторически первое определение сущности понятия, семема Д1. В общенаучном понимании *спектр* – это «совокупность всех значений какой-либо физической величины. *Оптический спектр*» [3, 1247]. Это семема Д2-1, реализация которой не была зафиксирована в отобранном материале.

В.В. Благодарный уточняет, что «в физике наиболее часто рассматривают спектр колебания, понимая под ним совокупность гармонических колебаний, на которые может быть разложено данное колебание» [6, 36]. Именно понимание термина вне волновой теории послужило основанием для производного значения: «объём, совокупность, множество чего-либо» (семема К1). В «Новейшем толковом словаре русского языка» это значение не отражено, но оно встречается в нашей выборке.

Как подчёркивал на Совещании послов Президент Д.А. Медведев, современная дипломатия должна быть манёвренной, гибкой, лёгкой на подъём, способной решать весь ***спектр*** *задач, стоящих перед Россией как неотъемлемой частью глобального мира* (Лавров С.В. 01.09.2010). *Он [детектор] превосходит любые зарубежные аналоги и по скорости просмотра контейнеров, и, самое главное, детектирует не только металлы и взрывчатые вещества, но практически любой заданный* ***спектр*** *материалов детектируется прямо на ходу контейнера или машины* (Кириенко С.В. 31.01.2011).

В физике лексема *турбулентность* реализуется с семемой Д1: «воплощение хаоса» [8, 42]. В нашей выборке термин и его дериват *турбулентный* употребляются с семемой К1: «неупорядоченное, хаотическое движение» [3, 1354].

Резкие колебания политической и экономической конъюнктуры, ***турбулентность*** *мировой экономики ... не станут поводом для демонтажа демократических институтов* (Медведев Д.А.05.11.2008). *Можно сказать с большой долей уверенности, что пик кризиса преодолён, хотя* ***турбулентные*** *явления в мировой экономике и, как следствие, в российской ещё сохраняются* (Путин В.В. 03.12.2010).

Метафорические значения выражают и другие физико-математические термины, такие, например, как *множество, поляризация, пирамида, траектория, перспектива, импульс, дисперсия, проводник, объём, десяток, круг.*

На основе своего терминологического значения некоторые физико-математические термины вошли в состав фразеосочетаний, в которых получили семему К1.

Лексема *вес* является физическим термином при употреблении с семемой Д1: «Сила тяжести» [3, 121]. В нашей выборке отмечена реализация термина с семемой К1 в составе фразеосочетания *иметь вес*: «Значение, влияние, авторитет. *Иметь вес в деловых кругах*» [4, 121.

Миротворческая деятельность государства, о которой мы сегодня говорим на конференции, не может быть успешной, если само государство ***не имеет должного веса*** *в международной системе взаимоотношений* (Салмин К.Г. 23.10.2009).

Лексема *фокус* употребляется в значении термина с семемой Д1: «Точка, в которой после прохождения оптической системы параллельным пучком лучей последние пересекаются. *Фокус линзы*» [6, 41]. В нашей выборке лексема отмечена в составе фразеосочетания с семемой К1: «Средоточие, центр. *Попасть в фокус внимания*». *А то, что МОТ уже держит эту тематику* ***в фокусе внимания****, подтверждает Глобальный пакт о рабочих местах* (Путин В.В. 15.06.2011). Это фразеосочетание настолько привычно, что на его основе образовался глагол *сфокусироваться.*

А здесь ЦСКП в большей степени ***сфокусировался*** *в какой-то момент на работе с партийными клубами «Единой России»* (Шувалова Л.В. 19.07.2011).

Составная номинация *центр тяжести* представляет собой физический термин с семемой Д1 «точка приложения этой силы [силы тяжести]» [7, 48]. В нашей выборке отмечено метафорическое употребление термина в значении «полная мера».

Здесь необходимо смещение ***центра тяжести*** *ответственности на собственника, здесь необходимо смещение* ***центра тяжести*** *ответственности с административно-уголовной к материальной ответственности* (Шаккум М.Л. 19.03.20).

Политическое выступление обычно носит убеждающий характер, поэтому должно быть образным. Конечно, общий деловой стиль выступления накладывает свои ограничения на выбор лексических средств. Но один из путей преодоления данного затруднения и есть образное употребление термина. Основной функцией подобного словоупотребления является создание яркого образа у слушателей при соблюдении норм делового общения.

Становится очевидным, что физико-математические термины активно используются в политической речи, предоставляют оратору возможность поддержать имидж компетентного человека, выразить оценку, оставаясь в рамках правил делового общения. Воздействующий эффект данной группы лексики достаточно высок и представляет интерес для дальнейших научных исследований.

Таким образом, «нестрогое» употребление терминов с одной стороны, выполняет разнообразные функции речевого воздействия, а с другой – имеет своим следствием развитие полисемии терминологической лексики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / З.Д. Попова, М.М. Копыленко – Воронеж : ВГУ, 1989. – 192 с.

2. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: Учебное пособие / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2009. – 178 с.

3. Новейший большой толковый словарь русского языка

/ гл. ред. С.А. Кузнецов. – М. : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

4. Бредемайер К. Чёрная риторика: Власть и магия слова / К. Бредемайер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 224 с.

5. Выгодский М.Я. Справочник по элементарной математике/ М.Я. Выгодский. – М. : Наука, 1966. – 424 с.

6. Благодарный В.В. Физические термины: краткий этимологический словарь / В.В. Благодарный, В.И. Мелешко. – М. : Чистые пруды, 2006. – 48 с.

7. Кухлинг Х. Справочник по физике / Х.Кухлинг. – М. : Мир, 1983. – 520 с.

8. Фрик П.Г. Турбулентность: модели и подходы. Курс лекций. Часть I / П.Г. Фрик. – Пермь : Перм. гос. тех. ун-т, 1998. – 108 с.

Воронежский государственный университет
Зинаида Даниловна Попова Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета
E-mail: zpopova@phil.vsu.ru

Воронежский государственный университет
Виктория Вадимовна Головинова
Магистр филологии
E-mail: endrina13@yandex.ru

Voronezh State University
Zinaida D. Popova Doctor of Philology (Linguistics) Professor in the department of General Linguistics and Stylistics
E-mail: zpopova@phil.vsu.ru

Voronezh State University
Victoria V. Golovinova
Master of Philology
E-mail: endrina13@yandex.ru

УДК 82`0

ПОВЕРХ КОНЦЕПТОВ

© П.А. Гончаров, Е.В. Куликова

Мичуринский государственный аграрный университет

Поступила в редакцию 1 Ноября 2012 года

Аннотация: *В рецензии анализируется и оценивается структурная и содержательная специфика учебного пособия для аспирантов доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, члена Союза писателей России Л.В. Поляковой «Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию».*

Ключевые слова: *Литературоведение, современная терминология, диссертационное исследование.*

Abstract: *This review analyzes and evaluates the structural and substantive specificity of a textbook called «Literature. An introduction to research practices, issues and terminology» for post-graduates written by Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia, member of the Writers' Union of Russia L.V. Polyakova.*

Keywords: *the Theory of Literature, modern terminology, thesis.*

ПОВЕРХ КОНЦЕПТОВ[1]

«Моим ученикам посвящаю» – так незамысловато прост эпиграф к учебному пособию Л.В. Поляковой «Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию».

Ответной репликой сколь многочисленных, столь и известных учеников Ларисы Васильевны справедливо может прозвучать, пронзив столетия, фраза И. Ньютона: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». В мире современной науки, динамичном, противоречивом и тенденциозном, необходимо иметь подспорье, позволяющее «видеть дальше других» и держаться верного курса. Ощущается острая потребность в своего рода индикаторе, выявляющем истинное и ложное. Закономерно, что невероятный по своей ценности научный опыт доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, члена Союза писателей России Л.В. Поляковой не только заслуживает, но и требует особой формы выражения, посредством которой он выходит на уровень всеобщего восприятия и общедоступности. Знаменательно и то, что такой формой стало именно учебное пособие для молодых ученых, круг которых не ограничен: студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели, специалисты в области литературоведения. Авторский курс лекций Л.В. Поляковой выполняет функции своеобразного путеводителя, открывающего пытливому взгляду читателя потаенные пути научного познания, в наше время нередко скрытые за дебрями ложной патетики и псевдонаучности.

Учебное пособие Л.В. Поляковой впечатляет многогранностью и информативностью. Структурированное в семь пространных лекционных тем, оно, кроме того, содержит приложение, учебно-методические материалы для подготовки аспиранта к экзамену и внушительный список рекомендуемой литературы, включающий и перечень актуальных электронных ссылок.

С точки зрения структуры, учебное пособие условно делится на три части, включающие в себя в зависимости от тематической общности ряд подтем. Если исходить из того, что Л.В. Полякова характеризует способ и принцип подачи материала как «путь общения – от азов практики к сложной литературоведческой проблематике» [14], – то каждую из выделенных в пособии частей уместнее назвать этапами этого *пути*. Так, две первые темы служат своеобразным напутствием начинающему филологу, повествуя об общем состоянии современного литературоведения и раскрывая секреты творческого успеха аспиранта (с. 18–121). На следующем этапе речь идет уже о научном исследовании как основном участке «пути» аспиранта. Три темы подряд в учебном пособии посвящены непосредственно диссертационному исследованию, и символично, что эти темы находятся как бы в центре структуры пособия, составляя его своеобразное ядро. Автор поступательно погружает читателя в «океанические глубины» научной работы, начиная с видов

1. Рецензия на учебное пособие Л.В. Поляковой «Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию» (Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 372 с.)

© П.А. Гончаров, Е.В. Куликова, 2012

научного исследования и завершая одним из самых сложных и основополагающих вопросов – методологией диссертационного исследования (с. 121–247). Дальнейший этап подразумевает рассмотрение художественного произведения как системы, а также проблемных ситуаций в современной литературоведческой терминологии (с. 247–314). При этом исследователь художественной литературы предстает уже «интеллектуальным “архипелагом”, в котором соединены, сплавлены разные “островки” гуманитарного, филологического знания при главенствующей функции умения работать с литературным произведением, анализировать его» (с. 247). И, наконец, в качестве необходимого дополнения, расширяющего мировидение молодого ученого, выступает приложение «Литературное произведение как предмет современной зарубежной науки о литературе», написанное Е.А. Цургановой (с. 314–343).

Важно, что в своем учебном пособии Л.В. Полякова не сконцентрирована целиком и полностью лишь на теоретических аспектах литературоведения, а, напротив, особое внимание уделяет практическим вопросам научно-исследовательской деятельности, многие из которых, как известно, часто являются камнем преткновения для молодых ученых. Значимо, что курс лекций сформирован на основе вопросов и проблем, наиболее актуальных в контексте «активизировавшихся к концу XX столетия процессов своеобразной глобализации гуманитарного знания, нивелирования национальной и идеологической сущности искусства» [9]. Актуализируя эти проблемы, Л.В. Полякова предостерегает молодых исследователей как потенциальных жертв массовых негативных научных веяний, среди которых «нестабильность эстетических воззрений и теорий, разномыслие и крайности в оценках, разбалансированность терминологии, ее неопределенность и подражательность» [15].

Ни на минуту не забывает автор и о прямой адресованности учебного пособия по литературоведению аспирантам: формирование необходимых навыков написания диссертации. Это могло стать главной задачей и, собственно, подчинить себе весь принцип изложения материала. Однако Л.В. Полякова уже в предисловии уточняет, что «курс лекций сориентирован в первую очередь на творческую личность, а не только на исполнителя» [15], – и это заведомо лишает повествование сухости, догматичности и монотонности. Как видим, реализация перечисленных автором целей и задач неизменно сводится к созданию эффекта дискуссионности, равно как личностной, непосредственной включенности слушателей курса в полемику. В связи с этим показателен ряд формулировок, передающих намерения автора: *«дать ориентиры», «раскрыть смысл», «сделать доступными», «сформировать отношение», «вызвать теоретическую бдительность», «поколебать уверенность», «заложить основы», «помочь в освоении», «ввести в круг проблем», «обобщить», «продемонстрировать», «познакомить»* [13–14]. Очевидно, что Л.В. Полякова стремится максимально активизировать мыслительную деятельность молодого филолога путем его непосредственного приобщения к материалу, при этом ни в коей мере не умаляя самостоятельности и индивидуальности его научных изысканий, но направляя их ход в нужное русло.

Стоит особо отметить широкий диапазон использованных при составлении пособия источников, среди которых не только классические, но и современные литературоведческие работы. Обилие новых убеждений и подходов в литературоведении взывает к постоянному отбору «зерен от плевел», но и классику необходимо «осваивать» тщательно и предельно корректно, – на чем акцентирует внимание Л.В. Полякова, проводя анализ выдержек из исследований отечественных ученых: А.А. Потебни, П.Н. Сакулина, И.Н. Розанова, А.П. Скафтымова, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана и др., – зарубежных работ Ш. Сент-Бева, К. Леви-Стросса, А. Компаньона и др. Л.В. Полякова обращается к современным справочникам, учебникам и учебным пособиям, периодическим изданиям, знакомя читателей с рядом любопытных точек зрения и оригинальных концепций, многие из которых оказываются откровенно спорными, в других же обнаруживаются неожиданно интересные суждения.

Проницательность, особая научная чуткость и филигранное владение историко-литературным материалом позволяют Л.В. Поляковой с высоты богатого опыта в научной деятельности провести нелицеприятный по своей сути анализ учебника МГУ им. М.В. Ломоносова «История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена» (1998) и учебного пособия «История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс» (2006). Результаты этой колоссальной работы, отраженные в многочисленных публикациях и выступлениях Л.В. Поляковой, представлены в учебном пособии в рамках тем: «Предпосылки достижения результата. Личностный фактор» (с. 77–96) и «Диссертационное исследование как процесс. Жанровый канон диссертации и его требования» (с. 154–167). Перечисление видимых и имеющих принципиальный характер недочетов в структуре и концепции названных выше изданий сопровождается острокритическим комментарием автора, а нередко и его безапелляционными вы-

водами. Подробный анализ, сочетающий эмоциональность и обстоятельность, разумеется, не преследует цели яркого изобличения столичных изданий, претендующих на академическую неприкосновенность, – но лишь служит еще одним предупреждением Л.В. Поляковой от «механического» перенесения содержания какого бы то ни было пособия в научное исследование. Автор призывает к максимальной «объективности оценок» как «черте подлинного профессионализма» [94]. Л.В. Полякова замечает: «Объективность оценок, несмотря на соблазны разного рода конъюнктуры, скрупулезное изучение фактов, владение литературной теорией и методологией – "три кита", на которых стоит историко-литературная наука» [167].

Обширен перечень затронутых в учебном пособии терминов, точность и четкость трактовки которых, по мнению автора, играет для ученого одну из важных ролей и одновременно служит одним из главных «рифов», затрудняющих его путь. Л.В. Полякова касается таких важных в литературоведении терминов (в том числе популярных и новомодных), значения которых вследствие многократного искажения и некорректного употребления приобретают размытость и теряют четкие очертания: *литературная классика, интертекстуальность, национальная идентичность, концепт* и др. Затрагиваются и проблемы соотношения и взаимосочетаемости некоторых понятий: *текст* и *литературное произведение*; *учение, теория, концепция*; *метод* и *методология*; *форма* и *содержание*; *анализ, интерпретация, герменевтика*.

Особенно ценно, что Л.В. Полякова, будучи не только теоретиком литературы, но и умудренным многолетним опытом научного руководства наставником, – делится в своем учебном пособии личными наблюдениями и выводами, дает советы и рекомендации. Отсюда особый стиль повествования, живой, яркий язык беседы, наполненной красочными отступлениями, способствующими воссозданию атмосферы личного общения и так желаемому всеми воссоединению теории и практики. К таким отступлениям относятся «Анализ морфологии повести С.Н. Сергеева-Ценского "Капитан Коняев"» (с. 254) – своеобразный мастер-класс профессора Л.В. Поляковой. Таков комментарий автора к статье аспирантки Т.В. Красновой «Сюжетная функция хронотопа в повести Е.И. Замятина "Уездное"» (с. 281), органично вписывающийся в рамки темы «Произведение как художественная система».

Авторский курс лекций Л.В. Поляковой «Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию» – издание, достойное занять значительное место в ряду учебных пособий для аспирантов. *Путь*, который проходят читатели и слушатели курса лекций, неизменно выводит их на новый уровень профессионализма, способствуя наилучшему ориентированию в научной сфере в противовес слепому следованию веяниям «научной моды». Методологически выверенное изложение мыслей автора, основанных на систематизации богатой научно-исследовательской практики, дополняется самобытным стилем повествования, где легкость и ироничность сочетаются с основательностью и полнотой, убедительностью и конкретностью. Одним из важных достоинств учебного пособия нужно назвать его направленность на формирование активной позиции молодого ученого – не «созерцателя», а непосредственного «участника». Посвящение Л.В. Поляковой ученикам, предваряющее учебное пособие, – видимо, намеренно не имея отсылки к прошлому, настоящему или будущему, – поразительным образом раскрывает концепцию этого издания, являющегося не только своеобразным итогом многолетней плодотворной работы автора, но и символом вовсе не исчерпанного потенциала его филологической и педагогической деятельности, преодолевшей барьеры нашего «нелитературного» времени и провинциального культурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Полякова Л.В. Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию / Л.В. Полякова. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – 372 с.

П.А. Гончаров, д.филол.н., профессор, зав. каф. литературы, директор педагогического института ФГБОУ ВПО «Мичуринский государственный аграрный университет»

Е.В. Куликова, аспирант кафедры литературы педагогического института ФГБОУ ВПО «Мичуринский государственный аграрный университет»

P.A. Goncharov, Doctor of Philology, Professor, the head of the department of literature, the director of the Pedagogical Institute of Michurinsk State Agrarian University.

E.V. Kulikova, A postgraduate student of the department of literature, Pedagogical Institute of Michurinsk State Agrarian University.

УДК 81

НОВЫЕ И ВОЗРОЖДЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ РЕЛИГИИ

© Е.П. Грибова, Ю.Т. Правда

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 мая 2012 года

Аннотация: *В статье рассматривается появление новых и возрожденных наименований женщин в религиозной сфере, возникших в результате активизации церковно-религиозной жизни людей в конце XX начале XXI века, а также выделяются способы их образования.*

Ключевые слова: *религиозная лексика, активная и пассивная лексика, новые и возрожденные наименования женщин.*

Abstract: *The aim of this article is to analyze the appearance and ways of formation of new nominations for women in religious sphere of the Russian language which were caused by the growing interest in religion at the end of the 20th century.*

Key-words: *religious vocabulary, active and passive vocabulary, new and regenerated women's names.*

В конце XX века в России отношение государства и общества к церкви, религии резко изменилось. Активизация церковно-религиозной жизни повлекла за собой и значительные изменения и в лексике русского языка, относящейся к данной сфере, в частности в наименовании женщин. Отметим некоторые из этих изменений, опираясь на толковые словари русского языка конца XX и начала XXI в. [1], [2], [3].

Прежде всего, наблюдается переход в активный состав современного русского языка части наименований женщин в религиозной сфере, ушедшей за годы советской власти в пассив. Рассмотрим некоторые из них.

Адвентистка, и, мн. род. ток, ж. к адвентист. Представитель протестантской секты, проповедующий близость «второго пришествия Христа» и наступления конца мира. Церковь адвентистов. В свое время адвентисты имели в Москве 5 молитвенных домов. НиР,1991. [1, 46].

Богоматерь, и, ж. Наименование Богородицы (обычно в светских, не духовных текстах). Богоматерь изображена по пояс. На левой руке сидит Младенец Христос. Лихачева В. Искусство Византии XIV–XV веков. [2, 82].

Богомолка, и, род. мн. лок, ж. Рел. Женск. к богомолец, льца. м. Верующий, посещающий богомолье, участвующий в богослужении. «Церковь на Апрашке строят. Этот факт меня убивает. Лохотронщики наверняка там будут грешки свои замаливать, а карманники шарить по кошелькам старушек-богомолок». Смена, 05.11.02. [1,146].

© Е.П. Грибова, Ю.Т. Правда, 2012

Богородица, ы. ж. Рел. Пресвятая Дева Мария, мать Иисуса Христа. Пресвятая Богородица. Заступничество Богородицы. [2, 82].

Буддистка, и, мн. род. ток, ж. Рел. Женск. к буддист. Последователь буддизма. Слушай, а ты не буддистка? Так подавить в себе женщину — это, понимаешь, искусство! Огонек,1992, 7. [1, 161].

Евангелистка, и, ж. Рел. Женск. к евангелист: 2. Член секты евангельских христиан, сторонник, наследователь лютеранского (евангелического) вероисповедания. На одном конце живет евангелистка, и у ней собрания, на другом коммунистка. М.М. Пришвин. Дневники,1924. [2, 241].

Игуменья, и, род. мн. вин. мений, ж. Рел. Настоятельница женского монастыря. Одна из канонизированных церковью святых Евфросиния Полоцкая основала женский монастырь, где стала игуменьей. Белов А. Святые без нимбов. [2, 261]

Инокиня, и, ж. Рел. Женск. к инок. В православии: монах. Возлюбленные о Господе всечестные отцы, иноки, инокини, дорогие братья и сестры города Пскова! Новости Пскова. 06.01.04. [1, 404].

Мирянка, и, мн. род. нок, ж. Рел. Женск. к мирянин. 1. Церк. Тот, кто живёт обычной светской жизнью. Она была параличная, у нее совсем не двигались ноги, за ней ухаживало несколько женщин, монахинь, мирянок. ВН, 26.12.03. [1, 597].

Миссионерка, и, мн. род. рок, ж. Рел.. Женск. к миссионер. Представитель, деятель церкви, занимающийся проповедью своей религии среди неверующих или исповедующих другую веру. Миссионеры намерены доставлять и на дом обеды

тем, кто не может сам приходить в благотворительную столовую. КиР,1991,2. [3, 721].

Монахиня, и, ж. Рел. Женск. к монах. Человек, посвятивший себя служению Богу и живущий обычно в монастыре. 18 февраля 1932 года были арестованы и сосланы в лагеря все еще продолжавшие проживать в помещениях и на территории (Иоанновского) монастыря монахини. Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. [1, 607].

Мусульманка, и, мн. род. нок, ж. Рел. Женск. к мусульманин. Последователь, приверженец мусульманства. 29 мусульман СНГ решили осуществить автопробег в Саудовскую Аравию. Цель — паломничество в Мекку. МН, 19.04.92. [1, 617].

Настоятельница, ы, ж. Рел. Назначаемая архиереем игуменья – глава женского монастыря. В 1982 году Мария Федоровна Шнуровозова становится тайной монахиней при одной церкви в Новокузнецке, где служила регентом, то есть руководила церковным хором. А девять лет назад владыка Сафроний перевел ее настоятельницей в монастырь. Губернские ведомости, 07.08.04. [1, 638].

Послушница, ы, ж. Рел. Женск. к послушник. Мужчина, живущий в монастыре, готовящийся к пострижению в монахи и, в соответствии с монастырским уставом, исполняющий различные послушания. Ходить в послушницах, а для того чтобы верно обратиться к насельнику (насельнице) монастыря, необходимо знать, что есть послушники (послушницы), рясофорные монахи (монахини), мантийные монахи (монахини), схимонахи (схимонахини). Лоханов А. Что надо знать о православной этике. [1, 759].

Прихожанка, и, род. мн. нок, ж. Рел. Женск. к прихожанин. Член религиозной общины при христианской церкви. Батюшка обвинял прихожан, не желающих участвовать в общей жизни одной семьи прихода, в эгоизме. Прихожанка Филофеева внимательно выслушала, повинно опустив голову. Ванеева Л. Три рассказа. [1, 799].

Причастница, ы, ж. Рел. Женск. к причастник. Принявший причастие. Я преподнес к губам причастницы Святые Дары, и она приняла их. Экономцев И. Записки провинциального священника. [2, 799].

Протестантка, и, мн. род. ток, ж. Рел. Женск. к протестант. Тот, кто проповедует протестантизм. Здесь есть и небольшие христианские меньшинства: протестанты, сирокатолики, халдеи, яковиты. Вольнов Л.Л. Что за народ ливанцы? [1, 813].

Многие из вышеприведенных слов давно существуют в русском языке, будучи древнерусскими – церковнославянскими по происхождению (мирянка, послушница, настоятельница, прихожанка, Богородица, Богоматерь, богомолка, причастница). Они используются в основном в православной среде. Остальные наименования женщин характерны для иных направлений христианства и других мировых религий (адвентистка, евангелистка, мусульманка, буддистка) и образованы от иноязычных слов.

Почти все возрожденные наименования женщин в словарях русского языка представляются в основном как образованные от соответствующих слов мужского рода с помощью суффиксов -к-, -иц-а, ниц-а, то есть уподобляются по структуре исконно русским словам.

Отметим, что дефиниции некоторых слов с разных словарях различаются. Например, в словаре Ожегова и Шведовой мирянин, производным от которого является мирянка, – это человек, живущий в миру, где мир – это светская жизнь, противопоставляемая монастырской жизни Церкви [3, 350]. В словаре под редакцией Скляревской миряне, к которым возводится мирянка, – это основная масса верующих, участвующих в церковной жизни [2, 700]. Разница, как видим, большая.

В словаре Скляревской к новым относятся всего несколько наименований женщин религиозной сферы:

Насельница, ы, ж. Рел. Женск. к насельник. Тот, кто постоянно живет в монастыре (монах, послушник) и подчиняется его уставу. «Монастырское хозяйство представляет собой редчайший в наше время образчик хозяйства почти натурального, держится в основном трудами насельниц». НН, 1989, 3. [2, 414].

Юродивая, ой, ж. Рел. Женск. к юродивый. Христианский подвижник, отказавшийся от всех благ мира, от общепринятого образа жизни, добровольно принявший нищету, скитания и образ умалишенного ради спасения; блаженный. «Ксения Блаженная была первой петербуржской юродивой». НВ,02.01.1990г. [1, 1106].

К новым мы относим такие единицы, как сатанистка и исламистка, образованные от зафиксированных в словарях Г.Н. Скляревской мужских новообразований: Исламистка, и, ж. Женск. к исламист. Сторонник исламизации. Мусульмане – это те, кто смотрит на мир через призму Корана, считая при этом свои отношения с Аллахом делом сугубо личным. Исламисты – те, кто стремится переделать жизнь по законам Корана, трактуя их зачастую весьма вольно, те, кто считает эти законы абсолютными и не оставляет в жизни места для нерелигиозности, для возможности сосуществовать с иными концепциями и воззрениями. КП, 30.04.92. [1, 427]: Сатанистка, и, ж. Рел. Женск. к сатанист, а, м. Последователь культа сатаны. А еще ходят слухи, сатанисты повадились бомжей приносить в жертву. Соб. 1997, 42. [1, 885]. В разговорной речи и в СМИ это слово

отмечается, так как к сатанистам, к сожалению, подчас относятся и женщины.

В современной России, переживающей социокультурный кризис, связанный со сменой идеологических парадигм, остро стоит проблема взаимодействия между конфессиями. Для современного общества характерна тенденция к росту религиозного разнообразия, что связано с изменением национальной структуры населения регионов, внешней и внутренней открытостью страны. Эти изменения в жизни общества отражаются и в языке. Женщина в религии всегда занимала особое место, что и подтверждается вышеперечисленными наименованиями женщин, возвращением из пассивной лексики в активную лексику ряда наименований, а также появлением новых.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Толковый словарь современного русского языка начала XXI века. Актуальная лексика/ [под ред. Г.Н. Скляревской]. – М. : Эксмо, 2007. – 1133 с.

2. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения / [под ред. Г.Н. Скляревской]. – СПб. : Фолио Пресс, 1998.– 700 с.

3. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2000. – 1939 с.

4. Бугаева И.В. Язык православных верующих в конце XX – начало XXI века / И.В. Бугаева. – М., 2008.– 239 с.

5. Григоренко О.В. Компьютерная лексикография и неография. Современное состояние и перспективность развития / О.В. Григоренко // Компьютерная лексикография и неография: матер. междунар. конф. г. Воронеж. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. – С.54-58.

6. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном литературном языке? / О.А. Крылова // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000 – С.107-117.

7. Листрова-Правда Ю.Т. Разговорно-просторечная лексика в церковно-религиозных проповедях / Ю.Т. Листрова-Правда, М.Б. Расторгуева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2003. Ч. I. – С.160-165.

8. Листрова-Правда Ю.Т. Церковно-религиозная лексика и фразеология в русском языке конца XX века / Ю.Т. Листрова-Правда // Лексикология. Семасиология. Межрегион.сб-к науч. статей.– Белгород, 2001. – С.85-94.

9. Листрова-Правда Ю.Т. Церковно-религиозные проповеди в аспекте стилей произношения /Ю.Т. Листрова-Правда, М.Б. Расторгуева // Проблемы изучения живого слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2005. – С. 192 198.

10. Мечковская Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечковская. – М. : Агенство «Фаир», 1998. – 341 с.

Воронежский государственный университет.
Грибова Елена Петровна,
соискатель кафедры русского языка.
grib91a@ya.ru, тел. 89036434258

Воронежский государственный университет.
Правда Юлия Тимофеевна,
профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук Voronezh state university.

Gribova E.P.,
post-graduate student of faculty of philology, the chair of Russian.
grib91a@ya.ru, tel.89036434258

Voronezh state university.
Pravda Y.T., professor of faculty of philology, the chair of Russian.

УДК 81

КАЛАМБУРНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАТ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В. МАЯКОВСКОГО

© Хусейн Кадим Маджди Драйсави, О.Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 августа 2012 года

Аннотация: *Данная статья посвящена анализу используемых В. Маяковским сравнений каламбурного характера. В процессе исследования были выявлены лингвистические средства создания каламбурных сравнений и определена их роль в выражении специфики художественного мышления поэта.*

Ключевые слова: *каламбур, сравнение, идиостиль, ассоциативный механизм, творческое мышление.*

Abstract: *The article is devoted to analyze of used comparisons of the punning meaning by V. Mayakovsky. In the course of analyses was fined out the linguistic items for making of punning comparisons and specified their roles in the expression of the specificity of the author's art-thinking.*

Keywords: *pun, comparison, specific style, associational mechanism, imaginative thinking.*

Общепризнанным является тот факт, что в формировании идиостиля художника слова определяющую роль играет специфика используемых им тропов. И особая роль в их ряду принадлежит сравнению, поскольку оно не только наиболее ярко демонстрирует особенности ассоциативных механизмов индивидуального творческого мышления, но и является источником образования других тропов его художественной системы (метафоры, гиперболы и др.)

Применительно к творчеству В. Маяковского исследователи отмечают, что по количественным параметрам в его системе тропов преобладают метафора и каламбур. По данным М.Л. Гаспарова, метафора является основным средством поэтики Маяковского, которое было сразу замечено критикой [1, 379]. В.В. Тренин указывает: «Каламбуризм не менее важный, чем метафора, элемент смысловой структуры поэзии Маяковского» [2], а Ю. Карабчиевский считает, что вся поэтика Маяковского основана на одном каламбурном принципе [3].

Причину того, что Маяковский использует сравнения реже, чем метафоры, М.Л. Гаспаров видит в эстетической позиции поэта, выраженной им в статье «Как делать стихи»: «Один из примитивных способов делания образа – это сравнение. Первые мои вещи, например, „Облако в штанах", были целиком построены на сравнениях – все „как, как и как". < ...> В позднейших вещах... конечно, эта примитивность выведена» (там же).

Однако ряд авторов отмечает значимость сравнений в художественном мире Маяковского. Так, К. Чуковский пишет, что в своих сравнениях Маяковский смел и удачлив [4], аналогичную точку зрения выражает и Ю. Карабчиевский: «Между тем из всех поэтических тропов именно сравнение удается ему лучше всего, в том смысле, что образ, построенный на сравнении, хотя и не выходит за рамки наглядности, имеет все же наибольшую ассоциативную емкость...» [3].

При анализе системы тропов в творчестве В.Маяковского выявляется особая разновидность сравнений, основу которых составляет каламбур. В научной литературе каламбур трактуют как игру слов, основанную на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию.

Наиболее часто каламбурные сравнения в текстах В. Маяковского строятся на полисемии. При этом преобладают случаи обыгрывания многозначности прилагательных. Рассмотрим несколько примеров.

*Я дарю вам **стихи, весёлые, как би-ба-бо,***
*И **острые** и **нужные, как зубочистки***
(Кофта фата).

В приведённом контексте совмещаются такие семемы многозначного прилагательного «острый», как «суживающийся, вытянутый к концу, остроконечный» (зубочистка) и «остроумный, язвительный, меткий» (стихи), то есть в результате операции сравнения одновременно происходит реализация прямого и переносного значения.

Каламбурное употребление прилагательных «нужный» и «весёлый» основано на *зевгме*

© Хусейн Кадим Маджди Драйсави, О.Н. Чарыкова, 2012

– «семантико-синтаксическом приёме, при котором к многозначному слову присоединяются семантически неоднородные слова, весьма далёкие друг от друга по смыслу» [5]. Используя в этом сравнении прилагательное «нужный», В. Маяковский сближает такие далёкие друг от друга объекты, как *стихи* и *зубочистка*, один из которых относится к возвышенной сфере человеческой жизни, а второй – к приземлённо-бытовой. Прилагательное «весёлый» в данном контексте соотносит *стихи* с простейшей *куклой*, состоящей из головы и платья в виде перчатки.

2. Какие-то ***люди,***
мутней, чем Кура,
Французов чмокают в ручку
(Владикавказ – Тифлис).

В данном сравнении одновременно реализуются два значения прилагательного: «лишённый прозрачности, нечистый (о жидкости)» и «подозрительный, не вызывающий доверия» (о людях).

3. *Надо, чтоб поэт*
И в жизни был мастак.
Мы крепки, как спирт *в полтавском штофе* (Юбилейное).

Применительно к этому контексту можно говорить о совмещении нескольких значений прилагательного «крепкий»: а) «насыщенный, концентрированный», б) «содержащий большое количество алкоголя» (о спирте) и в) «вполне отвечающий своему назначению, надёжный», г) «непоколебимый, стойкий» (о поэте).

4. *Воду стираешь с мокрого тельца*
полотенцем,
как зверь, мохнатым
(Рассказ литейщика Ивана Козырева...).

Сравнение строится на одновременной реализации таких значений прилагательного «мохнатый», как «обросший, покрытый густой шерстью» (о звере) и «имеющий высокий густой ворс» (о ткани).

Для создания каламбурного сравнения В. Маяковский использует также многозначность глагола. Например:

1. ***как сельди***
в сети чулок,
плывут
кругосветные дамы (Еду).

В этом сравнении одновременно реализуются два значения многозначного глагола «плыть»: «передвигаться по воде или в воде в определённом направлении» (о сельди) и «плавно двигаться, перемещаться в определённом направлении; идти плавной походкой» (о дамах).

...жил, работал,
стал староват.
Вот и ***жизнь пройдёт,***
Как прошли Азорские
острова
(Мелкая философия на глубоких местах).

Сравнение строится на совмещении значений «передвигаясь, миновать кого-либо, что-либо, оставить в стороне» и «исчезнуть, прекратиться».

3. ***Званье***
— «пролетарские» —
нося как эполеты,
... выступают пролетарские поэты...
(Четырёхэтажная халтура).

В данном случае совмещаются значения «надевать» и «иметь».

Используется в каламбурных сравнениях В. Маяковского и омонимия. Например:

По гранд
по опере
гуляю грандом (Красавицы).

В этом контексте сравнение лирического героя с испанским аристократом обусловлено ассоциацией по формальному сходству лексем: *Гранд*-Опера (государственный оперный театр в Париже, крупнейший центр французской музыкальной культуры) и *гранд* (дворянский титул в Испании).

Чтобы сухо пяткам –
пол стелется,
извиняюсь за выражение,
пробковым матом
(Рассказ литейщика Ивана Козырева).

Вводная конструкция *извиняюсь за выражение* устанавливает смысловую связь между значениями выраженных лексемой *мат* омонимов *подстилка* и *нецензурная брань*, создавая комический эффект и выступая как средство характеристики героя.

Как справедливо указывает В.З. Санников, обычно омонимы, а также разные значения одного слова существуют как бы в разных измерениях и потому соседствуют в словарях, но не в текстах. Каламбур – уникальный случай взаимодействия омонимов (или разных значений слова) в пределах *одного* (курсив наш) высказывания [6, 64].

В текстах В. Маяковского можно также выделить случаи, когда сравнения строятся на использовании омофонов. Например:

1. *Чтоб новым Людовикам*
пале и дворцы
легли собакой на Сене (Стихи о красотах архитектуры).

2. *А у этого брюхо и всё прочее –*
Лежит себе ***сыт, как Сытин*** ...(Моё к этому отношение).

3. *Видите –* ***спокоен*** *как!*
Как пульс покойника (Облако в штанах).

В первом примере основу поэтической ассоциации составило идентичное звучание лексем

сено и *Сена*. Во втором и третьем, помимо омофонии, вероятно, можно говорить и о паронимической аттракции – семантическом сближении слов, имеющих звуковое сходство.

Использование В. Маяковским сравнений каламбурного характера является яркой индивидуальной особенностью его стиля. Как известно, основой любого сравнения является ассоциация, характер которой обусловлен спецификой восприятия мира и структурой ментального лексикона индивида как «сложной сети взаимосвязей, увязывающей огромное количество знаний в памяти, при этом невозможно сказать, где кончается значение слова и начинаются знания о мире...» [7, 87]. Применительно к каламбурным сравнениям можно говорить об актуализации ассоциативных связей не экстралингвистического, а собственно лингвистического характера, обусловленных так называемой семантической памятью [8,70]. Семантическая память имеет опосредованный характер и представляет собой систематизированное знание субъекта о словах и других языковых символах, их значениях, о том, к чему они относятся, о взаимоотношениях между ними, о правилах, формулах и алгоритмах манипулирования этими символами, понятиями и отношениями.

Именно богатство семантической памяти определяет «каламбуризм» идиостиля В. Маяковского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский / М.Л. Гаспаров // Очерки истории языка русской поэзии XX века : Опыты описания идиостилей. – М., 1995. – С. 363 395.

2. Тренин В.В. Особенности языка Маяковского / В.В. Тренин // Русский язык. – М., 2005. – № 22.

3. Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского: Филологический роман: Эссе / Ю. Карабчиевский. – М., 2000. – 383 с.

4. Чуковский К.И. Ахматова и Маяковский/ К.И. Чуковский// http://www.Hkt590.ru/project/majakovskyi/home2.htm.

5. Приходько В.К. Зевгма как стилистический прием / В.К. Приходько // Российский лингвистический ежегодник. – 2006. Вып. (1.18). – Иркутск – Красноярск – Москва – Омск – Хабаровск – Чита (электронный ресурс). – http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0106909.pdf.

6. Санников В.З. Каламбур как лингвистический феномен / В.З. Санников // Вопросы языкознания. – М., 1995. – № 3. – С. 56 69.

7. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 208 с.

8. Потаенко Н.А.Время в индивидуальной картине мира / Н.А. Потаенко // Проблема времени в культуре, философии и науке: сб. науч. тр. / под ред. В.С. Чуракова. (Библиотека времени. Вып. 3). – Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2006. – С. 68 79.

Драйсави Хусейн Кадим Маджди
Воронежский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра общего языкознания и стилистики,
спирант 3-го года обучения.

E-mail: ochar@inbox.ru
Научный руководитель:
д.ф.н. Чарыкова О. Н.

Draisavi Husein Kadim Madshdi
Voronezh State University,
The faculty of philology
The chair of general linguistics and stylistics
Post-graduate student, the 3. year of study.

E-mail: ochar@inbox.ru
Scientific adviser:
doctor of philology Charykova O. N.

УДК 821.31 ГОНЧАРОВ

О КУЛЬТУРЕ ГЕРОЯ В ПОЗДНИХ ОЧЕРКАХ И.А. ГОНЧАРОВА

© Н.Л. Ермолаева

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2012 года

Аннотация: *В статье раскрывается отношение И. А. Гончарова к проблеме культуры в современном ему обществе. Анализируя поздние очерки («Литературный вечер», очерковый цикл «Слуги старого века»), автор статьи утверждает, что в них, как и в других произведениях писателя, социологическая характеристика персонажа чаще всего заменяется характеристикой его личностной культуры.*

Ключевые слова: *гончаровская эпоха, светское воспитание, классическое образование, отношения народа и образованных сословий, культура героя, литература для народа, новые тенденции в творчестве.*

Abstract: *The article reveals I. A. Goncharov's attitude to the problem of culture in his contemporary society. Analyzing his late essays ("Literaturny Vecher" ("Literary Soiree"), series of essays "Slugi starogo veka" ("Servants of Old Century")) the author of the article states that in these works, as in many other works of the writer, sociological characteristic of a literary character is most frequently replaced by the characteristic of his/her personal culture.*

Key words: *Goncharov's time, secular upbringing, classical education, relationships of common people and educated society, culture of a character, literature for common people, new trends in the creative work.*

В гончаровскую эпоху, эпоху перемен в жизни русского общества, необычайно актуальной оказывается проблема культуры. И. А. Гончаров особенно обострённо осознаёт её значимость как в отношении ко всему обществу, так и к отдельной личности: для него эта проблема начиналась с самого себя. Мальчику из купеческой семьи стоило немалых трудов воспитать в себе качества, соответствовавшие представлениям о «порядочном человеке», черты которого в людях «порядочного» общества – в дворянах – закладывались с младенческих лет. Об этом с большой горечью Гончаров писал из кругосветного плавания своему приятелю И. И. Льховскому 22 июля 1853 года: «Преимущества Ваши состоят между прочим и в том, что Вы сознательно воспитывались и сохранили в себе, по прекрасной ли своей аристократической натуре, или по обстоятельствам, первоначальную чистоту – этот аромат души и сердца, а я, если б Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий, ума, сердечных движений души проходил я от пелён и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений, чтоб выкарабкаться на ту стезю, на которой Вы видели меня, всё ещё грубого, нечистого, неуклюжего и всё вздыхающего по том светлом и прекрасном человеческом образе, который часто снится мне и за которым, чувствую, буду всегда гоняться так же бесплодно, как гоняется за человеком его тень. Я должен был с неимоверными трудами создавать в себе сам собственными руками то, что в других сажает природа или окружающие...» (8, 285)[1].

Не разделяя пристрастий демократически настроенной части интеллигенции, недворянин Гончаров всегда был на стороне светского, дворянского воспитания и образования. Во «Фрегате "Паллада"» он скажет: «Светское воспитание, если оно в самом деле светское, а не претензия только на него, не так поверхностно, как обыкновенно думают. Не мешая ни глубокому образованию, ни даже учёности, никакому специальному направлению, оно выработывает много хороших сторон, не даёт глохнуть порядочным качествам, образует весь характер и, между прочим, учит скрывать не одни свои недостатки, но и достоинства, что гораздо труднее. То, что иногда кажется врождённою скромностью, отсутствием страсти – есть только воспитание. Светский человек умеет поставить себя в такое отношение с вами, как будто забывает о себе и делает всё для вас, всем жертвует вам, не делая в самом деле и не жертвуя ничего... Всё это, кажется, пустяки, а между тем это придаёт обществу чрезвычайно много по крайней мере наружного гуманитета» (5, 48). Гончаров видит свою эпоху через культуру человеческой личности, героев своих произведений он характеризует не столько приметами социальными, сколько культурными.

Поздние очерки Гончарова представляют собой довольно пёстрое явление, до сих пор недостаточно изученное[2]. Исследователи не склонны вписывать

© Н.Л. Ермолаева, 2012

их в литературный процесс эпохи. В. А. Недзвецкий, например, пишет, что для них «малопродуктивны сопоставления с жанрово-однородными произведениями шестидесятников (Н. Успенского, В. Слепцова, Ф. Решетникова, А. Левитова, Гл. Успенского), писателей-народников (Н. Наумова, П. Засодимского, Н. Златовратского), как и... Салтыкова-Щедрина в силу уже значительных мировоззренческих отличий романиста от этих авторов»[3]. Чаще всего учёные соотносят поздние очерки с литературой натуральной школы, хотя ещё А. Г. Цейтлин заметил, что «Май месяц в Петербурге» близок одновременно и «Ивану Савичу Поджабрину», и произведениям раннего А. П. Чехова[4].

На наш взгляд, значимость поздних произведений Гончарова определяется не только их художественными достоинствами, которые неоспоримы, но и новыми тенденциями, обозначившимися в творчестве писателя, для которого, вопреки бытующему мнению, последние десятилетия жизни не были годами молчания. Он много размышлял о современной ему литературе, прекрасно улавливал тенденции её жанрового и идейного развития, в своих немногих и «незнаменитых» произведениях этим тенденциям соответствовал, а некоторым осознанно противостоял.

В очерке «Литературный вечер», в «Необыкновенной истории», как и в романе «Обрыв», Гончаров особенно заинтересованно говорит о духовной жизни современного общества, о его отношении к духовным ценностям, к личности и творчеству художника. Писатель видит, что с утратой уважительного отношения к образу жизни аристократии в 1860–1870-е годы общество теряет и уважение к серьёзному классическому образованию, нравственному воспитанию. Гончаров связывает эту проблему с образом Марка Волохова. В романе «Обрыв», в статьях «Предисловие к роману “Обрыв”», «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”», «Лучше поздно, чем никогда» писатель противопоставляет Марка истинным героям эпохи, к каким относит Герцена и Белинского. В «Заметках о личности Белинского» романист защищает великого критика от упрёков мемуаристов в малой образованности.

О современном состоянии литературы, духовной и бытовой культуре человека высказывается герой очерка «Литературный вечер» Чешнёв, прототипом которого принято считать Ф. И. Тютчева, но за которым стоит сам автор: «Давно пора было поднять копьё против буйного натиска на всё то, чем живёт и держится общество. <...> На человеческие приличия, уважение к человеческому достоинству, сдержанность, обуздание диких страстей – и вместе с этим, конечно, и на соответствующие формы общежития, на утончённость нравов, так же, как на чистый вкус и здравые понятия... в искусствах! Словом, протест против всякой расшатанности и растрёпанности в людском обществе, против всякого звероподобия! <...> Человечество долгим и трудным путём достигало этих результатов, а тут вдруг явилось поколение, которое хочет стереть всё добытое тысячелетиями... И чт оно поставит на это место?» (7, 166). Гончаров отстаивает классическое образование как необходимый фундамент для каждого культурного человека. Об этом также говорит его герой: «Пусть волчица и не кормила Ромула и Рема, а всё-таки нельзя не выучить этой фабулы, – заметил Чешнёв, – вы без всего этого в жизни и шагу не сделаете! Пожалуй, забыть можно, но узнать нужно. Эти предания слились с историей. Мало ли вы выучиваете такого, что вам не понадобится потом в жизни; но всё изученное входит в плоть и кровь вашего нравственного, умственного и эстетического образования! Без этой подкладки древних классиков, их образцов во всём – смело скажу, человек образованным назваться не может» (7, 176).

Как следствие невнимания к классическому образованию, падения общей культуры Гончаров рассматривает то, что происходит в современном ему театре. В статье «Опять “Гамлет” на русской сцене» он сожалеет о том, что «нравы высшего по образованию, европейско-русского общества остаются почти неприкосновенными, ожидающими своего комика и трагика» (8, 198), что таким актёрам, как А. А. Нильский, сейчас нечего играть на сцене, так как его талант не соответствует тем амплуа, которые предоставляет современная драматургия. В статье «Мильон терзаний» Гончаров говорит о «порче вкуса» публики, о низкой актёрской культуре: «Большинство артистов не может также похвастаться... верным художественным чтением. <...> С русской сцены всё более и более удаляется это капитальное условие» (8, 78). Русские актёры не умеют верно читать пьесы Грибоедова, Мольера, Шекспира, Шиллера, «новые исторические драмы, как “Смерть Иоанна Грозного”, “Василиса Мелентьева”, “Шуйский” и др.» (8, 78). В обеих статьях Гончаров высказывает опасения за судьбу русского театра и в этом смысле непосредственно сходится с А. Н. Островским, который на протяжении всей своей жизни был обеспокоен репертуаром театров, вопросами воспитания и образования актёров.

В очерке «Литературный вечер» разворачивается спор вокруг романа из светской жизни. При его чтении присутствуют профессор, журналист, чиновник – светские люди. Каждый из них представляет определённый тип культурного сознания, в большинстве своём они далеки от народа, придерживаются в разной степени консервативных убеждений. На их фоне выделяется смелостью суждений выразитель демократических,

радикальных взглядов некто Кряков, названный в начале очерка газетным критиком. Его идейная позиция близка бунтарю Марку Волохову. Гончаров в речи Крякова вкладывает то политическое, идейное и общественное содержание, которое отражает сознание культурного типа «новых людей» 1860-х годов, нигилистов.

Этому типу соответствует и поведение героя. Не привыкший к комфорту, к общению в свете, герой смущён присутствием в богатом доме, где всё говорит об изысканном вкусе хозяина: «жал в руках серую мягкую шляпу и, по-видимому, не знал, что с собой делать» (7, 116), задел ногой за щипцы камина, которые упали с грохотом. Крякова возмущает содержание романа по той причине, что в нём обойдена жизнь трудящегося люда. Как только после окончания чтения герой начинает высказывать своё откровенное мнение об услышанном и оказывается, что оно расходится с мнением окружающих, некоторые из них желают дать ему «урок приличия» (7, 145). Однако герой отказывается ему следовать и говорит всё смелее и смелее. Присутствующих возмущает его дерзкое поведение, свидетельствующее, с их точки зрения, о недостатке культуры бытового общения. На Крякова смотрят «брезгливо» (7, 156), ему указывают на то, что «нравы обозначаются... очень живо и натурально» «при отсутствии воспитания» (7, 165). «Живое обозначение нравов» в образе Крякова подтверждается авторскими сравнениями: «как бульдог» (7, 158), «рыкал, как лев» (7, 168), окружающие сравнивают Крякова с невоспитанным медведем (7, 167), с «паршивой» и «заблудшей» овцой (7, 183). Появление «звериных» черт в облике Крякова – свидетельство несоответствия поведения героя правилам приличия. Именно поэтому на его приглашение к себе один из гостей, «приятель Булгарина и Греча», после ухода Крякова заявляет: «Ещё приглашает к себе!.. Кто поедет к этакому уроду, куда-нибудь в трущобу, на чердак!» (7, 183). И все вместе решают поручить родственнику хозяина дома студенту Мите завезти Крякову их карточки, таким способом желая продемонстрировать, что сами они соблюдают правила приличия даже в отношении к тому, кто несравненно ниже их и на социальной лестнице, и по уровню культуры.

Один Чешнёв, идейный оппонент героя на протяжении всего вечера, говорит, что для него Кряков – загадка, и оказывается прав. Очень скоро открывается, что Кряков – это актёр, специально приглашённый Митей для того, чтобы развлечь публику. Актёр даёт ей урок, наглядно доказывая, что «порядочность есть везде, она бывает и под армяком» (7, 159): денежный сбор за своё представление он жертвует в пользу славян (действие происходит во время войны на Балканах), и светские гости Уранова вынуждены признать, что этот честный труженик морально превзошёл их.

Создавая в последние годы жизни очерки «Слуги старого века», «Уха», «Превратность судьбы», писатель сталкивается с двумя новыми проблемами: народ как герой литературы и предназначенность литературного произведения народному читателю. Проблема культуры в его творчестве обретает новый разворот.

В июле 1887 года Гончаров получил приглашение Л. Н. Толстого участвовать в создании произведений для народа, но от этого приглашения отказался. О причинах отказа писатель сообщал Толстому в письме от 2 (14) августа 1887 года и в предисловии к циклу «Слуги старого века»: он никогда не испытывал особых симпатий к народу (в данном случае имеется в виду крестьянство. – *Н. Е.*) и не писал о нём, потому что не знал народ, не жил в усадьбе, не имел крепостных и не занимался сельскохозяйственными работами. Кроме того, в очерке «Валентин» из того же цикла, основываясь на наблюдениях за своим слугой, с великим удовольствием читавшим произведения, которые он не понимал, Гончаров делает во многом неожиданные для создателей народных книг выводы: «Я тут убедился в том, что наблюдал и прежде: что простой русский человек не всегда любит понимать, что читает. Я видел, как простые люди зачитываются до слёз священных книг на славянском языке, ничего не понимая, или понимая только “иные слова”, как мой Валентин. Помню, как матросы на корабле слушали такую книгу, не шевелясь по целым часам, глядя в рот чтецу, лишь бы он читал звонко и с чувством. Простые люди не любят простоты» (7, 197).

Гончаров был принципиально не согласен с Толстым в необходимости писать специально для народа, как когда-то, в 1850-е годы, был не согласен с В. Н. Майковым в том, что нужно писать для детей[5]. Свои поздние очерки писатель не рассчитывал на узкий круг читателей. В его представлении, всякая узкая предназначенность произведения означает его тенденциозность. Такую тенденциозность он видел в народных рассказах Толстого.

Однако в письме к Толстому Гончаров с похвалой отзывался о его народных рассказах «Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», о пьесе «Власть тьмы»: в них *писателя* привлекли мастерство Толстого и нравственная тенденция. Гончаров *писал*: «Их и не простой народ прочтёт сквозь слёзы: так прочёл их я – и точно так же прочли их, как я видел, женщины и дети... Такие любовью писаные страницы есть лучшая, живая и практическая исповедь и толкование главной евангельской заповеди» (8, 497). Видимо, симпатия Гончарова к таланту Толстого породила и творческую рефлексию. Он много размышлял над предложением писателя и, хотя отказался от

него, в художественном творчестве на него ответил такими произведениями, как «Слуги старого века», «Уха» и «Превратность судьбы».

В цикле «Слуги старого века» самый актуальный для народных рассказов Толстого вопрос: отношения народа и образованных сословий – из сферы социальной Гончаров переводит в сферу личностной и бытовой культуры и нравственности. В очерке «Валентин» слуга писателя (рассказчик представлен в цикле как автор «Обломова») выглядит комически[6] по причине завышенной самооценки, право на которую не даёт ни внешность, ни личностная культура: «низенького роста, плешивый», у него «маленький, едва заметный, величины и цвета вишни, нос, голубые, без всякого оттенка глаза и яркий старческий румянец на щеках. <...> Он вошёл, поклонился, кокетливо шаркнул ножкой, которую тотчас поднял немного, прижал к другой ноге» (7, 189–190). Комичны манеры, одежда героя: «шмыгал... по комнатам, как воробей, ступая на одну ногу легче, нежели на другую, едва касаясь ею пола... чтоб придать своей походке некоторую грацию... был кокетлив, носил розовые и голубые шейные косынки, вышитые манишки с розовой подкладкой, цветные воротнички. В кармане он держал миниатюрное зеркальце с гребёнкой, и я зачастую заставал его, что он глядится в него и старается собрать жидкие космы волос с затылка и висков воедино. Проходя мимо зеркал в моих комнатах, он непременно поглядится в них и иногда улыбнётся» (7, 190). Такое поведение героя, конечно, не соответствует ни нравственной норме, ни строгим понятиям о приличии.

В очерке изображаются конфликтные отношения между барином и слугой, возникшие в результате вмешательства повествователя в сферу интеллектуальных, культурных интересов и понятий Валентина, который по ночам читает стихи В. А. Жуковского, не понимая их смысла, но комически декламируя и жестикулируя при чтении. Барин пытается объяснить ему прочитанное, и тогда обнаруживаются непомерные амбиции слуги, его чувство превосходства над барином. Защищая собственное убеждение: стихи не обязательно понимать, а смысл того, что содержится в «Покалипсе» (Апокалипсисе. – *Н. Е.*), не может быть понятен человеку, к какой бы среде он ни принадлежал, – слуга становится агрессивен, он задаёт барину «едкие» вопросы, смеётся над ним визгливым, «пронзительным» смехом, «не на шутку» сердится, насмешливо поучает его. При этом Валентин опирается на культурный опыт и знания той среды, в которой воспитан: он склонен доверять народной мудрости больше, чем хозяину, образованному человеку, писателю. В подтверждение своей уверенности он рассказывает притчу: «Полноте, грех, сударь!.. Дьякон или священник всю жизнь церковные книги читают – кому бы и понимать, как не священству? А вот никто не понимает. Один только святой схимник был: он в киевских пещерах спасался, тот понимал. Один! Все допытывались от него, и сам митрополит уговаривал, да никому не открывал. Перед кончиной вся его братия три дня на коленях молила открыть, а он не открыл, так и скончался. А вы – понимаете!» (7, 195). Валентин с пренебрежением и высокомерием относится к произведениям русских писателей, доступным народному пониманию. По поводу одного из таких стихотворений А. С. Шишкова он брезгливо замечает: «Это каждый мальчишка поймёт или деревенская баба!» (7, 193).

Гончаров смеётся над любовными похождениями Валентина. В них в большой степени раскрывается внутренний мир этого недалёкого и амбициозного человека, всегда и во всём подчёркивающего собственное превосходство над людьми своего круга. Герой этот являет собой своеобразный тип «мещанина во дворянстве», внешне напоминающего «сатира». Он убеждён, что простые горничные и швеи «за честь должны считать» (7, 198) знаки внимания с его стороны, его «канплименты» в их адрес, «благородное и деликатное» обращение с ними. Эти качества характера Валентина возмущают и отталкивают от него женщин. Их культурный уровень отражается в речи. Образ девушки с растрёпанной косой автор создаёт в нескольких репликах. Она жалуется барину на Валентина: «Да вот сейчас, когда я мимо ваших дверей по лестнице шла, он подкараулил – и цап меня за шею, хотел обнять... Да не таковская: я не далась, попятилась. Вон извольте посмотреть: коса у меня свалилась, и платок с шеи... Не прикажите ему озорничать! Я живу скромно, все знакомые мои и в доме здесь тоже меня знают честной, аккуратной девушкой: могут, пожалуй, подумать, что я нарочно слушаю его “канплименты”...» (7, 199).

Культура хозяйки прачечного заведения открывается в её письме: «“Милостивый Государь, – читал я, – Ваш лакей Валент самый низкий мужчина: он всё таскается под окнами у нас и какетничает с моими мастерицами, мешает им и делает разные низости: вон какую записку он подал Лизе – извольте прочитать. Мы просим вас унять его. Если он не перестанет какетничать, ходить под окна и бросать записки – я тогда приду сама и раздеру ему *всю* лицо.

Готовая ко услугам Анна Прохорова прачешная хозяйка”.

Под фразой: “раздеру всю лицо” – была другая зачёркнутая редакция: “раздеру ему поганую харю”. Должно быть, эта фраза показалась ей грубою относительно меня и она из учтивости смягчила её» (7, 200).

Автор постоянно вводит в цикл свидетельства культурного противостояния барина и слуги. Вот, например, тетрадка Валентина с названием «Сенонимы», в которой рядом поставлены слова «конституция и проституция», «нумизмат и кастрат» (7, 196), или письмо героя к очередной его избраннице: «О милое творенье, прости мне восхищенье, Лизок, голубочка, ангел, чмок, чмок тебя. Приди, серафима моя, на второй двор под ворота. Принесу гостинцев много, много и подарочек, чмок! чмок!» (7, 200). Повествователь выступает в очерке как носитель высокой культуры, который не только смеётся над Валентином, но и сочувствует ему, видит и положительные черты его характера (трезвость, честность, исполнительность), и драматичные стороны его личности.

В других очерках цикла («Степан с семьёй», «Антон») Гончаров показывает возможность взаимопонимания между барином и слугой. Честность, совестливость, доброжелательность, проявленные с обеих сторон, помогают преодолеть существующие культурные и социальные преграды между героями. Основанием для сближения барина и слуги может служить и общая вера: рассказчик с удовлетворением отмечает, что Степан и всё его семейство – верующие люди. Вера воспринимается автором в качестве залога их нравственности. Однако главной преградой на пути к пониманию и мирному сосуществованию становится общий порок слуг – пьянство.

В цикле «Слуги старого века» слуги помещены Гончаровым в бытовую обстановку: на фоне быта протекает их жизнь, раскрываются и, как правило, бытом ограничиваются их духовные запросы, жизненные устремления. Среди слуг особого авторского внимания заслуживает лишь один – мечтающий об освобождении из крепостной зависимости Матвей. Через глубочайшее сочувствие этому смешному и жалкому человеку Гончаров передаёт ощущение собственной духовной причастности к его жизненным устремлениям. Интересно, что и на бытовом уровне в культурном отношении между ними есть равенство: слуга угощает барина своими припасами, приготовленными для пасхального стола, и автор с удовольствием отмечает их прекрасный вкус. И хотя Матвей – католик, человек иной веры, он говорит вместо «генерал» «винерал» и у него «своеобразная» орфография («Он признавал буквы ять и ы, но никогда не употреблял их, где надо...»; 7, 231), хотя он «не мог входить» в другие интересы писателя, кроме материальных, повествователь «благословлял случай, пославший» ему «такого друга – слугу» (7, 234). Возвышая образ героя, Гончаров использует в очерке сравнение его с Дон Кихотом.

Казалось бы, последний очерк цикла «Слуги старого века» – о возможности для человека образованного и его слуги стать истинными друзьями, проявляющими друг к другу взаимную симпатию, уважение и доверие, однако этот факт – скорее исключение из правила, чем явление, подтверждающее его. Возможность духовного единения людей разной культуры для Гончарова по-прежнему проблематична.

Заключая, хотела бы сказать о том, что в поздний период творчества Гончаров проявляет явную и значительную заинтересованность в вопросе о культуре человека в современном обществе. Этот интерес нашёл отражение и в творчестве писателя: в поздних очерках социологическая характеристика персонажа чаще всего заменяется характеристикой его личностной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М. : Правда, 1952 (Библиотека «Огонёк»). Здесь и далее тексты произведений И. А. Гончарова цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

2. Видимо, по этой причине можно встретить различное толкование смысла одного и того же произведения в работах одного автора. Очерк «Уха», например, в статье В. И. Мельника «Народ в творчестве И. А. Гончарова (К постановке вопроса)» истолковывается как «происшествие в духе ренессансной новеллы» (Русская литература. 1987. № 2. С. 59), а в статье «О последних новеллах И. А. Гончарова (проблема религиозного смысла) // И. А. Гончаров. Материалы междунар. науч. конф., посв. 195-лет. со дня рожд. И. А. Гончарова. (Ульяновск, 2008. С. 244) и в книге «Гончаров и Православие: Духовный мир писателя» (М., 2008) – как произведение, в котором «скорее всего, речь может идти совсем не об авантюрном любовном приключении, но о... проповеди».

3. См.: Недзвецкий В. А. Гончаров – романист и художник. М., 1992. С. 145.

4. См.: Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 299.

5. См. об этом в письме Гончарова В. Н. и Ек. П. Майковым от 9 (21) августа 1860 года.

6. О комическом в цикле см.: Багаутдинова Г. Г. Комическое как средство выражения авторской позиции в «Слугах старого века» И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы междунар. науч. конф., посв. 195-лет. со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 253-260.

Ермолаева Н. Л. Ивановский государственный университет/ Доцент кафедры русской словесности и культурологии.
E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

Ermolaeva N. L.
Ivanovo State University. Docent of the Chair of Russian Literature and Culturology
E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

УДК 811.111.

КОММЕРЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНОГО РЕКЛАМНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ

© А.Ю.Жданова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 июля 2012 года

Аннотация: *Предлагается методика изучения коммерческой и коммуникативной эффективности текста частного рекламного объявления.*

Abstract: *The method of study of commercial and communicative effectiveness of private advertisements is suggested.*

Ключевые слова: *частное рекламное объявление, коммерческая и коммуникативная эффективность, эксперимент.*

Keywords: *private advertisement, communicative effectiveness, commercial effectiveness, experiment*

Проблема исследования эффективности воздействия рекламного текста – одна из самых сложных проблем современной лингвистики, психолингвистики и практики рекламы. Данная проблема лежит в сфере науки о речевом воздействии.

Следует различать коммерческую и коммуникативную эффективность рекламного текста.

Под коммуникативной эффективностью рекламного текста понимается привлекательность и убедительность текста и его оформления. Под коммерческой эффективностью рекламного текста понимается экономический результат рекламы, количество продаж или факт выгодной продажи [1, 2, 3].

В данной статье мы сосредоточим внимание на проблеме коммуникативной эффективности текста рекламы.

Нами было проведено экспериментальное исследование эффективности частных объявлений о продаже квартир, машин, собак и кошек. Была поставлена задача выявить факторы коммуникативной эффективности рекламного текста. Были выявлены основные параметры каждого типа объявлений, к которым апеллируют рекламодатели, речевые формы вербализации этих параметров, а также произведен обзвон рекламодателей по телефону с целью выяснения эффективности их объявлений (продали ли, за какой период).

В результате проведенного исследования было установлено следующее.

1. В тексте рекламного объявления выделяются обязательные и факультативные параметры. Обязательные – те, которые представлены в 100% объявлений, факультативные – индивидуальные характеристики предмета рекламирования. Использование в рекламном тексте обязательных параметров – необходимое условие эффективности текста рекламного объявления, использование факультативных параметров – желательное условие, повышающее эффективность рекламного текста. При более широком использовании в объявлениях факультативных параметров повышается коммуникативная эффективность объявления.

2. Для повышения коммуникативной эффективности текста целесообразно использовать больше факультативных параметров, эффективность которых может быть установлена экспериментально.

3. Коммерческая эффективность рекламного объявления связана с его коммуникативной эффективностью, при этом коммуникативная эффективность первична, а коммерческая вторична по отношению к ней.

4. Для повышения коммуникативной, а следовательно, и коммерческой эффективности рекламного объявления, необходимо следующее.

а) в объявлениях о продаже квартир необходимо указывать:

обязательные параметры:

- название улицы;
- количество комнат;
- метраж;
- этаж, на котором расположена квартира;
- этажность дома;
- осуществляемое действие (продаю, меняю);
- контактный телефон;

желательные параметры:

• максимально эффективные:

- стоимость;
- конструкция санузла;

© А.Ю.Жданова, 2012

- остекление балкона, лоджии;
- возможность торга;
- наличие балкона;
- описание входной двери (двойная, металл.);
- описание вида из окна (красивый, панорамный);
- наличие телефона;
- наличие холла, тамбура.

• усиливающие эффективность:

- описание расположения квартиры в доме (угловая/не угловая);
- характеристика подъезда (чистый);
- возможность пристройки;
- наличие лифта;
- освобождена;
- застройщик (К.И.Т);
- состояние крыши (кап. ремонт в 2009 г.)

б) в объявлениях о продаже машин необходимо указывать:

обязательные параметры:

- марка;
- год выпуска;
- цвет;
- цена;
- осуществляемое действие (продаю);
- контактный телефон.

желательные параметры:

• максимально эффективные:

- объем двигателя, см3;
- общая характеристика (отл. сост., хор.сост., идеальное сост.);
- сигнализация;
- возможность торга;
- пробег, без пробега;
- тип коробки передач (АКПП, парктроник, типтроник);
- литые диски;
-магнитола;
- описание салона (Рекаро, велюр, кожа);
- антикоррозийная обработка;
- электронная система динамической стабилизации (ЭСП);
- тонировка стекол;
- не бит/не крашен/не гнилой;
- зимняя резина, новая резина;
- руль (ГУР, ЭУР, мультируль);
- декоративные элементы (аэрография, молдинги, тюнинг);
- срочно;
- место приобретения (пригнан из Германии, куплен у официального дилера);
- ремонт двигателя, ходовой;
- антиблокировочная система (АБС);
- чехлы;
- необходимость финансовых вложений (требует/не требует);
- люк, электролюк;
- вид топлива (бензин/газ);
- бережная эксплуатация, гаражное хранение;
- количество клапанов;
- фары (ксенон, биксенон);
- мощность, л.с.;
- количество владельцев;
- тип двигателя (турбо, турбодизель);
- полный электропакет;
- характеристика пассажирских сидений (перетяжка);
- электрозеркала;
- сабвуфер, усилитель;
- телефон;
- готовность документов.

• усиливающие эффективность:

- месяц выпуска автомобиля;
- год начала эксплуатации;
- на гарантии;
- сервисная книжка;
- подкрылки;
- электронное зажигание;
- блокировка руля;
- обвес;
- много новых запчастей;
- все опции.

в) в объявлениях о продаже щенков и собак необходимо указывать:

обязательные параметры:

- осуществляемое действие (продаю);
- контактный телефон;
- порода.

-желательные параметры:

• максимально эффективные:

г) в объявлениях о продаже котят и кошек необходимо указывать:

обязательные параметры:

- осуществляемое действие (продаю);
- контактный телефон.

желательные параметры:

• максимально эффективные:

- порода (абиссинский, мей-кун, британский и т.п.);
- окрас (вискас и т.п.);
- возраст (1 мес.,2мес.);
- цена;
- описание (пушистый, короткошерстный, плюшевый и т.п.);
- пол (мальчик/девочка);
- привычки (приучен к туалету, когтеточке);
-точная дата рождения;
- прививки (привит);
- количество (3шт).

• усиливающие эффективность:
- наличие документов;
- титул (чемпион WCF и МФА);
- вес (3кг).

6. Исследование показало, что для коммуникативно и коммерчески эффективных объявлений могут быть установлены средние сроки продажи рекламируемого товара: машины – 56 дней, квартиры – 130 дней, собаки и щенки – 43 дня, котята и кошки – 45 дней.

Был проведен эксперимент по составлению эффективного текста частного рекламного объявления о продаже реального автомобиля в соответствии с выделенными критериями. Был составлен следующий текст:

Очень жалко продавать свою машину, но жизнь вынуждает.

Ауди-А6-Авант, 2001 г.в., пригнано из Финляндии в 2003 г.

Двиг. 2.4, АКПП-6, цв. чёрный. Максимальная комплектация, CD-changer.

Хор. сост., без ДТП. Всё ТО у офиц. дилера. Не требует вложений.

35 тыс. км назад менялись ролики, помпа, масло в двигателе, коробка.

485 000 руб. Торг уместен (обоснованный). 8-951-562-96-08, Игорь.

Комментарии:

1) «очень жалко продавать свою машину, но жизнь вынуждает» – придает содержанию объявления доверительную окраску;

2) «пригнано из Финляндии в 2003 г.» – косвенно указывает на бережную эксплуатацию, т.к. качество дорог в Европе значительно выше российских;

3) «без ДТП. Всё ТО у офиц. дилера» – ссылка на авторитет и качественное сервисное обслуживание;

4) 35 тыс. км назад менялись ролики, помпа, масло в двигателе, коробка – фраза, еще раз подтверждающая отсутствие необходимости дополнительных финансовых вложений;

5) Игорь – указание имени сокращает дистанцию между продавцом и покупателем, что повышает коммуникативную эффективность объявления.

Данное объявление было опубликовано в газетах «Камелот», «Из рук в руки», «Моя реклама». Автомобиль был продан практически за предложенную цену в течение 55 дней. Таким образом, эксперимент подтвердил, что коммуникативно эффективный текст позволяет клиенту уложиться в средний срок продажи автомобиля, установленный в ходе исследования.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с расширением тематических групп рекламируемых товаров, выявлением параметров, определяющих коммуникативную эффективность рекламного текста и разработкой практических рекомендаций по созданию эффективных текстов рекламных объявлений для разных типов товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жданова А.Ю. К проблеме эффективности частных объявлений // Культура общения и ее формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 24 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2011. – С.159-164.

2. Жданова А.Ю. К проблеме эффективности частных объявлений // Лингвоконцептология и психолингвистика. Вып. 4 / Научн. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2011. – С. 26-36.

3. Жданова А.Ю. О понятии эффективности речевого воздействия в рекламном тексте // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Вып. 18. – Воронеж : Истоки, 2012. – С. 106-110.

Воронежский государственный университет, Жданова А.Ю., аспирант кафедры общего языкознания и стилистики, 060985nastya@mail.ru

Voronezh State University, A.Yu. Zhdanova , post-graduate student of the department of general linguistics and stylistics, 060985nastya@mail.ru

УДК – 81'255.4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕДАЧИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕРЕВОДАХ С РУССКОГО НА ДРУГОЙ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

© С.А. Заболотная

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17.09.2012

Аннотация: *В работе предлагается обзор некоторых проблем представления имён собственных в переводе произведений художественной литературы на славянские языки. Опираясь на критерии формального и смыслового соответствия, автор выявляет основные закономерности выбора переводческой стратегии.*

Ключевые слова: *перевод, онимы, имена собственные, славянские языки, литературная ономастика*

Abstract: *The article gives a review of some problems of presentation of proper names in works of Russian literature translated into Slavic languages. Following the principles of formal and semantic equivalency, the author reveals basic tendencies in choice of translation means.*

Keywords: *translation, onyms, proper names, Slavonic languages, literature onomastics*

Несмотря на значительное число научных исследований по теории перевода и работ по поэтике онима, лишь малая часть из них совмещает проблематику той и другой областей научного знания, хотя в обеих сферах накоплен обширный опыт. Как правило, учебные пособия по теории и практике перевода не предлагают специальной информации о приёмах перевода nomina propria. Между тем ещё М.В. Ломоносов в набросках статьи «О переводе» обращал внимание и на трудности употребления русских антропонимов в переводе: «Как имя и отечество на французский язык трудно перевесть», сопоставляя форму обращения в русском и французском языках: «Monsier. Государь мой Ив.Ив.» [4, 768]. Славяно-славянский перевод исследуется в аспекте апеллятивной лексики, выразительных средств языка, передачи реалий, и лишь небольшая часть работ посвящена проблемам передачи онимов при переводе художественного произведения.

Одна из центральных проблем, к которым сводится исследование, заключается в следующем: возможен ли перевод имён собственных как таковой? Если этот вопрос актуален для имён вне художественного текста, то в отношении онимов в литературном тексте сомнений в необходимости перевода не возникает. Исследовательский опыт позволяет выделить основные требования к представлению nomina propria в тексте перевода:

– формальная адекватность,

– стилистическая адекватность,

– ассоциативная адекватность,

– соответствие национальному колориту подлинника,

– благозвучие.

Общность славянского этимологического фона и вызванная ею общность фонетического строя обеспечивают отсутствие затруднений в соблюдении первого и последнего требований, в то время как остальные выполняются не всегда в силу действия как лингвистических (различия в грамматике, стилистике), так и экстралингвистических (исторические, культурные расхождения, межъязыковая паронимия) факторов.

Имена славянского языкового пространства заимствованы в большинстве своём из общего источника – это традиционные христианские имена, а также народные имена со схожей во всех славянских культурах формой и семантикой, – но тем ярче в каждой форме выражен национальный колорит и актуализирована лингвокультурная составляющая (по мнению А.А.Потебни, «трудность самого наблюдения различий в эффектах увеличивается, когда мы имеем дело со словами одного происхождения в обоих языках» [5, 265]). Поэтому имена собственные можно отнести к псевдоэквивалентной лексике [2, 143]. Так, имена Евгений и Jewgeniusz, Марфа и Marta, представляя собой точные этимологические аналоги, в русском и польском языках вызывают различное представление о персонаже (это позволяет установить метод компонентного анализа, проводимого с использованием опроса среди носителей языка). «Иван Иванович какой-

© С.А. Заболотная, 2012

нибудь» для русскоязычного читателя обозначает посредственность, для иностранца же данная форма является экзотической, в особенности за счёт употребления отчества, нехарактерного для ряда славянских культур. С другой стороны, типичного русского для болгарского читателя обозначает имя Алексей, Алёша [1, 91], внося в нейтральное для русского имя дополнительную коннотацию. Различия эти, как правило, рождаются и воспринимаются интуитивно; именно поэтому в развитии переводоведения ключевую роль сыграл практический опыт переводчиков художественной литературы – как классиков (Ю. Тувим, К.И. Чуковский, Н. Любимов, Н. Галь), так и современных переводчиков (Н. Петрович, М. Петкова, О.В. Панькина).

На основании проведенных исследований выделяются следующие способы передачи онимов в переводе художественного текста: транскрипция, транслитерация, калькирование, словообразовательная и морфологическая адаптация, описательная замена, а также замена (субституция) ономастической реалии. Выбор переводческой стратегии, по утверждениям исследователей, обусловливается жанром произведения [7], поскольку от жанра зависит степень актуализации коннотативных значений онима [1, 92].

Замена ономастической реалии является наиболее радикальным из переводческих решений. Среди её целей – достижение ассоциативной эквивалентности в случаях различия в фоновых знаниях, когда ассоциации, связанные с определённым именем в оригинале, в принимающей культуре могут быть вызваны другим онимом (Панаев и Скабичевский – чеш. Saltykov и Ščedrin). Кроме того, замена онима может быть связана с морфологической адаптацией к строю принимающего языка. Так, в переводе на русский с македонского языка повести-сказки В. Урошевича «Невеста змея» имя героя Денко заменяется на Иван – переводчик объясняет это трудностями восприятия несклоняемого имени в русском языке, предполагающем вовлечение онима в парадигму склонения, тем более когда речь идет об имени главного героя, то есть частотном в тексте (О.В. Панькина, выступление на открытии XLV Летней школы македонского языка 22 июня 2012 г.). При подобных заменах вводимый оним, как правило, принадлежит той же культуре, что и заменяемый – иначе искажался бы национальный колорит произведения, чего современные переводчики стремятся избегать.

Большая часть смысловых расхождений между именами собственными в оригинале и переводе проявляется на уровне коннотации, когда формальная передача онима влечёт за собой утерю эмоционального компонента значения и смысловых компонентов, соотносящихся с фоновыми знаниями читателя.

Закономерности переводческих решений в значительной мере связаны с существующей в принимающем языке традицией перевода, с тем, насколько развита переводческая школа в той или иной культуре. В рассмотренных переводах на польский и чешский языки, выполненных представителями старых переводческих школ, преобладают кальки и примеры смысловой замены онима. Для переводов же на молодые литературные языки (среди рассматриваемых – македонский) характерна транскрипция с неизбежной утратой внутренней формы и коннотаций значимых имен и фамилий.

Набор онимов в тексте перевода не всегда совпадает с представленным в оригинале: в переводе могут появляться новые nomina propria – обычно в антономасическом употреблении, то есть в переносном значении при замене нарицательного имени собственным по родовому признаку [6, 193]:

Оригинал:

Алексей на митинге незаменимый человек, оратор, – сказал Николка.

Польский текст:

Aleksiej niezastapiony jest na wiecach, prawdziwy Cycero, – powiedzial Nikolka.

Причиной такого явления представляется существующая традиция антономасического употребления антропонимов в конкретном языке; кроме того, подобный подход закономерно соответствует развитой традиции литературного перевода на определённые языки (в данном случае польский). В южнославянских переводах данное явление практически не отмечается. Также под влиянием традиции употребления нарицательное имя в переводе может стать собственным: метафора или эпитет оригинала переходят в прозвище, становясь частью ономастической системы произведения (гигант, изуродованный в «Белой гвардии» М.А. Булгакова – Obor, Zohaven в словацком переводе романа).

Итак, способы передачи ономастических единиц при переводах на славянские языки разнообразны, но все они могут быть противопоставлены пути нейтрализации – принципу следования конвенции, используемому в настоящее время не только в техническом, но и в художественном переводе. Разработка оптимальной переводческой стратегии не представляется возможной в принципе, однако максимально подробное описание и анализ путей представления имён собственных в переводе, по мысли А.В. Фёдорова [8, 12], стимулирует поиск оптимального решения в каждом частном случае.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гринштейн А.С. Коннотативные значения имён собственных и лингвокультурологические аспекты перевода / А.С. Гринштейн // Коммуникация в диалоге культур. – Самара, 2002. – С. 89-93.

2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков – М., 2003. – 286 с.

3. Калинкин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинкин. – Донецк, 1999. – 408 с.

4. Ломоносов М.В. О переводе // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 11 т. – М.; Л., 1950. – Т.7. – С. 768-769.

5. Потебня А.А. Язык и народность / А.А. Потебня // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 253-285.

6. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – СПб.; М., 2003. – 384 с.

7. Смирнов О.К. Имена собственные в художественной литературе и специфика их перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.К. Смирнов. – Одесса, 1991. – 16 с.

8. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Фёдоров. – М., 1968. – 398 с.

Воронежский государственный университет
Заболотная Софья Андреевна, аспирант кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета.
E-mail: zabolotnaya.s@yandex.ru

Voronezh State University
Zabolotnaya S.A.,
post-graduate student oft Slavonic Department of Faculty of Philology of Voronezh State University
E-mail: abolotnaya.s@yandex.ru

УДК 821.161.1.(018)

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ЛАОДАМИИ В ДРАМАХ И. АННЕНСКОГО И Ф. СОЛОГУБА

© 2011 О.С. Зубарская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2012 года

Аннотация: *В статье рассматриваются способы осмысления архетипической женственности в символистских драмах на примере пьес И. Анненского «Лаодамия» и Ф. Сологуба «Дар мудрых пчёл». Проясняется принципиальное расхождение двух авторов в трактовке образа героини древнегреческой мифологии.*

Ключевые слова: *античная трагедия, символистская драма, мифотворчество, архетипическая модель возрождения любовью.*

Abstract: *Different ways of artistic apprehension of the archetypical femininity in symbolist drama, as witnessed in the plays Laodamia by I. Annensky and The Gift of Wise Bees by F. Sologub, are considered. The principal difference between the construing of the character of Laodamia in Annensky and Sologub is elucidated.*

Key Words: *ancient tragedy, symbolist drama, creation of myth, archetypical model of resurrection by love.*

"Смысл любого мифа состоит в том, чтобы дать нам в качестве отправной точки элемент известного и тем самым оградить нас от той пустоты, которую образует абсолютная новизна"

[3, 50], – к такому выводу в своих размышлениях о значении мифа в искусстве драматургии приходит Эрик Бентли, неустанный борец за признание вечного в том, что кажется временным. Миф об Электре со времён создания трагедии Эсхила "Хоэфоры" испытал десятки иных драматургических модификаций. И нет сомнений в том, что сам характер персонажа из мифологии от пьесы к пьесе претерпевал существенные изменения. Подобные «метаморфозы» постигли не только образ Электры, но и, к примеру, Антигоны, Пенелопы, а также Лаодамии, героини яркой древнегреческой трагедии, которая была транспонирована русскими символистами. Этому благоволила канва жанра античной трагедии.

Разводя по разным сторонам полноценного явления драмы её древнейшие жанровые разновидности, трагедию и комедию, следует прежде всего понимать, что они традиционно осваивали действительность несхожими способами. Если в комедии при подвижном сюжете характеры оставались постоянными, то в трагедии они могли с каждой пьесой меняться. Этот тезис станет явным, если углубиться в историю драмы. Commedia dell'arte обходилась без постоянно возобновляемых исследований индивидуальных характеров, тогда как драма, основанная на мифической истории, всё более и более отдалялась от прототипов. Нельзя, конечно, утверждать, что персонаж в трагедии с мифологическим сюжетом не является архетипическим. Он наделён таким началом уже по факту своего существования, но суть его – в способности к изменению. В большинстве древнегреческих трагедий свободные действия индивида и необходимый ход вещей предстают несовместимыми явлениями. Но вместе с тем нежелание героя покорствовать року не только признаётся, но и наделяется особым смыслом, дающим почву для дальнейшего размышления.

Жанр античной трагедии был с лёгкостью вписан в творчество русских символистов с их поэтизацией смерти и ориентацией на ирреальные, мистические корреляты. Именно возможностью поставить характер в центр драматического действия объясняется особое внимание к данному жанру теургов. Все опыты модернизированной интерпретации античного мифа объединены пристальным вниманием к личности, вступающей во внешний конфликт с текущим миропорядком. Героиня, истории которой посвятили свои пьесы Иннокентий Анненский и Фёдор Сологуб, "античная Ленора" (так называлась статья Ф.Ф. Зелинского о Лаодамии, побудившая Ф. Сологуба написать трагедию), Лаодамия пыталась проникнуть за завесу умопостигаемого, бросив трагический вызов данности. Сюжет мифа о Протесилае и Лаодамии служил основой дошедшей до нас частично трагедии Еврипида "Протесилай". В Восточной Европе в эпоху символизма он обрёл исключительную популярность. До Анненского и Сологуба его использовал польский поэт Станислав Выспянский (трагедия «Протесилай

© О.С. Зубарская, 2012

и Лаодамия», увидевшая свет в 1899 м г.), после них – Валерий Брюсов (трагедия «Протесилай умерший», завершённая к 1913 му г.).

Классический сюжет мифа, закрепившегося в культурных пластах, обрекал символистов на подробную разработку характера центральной героини. Фессалийская царица, юная Лаодамия, не пережила свидания со своим мёртвым мужем Протесилаем [12, 178]. Он погиб от удара Гектора, первым сойдя на троянский берег. Узнав о смерти любимого, Лаодамия попросила богов, чтобы они вернули ей мужа на несколько часов. Боги согласились, и Гермес привёл тень Протесилая на свидание с женой. Кроме этого, Лаодамия сама изготовила деревянную (по другим источникам восковую) статую Протесилая и спала с нею. Финал этой мифологической истории представлен в нескольких вариантах. Согласно одному, Лаодамия бросилась в огонь, видя, что отец сжигает восковую статую её мужа. Согласно другому варианту, она умерла в объятьях тени мужа, несколько раз ударив себя ножом.

Символистам было свойственно мистифицировать образы великих античных трагиков, приписывая им идеальные черты. Б. С. Бугров указывал на то, что "из всех древних трагиков Анненскому в особенности был близок Еврипид, почитавшийся им как великий символист античной драмы, – близок своим ощущением кризисного состояния мира, умением ставить коренные этические проблемы (личности и рока, свободы и необходимости), тяготением к недостижимому идеальному началу" [4, 31]. Драма Анненского не представляет собой внешнюю реконструкцию античной трагедии, хотя в достаточной степени соответствует ей идейно, ведь она увенчана пониманием трагического как борьбы с роком, а не подчинения ему. Очеловечение мифа было особенностью оригинальных драм Анненского. Тем более что его "интересует не архаический дохудожественный миф, представляющий собой многоплановую структуру, а мифы, прошедшие этический и эстетический отбор в культурном сознании эллина" [10, 109]. Переосмысляя мифологическую историю о Лаодамии и Протесилае, Анненский следовал Еврипиду, который в своём тексте "с чуткостью к легендам страдания перенёс её центр с погибшего героя на его погибающую жену" (из авторского предисловия к "Лаодамии"). Центр тяжести трагедии смещается с мифа, как определённой связанности событий, слагающейся в нечто целое, на героя, который самодостаточен и не находится в прямом соотношении с состоянием мира. Средоточием художественного интереса в трагедии И. Анненского является лирически одушевлённый образ Лаодамии – нежной, любящей жены царя Протесилая.

Лаодамия Анненского – совсем ещё юная "дева", что подчёркивается в ремарке к первому появлению героини. Она "с пышными белыми косами и в белом", а "в линиях и движениях что-то стыдливо-девическое" [1, 172]. Помимо акцентирования телесной чистоты "царицы и дитя" [1, 173], так называет свою воспитанницу Кормилица, – Анненский наделяет её знаком жизни – белыми косами, которые являются также воплощением мифологемы любви и смерти, на что указывает Ханзен-Лёве [9, 348]. Её "пышные" в самом начале действия волосы также фигурируют в пророческом кошмаре, который не раз снился девушке, когда незнакомец "шлем свой тяжкий на белые надеть старался косы и путал их, взбивая..." [1, 174].

Мотив волос динамизируется в дальнейшем: Лаодамия распустит волосы, затем подрежет их, но в финале трагедии она, находясь в предсмертном исступлении, появится с остриженными волосами и уже в "чёрных лохмотьях" [1, 222]. Если развернуть ракурс рассуждения на цвет, то стоит отметить, что Лаодамия кидается в огонь "как чёрная овца" [1, 224]. Анненский педалирует отличие героини от окружающего общества и ясно даёт понять, что система её ценностей нетипична. В последнем действии драмы отец, подруги, в меньшей степени Кормилица характеризуют Лаодамию как "безумную". Однако в противостоянии рациональному проявляется связанность героини Анненского с тем бессознательным и "тёмным" началом, что впоследствии будет определяться К.Г. Юнгом как природный архетип Анимы, который, "как правило, проецируется на женщин" [11, 78]. Как известно, Анненский отводил женственности особую роль в своём лирическом творчестве, а также в рецепции трагедий Еврипида. Здесь можно вспомнить о том, что Федра, по мнению Анненского, отражала душу великого трагика, но и "Ипполит был близок ему" [2, 396]. И в этом случае нужно упомянуть о том, что гибель Лаодамии пробудит "душу" её отца Акаста. Его эмоции, открывшись публике, станут свидетельством уже его "безумия": "Что стали там?.. Зачем глядите вы на старика безумного?" [1, 225]. Очевидно, катарсис, знак трагедии, очищая героя, переводит его в плоскость телеологической связи с дочерью на уровне Анимы.

Очистительной силой для Акаста и, что важнее, для Лаодамии, становится огонь. В.А. Капцев в мотивном анализе художественного мира Анненского выделяет мотив огня и указывает на его амбивалентность [5, 27]. В случае с "Лаодамией" он связан с земным одиночеством и одновременно символизирует спасение героини. В костре сжигается статуя Протесилая (своеобразный обряд похорон) и происходит самоубийство Лаодамии,

жаждущей скорой встречи с мужем. В разговоре с отцом перед смертью она просит: "Вдове, не тронутой ничьим прикосновеньем, оставь мечту" [1, 221]. В этом желании не познавшей любви девушки нет богоборческого пафоса, – он не имел для Анненского первостепенного значения. Его волновала прежде всего проблема трагической судьбы Лаодамии в окружающей действительности, лишённой красоты и гармонии. Анненский также отвергал преклонение перед культом смерти, и гибель его Лаодамии может рассматриваться как символ человеческого достоинства.

Такое отношение к смерти концептуально отличает его драму от "Дара мудрых пчёл" Сологуба, где итог жизни героини знаменует "милосердное освобождение от тягот бренного существования" [4, 33]. В этом смысле примечательно, что, в отличие от Анненского, Сологуб ассоциирует Лаодамию с тёмным цветом. Косы её чёрные, одежда пурпурная, которая, однако, ближе к развязке будет заменена чёрными лохмотьями. Такое цветовое решение образует символическую антитезу жизни и смерти: трагическое земное существование Лаодамии окрашено в тёмные тона, тогда как смерть "чистая и белая" [1, 131]. Только она способна утешить вдову. Не случайно действие происходит не только на земле, но и под землёй, в загробном мире, а среди персонажей фигурируют повелители царства мёртвых – Аид и Персефона. Для сологубовского сюжета это крайне важно. Как пишет Д. Меррилл, "сосуществование в драме обоих миров позволяет Сологубу развить важные параллели, отсутствующие в других версиях мифа. Например, в его версии много общего между Персефоной и Лаодамией" [7, 51].

Сологуб вводит в базовый миф несколько дополнений, которые обновляют и персонализируют его драму. Лаодамия Сологуба подчёркнуто женственна и царственна. Поскольку автор избирает первым топосом своей драмы наполненное тенями царство Аида, куда прибывает Протесилай, первое знакомство с образом Лаодамии происходит именно там: мёртвый герой просит у Персефоны свидания с женой и даёт ей детальную характеристику. Он упоминает о том, что провёл с женою всего лишь одну ночь и хотел бы насладиться любовью снова, – вот цель его стремления в мир живых. Он же вводит в художественную ткань произведения важный символ – воск – "дар мудрых пчёл". В диалоге с Персефоной Протесилай противопоставляет воск мёду, о котором богиня говорит так: "И сладостный в земных цветеньях для пчёл благоухает мёд" [8, 74]. Это недостижимое удовольствие для Персефоны, обречённой на заточение в загробном мире. Как Протесилай о своей жене, она может только мечтать о земных наслаждениях. Таким образом, деятельность "пчёл" биполярна – они обрекают всё, наполненное мёдом жизни, на быстротечное тление. Но важна также ещё одна коннотация образа пчёл: они есть олицетворение человеческих душ ("бледный рой вновь умерших" [8, 63]), тотемных предков. Не случайно, чуткая к миру природы, Лаодамия в своей первой реплике отнюдь не метафорически, но вполне реально испытывает на себе влияние пчёл: "Налетели на меня, <...> изжалили они моё сердце, соты горького мёда скопили в нём, злые, – и тает моё сердце, как тает воск" [8, 76]. В этом усматривается также важный фольклорный смысл, если учесть, что авторская ремарка подаёт речь Лаодамии как "причитание" [8, 75]. Несомненна роль пчёл в ритуальных обрядах, и в контексте всей драмы Сологуба первое упоминание героини о "горьком мёде золотых пчёл" [8, 76] служит предвестником трагического финала, когда будут совершены магические действия.

Символ мёда служит глубинному раскрытию образа сологубовской Лаодамии как женщины, обладающей тайным знанием. Здесь следует вспомнить о значении мёда в сознании древнего грека. Прокл, известный философ-неоплатоник, в одном из мистических сочинений писал: "Пусть тяжелит её мёд ваших сот, укрепляющий разум, / Душу..." [6, 33], – имея в виду особую функцию пчелиного продукта. Так, Лаодамия была наполнена мёдом – наделена пророческим знанием о гибели мужа, которое отяготило её сердце. Позже героиня раскроет рабыне Ниссе подробности своего сна, в котором ей является Протесилай, излагающий обстоятельства своей смерти. Это уже не просто пророческий, но вещий сон, – то самое знание о мире, данное "мудрыми пчёлами". Лаодамия не только узнаёт о гибели мужа, но предвещает свою собственную: "О, Протесилай, мы будем вместе, всегда вместе, сказала я; – повсюду за тобою, за тобою, Протесилай, и в самый ад, – так сказала я, – последует твоя Лаодамия" [8, 82].

По сюжетной функции сон Лаодамии в сологубовском сочинении принципиально не отличается от сна героини в драме Анненского: оба предвещают смерть Протесилая (это центральное событие станет двигателем драматического действия). Но в идейном отношении они интерпретируются самостоятельно. Лаодамии Анненского снится высокая трава, режущая её босые ноги, и незнакомец, которому она покорно позволяет себя душить. Анненский погружает героиню в неизвестное ей пространство, где нет "ни дерева, ни птицы и ни тени..." [1, 174], и это укрепляет мысль автора о важности ирреального мира для его героини.

Сологуб ввёл в драму не только структурные изменения, далеко уводящие от пьесы Аннен-

ского, но и насытил её противоположными мотивами. Отсюда и так различны названия обеих трагедий. Очевидно, что центральный образ выведен на первый план в драме И. Анненского, тогда как в названии пьесы Сологуба читается аллегорическая замаскированная непричастность Лаодамии к собственной смерти, – это всего лишь "дар мудрых пчёл". В целом земная жизнь героев лишь отражает архетипическую драму – разлуку и соединение души и Диониса, пленённой невесты и её освободителя. Здесь Сологуб вполне верен духу дионисийской трагедии в том её истолковании, которое составляло стержень русского символистского мифа. Но Анненским подчёркивается момент сознательного выбора Лаодамией своей судьбы. Безумье Лаодамии в конце трагедии – не дионисийский экстаз вакханки, в котором она прикасается к высшей правде, а следствие страданий души измученного ребёнка, не выдержавшего груза реальности. Эта жалость к героине снимает всю патетику романтического прославления "высшего безумия". Ещё до развёртывания основного конфликта героиня была избранной, её не удовлетворяла "животная", нерефлективная жизнь, она пыталась творчески подойти к миру, наполнить его собой, своим внутренним смыслом. Уход Лаодамии от видимого мира представляется как глубоко сознательный акт, внутренний вызов макрокосму.

Лаодамия Анненского, в отличие от сологубовскогой, ценна своими индивидуальными, психологическими особенностями. Её действия для любящей женщины закономерны. Будучи наделённой созерцательным началом, Лаодамия избавилась от пут материальной реальности и приобрела независимость от неё, уходя в вымышленный мир любви, обладающий для неё непомерной ценностью. В её знаковых действиях нашла воплощение архетипическая модель возрождения любовью. Именно она представляется организующим звеном для драмы Анненского.

В попытке мифотворчества поэтов-драматургов рождаются две Лаодамии, являющие собой два варианта осмысления архетипической женственности. Именно такой подход к константам, зафиксированным в культуре, позволяет увидеть их вечную незавершённость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненский И.Ф. Драматические произведения. Античная трагедия (публичная лекция) / И.Ф. Анненский. – М. : "Лабиринт", 2000. – 320 с.

2. Анненский И. Ф. Книги отражений / И.Ф. Анненский. – М. : Наука, 1979. – 679 с.

3. Бентли Э. Жизнь драмы / Э. Бентли. – М. : Искусство, 1978. – 368 с.

4. Бугров Б.С. Драматургия русского символизма / Б.С. Бугров. – М. : Скифы, 1993. – 54 с.

5. Капцев В.А. Художественный мир Иннокентия Анненского: мотив – мифологема – архетип / В.А. Капцев. – Минск : БГУ, 2009. – 107 с.

6. Круглов В.Л. Эстезис и эстетическое: истоки и клише традиции / В.Л. Круглов // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2008. – С. 32 35.

7. Меррилл Д. "Дар мудрых пчёл" Сологуба – диалог с Анненским? / Д. Меррилл. // Русская литература. – 2010. – № 2. – С. 48 54.

8. Сологуб Ф. Собр. соч.: В 12 т. / Ф. Сологуб. – СПб.,1911. – Т. 8.

9. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Лёве. – СПб. : "Академический проект", 1999. – 512 с.

10. Шелогурова Г.Н. Античный миф в русской драматургии начала века (И. Анненский, Вяч. Иванов) / Г.Н. Шелогурова // Из истории русской литературы конца XIX – начала XX века. – М. : Изд-во Московского университета, 1988. – С. 105 122.

11. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 302 с.

12. Lyons D. Gender and Immortality: Heroines in Ancient Greek Myth and Cult / D. Lyons. – Princeton University Press, 1996. – 288 p.

Зубарская О. С.
Воронежский государственный университет.
Аспирантка кафедры русской литературы XX века.
e-mail: zubarskaya@gmail.com

Zubarskaya O. S.
Voronezh State University.
Aspirant of the 20th century Russian literature department.

УДК 811.111.

МЕТОДИКА ОБОБЩЕННОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМЫ «VILLAGE» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

© Л.А. Литвинова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25.03.2012

Аннотация: *Целью данного исследования является обобщение лексикографических значений лексемы «village» в английском языке по толковым и энциклопедическим словарям. С помощью данного алгоритма было выделено более объемное и широкое лексикографическое значение данной лексемы с указанием примеров употребления слова в данном значении.*

Ключевые слова: *лексикографическое значение, метод обобщения словарных дефиниций, принцип дополнительности словарных дефиниций, лексема.*

Abstract: *The goal of the article is to describe the generalized lexicographical meaning of the "village" lexeme in the English language basing upon explanatory and encyclopedic dictionaries. Wider and more extentional meanings with the examples of the given word usage have been found with the help of the algorithm.*

Key words: *lexicographical meaning, methodology of generalized description of lexicographical meanings, principle of complementariness of lexicographical definitions, lexeme.*

Системное словарное значение создается лексикографами по принципу редукционизма, т.е. в значение включается минимальное количество признаков. Лексикографы включают минимум основных, на их взгляд, семантических признаков, которые предлагаются пользователям словаря как словарная дефиниция. Чтобы получить наиболее полное описание значения слова, необходимо обобщить словарные дефиниции разных источников и, соответственно, учесть результаты работы группы авторов словарей. Эту цель помогает достичь метод обобщения словарных дефиниций.

«Метод обобщения словарных дефиниций основан на принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждый из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга»[1, 26].

Метод обобщения словарных дефиниций включает в себя следующие этапы описания:

1. Выписываются значения по исследуемой лексеме из всех доступных словарей, в которых представлено данное слово – современных, исторических, энциклопедических.

2. Составляется сводный список всех дефиниций исследуемого слова, которые зафиксированы в словарях.

3. Каждое значение представляется как совокупность несовпадающих дефиниций этого значения в разных словарях: составляется список всех несовпадающих словарных дефиниций одного значения.

4. Все выделенные использованными словарями различные семантические компоненты включаются в состав описываемого значения, затем на базе совокупности несовпадающих дефиниций одного и того же значения в разных словарях формулируется обобщающая связная дефиниция лексикографического значения в виде расширенного набора сем с учетом всех семантических компонентов, в том числе отраженных лексикографическими пометами, выделенных несовпадающими дефинициями разных словарей. В формулируемом значении отмечаются все функциональные и стилистические пометы разных словарей.

5. При несовпадении словарных функциональных помет с реальностью употребления значений в современном языке пометы актуализируются с точки зрения современного использования значения.

6. При наличии в значениях функционально-территориальных ограничений ставятся пометы обл., регион., амер., брит., и под.

7. После обобщающей лексикографической дефиниции исследователем приводятся примеры употребления слова в данном значении из использованных словарей.

© Л.А. Литвинова, 2012

9. Семантема слова описывается по полевому принципу, где ядерными значениями считаются те, которые были выделены всеми словарями: периферийными значениями считаются устаревшие, стилистически ограниченные, выделенные отдельными словарями.

По данной методике было осуществлено обобщение словарных дефиниций лексемы «village» в английском языке.

Словарные дефиниции лексикографических значений слова «village»:

1. a group of houses in the country larger than a hamlet and smaller than a city, town; consists of a group of houses, together with other buildings such as church and a school in a country area; a group of houses and associated buildings larger than a hamlet and smaller than a town, situated in a rural area; a small group of dwelling in a rural area, usually ranking in size between a hamlet and a town; a settlement in the country larger than a hamlet and smaller than a city, town; a group of houses and other buildings in a country district smaller than a town and usually having a church; a very small town in the countryside; a very small town situated in a country area; [2] [3] [4] [5] [6] [7] [8] Обобщающая дефиниция такова:

Группа домов в сельской местности, образующих сельский населенный пункт с церковью и школой, меньший по размерам, чем город, но больше деревушки.

A Scottish fishing village. He settled in an obscure country village.

2. the people who live in a village; the people of a village collectively; the residents of a village, the inhabitants of a village, villagers; [2] [9] [6] [3] [5] Обобщающая дефиниция:

Сельское население, люди, проживающие в сельском населенном пункте.

The whole village came to the wedding.

3. a territorial area having the status of a village especially as a unit of local goverment; corporate power of a small town; [4] [11] Обобщающее лексикографическое значение:

Администрация или муниципалитет небольшого по размерам населенного пункта.

It doesn`t take a village to raise a child, it takes two parents. Frantz said, “The village continues to welcome solicitors to complete the problem. Some local residents confront their village about the high pay.

4. (before noun) in a village or relating to a village; (as modifier) a self-contained district or community within a town or a city regarded as having features characteristic of village life; [11] [2] Обобщающее лексикографическое значение:

Характерный, типичный для сельского населенного пункта или характеризующий сельский населенный пункт.

The village fete happens every year in May.

Исследование показало, что важную информацию о значении слова может дать дефиниция в энциклопедическом словаре. Так, лингвострановедческий словарь «Американа» под редакцией Г.В. Чернова представляет лексему “village” как 1) административно-территориальную единицу с собственным уставом (incorporated area), принятую в нескольких штатах. Входит в состав округа (county). По численности населения меньше небольшого города (town). Населенные пункты с таким статусом и населением свыше 25 тысяч человек есть в штатах Иллинойс и Нью Йорк. 2) муниципальную корпорацию // Властная структура небольшого населенного пункта [10].

Данная информация позволяет выделить следующие семантические компоненты исследуемого значения:

1) административно-территориальная единица;

2) есть собственный устав;

3) является частью округа;

4) численность населения меньше, чем в небольших городах (town);

5) является муниципальной корпорацией (местная самоуправляющаяся административно-территориальная единица, имеет свой утвержденный устав и обладает правами юридического лица).

В энциклопедии «Британника» под ред. В. Бентона представлена информация об устаревшем значении лексемы “village”, которая позволяет выделить следующий признак [8]:

1) (устар.) населенный пункт в сельской местности, где проживали бедные низшие слои населения Англии во 2–4 вв.

Таким образом, энциклопедическая информация позволяет выделить следующие семантические компоненты исследуемого значения:

1) населенный пункт;

2) в сельской местности;

3) проживали бедные низшие слои населения Англии во 2-4 вв.

Таким образом, информация, полученная в результате исследования лингвострановедческого и энциклопедического словарей, позволяет дополнить описание семантики слова.

С учетом лингвострановедческой и энциклопедической информации значения слова «village» могут быть представлены в следующем виде:

1. Небольшой по размерам населенный пункт с церковью и школой, расположенный в сельской местности, где проживает небольшое количество жителей, являющийся административно-территориальной единицей и частью округа в США; является муниципальной корпорацией со своим уставом и органом самоуправления, во 2-4 вв. в нем проживали бедные слои населения (в Англии).

A village among the hills. He lived in an obscure country village. A sleepy coastal village. The population of the villages is thinning down now that so many people are going to the cities.

2. Сельское население, люди, проживающие в сельском населенном пункте, жители деревни.

The whole village was early astir. The whole village attended the meeting.

3. Администрация или муниципалитет небольшого по размерам населенного пункта.

It doesn`t take a village to raise a child, it takes two parents. Frantz said, "The village continues to welcome solicitors to complete the problem. Some local residents confront their village about the high pay.

4. Характерный, типичный для сельского населенного пункта или характеризующий сельский населенный пункт (в значении прилагательного или в качестве определения).

In the Hampton Ms. Konrad has accused village officials and builders. Some local residents confront their village officials about the high pay. The village shop. The village church. Village gossip. A village teacher.

Анализ собранного материала указывает на следующие семантические параметры и семы значений слова "village", актуальные для национального сознания носителей английского языка при концептуализации деревни:

– размер населенного пункта (маленький, небольшой, меньше города);

– время существования или возникновения (2–4 века, в настоящее время);

– наличие церкви (есть церковь);

– наличие школы (есть школа);

– характер управления (собственное, самостоятельное административное управление);

– статус (населенный пункт);

– территориальное расположение (в сельской местности, вне городской территории, в США, в Англии);

– дифференциальный признак (отличается от города, противостоит ему, отличается от деревушки);

– количество жителей в населенном пункте (немногочисленное население);

– административный статус (местная самоуправляющаяся административно-территориальная единица).

В отдельных толковых словарях английского языка описанная нами лексема «village» имеет не более 3 значений, в то время как в обобщающем лексикографическом значении слова таких значений оказалось 4. Очевидно, что обобщение дефиниций лексикографических значений и значений, представленных в энциклопедических словарях, позволяет получить более объемное лексикографическое описание лексемы, которое будет более полно описывать системное значение слова.

При этом нужно учитывать тот факт, что лексикографы обычно описывают значение в объеме некоторого количества основных семантических компонентов, тогда как контекстные и психолингвистические значения всегда содержат семы, не зафиксированные словарями. Поэтому для более полного и максимально объективного описания значений слов необходимо описание их контекстных значений и психолингвистического значения, выявляемого экспериментальными методами и приемами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 150 с.

2. Collins Cobuild English Language Dictionary. – Collins Publishers, 2001

3. Webster's New World Dictionary – Third College Edition, 2000.

4. The Free Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]

http:// www.merriam-webster.com

5. Yahoo Dictionary [Электронный ресурс] http:// www.education.yahoo.com

6. Oxford Advanced Learner's Dictionary – Oxford University Press, 2002. – 1539 p.

7. Толковый словарь английского языка Oxford Concise School Dictionary: 40 000 слов и

Выражений / Дж. Хокинс, Э. Делаханти, Ф. Макдональд. – М. : Астрель; АСТ, 2008. – 556 с.

8. The Encyclopedia «Britannica», William Benton, Publisher, Vol.3 A New Survey of Universal Knowledge. Chicago London Toronto, 1768.

9. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Ltd., 1999.

10. "Americana": Англо-русский лингвострановедческий словарь/Под редакцией Г.В. Чернова – Смоленск. : Полиграмма, 1996 – 1185 с.

11. Oxford Dictionaries Online (World English) [Электронный ресурс] http//www.oxforddictionaries.com

12. The Oxford Classical Dictionary, 3-d edition. Edited by Simon Horablower, Antony Spawforth, Oxford University Press, 2003.

Воронежская государственная лесотехническая академия. Литвинова Людмила Алексеевна, преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета
milalitvinova@rambler.ru

Voronezh State Forestry Academy
Litvinova Liudmila Alexeevna, a university teacher of Foreign Languages Subdepartment of the Economics Department
milalitvinova@rambler.ru

УДК 800:81.42

ББК 81

Л 872

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

© Е.Н. Лучинская

Кубанский госуниверситет

Поступила в редакцию 2 марта 2012 года

Аннотация: *Статья посвящена описанию новых подходов к исследованию личности автора в литературе постмодерна, а именно в рассказах американского писателя Д. Бартельми. Постмодернизм оказал существенное влияние на культуру постиндустриального общества. Современное искусство, как часть интертекстуального социокультурного пространства, демонстрирует приверженность его культурным архетипам, кодам, знаковым системам. В своих произведениях Д. Бартельми заменяет логику алогичностью, стремится передать мысль о фрагментарности, бессвязности и бессмысленности индивидуального опыта.*

Ключевые слова: *постмодернизм, интертекстуальность, культура, лингвокультурные коды, литература постмодерна, пародия, аллюзия, пастиш.*

Abstract: *The article describes the new approaches to the studying of the author's personality in post-modern fiction, i.e. in D. Barthelme's stories. Post-modernism greatly impacted the culture of the post-industrial society. Modern art being the part of intertextual social and cultural space shows the adherence to its cultural archetypes, codes and symbolic systems. In the stories D.Barthelme replaces logic to illogicality, tries to transfer the idea about fragmentariness, incoherence and inanity of individual experience.*

Key words: *post-modernism, intertextuality, culture, lingua-cultural codes, post-modern fiction, parody, allusion, pasticcio.*

Постмодернизм оказал существенное влияние на те процессы, которые протекают в различных отраслях духовного производства постиндустриального общества. В тексте и других манифестациях (произведениях искусства, например картинах, инсталляциях, кинофильмах и иных артефактах) принципы постмодернизма выражаются в тотальной аллюзивности и цитатности, использовании шоковых приемов, обращении к эпатирующим темам и приемам. Анализ показывает, что современное искусство является частью интертекстуального социокультурного пространства, демонстрируя приверженность его культурным архетипам, кодам, знаковым системам.

Постмодернистский дискурс – характерный признак культуры современности. Сложный художественный текст постмодернистских писателей насыщен множественностью смыслов. Мы полагаем, что постмодернистский дискурс регулируется комплексом признаков, которые прочитываются при помощи кодов и субкодов. Особенность языкового сознания в постмодернистском дискурсе состоит не столько в его текстуализации, сколько в его нарративизации, т.е. в способности человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста. В постмодернистском художественном тексте выявляются две взаимосвязанные проблемы: языкового характера личности и повествовательного модуса оформления жизненного опыта.

В этом ключе следует подчеркнуть, что Д. Бартельми – семиотически ориентированный писатель, мироощущение которого подразумевает синкретизм бытия человека и бытия культуры, бытия читателя и бытия книги, бытия памяти и бытия творчества. Дональд Бартельми – один из крупнейших (наряду с Т. Пинчоном и Дж. Бартом) представителей американской «школы черного юмора». В 1960-х гг. он был признан лидером постмодернистского направления [1, 2009].

© Е.Н. Лучинская, 2012

Произведения постмодернистского писателя Д. Бартельми имеют несколько уровней прочтения, заранее закодированных в тексте: так автор моделирует и предопределяет реакцию читателя. Непревзойденный мастер короткой формы, Д. Бартельми по-новому смотрит на процесс творчества, опровергая многие традиционные представления. Известные произведения Д. Бартельми – романы «Белоснежка» (Snow White, 1967), «Мертвый Отец» (Dead Father, 1975) и «Рай» (Paradise, 1986); сборники рассказов «Возвращайтесь, доктор Калигари» (Come Back Dr. Caligari, 1964), «Деяния неслыханные, вещи невозможные» (Unspeakable Practices, Unnatural Acts, 1968), «Городская жизнь» (City Life, 1970), «Печаль» (Sadness, 1972), «Великие дни» (Great Days, 1979), «Шестьдесят рассказов» (Sixty Stories, 1982), «Путь в ночи ко многим дальним городам» (Overnight to Many Distant Cities, 1983), «Сорок рассказов» (Forty Stories, 1987) и др.

В постмодернистском тексте чрезвычайно важна форма. Для произведений Бартельми наиболее важна техника монтажа, повлиявшая и на выбор тем и особенности художественной формы: фрагментарность Бартельми считал определяющей чертой современного искусства. Так, рассказ «Стеклянная гора» представляет собой сто пронумерованных предложений, каждое из которых содержит совершенно конкретную информацию об отдельных «свойствах», «особенностях», интересных чертах описываемого феномена. Ирония заключается в том, что сам феномен – гора из стекла, непонятным образом появившаяся на окраине ничем не примечательного американского поселка.

С лингвистической точки зрения интересен рассказ «Предложение», представляющий высказывание длиной в восемь страниц, которое отличается пустой логической связанностью, демонстрирующей возможности «рационального» сознания и его поразительную бессмысленность.

В повести «Как Кьеркогор оказался несправедлив к Шлегелю» автор позиционирует самого себя: художественный принцип характеризует не эстетику датского мыслителя Кьеркегора, а кредо самого Бартельми, которое звучит следующим образом: «Ирония обладает незаменимым свойством – она дает тому, кто ею владеет, субъективную свободу... Ирония – это способ лишить объект его реальности, после чего субъект может ощутить себя полностью свободным» [3].

Бартельми заменяет реальное «поэтическим», неким метатекстом, «надреальностью», выстраиваемой без малейшей заботы об отображении действительности в ее подлинном облике. В целом, Д. Бартельми стремился подчинить форму прямому изображению абсурдного и бессвязного потока самых разнородных побуждений и впечатлений, составляющих духовный мир его персонажей.

Во многих рассказах 70-х годов («Перепетуя», «Гений», «Голуби улетают из дворца», «Домье») наблюдается разрыв художественной ткани повествования, композиционный хаос. Бартельми стремится передать мысль о фрагментарности, бессвязности и конечной бессмысленности всякого индивидуального опыта. В книгах Бартельми можно найти несколько уровней пародирования. Так, в последнем романе Д.Бартельми «Король» (The King, 1990) мы видим пародийное переложение рыцарских романов и легенд о короле Артуре.

Напомним, что принципами постмодернизма являются эклектичность, дискретность, децентрация и др. понятия, отличающие данное культурное пространство от других направлений культуры.

Эклектичность, т.е. соединение разнородных, внутренне противоположных принципов, взглядов, теорий, художественных элементов, так называемая полифония постмодернистского дискурса, или плюрализм – одно из ключевых понятий рассматриваемого явления. К этой особенности причисляют принцип децентрации, т.е. отсутствие единого центра в хаотично-игровой ситуации постмодернизма, при всем наличии богатства и разнородности его составляющих. В работах отечественных ученых–философов языка (Ю.С. Степанов, Д.И. Руденко и др.) просматривается новое направление, развивающее концепцию «центрированной интертекстуальности» в ситуации после постмодернизма с «субъективным демиургом», который оказывается «новым центром» своего «возможного универсума» и порождает центры философского дискурса [2, 241].

Дискретность повествования – особая черта постмодернистского дискурса. Д. Бартельми заявляет, что фрагменты – это единственная художественная форма, которой он «доверяет» [3, 160]. По его мнению, «вдумчивый (гипертекстуальный) читатель имеет возможность читать беспорядочно, комбинируя текст на свое усмотрение, чтобы прийти к неожиданным результатам» [Ibid., 160].

Сегодня, в эпоху постмодернизма, мы можем ожидать расширения новых возможностей локальных дискурсов, т.е. не линейную одномерность знакового ряда, а пространственную многолинейность означающих. Метадискурсивность в постмодернизме оправдана вековой культурной практикой и постоянно проявляется в современных реалиях в виде «культовых текстов» и новой игровой мифологии.

Метасемантика как обязательное свойство постмодернистских произведений достигается с помощью различных коннотативных средств,

общим для которых является игра, когда между искусством и смыслом исчезает какая-либо однозначность. Игра, основанная на равновесии действительного и вымышленного, порождает многозначность произведения. Ирония и самоирония, языковая игра – важнейшие конструктивные элементы постмодернизма, – дают выход в глубокую народную традицию: в культуру смехового мира. Пастиш, ключевое слово постмодернизма, представляет своеобразную форму самопародии и самоиронии, при помощи которой писатель намеренно растворяет свое сознание в иронической игре цитат и аллюзий.

Исходное качество постмодернистского текста – ориентация на изначальный хаос, порождающий бессистемность, фрагментарность, эклектичность, разностильность, пародийность и самопародию. По мнению Л.Г. Андреева, «мир постмодернистского искусства – мир симулякров, ложных видимостей, мир означающих, освободившихся от референтов» [4, 324]. Метароман Д. Бартельми – выражение общей интертекстуальности, как средство выражения ценностных ориентиров писателя, как форма диалога с традицией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Daugherty T. Hiding Man: A Biography of Donald Barthelme. St Martin's Press. - N.Y, 2009. – 581 p.

2. Руденко Д.И. «Новый русский реализм»: в берегах и вне берегов постмодернизма / Д.И. Руденко // Язык и культура: Факты и ценности. К 70 летию Юрия Сергеевича Степанова. – М., 2001.

3. Barthelme D. Sixty Stories / D. Barthelme. – N.Y., 1989.

4. Андреев Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? (Художественный синтез и постмодернизм) / Л.Г. Андреев // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. – М., 2001.

Лучинская Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета
e-mail: bekketsam@yandex.ru

Luchinskaya Elena – Doctor of Philology, professor, Chief of General and Slavonic-Russian Linguistics Department of Kuban State University
e-mail: bekketsam@yandex.ru,

УДК 81.1

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ)

© 2012 К.В. Овсянникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *Статья посвящена исследованию наименований предприятий общественного питания г. Воронежа и выявлению современных тенденций в образовании их имен. В настоящее время номинаторы используют различные приемы при создании имени коммерческим объектам. В основном это графические и фонетические средства, различные приемы языковой игры, привлекающие внимание посетителей, воздействующие на их сознание.*

Annotation: *This article is devoted to research of names of catering establishments in Voronezh and finding modern trends in naming. Nowadays, namers are using various methods in creation of commercial names, such as graphical and phonetic means, different ways of language games that appeal attention of the visitors and its influence on their consciousness.*

Ключевые слова: *номинация, номинатор, воздействие, языковые средства, современные тенденции.*

Keywords: *naming, namer, influence, language means, modern trends.*

В настоящее время появляется большое количество различных заведений общественного питания (рестораны, кафе, пиццерии, столовые, закусочные, трактиры, пивные бары, чайные клубы, шашлычные, бистро, кофейни), названия которых являются коммерческими номинациями. По определению М.А.Новичихиной, коммерческой является «языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение коммерческого эффекта» [1, 3].

И хотя в последние годы коммерческая номинация исследуется достаточно активно, однако не все её аспекты изучены в достаточной степени. Цель данного исследования – на материале названий предприятий общественного питания города Воронежа выявить актуальные тенденции в образовании коммерческой номинации.

В результате анализа 435 наименований предприятий общественного питания были выявлены некоторые тенденции создания коммерческих номинаций, которые проявляются прежде всего в графическом оформлении вывески.

Это, например, сочетание русской и латинской графики – ProСуши, Proспект, Зальцbeer, Сафари.ru – или сочетание чисел и русской графики – 24 часа, 14000 тонн, 1 литр, 525 километр, 17-й квартал, 72 метра.

Используется также сочетание цифр и латинской графики – PRO100BAR (при произнесении – Просто бар), сочетание аббревиатуры, цифры и знака препинания – ехх...36 (означает «еду как хочу») и название, состоящее из цифры – 9 ½.

При графическом изображении некоторых названий номинаторы используют небуквенные орфографические знаки (чаще всего – апостроф), например La'Буфет, D'Art) или написание в одно слово (PrimeTime, BarDuck, ТАБУРЕТКАфе, КофеТун/СушиТун,), а также написание частей слова с заглавной буквы (MesTo, ВиноГрад, ВерМишель, КофеАрт, УчКара).

Иногда номинаторы ставят точки или дефис между частями наименований (Тет.А.Тет, Эрмитаж.в, Д.И.Ва, Сафари.ru, Тип-Топ, ЭтносБлюз. Буква «в» в названии «Эрмитаж.в» сообщает потенциальному посетителю о том, что кафе находится на вокзале, а точки в названии кафе «Д.И.Ва» указывают на то, что в данной номинации зашифрованы имена владельцев.

В номинациях, представляющих собой словосочетания, распространенным является написание всех слов с заглавной буквы (Black Table, Burger House, Колесо Лазури, Аппетитто Гриль, Café-Café).

Используется также вызывающее ассоциации с прошлым нашей страны написание с буквой «ъ» на конце слова (Христофоръ, Капитанъ, Трактиръ на Димитрова). Безусловно, подобные

© К.В. Овсянникова, 2012

названия позволяют создать определенный образ, придать некоторую атмосферу «старины». А название «Трактиръ на Димитрова» – еще и аллюзия к старому фильму «Трактир на Пятницкой».

В вывесках предприятий общественного питания используются и креолизованные тексты, т.е. тексты, сочетающие в себе вербальные и невербальные, изобразительные средства передачи информации. Примером вывески такого типа является название кафе MesTo: так, буква «Т» в названии стилизована под столик, за которым друг против друга сидят мужчина и женщина, что несет в себе дополнительную информацию о том, что данное предприятие общественного питания служит не только для принятия пищи, но и для приятного общения.

Большинство из вышеперечисленных названий являются еще и примерами использования номинатором приемов языковой игры. Н.В.Данилевская определяет языковую игру как тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность произвести на слушателя/читателя эстетический и стилистический эффект [2, 657].

С целью создания языковой игры номинаторы могут использовать омофонию. Например, название пиццерии «Жар-Пицца» созвучно с именем сказочной птицы (Жар-птицы), олицетворяющей огонь, свет, солнце, а наименование бара Zanzibar с названием острова Занзибар, что может вызвать приятные ассоциации. Звучание названия ресторана Beerлога вызывает ассоциации с жилищем медведя. Очевидно, номинатор хотел показать, что в данном баре уютно, тепло, можно спрятаться от суеты окружающего мира.

В названии кафе-бара «BaRak O'мама» также присутствуют разные виды графического оформления. Кроме того, оно созвучно с именем действующего американского президента и вызывает у потенциального посетителя улыбку. Можно заметить игру и на лексическом уровне: слово «BaRak» заключает в себе два (бар и барак).

В наименовании кафе «Блин Кампот» – орфографическая ошибка в слове «компот» служит цели привлечения внимания. Кроме того, данную номинацию можно трактовать как аллюзию к названию музыкального коллектива «Бахы́т-Компо́т», тексты песен которого нередко эпатируют вкус обывателя.

В наименовании «Ам`бар» апостроф показывает, что название сложено из слова *ам*, которое на детском языке обозначает процесс принятия пищи (используется также как междометие «Ам!» (шутл.), т.е. «съем», «укушу»), и слова «бар». Возможно, номинатор таким способом хочет донести до потенциального потребителя информацию о том, что посетителям дадут и поесть, и выпить.

Благодаря использованию заглавной буквы «Г» в названии кафе «ВиноГрад» происходит изменение значения слова, подчеркивается, что это не кустарниковое растение или его плоды, а город вин.

Аналогичный прием представлен в названии «BarDuck». Буква «D» показывает, что бар называется «Утка» (в переводе с англ.). А слитное написание слов вносит в наименование другое значение, а именно – бардак, т.е. беспорядок, неразбериха.

В наименовании «Блин Медович» языковая игра реализуется с помощью сходства с принятыми в русском языке формами имени и отчества, как, например, Иван Петрович. В игру включается морф **- ович**, использующийся в образованиях, мотивированных собственными личными именами. Здесь же он присоединяется к корню нарицательного существительного.

Значительное место в языковой игре отводится прецедентным феноменам: именам и высказываниям. Н.А.Потанина отмечает, что игровая (людическая) функция является одной из главных функций прецедентных феноменов [3,197].

Например, название «Zazerкалье» отсылает к детской книге английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». Можно предположить, что номинатор хотел подчеркнуть сказочность, необычность этого кафе. Игровой момент подчеркивается графическим оформлением. Пиццерия «Синьор Помидор» названа так по имени героя художественного произведения Дж. Родари «Чиполлино». Кафе «Госпожа Удача» и «Ваше Благородие» названы словами песни из кинофильма «Белое солнце пустыни». Для наименования кафе «Йо-хо-хо! и бутылка рома» взята строчка из пиратской песни в романе Р.Л.Стивенсона «Остров сокровищ», а кафе «Отчаянные Домохозяйки», вероятно, получило свое имя по названию популярной телевизионной американской комедии. Подобные номинации служат цели каузации у реципиента креативного начала и положительных эмоций, связанных с получением результатов эвристической деятельности.

Таким образом, анализ показал, что актуальными тенденциями при создании наименований предприятий общественного питания являются: необычность, креативный характер графического оформления и приём языковой игры. Использование этих средств направлено на то, чтобы потенциальный потребитель услуг отметил, выделил

заведение из ряда других. Подобные номинации вызывают интерес, актуализируют положительные эмоции, и у потенциального потребителя возникает желание посетить заведение с таким необычным названием.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация. – Воронеж, 2003. с. 3-20.

2. Данилевская Н.В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М.Н.Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С.657-660.

3. Потанина Н.Л. О людической функции прецедентных феноменов в художественном тексте // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж, ВГУ, 2004, с. 193-201.

Овсянникова Ксения Владимировна.
Воронежский Государственный Университет, филологический факультет,
Кафедра общего языкознания и стилистики,
Аспирантка 2 -го года обучения.
E-mail: ksug33@rambler.ru

Ovsiannikova K.V.
Voronezh State University, The faculty of philology The department of general linguistics and stylistics. Post-graduate student, the 2. year of study.
E-mail: ksug33@rambler.ru

УДК 821.161.1

СТЕРНИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ “СОБОРЯНЕ” Н.С. ЛЕСКОВА (“ИГРА СЛОВОМ”)

© 2012 И.В. Овчинникова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *В этой статье представлены примеры модификации стернианского стиля русским классиком Н.С. Лесковым с определенными художественными целями и продемонстрирован сам механизм пародийного использования эстетических принципов Л.Стерна с целью создания уникальной авторской манеры. Остроумнейшая игра с поэтикой Стерна не имеет ничего общего с подражанием, так как исполнена глубочайшего ментального смысла.*

Ключевые слова: *традиции, стиль, поэтика, игра слов, пародии, стилевые новации, рапсодический принцип.*

Annotation: *This article represents the examples of updating Sterne’s style by the Russian classic N. Leskov with the definite art purposes and shows the comical usage mechanism of Sterne’s esthetic principles for the purpose of creation the unique author’s manner. The wittiest game with Stern’s poetics has nothing in common with the imitation in Leskov’s works as it is carried out the deepest mental sense.*

Key words: *traditions, style, poetics, word game, parodies, style innovations, rhapsodical principle.*

Н.С. Лесков неоднократно ссылается на одного из оригинальнейших английских писателей XVIII века Лоренса Стерна, в частности, в «Демикотоновой книге протопопа Туберозова» его герой, русский провинциальный священник, упоминает о первом романе писателя «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»: «...Припоминаю невольно давно читанную мною старую книжечку английского писателя, остроумнейшего пастора Стерна,<....>, и заключаю, что по окончании у нас сего патентованного нигилизма ныне начинается шандиизм, ибо и то и другое не есть учение, а есть особое умственное состояние, которое, по Стернову определению, «растворяет сердце и легкие и вертит очень быстро многосложное колесо жизни». И что меня еще более убеждает в том, что Русь вступила в фазу шандиизма, так это то, что сей Шанди говорил: «Если бы мне, как Санхе-Пансе, дали выбирать для себя государство, то я выбрал бы себе не коммерческое и не богатое, а такое, в котором бы непрестанно как в шутку, так и всерьез смеялись». Ей-право опасаюсь; не нас ли, убогеньких, разумел сей штуковатый Панса, ибо все это как раз к нам подходящее, и не богаты и не тороваты, а уж куда как гораздо смешливы!» [1, 40]

Для самого Лескова именно «капризная» манера Стерна, соединявшая патетику с шутовством и буффонадой, воплощающая жизненные парадоксы в «игре слов» и в двусмысленностях словоупотребления, была особенно ценной. Роман-хроника «Соборяне» является своеобразной пародией на оба стернианских романа. В частности, Лескова не мог не заинтересовать их ономастикон. Фамилия героя Шенди на йоркширском диалекте означает «человек со странностями» (русский эквивалент «без царя в голове»), а поскольку речь идет обо всем семействе, которому принадлежит Тристрам, то персонажи Стерна выглядят сборищем чудаков, где каждый имеет свои причуды и маниакальные идеи, определяющие его жизненное поведение и «мнения».

В «Соборянах» подобными чудаками являются старгородские обыватели и представители местной поповки. Это, прежде всего, богатырь-дьякон с душой наивного ребенка, детолюбивый Захария Бенефактов, капитан Повердовня, учитель Препотенский и другие. Их чудачества проявляются в поступках, но более всего в их речевом поведении, и в этом последнем случае у Лескова можно обнаружить отчетливое влияние стернианской поэтики.

«Рапсодический» стиль Стерна, как его именует герой-повествователь (Тристрам Шенди) в начале XIII главы первого тома, представляет собой тот самый «фламандской школы пестрый сор», о котором упоминает А.С. Пушкин, характеризуя собственные «поэтические бредни» в «Евгении Онегине» (кстати, А.С. Пушкин тоже был благодарным читателем Стерна, обратившим

© И.В. Овчинникова, 2012

внимание в одном из писем на необычайную наблюдательность английского писателя). Имя Евгений встречается и в «Тристраме Шенди», и в «Сентиментальном путешествии»: прототипом этого персонажа был приятель Стерна Холл Стивенсон, человек эксцентричный, любивший бросать вызов английской чопорности и лицемерию [2, 785] и в этом качестве похожий на пушкинского Онегина, появившегося столетие спустя.

Научный комментатор к произведениям Стерна и глубокий знаток английской литературы Адриан Антонович Франковский дает возможность воочию убедиться в виртуозном использовании Стерном богатств национального языка. В частности, в эпиграфе к четвертому тому из «Повести Слокенбергия» Иоанна Солсберийского (английского философа, политического деятеля и поэта), перевод на латинский сделан Стерном с английского текста, и «латинский текст» автора романа значительно отличается от оригинального. Эти «разночтения» предусмотрены самим Стерном: снимая двусмысленность латинского оригинала, тот достигает усиления комического эффекта при его сличении с авторским «эквивалентом» [2, 794].

В комментариях А.А. Франковского специально отмечены случаи непереводимой игры слов. Так, в пожелании Тристрама, «...чтобы каждый подражатель в Великобритании, Франции и Ирландии покрылся коростой (здесь и далее курсив наш. – И.О.) за свои труды – и чтобы в этих странах были хорошие дома коростовых, достаточно просторные, чтобы вместить – ну да и очистить всех их гуртом, косматых и стриженых, мужчин и женщин...», слово ‘farcy’(«короста» по-английски) сопрягается с лексемой ‘farcical’, означающей и «коростовый», и «фарсовый, шутовской» [2, 797].

В главе XVI шестого тома, рассказывая о спорах родителей по поводу решения отца одеть Тристрама в штаны и употребляя выражение ‘lits de justice’ (то есть торжественное заседание парижского парламента под председательством короля, где ‘lit’означает «трон»), Стерн переводит его буквально: «...с разбором всех «за» и «против», на двух особых lits de justice, которые отец держал специально с этой целью. Природу этих постелей правосудия я разъясню в следующей главе; а в главе восемнадцатой вы пройдете со мною, мадам, за занавеску, только для того, чтобы послушать, каким образом отец с матерью обсуждали между собой вопрос о моих штанах, – отсюда вы без труда составите себе представление, как они обсуждали все вопросы меньшей важности» [2, 403].

«Загадочный» и «спорный» смысл Стерн придает вполне определенному латинскому именованию широкой пурпурной полосы на тунике сенаторов – latus clavus: «А что это такое latus clavus?– спросил отец. Рубений ему сказал, что по этому поводу между учеными до сих пор идет спор. – – – Что Эгнаций, Сигоний, Боссий Тичинский, Баифий, Будей, Салмасий, Липсий, Лаций, Исаак Казабон и Иосиф Скалигер все расходятся между собой – и сам он расходится с ними. – Что великий Баифий в своем «Гардеробе древних», глава XII, -– честно признается, что не знает, что это такое – шов – запонка – – пуговица – петля – пряжка – или застежка. – – – – Отец потерял лошадь, но остался в седле. – – Это крючки и петли, – сказал отец, – – и заказал мне штаны с крючками и петлями» [2, 410]. Абсурд, возникающий, что называется на пустом месте, придает приведенному диалогу неподражаемый комизм.

Главы XXXI и XXXII шестого тома целиком построены на непереводимой двусмыслице, образуемой похожестью звучания двух разных по смыслу слов ‘ass’ (осел) и ‘arse’ (задница). Такая привычка превратного употребления слов и фраз у старшего Шенди, по замечанию повествователя, «способна была рассердить дядю Тоби» (особенно в период влюбленности последнего).

В главе XI девятого тома, комментируя способ общения матери с отцом, согласно которому она «имела обыкновение никогда не отказывать в своем одобрении и согласии, какое бы положение ни высказывал перед ней отец, просто потому, что она его не понимала или не вкладывала никакого смысла в главное слово или технический термин, на котором вращалось это мнение или положение» [2, 569], Тристрам указывает, что в этом разговоре лексема ‘кюветы’, включенная отцом в перечень фортификационных объектов («Ну ее к черту, – сказал отец, возвысив голос, – всю эту фортификацию со всеми ее сапами, минами, блиндами, габионами, фосбреями, кюветами и прочей дребеденью.---» [2, 569] и означающая одно из фортификационных сооружений, одновременно имела еще одно значение – женский таз [2, 808].

Эти примеры, дающие общее представление о повествовательной манере Стерна, важны для понимания лесковских стилевых новаций. Виртуозно использовавший художественные идеи Стерна и Гофмана русский «волшебник слова», в распоряжении которого был весь диапазон богатейшего национального языка, еще более усложнил «рапсодический» принцип сопряжения словесных конструкций и «далековатых идей» (О. Мандельштам). В «Соборянах» субъективное обращение со словом, вызывающее комический эффект, демонстрируют вышеперечисленные персонажи.

И прежде всего дьякон Ахилла Десницын, так и не доживший до отчества, а потому такового в романе-хронике «не имеющий». Именно простодушие этого героя в обращении со словом является подспудным источником знаковости истории с подаренными первым лицам старгородской поповки тростями, которые, по словам повествователя-хроникера, «пали между старгородским духовенством как библейские змеи, которых кинули пред фараона египетские кудесники» [1, 12], о чем сам даритель, помещик Плодомасов, даже не подозревает.

В связи с возникшей ситуацией абсолютного сходства двух тростей (туберозовской и бенефактовской) в устах комментатора этого факта ключевой становится лексема ‘сомнение’, но парадокс в том, что сомневается не Ахилла, а те, кому посохи вручены, в виду их «сомнительной одностойности». По мнению Ахиллы, «от этой совершенной одностойности происходит смешанность», «в рассуждении политики» нестерпимая: «Помилуйте вы меня, ведь это невозможно, чтоб и отец протопоп и отец Захария были одностойны. Это же не порядок-с!» [1, 13] Более того, Ахилла абсолютно уверен, что «умница, философ, министр юстиции» этим обстоятельством «страшно смущен», и предполагает, что тот, в конце концов, обязательно «сполитикует».

Слово «политика» и производные от него повторяются в тексте первой, открывающей роман-хронику, главы восемь раз, и почти столько же – семь раз – варьируется понятие «одностойность», осложненное еще одной, трижды употребленной лексемой «логика». Семантика контекста выявляет парадокс – алогичные, «бараньи» умозаключения Ахиллы, логике обучавшегося, но, по собственному признанью, «не понявшему» ее, как выясняется, абсолютно соответствуют скрытым мотивам поездки Туберозова в консисторию и объясняют манипуляции протопопа с двумя одинаковыми тростями.

Подтверждается и одна из Ахиллиных «версий» о якобы «вытравленных» по велению протопопа «литерах греческих, а не то латинских». Надписи, сделанные резчиком посредине набалдашников и, на первый взгляд, увеличившие пресловутую «одностойность», по своей сути – те же «литеры» «вязных» «древлеславянских» букв, из которых слагаются вырезанные фразы, в совокупности действительно уничтожают пресловутую «одностойность» тростей. Ахилла совершено справедливо считает, что туберозовская надпись: «Жезл Ааронов расцвел» никак не тождественна бенефактовской: «Даде в руку посох». Согласно ветхозаветной библейской Книге Чисел, жезл одного из праотцев, Аарона, воткнутый в землю, расцвел и покрылся почками, что было знаком утвержденного Богом первенства его потомков среди израильтян [3, 4].

Но библейская аллюзия еще более многозначна: Бог назначил Аарона проповедником вместо Моисея, который «должен был стать «устами» и быть его пророком» [4, 7]. Наивное прямодушие Ахиллы, таким образом, побеждает спекулятивность «логики» и помогает ему проникнуть за внешние покровы якобы не имеющего «двойного дна» туберозовского следования «совету» консисторского секретаря. Сам протопоп признается в мелочности внезапно овладевших им чувств и правоте своего «любезного Ахиллеса» в «Демикотоновой книге».

В «Соборянах» лесковская «игра словом» обретает разные стилевые ракурсы и выявляет различия между пустой оболочкой слов, утративших полновесность, и словом как «началом всех начал». В качестве подтверждения можно сослаться на диалог Ахиллы и Туберозова после возвращения дьякона, набравшегося в Петербурге «пустых слов»: «...Всего более в его (Ахиллы. – И.О.) рассказах удивляло отца Савелия то, что Ахилла кстати и некстати немилосердно уснащал свою речь самыми странными словами, каких он до поездки в Петербург не только не употреблял, вероятно, и не знал!» [1, 277]

«Новый лексикон» Ахиллы включает не только «по-стернианским» двусмысленные словосочетания («...ну нет, же ву пердю, это, брат, сахар дюдю»). Нетерпеливо разворачивающий перед отцом Савелием «всю сокровищницу своих столичных заимствований», Ахилла «не бережется» никаких слов, переиначивая их фонетику и лексические формы и заменяя русские понятия иностранными аналогами, ни к селу, ни к городу начиная: «Представь себе, голубчик, отец Савелий, комбынация» (причем он беспощадно напирал на ы)», уверяя при этом собеседника, что «теперь за слово ничего – не запрещается».

«Вразумление» Ахиллы духовным отцом совершается путем разоблачения лживых, прикрывающих пустоту слов, употребляемых петербургскими «литератами». Туберозов открывает дьякону опасность развращающей, сбивающей с толку, выдающей себя за объективный факт (в огласовке Ахиллы – «хвакт») словесной «чепухи» (у Ахиллы – «ерунды»), заставляя его понять истинный смысл его «петербургской просвещенности», когда, «идя дальше от ничтожной блохи», Ахилла кончает отрицанием религии и самого Бога. Контраргументы духовного отца, смущающие, но до поры не переубеждающие Ахиллу («То есть я не отрицаю, <...> а я только говорю, что, восходя от хвакта в рассуждении, как блоха из опилок, так и вселенная могла сама собой виться.

У них бог, говорят, «кислород»... А я, прах его знает, что он есть кислород!..»), подкрепляются и получают настоящую силу при обращении к Слову Божию [1, 280]. Именно в многочасовом молитвенном предстоянии престолу Всевышнего в сердце Ахиллы возрождается утраченная вера, а душу посещает благодать: «...проснувшись на другой день, ощутил, что он (Ахилла) как бы куда-то ушел из себя: как будто бы он невзначай что-то кинул и что-то другое нашел. Нашел что-то такое, что нести тяжело, но с чем и нельзя и неохота расставаться» [1, 281].

Подобно Стерну, Лесков пародирует здесь, «вырывая» из политического контекста новейших идеологических и естественнонаучных дискуссий своего времени и его «передовой» литературы их лексику, оснащая речевое поведение героя «модными» словечками и их контаминациями, выдающими полуобразованность Ахиллы, и создающими комический, смеховой эффект.

Лесков пользуется разнообразными способами выворачивания наизнанку первичных смыслов: пресловутое «лампопо», сыгравшее с героем злую шутку, является переиначенной лексемой «пополам» и обозначает напиток, приготовлявшийся из пива с какими-нибудь добавлениями. «Пол-империал», на котором якобы «ездит» в Петербурге Ахилла, на самом деле «родственник» золотой монете достоинством в семь рублей пятьдесят копеек, а вовсе не место для седоков (империал), располагавшееся на крыше вагона конно-железной дороги [1, 540].

Особый случай комического пародирования в стихах капитана Повердовни, посвященных именинам петербургской гостьи старгородской почтмейстерши – госпожи Мордоконаки, чья фамилия – комическая калька онима известного откупщика и золотопромышленника Бенардаки: присоединенное к греческому суффиксу русское просторечное существительное «морда» вносит дополнительный юмористический нюанс в образ молодой, привлекательной, роскошно одетой столичной «штучки», ставшей объектом поклонения провинциального капитана.

Разнообразные «рикошеты» стернианских приемов, наблюдаемые в «Соборянах», убеждают, что в творческом соревновании с английским классиком Н. Лесков необыкновенно изобретателен. Мощь его таланта, проявляющаяся в остроумнейшей игре с поэтикой Стерна, отрицает всякое подражание, так как на основе стерновской стилистики Н. Лесков конструирует собственную уникальную художественную систему.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. / Н.С. Лесков. –– М. : ГИХЛ, 1957. – Т. IV.

2. Стерн Лоренс, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», «Письма»: СПб. : Пер. с англ. / Л.Стерн. – М. : НФ «Пушкинская библиотека», ООО Издат. АСТ, 2004.

3. Ринекер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. – Слово, 2007.

4. Большой путеводитель по Библии: Пер. с нем. – М. : Республика, 1993.

Овчинникова Инна Васильевна
Соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.
Преподаватель английского языка государственного бюджетного образовательного учреждения среднего специального образования "Ноябрьский колледж профессиональных и информационных технологий"
E-mail: zienkoi@yandex.ru

Ovchinnikova Inna Vasilyevna
Candidate of the theory, history and technique in teaching Russian Language and Lierature chair.
Teacher of English of the Educational Department of Yamal-Nenets Autonomous District The State Budget Educational Institution Of Secondary Vocational Education "The Noyabrsk College of Professional and Information Technologies".
E-mail: zienkoi@yandex.ru

УДК 821.161.1

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ И. ГРЕКОВОЙ

© Н.А. Пителина

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 21 сентября 2012 года

Аннотация: *На материале произведений И. Грековой анализируются чеховские традиции в прозе писательницы: жанровые предпочтения, аллюзии и реминисценции, психологизм, образы-символы, роль пейзажа, внутренняя драматургичность.*

Ключевые слова: *И. Грекова, А.П. Чехов, поэтика, образ-символ, психологизм, пейзаж, внутренняя драматургичность.*

Abstract: *On the basis I. Grekova's works the author analyzes Chekhov's traditions in her prose: genre preferences, hints and reminiscences, psychologism, symbolic images, landscape role, inner staginess.*

Key words: *I. Grekova, A.P. Chekhov, poetics, symbolic image, psychologism, landscape, inner staginess.*

С 1969-го по 1984-й год И. Грекова вела переписку с даугавпилскими литературоведами Л.М. Цилевичем и Л.С. Левитан, занимавшимися в те годы вопросами сюжетосложения и исследовавшими в данном аспекте прозу писательницы. В 1976 году появляется книга Л.М. Цилевича «Сюжет чеховского рассказа», имеющая прямое отношение к творчеству писательницы. По признанию литературоведа, он «пришел от советской литературы – к Чехову. Путь этот пролегал как раз через исследование рассказов И. Грековой – представительницы чеховского направления в современной литературе». «Именно тогда, когда я вчитывался в Ваши рассказы, – пишет Цилевич, – я ощутил – сначала смутно, а затем все более отчетливо – необходимость разобраться в таких проблемах, как формы повествования, подтекст, время и пространство. <...> Понадобился рассказ, множество рассказов, объединенных авторским сознанием, созвучным нашему времени. Так появился Чехов» [1, 280]. Сама И. Грекова неоднократно признавалась, что Чехов – один из её любимейших писателей. Писательницу восхищала «"непрямая" манера (Чехова. – Н. П.) говорить о жизни... Сметь писать как бы "ни о чем", а на самом деле – обо всем сразу!» [1, 280].

Влияние Чехова можно рассматривать в разных аспектах. Схождения обнаруживаются на уровне тематики (предпочтение обыкновенным, бытовым сюжетам, движение которых происходит за счёт чувств и переживаний героев; герои – интеллигенты или люди интеллигентского склада без чёткого деления на положительных и отрицательных; приглушённость конфликтов; недоговорённость, незавершённость сюжетных линий, открытость финала); жанровых предпочтений (И. Грекова, как и Чехов, – мастер малой прозы (повестей, рассказов). Творчество Чехова близко И. Грековой обострённым нравственным чувством, неприятием пошлости, равнодушия, душевной чёрствости.

Рассказ И. Грековой «Скрипка Ротшильда» (1980) (название взято в кавычки. – Н. П.), пронизан аллюзиями и реминисценциями из одноимённого произведения Чехова. В рассказе две героини: Рита и Полина Ивановна. Они противопоставлены друг другу по социальному статусу: Рита – учительница русского языка и литературы, Полина Ивановна – лифтерша; по семейному положению: Рита – разведённая, без детей, Полина Ивановна – обременённая мужем-инвалидом, сыном, служащим в армии, разведённой дочерью с внуком; по материальному достатку и бытовой приспособленности: Рита живёт на одну зарплату, тратит её на книги и кофе, совершенно не приспособлена к быту, Полина Ивановна чрезмерно хозяйственна, прижимиста, в выходные зарабатывает уборкой в квартирах «высокопоставленных» соседей; по взглядам на жизнь и отношению к людям: Рита обожает учеников, Полина Ивановна книг не любит, зато любит учить Риту «уму-разуму». Страсть Полины Ивановны – накопление денег. В желании экономить она не знает удержу: отучила мужа курить («Перековался. Он у меня под дисциплиной!» [2, 390]); борется с его пристрастием к чтению («свету меньше сгорит» [2, 391]), требует, чтоб пил чай пожиже («на одну заварку сколько идет!» [2, 392]).

Чеховский сюжет повторяется сто лет спустя, на излёте брежневского правления; только вместо гробовщика Якова Бронзы – лифтерша Полина

© Н.А. Пителина, 2012

Ивановна; вместо жены Марфы, имя которой поставлено Чеховым в один ряд с двухспальной кроватью, гробами, верстаком, – в рассказе И. Грековой – муж героини, инвалид Николай Иванович, «скромный, лысый, с палочкой, со скрюченной правой рукой и полуподвижной левой» [2, 391]. Как и чеховский персонаж, Полина Ивановна озабочена «одними нехватками в доме» и обвиняет в этом супруга: «А сколько я из-за него работы пропустила! В дорогу (в санаторий. – Н. П.) собирала – раз. К Софье Петровне не пошла, из шестого подъезда. Встречала – целый отгул на него потратила. Это что же? Тридцати рублей как не было!» [2, 392] (Сравните у Чехова: «Яков никогда не бывал в хорошем расположении духа, так как ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки. Например, в воскресенья и праздники грешно было работать, понедельник – тяжелый день, и таким образом в году набиралось около двухсот дней, когда поневоле приходилось сидеть сложа руки. А ведь это какой убыток!» [3, 298]). Марфу и Николая Ивановича объединяет запрет пить чай, «потому что и без того расходы большие» [3, 299]. Мотив чая, часто встречающийся в произведениях Чехова и долженствующий служить атрибутом сплочения семьи, взаимопонимания, любви, утрачивает сакральный смысл духовной близости между родными людьми, подменяется сугубо меркантильными интересами.

В повествовательный пласт рассказа И. Грековой включается собственно чеховское произведение, которое Рита в воспитательных целях частично читает, частично пересказывает Полине Ивановне. Текст цитируется не полностью, иногда перебиваясь микродиалогами героинь. Полина Ивановна, будучи читателем (слушателем) наивным, проецирует действие рассказа на собственную жизнь, поэтому поначалу её реплики коррелируют с мировидением Якова. Постепенно героиня включается в сопереживание происходящего у Чехова всё глубже. В момент, когда Марфа перед смертью вспоминает об умершем ребёнке, о котором Яков совершенно позабыл, Полина Ивановна начинает плакать, а затем «громко, с икотой, с подвывом» реветь. Складывается впечатление, что она испытывает катарсис. После чтения, во время ставшего у «подруг» традиционным «кофепития», у Полины Ивановны возникает мысль сводить мужа в кино. Однако иронический финал показывает, что «перевоспитания» героини литературой, на которое так рассчитывала Рита, не получилось. Вернувшись домой, Полина Ивановна с мужем «начали разговаривать и считать», сколько Рита получает и сколько тратит: «Сколько на сигареты, сколько на кофе, да на прачечную, да на книжки... На счетах прикидывали... Так до вечера и просчитали» [2, 399]. Сниженным и сопоставимым с образом Якова Бронзы неожиданно оказывается и образ мужа Полины Ивановны, разделяющего нездоровую страсть супруги к исчислениям чужих прибылей и убытков. В этом заключается концептуальное отличие двух рассказов.

О. Баранова справедливо полагает, что «чеховская «Скрипка Ротшильда» светлее, потому что она – символ печали, несбывшихся надежд, разочарования и одновременно покаяния. Ведь Яков, умирая, завещал скрипку человеку, которого сам обижал, унижал. <...> У Грековой идея другая: увы, человека не переделаешь, грубые и деловые люди бывают сентиментальны, но расчувствуются лишь на минуту и всё же выгоды своей не упустят» [4, 8]. Писательница повторяет мысль Чехова о том, что всё в мире меняется, кроме человеческой натуры, и углубляет её (натуру) способностью заражаться от окружающих «вирусом меркантильности», распространяющимся в сознании обывателя подобно эпидемии.

В повести «Хозяйка гостиницы» («Звезда». 1976. № 9) И. Грекова заимствует и переосмысляет один из самых известных образов-символов А.П. Чехова – образ «чайки». Он появляется уже в первой главке: «Белые чайки с чернооокаймленными, будто бы в тушь обмакнутыми крыльями носились над морем, время от времени молниеносно снижаясь и припадая к воде. В их клювах угадывалась цепко схваченная серебряная добыча. Вольная жадность чаек, их ширококрылая свобода была заразительна». На фоне моря и чаек появляется главная героиня – Вера Бутова, восемнадцатилетняя девушка, живущая на окраине большого приморского города. Она, молодая и счастливая, искупавшаяся ранним утром, шла по берегу моря и «от полноты души пела... старый романс, запетый целыми поколениями русских девушек, начавший жизнь в гостиных и закончивший в кухнях и прачечных, – романс о белой чайке и загубленной женской судьбе:

Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды.
Над озером быстрая чайка летит...» [5, 238]

Образ чайки проявляется в тексте в двух значениях: прямом, бытовом и метафорическом, связанном с целым пластом русской культуры. Пение Веры слышит Ларичев, «человек в военной форме», и в восьмой главке сюжет вновь возвращается к встрече на берегу и образу чайки. Ему хочется узнать, что же случилось с чайкой? «Она, трепеща, умерла в камышах», – таков был ответ. Непроизвольно Вера назначает Ларичеву свидание и смотрит ему вслед «со сложным чувством полувражды, полуподчиненности». Природа усиливает её душевное смятение, «пейзажу души» вторит окружающий героиню пейзаж: «Попробовала снова затянуть про чайку, но песня не сладилась. Настоящие чайки, носясь над морем, орали фальшивыми голосами, как будто дразня ее...» [5, 256].

Грековский текст обнаруживает явные переклички с чеховской «Чайкой». Нину Заречную в Тригорине пленяют его книги («Какие у него чудесные рассказы» [6, 10]), Веру покоряет «налет книжности в речи» Ларичева: «Не странно ль, что зовут вас Вера? Неужто можно верить вам?» [5, 258]. Несмотря на то, что где-то внутри её настораживает подобная манера изъясняться, она не придаёт ей значения и, как чайка, летит навстречу судьбе. Дальнейшую судьбу Веры в замужестве можно рассматривать в призме тригоринского «сюжета для небольшого рассказа»: «на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как вот эту чайку» [6, 31-32]. Чайка выступает вестником беды и несвободы или ложной, мнимой свободы, невозможности счастья. Помимо отсылки к конкретному образу, И. Грекова обращается к музыке как средству психологизма – одному из знаковых художественных приёмов Чехова. Во-первых, сама героиня поёт, а, во-вторых, звуки, издаваемые чайками, характеризуются эпитетом из музыкального лексикона – «фальшивые».

В эпизоде, связанном со смертью мужа Веры, также проявляется негативная семантика образа чайки. Сидящей у гроба уже больше суток, «оглохшей, оглупевшей от слез», героине «снился чудесный сон, будто они с Шунечкой (так Вера ласково называла мужа. – Н. П.), взявшись за руки, идут по пляжу. Солнце сияет, рыбы прыгают, маленькие крабы боком-боком бегут к воде <...> Резко закричала чайка. Нет, это не чайка кричала, это она сама» [5, 314]. Образ чайки вплетается в мотивы смерти и сна. Собственный крик, показавшийся Вере криком птицы, возвращает героиню к реальности смерти и недвусмысленно напоминает ей о «женской» судьбе. Однако природный оптимизм, сила воли и поддержка подруги (Вики Смолиной) помогают перерасти рамки собственной судьбы.

Вторую любовь Веры Платоновны к подполковнику Виталию Кораблеву, с которым она познакомилась в военном санатории «на Карельском перешейке, под Ленинградом», тоже будут сопровождать чайки. Своим обликом Кораблев напомнил ей молодого Шунечку, «только черты лица помельче, поженственней, и волосы не те» [5, 334]. Под стать Кораблеву и северное море, и чайки: «Песок белый, тонкий, под ногами не скрипит, нежно поддается. От белесого моря тянет холодом; оно мелко, плоско, скупо замкнуто сереющим горизонтом; далеко уходят в него округленные, чайками засиженные, камни... Вера невольно сравнивает это море – с тем, этих чаек – с теми» [5, 334]. Образ чайки здесь являет собой олицетворённое предостережение от ложной любви и очередного разочарования. Чувство героини уже не так сильно, «объект» любви не столь привлекателен, поэтому у Веры хватает воли и мудрости выставить за дверь начавшего неумеренно пить Кораблева.

Третий роман Веры – с Сергеем Павловичем Юрловым – также проверяется на прочность у моря. «Нервно шумело море, полный месяц висел над ним и дробился в неспокойной воде широкой живой полосой, как будто прыгали и били хвостами тысячи рыб...» [5, 390]. Но на этот раз чайки отсутствуют в вечернем пейзаже. Только сейчас Вера понимает и признаётся актрисе Маргарите Антоновне и самой себе, что и муж, и Кораблев – «все это было не то» [5, 391]. Пейзаж, как и у знаменитого предшественника, служит камертоном истинности чувств и осмысленности человеческой жизни.

И. Грекова судьбой своей героини провозглашает идею возможности счастья в этом мире и перекодирует символику чеховского образа. У Чехова Нина Заречная произносит монолог из пьесы Треплева: «...Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь...» [6, 13]. У И.Грековой: «Земля тоже была неспокойна: голубая в свете луны, она летела, мчалась куда-то очертя голову. Кое-где к луне присоединялись еще фонари и тоже бросали свой свет и свои тени; столбы света и черные тени ходили кругом, перекрещиваясь и сменяя друг друга, словно на гигантских ходулях. Все это было совершенно и удивительно» [5, 390]. Писательница заимствует чеховские образы луны и фонаря, придавая им противоположное значение: у неё весь мир приходит в движение. Используемые писательницей глаголы движения – «летела», «мчалась», «ходили» – указывают на торжество жизни, на преодоление «загубленной женской судьбы», с которой начинается повествование. По твёрдому убеждению И. Грековой, сила воли, жажда жизни и творчества способны изменить предначертанную судьбу.

Сходство мировоззренческих установок Чехова и И. Грековой наблюдается и в назначения искусства. Созвучным подходу И. Грековой к литературе видится нам следующее высказывание Чехова: «Художник должен быть не судьею своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем. Я слышал беспорядочный, ничего не решающий разговор двух русских людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, а делать оценку ему будут присяжные, то есть читатели. Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, то есть уметь отличать важные показания от не важных, уметь освещать фигуры и

говорить их языком» [7, 280]. В статье «Замысел: зарождение и воплощение» И. Грекова, подробно описывая технологию создания художественного произведения, в числе прочего обращает внимание на сверхзадачу писателя. Она заключается вовсе не в намерении «кого-то чему-то научить, преподать какую-то истину, изложить некую систему взглядов». Писательница считает себя вправе заражать читателя чувством «недоумения, непонимания», вызванного какими-то событиями или явлениями, ошеломившими самого писателя. И. Грековой чужда мысль о писателе как об «учителе жизни». Просто он обладает «обостренными реакциями, живой совестью, острой наблюдательностью и чувством слова» [8, 11].

Ещё одной чертой стиля И. Грековой можно назвать внутреннюю драматургичность прозы. Именно благодаря языковым особенностям, лаконичности письма достигается лёгкость переложения её произведений для театральных подмостков. Многие произведения, органично соединяя элементы сценичности, сближаются с драмой. Частично это обусловлено спецификой грековского диалога, выполняющего в произведении целую систему функций: сюжетообразующую, характерологическую, оценочную. Авторская установка на объективное изображение действительности определяет диалогичность этой прозы. Многочисленные диалоги дают представление о героях как языковых личностях, о возможности интерпретировать слова автора как ремарки в драматическом произведении. Ограниченность пространства, на котором разворачивается действие рассказов и повестей, усиливает внутреннюю драматургичность прозы И. Грековой, проявляющуюся даже в заголовках. Часто у писательницы они, подобно ремаркам, указывают на место действия: «За проходной», «Летом в городе», «На испытаниях», «В вагоне». Замкнутости пространства, как правило, сопутствует и временна́я локальность. А в начале повести «На испытаниях», в «Полетном листе», перечислены основные действующие лица, что по композиционной нагрузке сродни списку действующих лиц в драматических произведениях.

Все инсценировки произведений И. Грековой созданы в соавторстве с драматургами и режиссёрами. О себе, как о соавторе в этих случаях, писательница более чем скромного мнения, например, о пьесе «Будни и праздники» она говорила: «...Я не драматург, все, что было драматургического, было галичевское, а не мое. Я стесняюсь несколько, но когда говорю, что это была великолепная пьеса, то отношу это только на счет Галича; у меня был рассказ, и не более...» [9, 81] В соавторстве с П. Лунгиным была адаптирована для сцены повесть «Вдовий пароход». По произведениям писательницы снимались художественные фильмы: «Кафедра» (реж. Иван Киасашвили, 1982), «Благословите женщину» (реж. Станислав Говорухин, 2003) по повести «Хозяйка гостиницы», «Вдовий пароход» (реж., Станислав Митин, 2010).

Таким образом, обращение И. Грековой к Чехову объясняется отсутствием назидательности, жанровыми предпочтениями, пристальным вниманием к обыкновенному, «бытовому» человеку как герою своего времени. Сближение с классиком обнаруживается в переосмыслении отдельных сюжетов и образов, символики, пейзажа как художественного средства психологизма, особенностях пространственно-временных отношений, лаконичности стиля, внутренней драматургичности произведений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Левитан Л. Диалог с писателем / Л. Левитан, Л. Цилевич // Вопросы литературы. 1998. Вып. 4. С. 260-289.
2. Грекова И. «Скрипка Ротшильда» / И. Грекова // Грекова И. На испытаниях: Повести, рассказы. – М., 1990. С. 387-399.
3. Чехов А.П. Скрипка Ротшильда // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти томах. Сочинения. Т. 8 1892 – 1894. / А.П. Чехов; ред. К.Н. Ломунов. – М., 1985. С. 297-305.
4. Баранова О. О чем плачет скрипка Ротшильда? По рассказам А.П. Чехова и И. Грековой [факультатив] // Литература (Приложение к газете «Первое сентября»). 2004. № 46. С. 7-8.
5. Грекова И. Хозяйка гостиницы / И. Грекова // Грекова И. Кафедра. – М., 1983. С. 237-413.
6. Чехов А.П. Чайка // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти томах. Сочинения. Т. 13. – 1895 1904. / А.П. Чехов; ред. А.И. Ревякин. – М., 1986. С. 3-60.
7. Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину 30 мая 1888 г. // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти томах. Письма. Т. 2. 1887 – сентябрь 1888. – М., 1975. С. 280.
8. Грекова И. Замысел: зарождение и воплощение / И. Грекова // Литературная Россия. – 1982. – № 28. – 9 июля. – С. 11.
9. Гутчин И.В. Воспоминания // Е.С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения: Сборник. / Сост. Р.П. Вентцель, Г.Л. Эпштейн. – М., 2007. С. 74-81.

Наталья Александровна Пителина, ассистент кафедры литературы Псковского государственного университета.
e-mail: natalya.p.77@mail.ru

Natalia Pitelina, Assistant Professor, Literature Department, Pskov State University.
e-mail: natalya.p.77@mail.ru

УДК 372.882

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ В 1865-1866 ГГ.

© *Ю.В. Пыльнев*

Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *на примере Воронежской губернской гимназии показаны попытки демократически настроенных учителей ввести в программу русской словесности произведения нежелательных правительству авторов. Это, в частности, привело к быстрой смене курса либеральной школьной реформы 1864 г.*

Ключевые слова: *общественный подъем 60-х гг., общественно-педагогическое движение, преобразования в российской школе, действия правительства, Министерство народного просвещения, реакция.*

Abstract: *On an example of the Voronezh provincial grammar school attempts of democratically adjusted teachers are shown to enter into the program of Russian literature of product of authors undesirable to the government. It, in particular, has led to a fast shift of liberal school reform of 1864*

Key words: *Public lifting of 60th, socially-pedagogical movement, transformations at the Russian school, government actions, the Ministry of national education, reaction.*

В XVIII – начале XIX в. краткий курс истории литературы в российской школе являлся частью пиитики. С начала 30 х гг. XIX в. он был введен в старших классах гимназии как самостоятельная дисциплина. Начало 60 х гг. ознаменовалось бурным и многосторонним общественным подъемом, неразрывно связанным с ним общественно-педагогическим движением. Глубокие преобразования в российской школе коснулись и словесности. В ее преподавании произошел подлинный переворот. Теперь в центр внимания ставился анализ содержания и формы художественного произведения. Если прежние программы строились на рассмотрении произведений древнерусской литературы и писателей XVIII века, то новые стали активно ориентироваться на современность. В хрестоматии и учебники вошли произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова, некоторые статьи литературных критиков.

«Устав гимназий и прогимназий» 1864 г. значительно расширил полномочия педагогических советов в сфере разработки учебных курсов, выбора учебных пособий. Теперь каждая гимназия могла составлять и утверждать свои учебные программы. С 1867 г. было предписано составлять в учебном округе общие программы на основе программ каждой гимназии. Вместе с тем, уже в середине 60 х гг. наблюдаются попытки оградить школьную словесность от вторжения современности. Острые дискуссии о роли новейшей литературы и критики развернулись на педагогических съездах, проходивших по учебным округам в 1864–1867 гг. В Харьковском учебном округе, куда входили учебные заведения Воронежской губернии, такой съезд состоялся в 1867 г. 10 октября этого года в типографии Харьковского университета были отпечатаны труды «Съезда преподавателей гимназий Харьковского учебного округа по предметам русского языка и словесности, бывшего в г. Харькове в январе месяце текущего года». [1, д. 235, л. 7]

В 1866 г. учителя Воронежской губернской гимназии составили предметные учебные программы для каждого класса. По русскому языку, истории русской словесности, теории словесности и русской словесности программы написал учитель гимназии Н. Рощупкин. Приводим фрагменты курса истории русской словесности (5-6 кл.) в семиклассной Воронежской гимназии.

«2. Сказки. Богатырский эпос. Пословицы. 3. Письменность. Деятельность Св. Кирилла и Мефодия... 8. Слово о полку Игореве... 13. Реформы Петра Великого. Феофан Прокопович и Посошков. 14. Кантемир и его сатиры. Заслуги Тредьяковского в теории словесности. 15. Ломоносов и краткое обозрение его литературной деятельности. Заслуги его относительно языка... Сумароков... Фон-Визин... Державин... Херасков. 19. Карамзин; характеристика его как литератора, критика историка; заслуги его относительно языка… Дмитриев и Озеров… Жуковский… Батюшков... 23. Пушкин; последовательное развитие его поэтической деятельности; влияние

© Ю.В. Пыльнев, 2012

Пушкина на последующее развитие литературы. 24. Лермонтов, Кольцов; краткая характеристика их литературной деятельности. Грибоедов и характеристика его комедий. 25. Гоголь; общее замечание и характеристика его литературной деятельности».

«Курс 6-го класса. А) Теория словесности. Д) Лирическая поэзия. I. Песня. Народные песни. Значение песен... Русские художественные песни. «Стонет сизый голубочек» Дмитриева. «Среди долины ровныя» Мерзлякова. «Пела, пела пташечка» Дельвига. «Песня пахаря» Кольцова. «Лес» Кольцова. «Казачья колыбельная песня» Лермонтова. «Песня бобыля» Никитина. Биографические сведения о писателях художественных песен... «Вечерний звон» Козлова. «Истина» Баратынского. «Брожу ли я вдоль улиц шумных» Пушкина. Какая главная, господствующая дума у поэта? Какие предметы пробуждают ее? Видна ли любовь поэта к Родине. План стихотворения. «На смерть Пушкина» Лермонтова. «Отчаяние» Полежаева. «Вырыта заступом яма глубокая» Никитина... «Монологи» Огарева. «Думы мои» Шевченко. «Есть на свете доля» его же.

.. .III. Ода. Ода у греков. Форма од... Ода у русских. «Утреннее размышление о божественном величии» Ломоносова... «Певец во стане русских воинов» Жуковского. «Бородино» Лермонтова. «Наполеон» Пушкина. «Клеветникам России» его же. Стихотворение патриотическое. Почему же поэт гордится своей Родиной? Чем грозна Россия своим врагам? «Подражание псалму XIV» Языкова. «Великая тайна» Кольцова. Краткая биография, сведения о писателях од». [2, д. 233, л. 13 об., 22, 22 об.]

Учитель словесности Н. Рощупкин был свидетелем необыкновенного оживления общества в начале шестидесятых годов. Конечно, он присутствовал на традиционных тогда вечеринках, где демократически настроенные разночинцы спорили, обменивались мыслями, учились и учили других. Большое место занимали здесь дискуссии о литературе. Спорили о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», только что вышедшем романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», поэзии Н.А. Некрасова и других. В мемуарах шестидесятницы Е.Н. Водовозовой достаточно много места уделено описанию таких литературных дискуссий. Здесь было и отрицание поэзии, и безумное преклонение перед ней.

В программах, составленных Н. Рощупкиным, изучали произведения не только А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, но и Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, А.В. Кольцова, И.С. Никитина, Н.П. Огарева. Хотя мы видим, что в программах 1866 г. уже не упоминаются Некрасов и Тургенев, что было вызвано неудовольствием начальства. В мае 1865 г. на экзаменах по русскому языку и словесности в 7 классе Воронежской губернской гимназии присутствовал окружной инспектор Н. Рындовский. В своем отчете чиновник писал: «Из истории словесности и из истории литературы, которые излагались учителем довольно подробно – ученики отвечали удовлетворительно. Жаль только, что ученики этого класса почти ничего не читали из наших классических писателей. Державин, Карамзин, Крылов (кроме басен), Жуковский, Пушкин, Лермонтов, не говоря уже о Ломоносове, Фон-Визине, им знакомы только понаслышке из учебника; они их вовсе не читали. Читают они исключительно только Некрасова, Кольцова, Никитина, Тургенева. О таком упущении я говорил с учителем Рощупкиным и советовал ему требовать непременно от учеников чтения наших классических писателей, как требуется вообще от учеников приготовление к классным занятиям... Я не могу согласиться с г. Рощупкиным, что ученики обременены занятиями и оттого не могут читать в такой мере, как бы это было необходимо: во-первых, читают же в других гимназиях всех упомянутых выше писателей, а во-вторых, ученики Воронежской гимназии находят же время читать Тургенева, Некрасова и т. п.». Вместе с тем инспектор делает замечание Н. Рощупкину, что он слишком много времени уделяет изучению древнерусской литературы в ущерб изучению литературы современной. Н. Рындовский, анализируя сочинения учеников 4, 5, 6 и 7 классов, приходит к выводу, что темами для них служили в основном стихотворения Некрасова: «Праздник жизни молодости годы», «Блажен незлобивый поэт», «Памяти приятеля», «Крестьянские дети», «Поэт и гражданин», «Мороз – красный нос». Также анализ рассказа Тургенева «Бежин луг», комедии Грибоедова «Горе от ума», «Евгения Онегина» Пушкина, романа Тургенева «Отцы и дети» и повести «Накануне», пересказ стихотворения Никитина «Купец на пчельнике». Инспектор отмечает в лучшую сторону сочинение ученика 6 класса Курепина, а «написанные же учениками 7 класса большею частью слабы, мало удовлетворительны». Затем Н. Рындовский снова возвращается к Некрасову: «Заметно, что в Воронежской гимназии дается большое значение Некрасову как поэту; он пользуется там большим сочувствием; для него оставляются в стороне наши действительные знаменитости литературные. Характер и направление большей части стихотворений Некрасова хорошо известны. Начинять головы и сердца учащегося юношества теми идеями, теми чувствами, которые преобладают в стихотворениях Некрасова, – здравая педагогика не может одобрить.. Знакомить детей и юношей исключительно с тем, что есть нечисто-

го, грязного, неотрадного, грустного в человеке, скрывать от них лучшую, светлую его сторону, воспитывать их на ненависти, озлоблении к тому, что поставлено несколько выше в обществе, – результаты такого воспитания и образования будут весьма печальные.

Я слышал стороною, что некоторые родители недовольны тем, что их детей уже с 4 класса гимназии знакомят с Некрасовым» [3, д. 214, л. 6, 7, 7 об.].

После покушения на Александра II (4 апреля 1866 г.) правительство сделало резкий поворот в сторону реакции. В докладе императору по делу террориста Д.В. Каракозова, составленном М.Н. Муравьевым, много внимания уделялось вопросам народного образования. Особенно досталось Министерству народного просвещения во главе с А.В. Головниным. Это ведомство, говорилось в докладе, насадило в учебных заведениях «вредное» направление и «вместо образования полезных граждан, наводняло страну разрушительными и вредными силами», создало поколение, «заряженное ультрадемократизмом, социализмом, нигилизмом». В докладе рекомендовано «лучше на некоторое время приостановиться на пути просвещения», чем выпускать материалистически, социалистически настроенную молодежь [4, 48].

С осени 1866 г. в российской школе началась ликвидация либеральных учебных программ и других прогрессивных положений устава гимназий и прогимназий 1864 г., что мы и видим на примере преподавания русской словесности в Воронежской губернской гимназии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАВО. – ф. И-64. – оп. 1. – д. 235. – л. 7.
2. Там же. – д. 233. – л. 13 об., 22, 22 об.
3. Там же. – д. 214. – л. 6, 7, 7 об.
4. Хотеенков В.Ф. «Лжегосударственный человек» Граф Дмитрий Андреевич Толстой / В.Ф. Хотеенков // Очерки истории Российского образования. К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. – М., 2002. – Т. 2. – С. 48.

Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Пыльнев Ю.В., кандидат исторических наук, профессор кафедры истории, философии и культуры, заслуженный работник культуры РФ

УДК 821.161.1

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»

© Э.А. Радь

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой

Поступила в редакцию 13 июля 2012 года

Аннотация: *Автор статьи, возводя повесть А.П. Чехова к древнерусским традициям, рассматривает в ней притчевую традицию, евангельский сюжет о блудном сыне, темы судьбы и двойничества, сходства с житием святого Антония и повестями XVII века. Данный подход позволяет осмыслить и уникальность чеховского текста, и обновление традиций, наполнение их новым смыслом, и целостность литературного процесса.*

Ключевые слова: *диалог эпох, древнерусские традиции, притча, сюжет о блудном сыне, тема судьбы.*

Annotation: *The author of the article studies the parable tradition, evangelic plot of the prodigal son, the problem of fate and ambiguity, similarities to scenes from his life of St. Anthony and stories of the XVII century in Chekhov's work from the point of view of the Old Russian traditions. This approach helps to understand both a unique character of Chekhov's text, renovation of traditions with new meanings, and integrity of the literary process.*

Key words: *Epoch dialogue, Old Russian traditions, parable, subject of the prodigal son, fate theme.*

«Всякая культура состоит из воспоминаний, закодированных элементов сохраненного прошлого опыта, которые существуют в самых разнообразных формах...» – отмечает профессор Кэмбриджского университета Д.Э. Томпсон [1, 15]. Одним из вариантов механизма проявления творческой памяти, который носит характер сознательный и/или подсознательный, является обращение писателей к мифологическому и литературному наследию. Этот механизм рождает новый механизм собственных мифотворческих построений, усиленных актуальными представлениями-концепциями. Подобную обращенность, как сознательную, так и бессознательную, мы наблюдаем на примере повести А.П. Чехова «Черный монах», сопряженной с явлениями сверхличностной памяти, образующими широчайшую область разного рода перекличек.

Интертекстуальные переплетения в повести «Черный монах» осуществляются как на уровне аллюзий, реминисценций, так и на уровне актуализации читательским сознанием межтекстовых связей, «полигенетичности» текста, мифологической закодированности. Р. Барт заметил: «текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» [2, 428]. Присутствие на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах других текстов и образует интертекст. В связи с этим нами предпринята попытка обнаружить разнообразные межтекстовые связи, коды, имплицитно присутствующие в конкретном чеховском произведении. В чеховском тексте проявляется глубокая укорененность в многовековых пластах культурных, жанровых традиций и содержится момент воскрешения и обновления исторически продуктивных способов организации художественного целого. Так, для Чехова «Библия как особая система сознания стала объектом художественного анализа и осмысления, а не просто сакральным первоисточником, текстом, имеющим тотальную авторитетность» [3, 76]. На уровне сверхличностной памяти, на наш взгляд, можно увидеть и связь с произведениями древнерусской литературы. На подобные мысли о межтекстовых перекличках наталкивает «утонченная философичность чеховской прозы»[4, 36]. «Умение читать Чехова предполагает вкус к «универсалиям» чеховской концепции личности в их нерасторжимом сплаве с его художественными «реалиями», исторически, социально, психологически локализованными порой до степени уникальных казусов жизни» [4, с.36]. Именно «универсалии», обозначенные в подтексте, с нашей точки зрения, соединяют тексты, написанные в разные исторические эпохи, смысловыми нитями друг с другом. Так, в чеховском рассказе/повести периода творческой зрелости нами обнаружено:

1) созвучие с библейским притчевым сюжетом о блудном сыне (по мнению А.П. Чудакова, рассказ уходит своими корнями в культурно-историческую память притчевой традиции [5, 14]);

© Э.А. Радь, 2012

библейской легендой о грехопадении первых людей; средневековым сюжетом о договоре человека с дьяволом (в них отмечается реактуализация отдельных мотивов);

2) художественная связь с житием святого Антония;

3) структурно-художественная и жанровая общность с древнерусскими «Повестью о Горе-Злочастии»[1] и «Повестью о Савве Грудцыне», последний из которых стоял у истоков романного жанра (в «Черном монахе» видели сюжет, характерный для целого романа).

Тексты «Черного монаха», «Повести о Горе-Злочастии», «Повести о Савве Грудцыне» образуют своеобразное межтекстовое единство, которое отражает развивающиеся в пространстве литературного процесса диалоги. Данные актуальные сюжеты, впитавшие в себя различные мифологемы и современные идеи, – смоделированные авторским литературным сознанием новые варианты, отходящие от канонических текстов. Переплетение текстов произошло на уровне мотивов блудного сына, ухода, странствия, грехопадения, возвращения/не-возвращения, отчуждения/отпадения от миропорядка, неправедного партнерства с инфернальным помощником-вредителем, минуя сознание их носителей, представляя собой в типологическом смысле вариативные модели и составляя парадигматический ряд. Благодаря притчевому характеру нарратива «Черного монаха» и осуществилась, на наш взгляд, связь с древнерусскими повестями.

Как известно, притча возводит способы существования своих героев к универсалиям человеческого бытия. Назидательное слово притчи часто перебивается обращенным к слушателю или читателю вопросом, подразумевающим поиск ответа, а не диалогическое выявление самостоятельной позиции собеседника. Чеховская манера перебивать повествование вопросами – свидетельство притчевого характера произведения, исключающего авторитарность повествования. Не на все вопросы, задаваемые Ковриным черному монаху и адресованные, по сути, самому себе, герой получает ответ, а лишь на те, которые по признанию самого же Коврина являются как бы подтверждением его собственных мыслей: « ... ты повторяешь то, что часто мне самому приходит в голову... Ты как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли» [7, 277]. Вопросы онтологические, мучающие человечество много веков, волнуют чеховского героя: «...разве людям доступна и нужна вечная правда, если нет вечной жизни?...Ты веришь в бессмертие людей?... Какая цель вечной жизни? <...>...Что такое счастье?» [7, 276]. Ответы на подобные бытийные вопросы стремились подсказать евангельские притчи. Читатель вместе с героем включается в решение философских вопросов.

Притчевый характер свойствен сюжету и композиции повести. Композиционная форма «рассказ в рассказе»[8, с.105] помогает достичь максимальной отстраненности автора от героя и происходящих событий и дает читателю возможность домыслить историю. Влияние притчевых традиций отмечается и в структурной и образной соотнесенности произведения с евангельским сюжетом о блудном сыне – смысловым инвариантом, который актуализируется в читательском сознании без воспроизведения его в тексте и возрождается в контексте новой эпохи. В «процедуре» вариантопорождения писатель не сознательно создает свой текст по существующей модели, а наоборот, универсальная модель «живет» в области бессознательного, в его творческой памяти. Как отмечает Р. Барт, ««искусство» рассказчика – это способность порождать повествовательные тексты на основе определенной структуры (кода)» [9, 387]. Такими кодами и являются евангельская притча о блудном сыне и легенда о грехопадении первых людей.

«Вторжение» инварианта в новый структурный вариант происходит благодаря мотиву «отцы – дети», эксплицитно присутствующему в нарративе повести и разворачивающемуся в сюжетную ситуацию конфликта поколений. Мотив «отцы – дети» в нарративной структуре (этот мотив предполагает конфликтные и бесконфликтные отношения) становится образом-метафорой, актуализирующим в читательском сознании семантическое поле мифа. Авторское сознание художественно реализует возможность трансформации мифического архетипа в разные (и противоположные в том числе) по смыслу образы, осуществляя тем самым диалог актуального сюжета и мифа. Бессознательная трансформация первоначального содержания благодаря генерации нового смысла в новом структурном варианте исключает ряд мотивов из первоначального варианта. Главный «ген» модели-инварианта (мотив «отцы – дети») сохраняется в актуальном сюжете, чья жанровая принадлежность может быть разнообразной, обнаруживающей со структурной точки зрения присутствие нарративных категорий. Сохранен он и в сюжете повести Чехова «Черный монах».

В повести обозначены моменты возвращения блудного сына, Коврина, в родительский дом

1 Академик Д.С. Лихачев в книге «Великое наследие» [6, с.322-329] подробно рассматривает «Повесть о Горе-Злочастии» в контексте развития темы блудного сына и темы двойничества, акцентируя внимание читателя на центральном образе, рожденном расстроенной мыслью молодца, – судьбе, персонифицированной как Горе-Злочастие.

(дом опекуна Песоцкого) и ухода, в отдельном биографическом отрезке героев акцентированно передана конфликтность ситуации. Возвращение фиксируется осознанием и потребностью в родственных отношениях. Любовью и благодарностью движим Коврин в желаниях иметь семью; любовью, гордостью и надеждой движим Егор Семенович в стремлении передать своим детям наследство (чеховская житейская ситуация передачи наследства проецируется на известный эпизод евангельской притчи – требование младшим сыном части наследства).

Жизнь вне дома блудного Коврина, человека наслаждающегося, но уставшего, с «блуждающим» рассудком, несет отпечаток греховности как результат подверженности соблазнам и искушениям. Пристрастие магистра к вину и сигарам по приезде в Борисовку с целью поправить здоровье сохраняет прежнюю функциональность его образа. С отпадением от Бога связана обреченность на неудачу в попытке обрести родственные связи. Мена состояний уединенного сознания, произошедшая под воздействием Песоцких, – причина драмы индивидуальности, проявившейся в ситуации выбора. «Чеховский герой не перерождается, а лишь трансформируется. Более того, попытка насильственно «перебросить» себя через порог ведет к разрушению личности» – пишет Г.М. Ибатуллина о Коврине [3, 49]. В.И.Тюпа указывает на сцепление уединенного сознания героя с его смертностью, которое переросло в русской классической прозе в целую сюжетную традицию [10, 52].

Диалог актуального сюжета и мифа осуществляется на уровне корреляции смыслов и дихотомии понятий: возвращение блудного сына и покаяние/не-покаяние, символическое возрождение/не-возрождение к прежней жизни, гений – сумасшедший, здоровье – болезнь, творческое начало – разрушительное начало, любовь – ненависть, отчуждение осознанное/неосознанное, полнота – пустота, духовное – физическое. Мотив грехопадения сопрягается с мотивом неосознанного отчуждения от мира, проявленного в тексте уединением в родовом имении Ковринка, которое предшествует приезду чеховского героя к Песоцким и свидетельствует, с нашей точки зрения, о начале душевной болезни. Сопряжен он хронологически последовательно и с осознанным отчуждением от семьи. Мотив духовного блуждания в дебрях своего сознания отражает разные психологические состояния героя, воспринимаемые окружающими как норма и антинорма, и подкрепляется образом блуждающего в пространстве и времени черного монаха. В образе Черного монаха мы увидели выражение персонифицированной греховной части сознания личности Коврина, страдающего манией величия (согласно христианскому учению, гордыня и самовозвеличивание – великий грех). Ассоциативно в читательском сознании всплывают образы Горя и беса как персонифицированные низменные стороны внутреннего мира главных героев и их больного сознания из указанных выше древнерусских повестей, содержащих философскую концепцию свободы личности. С персонификацией судьбы связан мотив двойничества, впервые получивший свое художественное воплощение в древнерусской литературе. Персонифицированная судьба стала для Коврина той неведомой силой, которая произвела колоссальные разрушения в его жизни и в жизни его близких. Двойничество – свидетельство разлада с миром, несогласия своего предназначения с традицией, соединение творческого и разрушительного начал. Творческое начало как следствие самостоятельности проявляется в отказе от уготованной идиллии, уготованного варианта жизни. Отпадение от мира и Бога приводит к незащищенности от искушений дьявола и к союзу с ним. Союз этот, в свою очередь, порождает начало разрушительное, что хорошо отражено и в «Повестях». Трагедия изолированной (одинокой) индивидуальности связана с изолированностью ее внутреннего мира (уединенностью сознания) и зависимостью от дьявола. Конфликт героя, имеющего блуждающий рассудок и находящегося в состоянии блудного сына, с судьбой-горем в образе Черного монаха возникает в результате самостоятельных действий этой «индивидуализированной» судьбы.

Торжество идеального начала в притче-мифе, его сакральный смысл теряется в чеховской повести, архетипическая структура в ней демифологизируется, как демифологизируется и образ судьбы, соединяющий в себе семантику силы, не подвластной человеку, и бытового, житейского явления, болезни.

В повествовательной структуре произведения выстраиваются парадигматические ряды: душевная болезнь – счастье от встреч с монахом – любовь – принятие уготованного варианта жизни; душевное здоровье – несчастье – ненависть – протест против мира. Смерть Коврина – закономерный итог его духовного «падения» в мании величия как осознания своего избранничества, его неспособности/невозможности принять большой мир и искупить вину перед отцом за неоправданные надежды и предательство любви. Мотивы падения и безумия коррелируют между собой. Образ яблони в саду Песоцкого, к которой привязали лошадь, также ассоциативно отсылает к этим мотивам, т.к., согласно мифопоэтическим традициям, «древо яблоня – эмблема первород-

ного греха – посвящено Церере, римской хтонической богине, насылающей на людей безумие» [11, 549], и трактуется как символический образ трагического финала повести, гибели сада, смерти его создателя и самого Коврина. Образ сада, в котором появляется мираж, является смыслообразующим в повести Чехова и семантически определяется библейским преданием о древе познания, архетипическими представлениями о саде и яблоне как символе искушения, что делает его метафорой исходного Дома, точкой начала и конца цикла жизненного пути. В декоративной части сада, рукотворном рае на земле, Коврин чувствует себя частью природы, подобно Адаму, ощущает гармонию со всем мирозданием и умиротворенность, в коммерческой части – дисгармоничность. Прогулки по саду сопровождаются дымом – мистическим атрибутом уже присутствующих там демонических сил. Появлению и исчезновению черного монаха также сопутствует черный столб и дым. Черный дым ассоциируется с внутренней и подземной сферой, служит для обозначения мрака, хаоса и смерти. Образ монаха – многофункциональный и поливалентный – не только плод больного воображения, галлюцинация, но и персонаж, живущий своей жизнью и хозяйничающий в саду Егора Семеныча еще до приезда Андрея.

«Прототипом» образа черного монаха предположительно является демон из жития святого Антония. Житие святого Антония наверняка было известно хорошо образованному Антону Павловичу Чехову из двенадцатитомного жизнеописания святых, праведников и мучеников под названием «Четьи-Минеи», перешедшего писателю по наследству от отца. Искушения преподобного Антония демоном (являвшимся то в облике черного отрока, то – монаха) мыслями о блуде, прелестях мирской жизни, попытки склонить к сребролюбию и пробудить в святом гордыню и самомнение оказывались тщетными. Праведник нерушимо соблюдал чистоту души и всегда распознавал козни дьявола.

Наставления святого Антония в контексте чеховской повести доказывают демоническую сущность черного монаха. Преподобный Антоний в житии предостерегает: «...Демоны <...> иногда, приняв на себя монашеской образ, представляются благоговейными собеседниками, чтобы обмануть подобием образа... и вовлечь уже, во что хотят. Но не надобно слушать их... <...> не внимайте им; потому что лгут» [12]. В облике монаха демон уверяет магистра в том, о чем тот думает сам, и находит в нем благодарного собеседника, восприимчивого и верящего. Черный монах приступает к разрушению его искушенной грехом души. Коврин видит призрака в черном облачении, но в отличие от святого Антония не распознает в нем лукавого. «И кажется, весь мир смотрит на меня, притаился и ждет, чтобы я понял его» [7, 268], – размышляет Коврин.

В житии Святого Антония возникает мотив боязни: «...Когда душа продолжает ощущать боязнь, – явившийся есть враг; потому что демоны не уничтожают боязни...» [12]. В чеховской повести мотив страха также связан с образом призрака и реализован сначала через боязнь безумного героя потерять счастье общения с монахом, комфорт, а в финале повести через опасение выздоровевшего магистра появления в номере черного монаха. Последний незадолго до смерти Коврина приходит и укоряет за непослушание и лечение от видений.

Песоцкий, также страдающий раздвоением личности, опасается проделок чертей, разрушающих его творение. Чехов отмечает сходство в психическом состоянии Коврина и Песоцкого: «С Егором Семенычем происходило почти то же самое... В нем уже сидело как будто два человека: один был настоящий Егор Семеныч... и другой не настоящий, точно полупьяный...» [7, 280]. И если «не настоящий» Песоцкий видел божественные, созидательные стороны человеческого бытия (например, говорил о выдающихся творческих способностях покойной матери Коврина, ангелоподобных чертах маленького Андрея, делающих его похожим на мать), то «настоящий» Егор Семеныч воспринимал происходящее вокруг как разрушение и гибель, творимые в мире дьяволом. Раздвоенность сознаний героев вновь актуализирует библейский сюжет изгнания из рая, поскольку искушенный человек навсегда утрачивает свою цельность, обретая синтез божественного и дьявольского начал. Библейская легенда об Адаме и Еве, изгнанных и наказанных болезнями и смертью за проявление индивидуальностей и стремление к самовозвышению и богоподобности, также суть инвариантная модель, подвергнутая изменению со стороны авторского индивидуального сознания, но сохранившая структурообразующий элемент – мотив грехопадения. Грехопадение осознается в библейском предании как отторжение индивидуального человеческого сознания от целостности божественного всеобнимающего сознания.

Мотивы судьбы, двойничества и болезни – точки сближения чеховской повести и с древнерусскими повестями («Повестью о Горе-Злочастии» и «Повестью о Савве Грудцыне»). Архаический текст-код (сюжет о блудном сыне) как образ-метафора подобен узелку, завязанному на память. Связывая тексты разных эпох в единое смысловое пространство, он выявляет и моделирует присутствие исторического жизнепорожда-

ющего процесса. Сюжетная ситуация сотворения детьми собственной биографии (реализация выбора) и несогласия с волей отцов (конфликта поколений) составляет основу повествования. Сюжет-архетип, расширяя смысл, становится метатекстом по отношению к другим моделям-вариантам и определяет природу межтекстовых связей. В евангельской притче торжествует идеальное начало, восстанавливается патриархальная семья. Сложные жизненные ситуации выдают обратный вариант – невосстановимости первоначальной идиллии. Разлад с миром ставит героев перед выбором: принять жизнь как идиллию, готовую, устроенную не ими, либо как странствие, ища в жизни лучшего, своего, добытого своими руками. Молодец, Савва, Коврин в ситуации выбора избирают свой путь.

Симптомы болезни обнаруживаются в образах главных героев всех трех произведений, в которых внутренний конфликт между страстью и разумом, низменным и возвышенным, разрешается персонификацией судьбы. Бесовское/демоническое вмешательство воспринимается как добро до поры до времени. В «Повести о Савве Грудцыне» и в «Черном монахе» присутствуют два мира, два плана, два уровня: мир, в котором живут и который видят только Савва и Коврин, – мнимый мир (мир видений и болезненного сознания). Это духовный уровень, в котором герои чужды людям. Дважды говорится о «безумии» Саввы, возгорающегося греховной страстью к жене Бажена Второго и попадающего под влияние бесовских сил. Реальный мир составляет биографический уровень произведений. В «Повести о Горе-Злочастии», задуманной в широком морально-философском плане, текстуально присутствуют история странствия блудного сына в библейском сюжете об Адаме и Еве и история странствия безымянного молодца. Рассказывая о человеке, отказывающемся от идиллии, уготованной Богом, не уживающемся с ней («человеческое сердце несмысленно и неуимчиво»), автор показывает, как с тех пор стало «зло племя человеческо» и как за это бог послал на него несчастия [14,с.192]. Жизнь людей после изгнания из рая понимается как «безумная». Безумию подвергается всякий, кто желает «жити, как ему любо», а значит, и тот, кто стремится к эмансипации, индивидуализму и непохожести. Активными были безымянный молодец, Савва Грудцын и Андрей Коврин, ставшие блудными сыновьями.

На страницах всех трех повестей образы чужих людей символически предстают помощниками Бога в искоренении зла. От их рук гибнет в чеховской повести сад, хозяин которого посягнул на природу как творение божие. В «Повести о Горе-Злочастии» «добрые люди» принимают обедневшего молодца, кормят, поят, дают «безумному» молодцу наставления, подобно господним и родительским, о правильной, безгрешной жизни. В «Повести о Савве Грудцыне» незнакомый чужой человек («старейша нища мужа стояще»), встретив Савву, плачет о погибели его души и предостерегает героя. Отвернувшись от «святого» старца, Савва возвращается к бесу. Молодец следует некоторым советам чужих людей. Песоцкий боится их. А Коврин боится гнева господня. Андрей осознает, что дарованное ему счастье имеет не божественное происхождение, а значит, способно обернуться злой участью (злочастием). Счастливые моменты жизни, исключительно связанные с бесовским/демоническим влиянием, рано или поздно воспринимаются героями как ложные, иллюзорные, добытые не своими руками.

Двойники героев амбивалентны: Горе, бес и монах выступают и врагами, и их помощниками, удовлетворяют низменные желания героев и разрушают их души, отступившие от Бога. Персонифицированная судьба, злой рок, доля привязывается к ним как воплощение духовной и физической смерти. Описания князя тьмы в повести о Савве схожи с чертами персонифицированного образа смерти, представленного в традициях фольклора: смерть изображается как бледное существо в черном одеянии с косой в руках. Горе приходит к молодцу «с косою вострою» и грозится. Монах тоже является в черном, с бледным, точно мертвым, лицом.

Различно-похожи финалы сопоставляемых произведений. Преодоление темных сил, освобождение от них – разное. К идеальному исходу близки авторы древнерусских повестей, приведшие своих героев в монастырь, пребывание в котором предполагает отказ от индивидуальности и неизбывность одиночества. Возвращение в лоно корпорации к непрекословным заповедям господним аналогично возвращению блудного сына к Богу-отцу, глаголющему в своих наставлениях божественную истину. Коврин, отчужденный от мира и от Бога (отпадение от целого – сущностное) в своем уединенном сознании и лишенный родственных связей в своем выборе, умирает. Блаженство, испытанное им в предсмертную минуту, и лужа крови на полу около его лица, как знак жертвенного искупления и очищения, свидетельствуют о приобщении к таинству «рождения в вечность», о «духовном возрождении, катарсическом просветлении, прозрении» [3, 97]. «Бесовское» безумие как одержимость демоническим духом перед смертью трансформируется в безумие «священное» как приобщение к божественной истине. Молодец и Савва, покаявшиеся перед господом Богом, находят избавление от судьбы-горя при жизни. Для Коврина, гениального или

ординарного, смерть становится избавлением от внутренней дисгармоничности, от страданий блуждающего рассудка.

Активирование христианских мотивов и сюжетов создает в чеховском тексте сеть интертекстуальных эквивалентностей – сходств и контрастов, касающихся различных тематических единиц: персонажей, ситуаций и действий, непрестанно повторяющихся во все исторические времена. Межтекстовые связи и механизмы их порождения отражают обозначенное Ю.М. Лотманом существование двух тенденций в развитии художественного текста: стремление к автономности, замкнутости и стремление к взаимодействию с другими текстами. Как отмечает ученый, «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [15, 132].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Томпсон Д.Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Д.Э. Томпсон – СПб, 2000.

2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер с франц. /Р. Барт – М., 1989.

3. Ибатуллина Г.М. Человек в параллельных мирах: художественная рефлексия в поэтике чеховской прозы / Г.М. Ибатуллина.– Стерлитамак : Стерлитамакская гос. пед. академия, 2006.

4. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа / В.И. Тюпа.– М. : Высшая школа,1989.

5. Чудаков А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чехов. – М., 1971.

6. Лихачев Д.С. Великое наследие / Д.С. Лихачев. – М., 1975.

7. Чехов А.П. Черный монах // Чехов А.П. Собрание сочинений в восьми томах. Том пятый. Рассказы, повести, статьи / А.П.Чехов.– М., 1970.

8. Богданов В.А. Лабиринт сцеплений / В.А. Богданов.– М., 1986.

9. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Р. Барт. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – С. 387-422.

10. Тюпа В.И. К вопросу о мотиве «уединения» в русской литературе нового времени // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. Под ред. Е.К. Ромодановской / В.И.Тюпа. – Новосибирск, 1998. Вып. 2. – С. 49-55.

11. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. – М., 2001.

12. Житие преподобного отца нашего Антония, описанное святым Афанасием в послании к инокам, пребывающих в чужих странах [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.orthlib.ru/Athanasius/ant.html

13. Памятники литературы Древней Руси: XVII век / Вступ. статья Д. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. – М., 1988.

14. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. / Отв. ред. В.П. Гребенюк / А.С. Демин. – М., 1998.

15. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. / Ю.М. Лотман.– Таллинн, 1992.

Радь Эльза Анисовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы
Стерлитамакской государственной педагогической академии им. ЗайнабБиишевой,
E-mail: elza_rad@mail.ru

RaddElzaAnysovna
Candidate of Philological Science, Docent
Governmental educational establishment of higher professional education «Sterlitamak State Pedagogical Academy named after ZainabBiisheva»
E-mail: elza_rad@mail.ru

УДК 82-43

ОЧЕРК. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ

© Е.Ю. Садовская

Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *Статья «Очерк. Диахроническая семантизация» посвящена истории лексемы «очерк» с момента фиксации в первой четверти XIX века, включает анализ процесса терминологизации и вытеснения первоначальных значений в середине XIX века, стабильность семантики в последующий период.*

Ключевые слова: *очерк, семантика, лексикология, лексикография, семантическая эволюция, литературный жанр, терминологизация.*

Abstract: *Article «the Sketch. Diachronic семантизация» it is devoted history of a lexeme "sketch" from the moment of fixing in the first quarter of the XIX-th century, includes the process analysis терминологизации and replacement of initial values in the middle of the XIX-th century, stability of semantics in the subsequent period.*

Key words: *a sketch, semantics, a lexicology, a lexicography, semantic evolution, a literary genre, терминологизация.*

Как отметил французский историк Л. Февр, «проследить историю какого-нибудь слова – такой труд никогда не бывает напрасным» [1, 239]. В любом языке есть имеющие давнюю историю термины, семантика которых менялась по мере их существования. Исследователю важно определить исходное значение лексемы, проследить дальнейшие смысловые наслоения, охарактеризовав этапы семантизации, тем самым расширив представление о понятии.

Слово очерк прошло ряд этапов семантической модификации. Что касается происхождения лексемы, то этимологические словари не дают подобной информации [2, 3], за исключением «Краткого этимологического словаря русского языка»: «Очерк. Собственно русское. Образовано с помощью безаффиксного способа словообразования от очеркать – “обрисовать, описать“, производного к черкать» [4, 320].

Следовательно, с большой долей вероятности можно утверждать, что слово очерк является отглагольным существительным и восходит к глаголу «очертить», встречающемуся еще в рукописях XI века: «ОУръсти (ѡчертеть) ж.д. очертить. Iезек. По сп. XV в. с рукописи 1047 г. Очертъ онъ мѢсто повелѢ бестраха жити емоу тоу» [5, 45].

Косвенным доказательством этой версии можно считать тот факт, что однокоренные слова очертить и очерк устойчиво семантически тождественны в лексикологии и сознании носителей языка, в том числе, филологов. «...Выполняя свои идейно-художественные задачи, очерк определился как жанр, для которого характерно стремление «очертить» то или иное социальное явление, не считаясь с барьерами между искусством, публицистикой и наукой» [6, 15].

Очевидно, исследуя историю лексемы очерк, имеет смысл говорить не о влиянии какого-либо языка, а о семантической модификации в границах русского литературного языка, что подтверждают указанные выше справочные издания.

Но целью данной работы является изучение слова очерк с точки зрения не этимологии, а лексикологии. В.В. Виноградов указывал на принципиальную разницу этих приемов исследования слова. «Этимология воссоздает генезис и дальнейшее бытие или бытование морфологической, а не лексической единицы. ... Не то – в исторической лексикологии. Здесь отыскиваются законы изменений значений слов как индивидуальных конкретно-исторических единств, как членов семантически замкнутых и исторически обусловленных лексических систем» [7, 8].

Признаком тождества слова на протяжении значительного отрезка времени является «непрерывность его историко-семантического развития» [7, 25]. Если слово сохраняется в течение длительного периода и достаточно активно с вариантами семантических оттенков функционирует в языке, то это свидетельствует о преемственности его значений, о цельности лексемы. Следовательно, синхронический и диахронический аспект изучения слова взаимосвязаны. Согласно точке зрения В.В. Виноградова, отправным моментом для начала исследования должно стать современное слово. Но важно учитывать, что семантиче-

© Е.Ю. Садовская, 2012

ское наполнение современной лексемы может существенно отличаться, в том числе, быть значительно ограниченнее своего аналога в другие периоды развития языка, поэтому необходимо проследить семантику слова в диахронии, с момента появления вплоть до начала XXI века, в чем поможет хронологический перспективный метод исследования лексемы.

Итак, обратимся к лексикографическим источникам, фиксирующим русскую лексику до XVIII века.

В «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» нет не только лексемы очерк, но и однокоренных или близких по семантике слов [8].

В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского помимо глагола очьрсти = очерести, очьрт – очертить приводится существительное очьртениЄ = очетениЄ = очрьтениЄ – очертание, граница: – Въ очертеніи стопъ осоудивъ... [9, стб. 847].

Существительные, согласно словарю, имеют единое значение: очертание, граница. Варианты лексемы со временем исчезли из языка, предварительно продуцировав очертание, продолжающее существовать в литературном языке до настоящего времени, хотя и стилистически ограничено, что определяется книжностью слова.

«Словарь русского языка XI – XVII веков» указывает на бытование не только четырех синонимичных однокоренных глагольных вариантов (очертати, очертатися, очертити, очерести), но и существительных:

«– Очертъ, м. очертание, обозначенная граница, предел чего-либо. Стоить он [Иерусалим]... во очертѢ своемъ такъ... по высокай ровнай горѢ (ок. 1675 г.).

– Очертание, с. проведение, обозначение границы, предел чего-либо. И реч‹е› ем‹у› Соломон: не на потребу тя [китовраса] приведох собѢ, но на упросъ очертанию стая стхъ приведох тя по повелѢнию гсню... (1477 г.).

– Очертение (очрьт-), с. 1. очерченная граница, предел чего-либо. И Устави [святой] тому [нечистому духу] устав въ очертении стопъ рек... (XVI век).

2. Абрис, очертание, внешний облик. Наричеть бо ся видъ и очрь-тение и образъ (1073 г.)» [10, 96-97].

Перечисленные синонимы не имеют отношения к литературе, они детализируют очень близкие понятия с конкретным значением. Но второе значение (абрис, очертание) характеризуется абстрактностью и включает семы, схожие с элементами значения лексемы очерк.

Постепенно, по мере развития литературного языка, к началу XIX столетия из перечисленных, дублирующих друг друга вариантов, осталось только одно существительное – очертание. Этот лингвистический факт зафиксирован в «Словаре Академии Российской» (1822) [11, с. 742]. Очевидно, что лексема со временем утратила конкретное значение (предел, граница), и стала основой для появления различных книжных, в том числе, терминологических вариантов слова.

Исследователи литературы и публицистики XVIII века, например, А. Афанасьев [12], П.Н. Берков [13], не указывают на бытование понятия очерк в этом столетии. Поэтому лексему очерк словари XVIII столетия не фиксируют. Показателен в этом отношении «Словарь Академии Российской» (1784 –1794) [14], в котором отсутствует словарная статья об очерке.

В XIX веке в обновлении словарного состава русского литературного языка значительную роль играют семантические изменения уже существовавших слов. Этот процесс влечет за собой сдвиги в лексической сочетаемости, в формировании синонимических рядов и антонимических пар. Прежние связи слов постепенно утра-чиваются, их место занимают новые сочетания с иными номинативными функциями. В этих процессах семантических сдвигов усматриваются общие тенденции, характерные для русского литературного языка XIX столетия и даже единые для ряда европейских языков. «...Вопрос об из-менениях значений слов тесно связан с вопросом об изменении структурных отношений в литературной речи и о стилистических перегруппировках лексики» [15, 325]. Существующая на тот момент стилистическая и жанровая система подверглась значительным изменениям.

В начале XIX века на первый план выходит слово очерк, вытесняя из активного употребления стилистически торжественный, старославянский синоним очертание. Как заметил В.В. Виноградов «значение действия в слове очертание отмирает уже к началу XIX века» [16, 435], следовательно, наметилась тенденция дифференциации значения лексем очерк и очертание. Слово очерк имело в то время более конкретный разговорный характер, поэтому закономерно, что в стилистической паре именно оно стало обозначать действие и его результат. Тогда как за очертанием остался оттенок книжности и закре-пилась абстрактная семантика.

Согласно исследованию В.В. Виноградова, «слово очерк в современном русском языке, в русском языке XIX–XX веков имеет следующие основные значения:

1) Контур, очертание. Например: «Какой превосходный, изящный очерк, какая свежесть и прозрачность продолговатого лица...» (В.И. Даль)...

2) Описание, изложение, исследование обзорного характера, дающее общее представление о сущности какой-либо темы, вопроса. Например: «Очерк современного русского языка» акад. А.А. Шахматова...

Небольшое литературное произведение, содержащее краткое выразительное описание чего-нибудь. Например: очерки народной жизни...» [16, 433 434].

В.В. Виноградов обобщил семантические оттенки многозначной лексемы очерк, расположив их хронологически. Первое значение стало исходным в истории слова на протяжении XIX–XX веков. Именно на его основе появился терминологический оттенок значения, прошедший некоторые этапы семантизации. В результате словом очерк стало называться исследование какой-либо проблемы и небольшой эпический жанр. Иначе говоря, произошло своеобразное сужение семантики слова – терминологическое использование, функционирование лексемы ограничилось научными, публицистическими текстами и их номинацией.

Что касается лексикографических источников, то ситуация с фикса-цией слова очерк в словарях не меняется и в начале XIX века. Исключение составляет «Словарь Академии Российской» (1822). Это справочное издание впервые засвидетельствовало факт существования слова очерк. В «Словаре Академии Российской» указано, что очерк – это «тоже что очертание» [11, 742]. Очертание согласно «Словарю Академии Российской» имело три значения:

1) «действие того, кто очертил что;

2) у живописцев и ваятелей: первое расположение изображения, основа, грубое начало;

3) иногда берется за облик, окружность. Очертание лица» [11, 743].

Если говорить об очерке как художественном явлении, то к его определению в переносном смысле приближается второе значение.

Значения слова очерк сосуществовали параллельно, без тесной связи, которая постепенно все более ослабевала. По замечанию Ю.Б. Сорокина, чем стилистически и семантически дальше находятся исходное и последующие значения слова, тем быстрее забывается первоначальный вариант, происходит «“выветривание“ внутренней формы» [15, с. 330]. Этот факт объясняется характерными для этого периода развития литературного языка процессами, в том числе тенденцией к терминологизации. Терминологизация является сужением значения слова по отношению к другим семантическим составляющим. Терминологическое значение со временем выходит на первый план, но одновременно оно расширяет изначальную семантическую сферу слова, дополняя его исходные значения.

К 30–40 м годам XIX века первоначальное значение слова очерк (контур, очертание) устаревает и воспринимается как поэтическое или профессиональное (живописное). В этот период семантика лексемы, связанная с изобразительным искусством, постепенно начинает обретать литературное значение. Например, у А.С. Пушкина: «Не согласитесь ли вы перевести несколько из его Драматических очерков?» (Письмо к А.О. Ишимовой от 25 января 1837 года) [16, 438].

Судя по определению «драматические», слово очерк стало употребляться в контекстах, связанных с литературой. Но само словосочетание драматические очерки свидетельствует, что лексема очерк не получила точного терминологического значения. Видимо, очерки понимались как наброски, некая незавершенная литературная работа, безотносительно эпического рода, что подтверждает «Словарь языка Пушкина», который фиксирует три значения лексемы очерк:

«Очерк 1. Очерчивание, обрисовка контуров чего-нибудь. Очерк характеров.

2. Очертание, контур. ... И в темных очерках ему рисует Мечта давно знакомые предметы.

3. Литературный набросок, зарисовка. Вместо того, чтоб сосредоточить вашу комическую силу на каком-нибудь предмете, требующем долгого размышления, вы раздробили ее на тысячу мелких блистательных очерков» [17, 276].

Слово очерк в тезаурусе Пушкина в первом значении тождественно варианту словоупотребления, зафиксированному в «Словаре Академии Российской». Ср.: «Очерчивание, обрисовка контуров чего-нибудь. Очерк характеров»; и «действие того, кто очертил» [11, 742]. Общность семантики определяется семой действие при очерчивании контура чего-либо. Данные примеры подтверждают отглагольное происхождение слова очерк, которое сохраняло, судя по примерам, значение действия.

Второе значение (контур, очертание), согласно исследованию В.В. Виноградова, являлось наиболее частотным в литературном языке первой половины XIX века, что и подтвердил «Словарь языка Пушкина».

Таким образом, многозначное слово очерк присутствует в лексиконе А.С. Пушкина, но интересующее нас значение: очерк как литературный жанр – отсутствует.

Наименее частотно употребление слова в значении «литературный набросок, зарисовка», что соответствует общей тенденции того времени – начальному этапу терминологизации лексики. Это явление закономерно в рамках общелитературного процесса изменения семантики слов, принадлежащих области искусства и литературы. Тенденция к трансформации семантики лексики

этой группы наметилась еще в конце XVIII века и продолжилась в первой половине следующего столетия. Существенную роль в этом процессе сыграла школа Н.М. Карамзина, благодаря которой укрепилась традиция метонимиче-ского и образно-переносного употребления лексики не только в поэтических стилях, а и в любом общелитературном контексте.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля нет отдельной словарной статьи, посвященной слову очерк, это понятие включено в статью глагола очеркать.

В синонимическом ряду производных отглагольных существительных очерк дается последним: «очоркивание, очортывание, очерчиванье, очерканье, очертанье, очерченье [ср.], очерк [м.] об. действ. по гл.

Очертанье и очерк также самое изображенье, чертежь, рисунок, картина в чертах, наброс, набросок, накидка, обвод, окоемок, оклад, наметка, абрис, контур, чертеж, вообще рисунок без теней.

Окраины предмета, вид, образ его лишь по наружному обводу. Очертанье луны вообще круглое, но, от гор и долин, зубчатое. Очерк лица его долгокруглый, без угловатостей» [18, стб. 2017].

И только в конце статьи дано толкование очерка как жанрового образования: «письменное краткое и легкое описанье чего-либо, в главных чертах. Очертанье царствованья Петра I. Очерк событий нашего века» [18, стб. 2017].

Очевидно, что слова очерк и очертанье понимались как полные синонимы во всех оттенках значения. Этот факт свидетельствует об отсутствии четкой семантической дифференциации. Языковые явления не окончательно закрепились в языке и в лексикологии, поэтому они приводятся не в отдельной статье, а как производные от глагола, что указывает на их этимологию.

Интересно и само толкование слова. Краткое определение называет жанрообразующие признаки. Но оно очень схематично и не содержит конкретной информации. Видимо, в словаре Даля дано определение очерка как жанра, этот вывод подтверждает прилагательное «легкое», которое больше подходит для художественного произведения, нежели научного (очерк как фрагментарное, неполное научное исследование). Хотя и по отношению к художественному очерку определение «легкий» недостаточно корректно. Вероятно, прилагательное в этом контексте синонимично определениям небольшое, фрагментарное, не претендующее на серьезный анализ эпическое произведение. А примеры, приведенные в словарной статье, не дают возможности сделать однозначный вывод, о каком типе очерка идет речь в словаре.

Следовательно, очерк как явление уже был известен, но жанровые особенности и разновидности еще не были дифференцированы.

Начиная с 40-х годов, после выхода в свет и роста популярности сборников «физиологий», частотность употребления слова очерк все более возрастает. Вот что писал В.Г. Белинский во вступительной статье к программному сборнику «Физиология Петербурга»: «все самолюбие составителей этой книги ограничивается надеждою, что читатели найдут, может быть, в некоторых, если не во всех, из наших очерков петербургской жизни более или менее меткую наблюдательность...» [19, 384].

Популярность физиологического очерка подтверждает и частотность лексемы очерк в названиях художественных текстов. Согласно «Указателю заглавий произведений художественной литературы. 1801–1975» [20] в России это произошло не раньше публикации первых сборников «физиологий»: в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. Например, «Очерки из портфеля ученика натурного класса: Тетрадь 1» А. Башуцкого; «Очерки из Петербургской жизни» Нового поэта (И. Панаева). А «Энциклопедия мировой литературы» отмечает первый случай употребления лексемы очерк в названии художественного произведения. Это «Прогулка по Москве, очерк» К.Н. Батюшкова (1810 г.) [21].

Очевидно, что, начиная с 40-х годов XIX столетия, слово очерк прочно вошло в русский литературный язык. Но словари второй половины XIX века и рубежа XIX–XX столетий по-прежнему не дают толкование интересующего нас слова. Например, «Справочный энциклопедический словарь», издающийся под ред. А. Старчевского (1854), «Новый словотолкователь» (1879–1880), «Энциклопедический словарь», составленный под редакцией доктора философии М.М. Филиппова (1901).

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1897) в словарной статье «очерки» читаем: «Очерки – еженедельная политическая и литературная газета, издаваемая в 1863 году»... [22, 520]. Примечательно, что газета, совмещающая социальную и литературную тематику, собственно очерковые составляющие, носит название «Очерки». Этот факт подтверждает частотность употребления и популярность слова очерк во второй половине XIX века, но не его лексикологическую и лексикографическую разработанность.

Из всех словарей XIX века только «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) включает толкование слова очерк.

«Очерк, а, с. м. 1) обозначение предмета одними чертами; очертание. Очерк лица.

2) краткое описание чего либо. Очерк Константинополя» [23, 150].

Первое значение слова является наиболее употребительным, начиная с первой фиксации лексемы в «Словаре Академии Российской» и на протяжении всего XIX столетия (исследование В.В. Виноградова, «Словарь языка Пушкина»). Это толкование связано с живописным значением слова (второе значение в «Словаре Академии Российской»), но в данном случае его можно назвать литературно-художественным. По Виноградову, в конце 30-х – начале 40 х годов слово очерк является обозначением особого литературного жанра: «фельетонного, беллетристического описания быта какой-либо социальной среды, той или иной общественной среды. Очевидна прямая связь с первона-чальным живописным употреблением слова очерк. В «Дневнике» В. Никитенко (21 февраля 1835 г.) о «Вечерах на хуторе» Гоголя читаем: «Они замечательны по характеристическому, истинно малороссийскому, очерку иных характеров и живому, иногда очень забавному, рассказу» («Русская старина», 1889, сентябрь, с. 527)» [16, 439].

Второе значение слова очерк «краткое описание чего либо» является неполным, фрагментарным и нечетким, значит, характеризует неосознанное явление: неопределенное местоимение заменяет объект описания. Но толкование содержит два ключевых определения очерка как жанра: краткость и описательность.

Таким образом, «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) констатирует изменение семантики слова очерк, ее постепенную метафоризацию и, как следствие общелитературных процессов, терминологизацию сначала в области живописи, затем – художественной литературы.

Причем, в «Словаре церковно-славянского и русского языка», в отличие от «Словаря Академии Российской», объяснение лексемы очертание происходит со ссылкой на очерк, тем самым фиксируется новое соотношение слов по частотности употребления.

«Очертание, я, с. ср. 1) действие очертавшего.

2) то же, что очерк. Очерк лица» [23, 150].

Показательно, что снижение частотности употребления лексемы очертание произошло во второй половине сороковых годов XIX века, когда популярность очерка как жанра (физиологический очерк) и, значит, слова, значительно выросла. Но в то же время лексема еще не получила терминологическое значение в системе номинации литературных жанров, эта тенденция только наметилась.

В следующем издании «Словаря церковно-славянского и русского языка» в 1869 году в словарную статью об очерке не были внесены кор-рективы [24, стб. 312], несмотря на то, что очерк в это время являлся разработанным жанром с точки зрения литературной практики.

Таким образом, очерк в русской литературе прочно занял свое место с сороковых годов XIX века, название жанра стало общепринятым, но слово, как и литературное явление, на протяжении XIX столетия не было объектом пристального исследования. Историки литературы и лексикологи в течение XIX века не проследили эволюцию развития жанра и изменение оттенков семантики слова.

Очерковый жанр, следовательно, и само слово являлись очень популярными в советский период.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1938) включает следующую словарную статью об очерке:

«Очерк, а, м. (книжн.) 1. Контур, очертание. Не подходи: обведена волшебным очерком она. Баратынский.

2. Небольшое литературное произведение, дающее краткое выразительное описание чего-нибудь (лит.). Бытовой очерк.

3. Описание, изложение, исследование какого-нибудь вопроса, дающее общее представление о нем. Очерки русской грамматики». Оттенок значения: «только мн.ч. Частое заглавие специального научного труда, состоящего из исследования ряда взаимно связанных вопросов. Очерки по русской истории» [25, кол. 1033].

Словарь впервые дает стилистическую характеристику интересую-щего нас слова. Первое значение, являющееся наиболее употребительным в первой половине XIX века, позднее стало восприниматься как поэтическое, что и подтверждает пример употребления.

Второе, литературоведческое значение слова дает об очерке слишком общее представление. Из жанровообразующих признаков в словарной статье указана только описательность, что важно в совокупности с другими ведущими особенностями, например, интересом к актуальным проблемам социума, наличием рассказчика, проявлением авторской позиции и т.д. Определение очерка: «небольшое литературное произведение» – является косвенным признаком, так как может относиться и к рассказу, и к новелле. А что касается вы-разительности, то она характерна для любого художественного и публицистического текста.

Оттенок третьего значения представляется более точным и полным, чем основное значение. Формулировка «исследование какого-нибудь вопроса» звучит недостаточно точно, но теоретическое положение удачно иллюстрируется примером.

Значения лексемы очерк в данной словарной статье выстроены хронологически, по мере появления новых семантических вариантов.

Толкование слова очертание («форма, вид чего-нибудь, образуемый линией, чертой, ограничивающей, очерчивающей предмет; контур» Вдали были видны неясные очертания гор) синонимично лексеме очерк в значении контур. Значит, семантическая связь некогда полных синонимов (начало XIX века) не утрачена. Второе, переносное значение имеет обобщенный, абстрактный характер: «мысленное, представляемое общее содержание чего-нибудь. Сюжет будущего рассказа рисовался автору в самых смутных очертаниях» [25, кол. 1033].

В «Словаре современного русского литературного языка» (1959) представлено толкование слова очерк в трех значениях.

«Очерк, а, м. 1. Очертание, контур. И в темных очерках ему рисует Мечта давно знакомые предметы. Пушкин. Медок.

Очерк лица, лба, губ и т.п. В тарантасе мелькнул околыш студенческой фуражки, знакомый очерк дорогого лица. Тургенев. Отцы и дети.

// линия, очерчивающая что-либо. Наконец лес начинал редеть... и вдруг открывалась круглая луговина, обведенная лесом, как волшебным очерком. Лермонтов. Вадим. / Перен. О музыкальном рисунке. Энергический, смелый, всегда тревожный очерк испанских мелодий так противоположен спокойному и широкому рисунку мелодий итальянских. В. Боткин. Письма об Испании.

2. Описание, обзор; беглый набросок. – Да надо тебе сделать очерк того общества, которое ты найдешь у нас, – начала она. Л. Толстой. Анна Каренина.

В заглавии научных трудов. Очерки по русской истории.

3. Небольшое повествовательное произведение, содержащее краткое описание реальных фактов, лиц. Очерк всегда считался критиками низшей формой литературы, что вообще неверно и несправедливо. М. Горький. О литературе» [26, кол. 1798-1799].

«Словарь современного русского литературного языка», так же, как и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, в словарной статье об очерке приводит первоначальное значение «очертание, контур», которое к середине XX века устарело. Следо-вательно, хронологический принцип изложения семантической истории слова становится традиционным для лексикографов. Но, в отличие от словаря под редакцией Д.Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» дает толкование лексемы очерк как «очертание, контур» во всех оттенках значения: очертание, контур как предмет, как элемент описания внешности, как линия, обводящая что-либо (достаточно широкое, абстрактное значение) и как музыкальный рисунок в переносном значении.

Итак, «Словарь современного русского литературного языка» – единственное справочное издание XX столетия, детально описывающее все семантические оттенки слова очерк в первоначальном значении.

Слово очерк во втором значении легло в основу терминологического употребления. Начало семиозиса данного значения зафиксировано в «Словаре языка Пушкина». Беглый набросок, описание, зарисовка общественного явления, события, впечатлений автора становится со временем литературным наброском, оформившимся в публицистике и художественной литературе, за-крепившим за собой еще в физиологическом очерке характерные жанровые признаки. Цитата из романа Л.Н. Толстого косвенно подтверждает связь слова очерк (в значении «описание, обзор; беглый набросок») с лексической парадигмой, характеризующейся общественной семантикой.

К научной номинации относятся и названия научных трудов, содержащие лексему очерк (более частотный вариант очерки). В основе родства семы: описание и актуальность повествования, некая фрагментарность, отсутствие единой сюжетной линии, свободное соединение частей.

Итак, второе значение «описание, обзор; беглый набросок» стало основой для появления в языке третьего значения. «Словарь современного русского литературного языка» дает краткое, общее определение очерка как жанра литературы и публицистики: «небольшое повествовательное произведение, содержащее краткое описание реальных фактов, лиц» [26, кол. 1798-1799].

В XX столетии это значение является наиболее частотным, что объясняется популярностью жанра.

Следовательно, «Словарь современного русского литературного языка» точно и последовательно отражает историю развития семантики лексемы очерк.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1999) значения лексемы очерк выстроены по хронологическому принципу, два первых значения из четырех даны с пометой «устаревшее». Примеры употребления характерны, это цитаты из литературных источников XIX века.

«Очерк, -а, м. 1. устар. Контур, очертание. [я]. Ему казалось, что у нее есть сходство с ним в очерке лба. Мамин-Сибиряк, Без особенных прав. 2. Устар. Словесное изображение, описание

кого-, чего-либо. Но нигде субъективность автора не проявилась так резко... как в очерке характера Молчалина. Белинский, Горе от ума. Соч. А.С. Грибоедова» [27, 732].

Согласно словарю в современном русском языке лексема очертание синонимична слову очерк в значении контур «Очертания, – ий, мн. (ед. очертание, -я, ср.). Линия, ограничивающая предмет и дающая представление об его форме; контур. Далеко на горизонте показались неясные очертания леса и жилых строений. Куприн, Ночлег.

// перен. Общий облик чего-л. намеченного, задуманного и т.п., что должно осуществиться, воплотиться в виде чего-л.» [27, 733].

Словарная статья подтверждает «родство» лексем. В XX веке окончательно происходит стилистическое и семантическое разграничение слов очерк и очертание. Устаревшие значения слова очерк перестали употребляться в речи, они закрепились за лексемой очертание, которая сохранила книжный характер и абстрактное значение, что подтверждает словарь под редакцией А.П. Евгеньевой.

Третье значение слова очерк: «изложение какого-либо вопроса, описание каких-либо материалов, дающее общее представление об описываемом. Следуя мнениям Белинского о русских литературных явлениях, г. Милюков составил тогда очерк развития русской поэзии. Добролюбов, О степени участия народности в развитии русской литературы. // мн.ч. (очерки, -ов). Название научного труда, состоявшего из исследований по отдельным вопросам, которые имеют общую основу или связаны чем-либо между собой» [27, 732].

Это значение слова очерк указано во многих словарях, но, в отличие, например, от «Словаря современного русского литературного языка» (1959), «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1999) приводит более полные и подробные данные об описываемых явлениях. Ср.: «в заглавии научных трудов. Очерки по русской истории» [27, 732] и предыдущий абзац, состоящий из семи строк, содержащий две развернутые дефиниции и пример.

Четвертое значение дает определение очерка как жанра: «небольшое литературное произведение, в основе которого лежит воспроизведение реальных фактов, событий, лиц, увиденных автором непосредственно в самой жизни. Военный очерк. Очерки Гл. Успенского» [27, 732].

Учитывая тот факт, что определение жанра включено в справочное издание не по литературоведению, а лексикологии, его можно назвать достаточно полным, дающим общее впечатление о понятии.

Современные словари, например, «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1999), фиксируют и производные от лексемы очерк слова: очеркист, очерковый, очеркистика, очеркистский [27, 733]. Этот факт подтверждает активность бытования слова и, следовательно, литературного явления, а также их исследованность в литературоведении и лексикологии.

Итак, как отметил В.В. Виноградов, «объем и содержание слова – при кажущемся единстве его номинативной функции – исторически изменяются» [7, 8]. История слова очерк началась в начале XIX века, когда оно являлось менее употребительным вариантом лексемы очертание. Семантическая эволюция слова очерк была длительной, она совершалась в несколько этапов.

Исходное номинативное значение слова очерк не остается ведущим, но на его основе происходит изменение семантики слова, базирующееся на метонимическом смещении и переносе первичного значения, что характерно для терминологии искусства. В переносном употреблении слово тесно связывается с литературной проблематикой, но еще в 30 е годы не имеет четкой терминологической отнесенности (например, у А.С. Пушкина). Очерк в этом понимании еще тесно связан с исходным значением (первый набросок, эскиз), относится к различным литературным жанрам и имеет общее значение «изображение».

Начиная с 30–40 х годов XIX века все отчетливее проявляется значение слова очерк применительно к определенному жанру: к физиологическому очерку. Во второй половине XIX века происходит дальнейшее обособление вторичного, переносного значения слова очерк, но уже в терминологическом значении, в значении малый эпический жанр, существующий на стыке публицистики и художественной литературы.

С середины века очерками стали называть и научные, и публицистические статьи и сборники, например «Очерки русской литературы гоголевского периода» Н.Г. Чернышевского. Синонимами слова очерк в этом значении являются статья, обзор, курс, изложение.

В XX веке дальнейшего расширения семантики слова очерк не произошло. Употребительными являются два значения: очерк как художественно-публицистический жанр и научный обзор. Исходное значение (граница, контур) и второе, относящееся к живописи, в словарях двадцатого века приводятся с пометой устаревшее.

Следовательно, эволюция слова очерк отражает процесс формирования литературно-публицистического и научного жанров и соответствует лексическим процессам в русском литературном языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Февр Л. Цивилизация: Эволюция слова и группы идей / Л. Февр // Бои за историю. – М. : Наука, 1991. С. 239 – 281.

2. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. / А.Г. Преображенский – М. : Гос. Из-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 1. А-О. – 717 с.

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер – М.: Прогресс, 1971. – Т.3. – 827 с.

4. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей / Под ред. С.Г. Бархударова. Изд-е 3-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 520 с.

5. Словарь церковно-славянского языка: в 2 т. / Сост. акад. А.Х. Востоков. – СПб. : Изд-е 2-го отделения Императорской Академии Наук, 1858. – Т. 2. – 325 с.

6. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров: Очерк. Фельетон / Е.И. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 389 с.

7. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // История слов / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М. : РАН. Отд-е литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 1999. – С. 5 38.

8. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. И.С. Улуханов. – М. : Русский язык, Азбуковник, 1988. – Т. 6. – 608 с.

9. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / И.И. Срезневский – Репринтное изд-е. – М. : Книга, 1989. – Т. 2. Ч. 1. Л-О. – 849 кол.

10. Словарь русского языка XI – XVII веков. М. : Наука, 1988. – Выпуск 14. – 311 с.

11. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 частях. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1822. – Часть IV. О-П. – 1536 стб.

12. Русские сатирические журналы 1769-1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века. Сочинение А. Афанасьева. – М. : В типографии Э. Барфкнехта и комп., 1859. – 282 с.

13. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века / П.Н. Берков. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. 570 с.

14. Словарь Академии Российской 1784-1794: в 6 т. / РАН, Отд-е литературы и языка; Московский гуманит. ин-т им. Е.Р. Дашковой; Гл. ред. Г.А. Богатова. Переизд. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001. – Т. 4. М – П. – 784 с.

15. Сорокин Ю.Б. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90 е годы XIX века / Ю.Б. Сорокин. – М. – Л. : Наука, 1965. – С. 456 – 459.

16. Виноградов В.В. Очерк / В.В. Виноградов // История слов / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М. : РАН. Отд-е литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Ин-т русского языка им В.В. Виноградова, 1999. С. 433 440.

17. Словарь языка Пушкина в 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов – 2-е изд., доп. – М. : ГИС, 2000.– Т. 3. О – Р. – 1070 с.

18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 2-е изд., доп. – СПБ.: Изд. М.О. Вольфа, 1881-1882. – Т. 2. И – О. – 1881. 807 с.

19. Белинский В.Г. Вступление к «Физиологии Петербурга» / В.Г. Белинский // ПСС: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 8. – С. 279 315.

20. Указатель заглавий произведений художественной литературы. 1801-1975: в 7 т. – М. : Гос. ордена Ленина библ. им. В.И. Ленина, Гос. публ. библ. им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Библ. АН СССР, 1990. – Т. 4. М-О. – 431 с.

21. Энциклопедия мировой литературы. – СПб. : Невская книга, 2000. – 656 с.

22. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон . – СПб. : Типо-литография И.А. Ефрона, 1890. – Т. XXIIA. – 960 с.

23. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в IV т. – Санктпетербург : Изд. Н.Л. Тиблена, 1847. – Т. III. – 1248 стб.

24. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в IV т. – 2-е изд. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1869. – Т. III, IV. 1248 стб.

25. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Гос. из-во иностранных и национальных словарей, 1938. – Т. 2. – 520 с.

26. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8. – 1840 стб.

27. Словарь русского языка: в 4 т / Гл. ред. А.Н. Евгеньева – 4 –е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. К-О. – 736 с.

Садовская Е.Ю. – доцент кафедры русского языка Военного учеб-но-научного центра ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».
E-mail: sadovsk@list.ru.

Sadovskaja E.J. – the senior lecturer of chair of Russian language of Military educational and scientific center of the Air Forces «Military-air academy of a name of professor N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin».
E-mail: sadovsk@list.ru.

УДК 81-13, 81'373

СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

© 2012 М.С. Саломатина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 мая 2012

Аннотация: *Настоящая статья посвящена описанию методики психолингвистического исследования значения прилагательных.*

Ключевые слова: *психолингвистика, семантика, психолингвистическое значение.*

Abstract: *This article is devoted to the methodology of the psycholinguistic description of the meaning of adjectives.*

Key-words: *psycholinguistics, semantics, psycholinguistic meaning.*

В сегодняшней лингвистической науке уже не нова точка зрения о том, что традиционное лексикографическое описание не является реализацией единственно возможного подхода к изучению лексического значения слова (см., например [1-7] и др.).

Несомненно, стоит признать тот факт, что существующие толковые словари русского языка удовлетворяют большинству запросов рядовых носителей языка, в том числе и связанных с выяснением значения новых, недавно заимствованных лексических единиц, несмотря на то, что любой словарь всегда идет *вслед* за речевой практикой. Речевая практика же нередко формирует новые компоненты значения слова, а также способствует изменению и развитию новых значений. В процессе использования языка также регулярно происходит актуализация одних составляющих значения той или иной лексемы, в то время как другие уходят на периферию. Ученый, работающий в рамках традиционной схемы описания лексического значения, зачастую не имеет возможности отследить в динамике процесс трансформации значения слова в силу отсутствия у него методики для подобного рода работы. Помимо этого составитель толкового словаря имеет дело с материалом настолько обширным, что поставь он перед собой задачу зафиксировать все изменения, происходящие в лексической системе языка, его работа (и даже работа целого авторского коллектива) потребовала бы слишком продолжительного времени.

Описание психолингвистического значения слова с использованием соответствующей методики, о которой будет сказано далее, способно, на наш взгляд, в значительной степени решить задачу фиксации актуального значения лексической единицы в его максимальном объеме.

Под психолингвистическим значением в тексте настоящей статьи будем понимать «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. <...> тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение – это психологически реальное значение слова» [9, 17].

Описание психолингвистического значения особенно важно в тех случаях, когда речь идет о лексических единицах, являющихся сравнительно новыми для языка, для жаргонных и сленговых единиц, в которых нередко преобладает оценочность, с трудом поддающаяся рационализации и метаязыковому описанию, а также в случае с языковыми единицами, развившими в последнее время новые значения, не получившие пока отражения в лексикографических источниках.

Практическое применение результаты подобного описания могут получить, например, при проведении лингвокриминалистической экспертизы, поскольку названные выше группы языковых единиц часто являются ее предметом. Кроме того, психолингвистический словарь, составленный по итогам психолингвистического исследования, с успехом может быть использован в практике обучения русскому языку представителей других лингвокультур. Выявление психолингвистического значения слова может стать основой для серьезных выводов о состоянии современного языкового сознания, об актуаль-

© М.С. Саломатина, 2012

ных процессах в языковом сознании народа, об уровне знания значений слов разными группами носителей языка и др.

Создание психолингвистической словарной статьи, посвященной одной лексической единице, предполагает многоэтапную и сложную процедуру, включающую в себя проведение свободного ассоциативного эксперимента с большим количеством испытуемых; составление по его итогам ассоциативной статьи, включающей в себя список реакций, упорядоченных по частотности и алфавиту; формулирование связной дефиниции на основе предварительного описания значения слова как совокупности сем.

Психолингвистическое описание прилагательных заинтересовало нас в связи с тем, что значение прилагательного является всегда как бы *зависимым* от имени. Это обусловлено тем, что признак, обозначаемый прилагательным, «мыслится (воспринимается и осознается) в связи с каким-либо предметным понятием, причем признак пассивный и постоянный (вневременной). По этому свойству прилагательные противостоят, с одной стороны, части имен существительных, также способных обозначать тот или иной реальный признак, но обозначающих его как отвлеченную субстанцию <...>, с другой – глаголам, обозначающим признак активный (процессуальный), наделяемый определенной временной характеристикой (ср. *черный – чернеет, чернело, чернеющий, черневший*)» [8, 47].

Приведем в качестве примера словарную статью, разработанную нами в рамках проекта по созданию психолингвистического толкового словаря. В рамках словарной статьи представлено ассоциативное поле стимула, затем психолингвистическое описание значения с примерами употребления слова в данном значении. Для каждого значения указывается совокупный индекс яркости (СИЯ), позволяющий определить место значения в структуре семантемы в языковом сознании носителя языка. Но вначале обратим внимание на традиционную словарную дефиницию.

ВЕЖЛИВЫЙ, -ая, -ое; -лив, -а, -о. (с кем).

Чуждый грубости, предупредительный, услужливый. В. продавец. С коллегами подчёркнуто вежлив. //

Выражающий учтивость. В. тон. В-ое обращение. В. ответ, отказ. < Вежливо, нареч. В. разговаривать [7, 115].

Вежливый

Человек 17; воспитанный, хороший 9; культурный 4; джентльмен, интеллигент, образованный 3; аристократ, вежливость, любезный, доброжелательный, доброта, добрый, мальчик, молодец 2; ботаник, буду, гражданин, грубый, лох, милый, мужчина, нравится, обаятельный, официант, парень, педант, поведение, покладистый, покупатель, порядочный, правильный, приличный человек, приятный, продавец, ребёнок, Сервантес, словарь, сопляк, студент, товарищ, тон, уважение, улыбка, ученик, учитель, учтивый, хороший человек, чудак, это здорово! 1; отказ 1.

Психолингвистическое значение

Воспитанный. О человеке.

Воспитанный 19, доброжелательный 6, культурный 4, порядочный 4, приятный 4, интеллигентный 3, образованный 3, покладистый 1. О человеке 33. Может оцениваться одобрительно 18 (*хороший 14*, *приятный 4*) и неодобрительно 3 (ботаник 1, лох 1, сопляк 1).

сочетаемость 21 – человек 17, покупатель 1, продавец 1, ребенок 1, ученик 1

идентификация 19 – мальчик 2; ботаник, гражданин, лох, мужчина, официант, парень, педант, покупатель, продавец, ребенок, Сервантес, сопляк, студент, товарищ, ученик, учитель, чудак 1

*неоценочное 37, неодобрительное 3 (*ботаник 1, лох 1, сопляк 1*), одобрительное 34* (воспитанный 19; доброжелательный 6; культурный, порядочный; приятный 4; интеллигентный, образованный 3; покладистый 1)

неэмоциональное 83, положительно-эмоциональное 8 (приятный 4, интеллигентный 3, покладистый 1), *отрицательно-эмоциональное 3* (ботаник, лох, сопляк)

межстилевое

СИЯ 94.

Пример употребления: *Был хозяин жилья, Чагин, всегда вежливый, внимательный, до крайности ненавязчивый*[1].

Хороший, доброжелательный. О тоне или поведении.

Хороший 14, доброжелательный 6, культурный 4, приятный 4, интеллигентный 3. О тоне 1 или поведении 1.

сочетаемость 1 – тон

неоценочное 15, одобрительное 31 (хороший 14; доброжелательный 6; культурный, приятный 4; интеллигентный 3)

неэмоциональное 15, положительно-эмоциональное 18 (хороший 14, приятный 4)

межстилевое

СИЯ 2.

Пример употребления: *Он старается идти по улице не толкаясь, он приобретает неожиданно вежливый тон и даже извозчику говорит «вы».*

Неактуально – 1

Не интерпретировано – 1 (словарь).

Как видим, психолингвистическое значение включает в себя значительно больше признаков, нежели лексикографическое.

1. Примеры взяты с сайта: www.ruscorpora.ru

Обращает на себя внимание то, что в составе психолингвистического значения лексемы «вежливый» заметное место занимает т.н. идентификационные признаки, а также зона сочетаемости, что связано с потребностью участников эксперимента установить связь между признаком, выраженным прилагательным, и его носителем. В то же время отчетливо виден основной механизм определения значения слова в ходе ассоциативного эксперимента, применяемый реципиентами, – это установление синонимических соответствий.

Таким образом, психолингвистическое описание семантики прилагательных открывает новые возможности в области лексикографии и в то же время ставит перед исследователем задачу дальнейшего совершенствования методики подобного исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев. – М. : ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1977. – 191 с..

2. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, А.Г. Черкасова. – М. : АСТ, 2004. – 784 с.

3.Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М. : ИЯз РАН, 2004. – 792 с.

4. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. – М. : ИЯ РАН, 2008. – 194 с.

5. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / А.В. Рудакова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2011. – 187 с.

6. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики. Воронеж: «Истоки», 2011.-183 с.

7. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт., М. : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

Распопов И.П. Основы русской грамматики / И.П. Распопов, М.А. Ломов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. Гос. ун-та, 1984. – 351 с.

9. Стернин И.А. О новых возможностях лингвокогнитивного анализа (концептуальный анализ и описание психолингвистического значения слова) / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Вып. 3 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2010, – С. 14-22.

Саломатина М.С.
Воронежский государственный университет, доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета,
salomatina.maria@yandex.ru

Salomatina M. S.
Voronezh State University,
Assistant professor of the department of general linguistics and stylistics of the philological faculty,
salomatina.maria@yandex.ru

УДК 821.161.1.09

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕТИПА КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДИССИДЕНТОВ

© 2012 Е.Г. Серебрякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *Автор статьи анализирует универсалию борца-одиночки в воспоминаниях диссидентов. В качестве примера взяты книги А. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и Л. Чуковской «Процесс исключения». Автор утверждает, что универсалия восходит к архетипу культурного героя. Этот архетип использован Солженицыным для создания идеологического неомифа. Текст Чуковской свидетельствует о функционировании универсалии, возникшей с опорой на книгу Солженицына. Взаимодействие текстов писателей свидетельствует о существовании метатекста диссидентов, с общим семантическим и поэтическим тезаурусом.*

Ключевые слова: *либеральная советская интеллигенция 1960-х годов, универсалия, архетип, борец-одиночка, воспоминания диссидентов, идеологический неомиф.*

Abstract: *The author of article analyzes the universal single fighter in the memories of dissidents. As examples the author takes the books «The Oak and the Calf» by A. Solzhenitsyn and «The Procces of Elimination» by L. Chukovskaya. The author argues that this universal goes back to the archetype of cultural hero. This archetype was used by Solzhenitsyn to create ideological neomyth. Chukovskaya's text indicates functioning the universal arising from reliance on Solzhenitsyn. The interaction of texts of the writers indicates of the existence of metatext of dissidents, with the general semantic and poetic thesaurus.*

Key words: *liberal Soviet intelligentsia of 1960 years, universal, archetype, single fighter, memories of dissidents, ideological neomyth.*

Архетип культурного героя представлен в мифологиях различных народов. Он наиболее известен европейскому и русскому читателю по образу Прометея. В соответствии с амбивалентным характером мифа античные авторы представили неоднозначную трактовку образа. Гесиод в поэме «Труды и дни» изобразил Прометея трикстером, обманувшим богов и Зевса. Эсхил в трагедии «Прикованный Прометей» дал иные типологические черты: прогрессивность, тираноборчество, жертвенность, нравственное превосходство над угнетателями, бескомпромиссность, одиночество.

Архетип культурного героя претерпел различные трансформации в литературе, одним из вариантов стал тип борца-одиночки, реализованный в образах «благородных разбойников» (Дубровский, Вадим, капитан Копейкин), взбунтовавшихся «маленьких людях» (Евгений, призрак Башмачкина, Раскольников), некоторых «лишних людях» (Рудин), «народных заступниках» (Рахметов, Григорий Добросклонов и прочие).

Возвращение к исходному архетипу произошло в литературно-публицистическом наследии диссидентов, самой логикой своего существования в советском обществе вынужденных воспроизводить тип борца-одиночки.

Показательным примером является книга А. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» (1974 г.), художественная картина мира которой базируется на типичном для соцреализма противостоянии культурного героя отжившему общественному строю и являет собой пример автомифологизации.

Мифологический компонент обнаруживается на всех уровнях текста. Сюжетно «Телёнок» воспроизводит миф творения: повествование ведётся о рождении нового мира, мучительно пробивающего себе дорогу. Носителем социального обновления выступает главный герой. Текст насыщен знаками рождающегося в борьбе мироустройства: во время обыска персонаж размышляет: «... это обилие бесстрашных сочувствующих в квартире арестованного – это новое время! Пропали вы, большевики, как ни считай!..» [5, 454]. Враги, стоящие на страже отжившего мира, многолики. Это и представители КГБ, и литературные чиновники, и многочисленные преследователи-критики. Все они представители хтонических сил: «...изымут мой роман – и сверзимся мы с Твардовским да-

© Е.Г. Серебрякова, 2012

лёко в преисподнюю» [5, 102]; «...так и осталась нечистая сила (сотрудники КГБ. – Е. С.) вся в самолёте» [5, 476].

Борьба за утверждение нового, гармоничного миропорядка требует напряжения всех сил и воли, активной, наступательной позиции: «...мне показалось: я выиграл ещё одну фазу сражения» [5, 424]; «...перебирал я все годы по неделям – каждая была наполнена как главная из главных» [5, 425]. Культурный герой – благодетель человечества. Его действия сознательны, целенаправленны, требуют особого умения и отваги, соответственно, получают статус подвига. Однако погружение в стихию борьбы возможно только после овладения магической силой, в случае Солженицына – постижения тайны Слова. Публикация первого рассказа трактуется поэтому как инициация – испытание, поставившее автора на грань жизни и смерти: «Как мог я, ничем не понуждаемый, сам на себя отдать донос?.. [5, 23]; «Обошлось без Лубянки – и спасибо. Проиграл я только то, что вообще рассекретился и теперь должен был с тройной осторожностью прятать свои готовые вещи и текущую работу» [5, 39]; «...я спешил подготовиться к новому опасному периоду жизни» [5, 41]. Инициация связана с представлением о временной смерти и обновлении: публикация «Ивана Денисовича» меняет социальный статус, но не духовную сущность героя: «...дурным казалось мне такое начало литературного пути: уступать, как и все они» [5, 47].

Проходит герой и обязательные этапы духовного взросления: испытание славой, наградой. Возможность получения Ленинской премии трактуется как искушение, преодолённое во имя высшей цели – сохранения духовной цельности: «В получении премии были свои плюсы – утверждение положения. Но минусов больше <...>. «Утверждение положения» обязывало к верноподданности, к благодарности – а значит, не вынимать из письменного стола неблагодарных вещей, какими одними он только и был наполнен» [5, 83]. Культурный герой подтверждает свою взрослость в борьбе с сакральной фигурой «отца». В логике авторского мифа в этой роли выступает Твардовский: «У него было ощущение, что он меня сотворил, вылепил и теперь всегда будет назначать за меня лучшие решения и вести по сияющему пути. Он так подразумевал (хотя ни разу я ему этого не обещал), что впредь ни одного важного шага я не должен делать без совета с ним и без его одобрения <...>. Он не допускал, что эту систему можно не признать с порога. Он не допускал, что в литературе и политике я могу разглядеть или знать такое, чего не видит или не знает он» [5, 56-57]. Глубинный смысл этого конфликта заключается в смене поколений: от «властителя дум», сотрудничавшего с властью, к духовно свободной, независимой личности.

Жизненный путь культурного героя представлен как цепь «трудных задач», в ходе решения которых происходит подтверждение исключительной природы персонажа: «...я и вообразить себе не мог всей истинной силы своей позиции» [5, 101]; «На Западе издали чутко заметили, что мои заявления были явно «наступательного характера», а власти – как будто бы отступают, тратя усилия многие и всё равно беспомощно» [5, 425]. Характерна реакция культурного героя на события внешнего мира – стремительная, напористая, взрывная. В борьбе с вражьими силами допустимы любые средства: физический поединок, хитрость, колдовство. Известную роль играет тактика «провокаций», вынуждающая противника на действия, выгодные герою: «С ними так надо стараться в каждом деле: поднимать звук на октаву. Обобщать, как только хватает слов. Не себя одного, не узкий участок защищать, но взламывать всю их систему» [5, 365]. Строптивость и родо-племенная спаянность – единство противоположностей – специфическая черта архетипического героя: «Перед моими зэками, перед моими братьями, перед экибастузской голодовкой, перед кенгирским мятежём мне стыдно и отвратно стало, что я ещё обсуждаю тут с ними что-то, что я серьёзно мог думать, будто литераторы с красными книжечками даже после XXII съезда способны напечатать слово правды» [5, 46]. Герой может ошибаться, совершать тактические промахи, но не знает душевных колебаний, остаётся нравственно твёрд: «И до чего же хорошо – зарекомендовать себя камнем литым» [5, 453].

Солженицын позиционирует себя как борца-одиночку, задающего в обществе такую высоту правды и искренности, какую могли себе позволить только юродивые – персонажи русской культуры, сознательно выпадающие из нормы поведения, подчиняясь божьему промыслу. Мотивы юродства пронизывают сцены ареста, обыска, высылки из страны и многие другие. Архетипическая амбивалентность образа культурного героя, вбиравшего в себя черты трикстера, оказалась в данном случае весьма кстати. По логике поведения трикстера, «хаос», вносимый им в стан врагов, – стратегия личностного поведения, способ повседневной практики, обеспечивающий устойчивость и жизнеспособность. Духовная гармоничность при этом сохраняется.

Борьба со старым миром ведётся от имени всего рода-племени – советского народа. Герой олицетворяет собой интересы общины, противостоящей верховным правителям. Эту мысль в тексте подкрепляет введение фрагментов из «писем трудящихся» в поддержку Солженицы-

на. Герой, таким образом, гармонизирует мир с человеческими потребностями, заботится о его устройстве для людей.

В благородном деле культурному герою помогают волшебные помощники, в тексте Солженицына первым из них является жена: «Сам я никакого перелома не заметил. А жена в начале февраля почуяла зловещий перелом» [5, 424]. Число единомышленников растёт, поскольку в обществе всё очевиднее становится нравственная правота его дела. Стихийная поддержка деятельности персонажа, идущая «снизу», не означает торжества хаоса в социуме, стихия не имеет негативного значения. Это звено космического миропорядка, часть истории как общенародной жизни, которую разбудил культурный герой – диссидент.

Как видим, Солженицын использовал все архетипические мотивы – борьбы «космоса» с «хаосом», инициации, «трудных задач», попадания героя во враждебный мир и проч. Стихия мифа, с его вневременной универсальностью, оказалась созвучна стремлениям автора создать «историю на все времена» – о непреходящей ценности борьбы личности за социально-исторический прогресс.

Русская литература знала примеры автомифологизации, например в поэзии Серебряного века, однако в данном случае перед нами миф не эстетический, как у поэтов рубежа веков, а идеологический. Книга была для автора орудием борьбы в идейно-политическом противостоянии режиму.

Формирование авторского мифа, зафиксированное в книге, проходило при активном сотворчестве художественной интеллигенции 1960-х годов. Вот лишь некоторые оценки Солженицына тех лет: «светоносец» (А. Ахматова), [1, 132], «писатель долгожданный, для России необходимый» (К. Чуковский) [1, 134], «По Солженицыну можно мерить людей. Он – мера» (А. Твардовский) [3, 78], «Он был в моих глазах Алигьери, творцом «Архипелага ГУЛаг»» (Л. Чуковская) [7, 103], «Да, он фанатик литературы. Аввакум XX века – его творчество – самосожжение, почти религиозная страсть говорить правду <..>. Он, не говоря уж о таланте, всех свободнее» (В. Лакшин) [4, 340]. Очевидно, что миф Солженицына о себе как культурном герое был воплощением коллективного чувства и действия.

Безусловный авторитет писателя в нонконформистской среде определил влияние его художественной и публицистической прозы на литературную деятельность современников, сознательную ориентацию диссидентов на солженицынские образцы. Очевидно стремление авторов «Хроники текущих событий», центрального журнала самиздата, составить текст по модели «Архипелага ГУЛага». Сама методика работы писателя: максимально полный сбор информации от жертв сталинских репрессий, издание как можно большего числа документальных свидетельств – оказалась созвучна намерению составителей альманаха представить современность как продолжение сталинской эпохи.

Характерно, что и сам автор «Телёнка» упоминает эпизоды «Архипелага» (экибастузская голодовка, кенгирский мятеж), ориентируя читателей воспоминаний на восприятие его биографии в контексте политических репрессий недавнего прошлого. Так литературное творчество писателя смыкалось с публицистическим, образуя метатекст, с единой поэтикой и семантикой образов.

Книга «Бодался телёнок с дубом» оказалась весьма востребованной авторами диссидентских автобиографий и воспоминаний. Она помогала им осмысливать собственный личный опыт сквозь призму иного, чрезвычайно авторитетного – солженицыновского, превращала частную историю в универсальную.

Книга Л. Чуковской «Процесс исключения» (1978 г.) – результат творческого и личного диалога литераторов. Писателей связывала многолетняя дружба и глубокое взаимное уважение. Чуковская пишет об этом так: «Впервые поселился он в Переделкине по приглашению Корнея Ивановича, осенью 1965 года, когда я была ещё едва знакома с ним, и с тех пор мы не один раз оказывались под одной кровлей, то в городе, то на даче, и при жизни Корнея Ивановича, и после конца. Жил он у нас, случалось, несколько дней подряд, случалось – неделю, а случалось – месяц: он то исчезал надолго, то появлялся опять. Наш кров всегда поджидал его; ключи от нашей квартиры годами оставались при нём. Обстоятельства менялись, но у нас он мог поселиться в любую минуту, при любых обстоятельствах, превознесённый или гонимый – всё равно» [7, 99-100]. О своём проживании в Переделкино с осени 1973 по 10 января 1974 г. упоминает и Солженицын в «Телёнке» (глава «Пришло молодцу к концу»). Именно на эти январские дни пришёлся арест Солженицына и исключение Чуковской из СП за активную сам– и тамиздатскую деятельность и поддержку гонимых нонконформистов, в том числе Солженицына. Неудивительно поэтому, что его личность оказалось одной из центральных в книге писательницы.

Как мы узнаём из её воспоминаний, 9 января, после исключения, именно ему, первому, она пересказала содержание постыдного судилища над собой, от него получила наказ бережно хранить записи собрания [7, 98-108]. Если учесть, что в те же дни Солженицын работал не только над художественными произведениями, но и над «Телёнком», становится ясна причина многих тек-

стовых совпадений двух книг. Литераторы жили в одном доме, читали друг другу написанное, корректировали собственную позицию с учётом восприятия событий единомышленником и другом. Результатом стало создание взаимодополняющих друг друга текстов.

Их близость обнаруживается на уровне жанровых определений: «очерк литературных нравов» – у Чуковской, «очерки литературной жизни» – у Солженицына. Обращение к литературно-публицистическим жанрам свидетельствует о стремлении обоих писателей представить картину нравственного и гражданского состояния литературной среды, вскрыть основные тенденции развития общественной жизни на примере одного из её социальных срезов.

Общность задач, единство жанра определили схожую картину мира и человека. Союз писателей представлен как микромодель социума, с жёсткой иерархической вертикалью: его возглавляет чиновно-бюрократический аппарат, выхолащивающий из организации дух творчества, невозможный, по мнению обоих авторов, без свободы слова и самовыражения. Истинный писатель, по справедливому убеждению Солженицына и Чуковской, руководствуется в художественной деятельности и гражданских акциях ответственностью за судьбу страны. Именно она не позволяет оставаться безучастными к участи преследуемых нонконформистов, толкает на активное противодействие бесчинствам режима. Чуковская: «Приблизительно после 1962 года я отчётливо поняла, что завязалась борьба, как всякая борьба в нашей стране, почти без звука, в шапке-невидимке. И такая, к которой арифметика неприменима, разве что статистика смертей» [7, 24]. Солженицын о своём письме 4 съезду писателей: «Уж кажется – боссов нашей литературы и боссов идеологии я ли не понимал? И всё-таки недооценил их ничтожества и нерешительности: я боялся разослать письмо слишком рано, дать им подготовить контрудар <...>. А боссы – молчали гробово. И так у меня сложилось ощущение неожиданной и даже разгромной победы!» [5, 182-183].

Общность мировоззренческой позиции определила использование одних и тех же приёмов поэтики. Рассказ о собственных издательских злоключениях (у Чуковской – о попытках издания повести «Софья Петровна», у Солженицына – перипетии с распространением в сам– и тамиздате его романов) составляют фабульную основу книг. Главная тема – несостоявшееся исключение писателей из литературного процесса, шире – культуры и социальной жизни своей страны. Кто истинные творцы искусства слова – чиновники из СП или изгоняемые из организации писатели? Ответ обоих авторов однозначен: подлинная литература неподцензурна, она творится в сам– и тамиздате. Солженицын: «Сперва решили замолчать меня <..>. Но уже шла эпоха Самиздата, и мои книги растекались по стране, потом уходили и за границу. Замолчать – не вышло» [5, 564]. Чуковская: «...мои работы <..>, недолго побыв в Самиздате, одни самостийно, другие по моей воле пересекли границу нашей родины и вернулись домой в глянцевитом обличье Тамиздата» [7, 94]. Незавершённость противостояния художников и власти определила открытые финалы книг: победа правды над ложью, свободы слова над её душителями, в чём не сомневаются оба, ещё впереди.

Жанровая модель обоих текстов может быть охарактеризована как синтетичная: воспоминания облечены в форму очерка, дополнены фрагментами, стилизованными под судебную хронику (у Чуковской – сцены исключения её и других нонконформистов из СП [7; 54-77, 137-140], у Солженицына – обсуждение «Ракового корпуса» в Секретариате СП [5, 188-193], снабжены документами – письмами коллег и рядовых советских граждан, фрагментами из статей и проч. Солженицын включает в Приложения к «Телёнку» статью Чуковской «Прорыв немоты» [5, 615-617], приводит её поздравительную телеграмму в связи с пятидесятилетием, она цитирует его письмо-протест против исключения её и Войновича из СП [7, 105], воспроизводит обширные цитаты из обращения Солженицына к 4 съезду писателей и проч. Все события хронологизированы (указаны точные даты, время и место действия), что усиливает ощущение документальности прозы.

Повествуя о днях накануне ареста (начало января 1974 года), Солженицын пишет: «В тот первый вечер затевали и больше, чем звонки (речь идёт о телефонных звонках с угрозами в адрес хозяев дачи и гостя. – Е. С.), – кажется, народный гнев: какие-то лица созваны были во двор, и сюда же стянуто несколько десятков милиционеров – охранять [5, 419]. Одна из статей Чуковской, посвящённая травле инакомыслящих, в том числе и Солженицына, называлась «Гнев народа» (1973 г.). Перекличка с репликой Солженицына в «Телёнке» неслучайна.

Как видим, взаимоцитирование – частотный элемент книг. Оно усиливает в читательском восприятии эффект единого текста, подкреплённый и другими деталями: называя себя «писателем-подпольщиком» [5, 6], Солженицын выстраивает свою литературную родословную с учётом традиций революционной демократической литературы. А. Герцен, любимый автор Чуковской, многократно цитируемый ею в воспоминаниях и статьях, входит в генерацию литературных наставников писателя, упомянутых в «Телёнке». Единым критерием оценки руководствуются они при осмыслении значимости художествен-

ных явлений современности. Главное – правда о времени и человеке, полная, обличительная, беспощадная. Например, позиция Твардовского в оценке сталинизма кажется обоим недостаточно принципиальной. У Солженицына о поэме «По праву памяти» читаем: «Для 1969-го года, Александр Трифонович, – мало! слабо! робко!» [5, 265]. Чуковская оценивает строки из поэмы «За далью-даль», посвящённые культу личности: «Да, всё, что с нами было, – было!» – как неудачные, неглубокие: «Они ниже Твардовского» [7, 15].

Как видим, воспоминания Чуковской и Солженицына, дополняя друг друга, создают единый метатекст, отражающий тезаурус диссидентства. Всякий раз в источнике можно обнаружить опору автора на текст-посредник: для Солженицына им был архаический миф о культурном герое, для Чуковской – книга Солженицына, давшая поколению диссидентов модель художественного осмысления личной биографии в контексте общенародной судьбы, истории персонального противостояния власти как типичной для всякого художника и гражданина, руководствующегося в творчестве и жизни законами правды и совести.

Очевидно, что писатели работали для «своей» аудитории – читателей, знакомых не только с одним текстом конкретного автора, а со всем литературным корпусом самиздата. Показательна, например, следующая деталь в книге Чуковской. В эпизоде, стилизованном под протокольную запись собрания, исключавшего из СП поэта В. Корнилова, читаем: «Женское начало на этот раз представлено Марией Павловной Прилежаевой. Она сразу заявляет, что не читала ни единой строчки Корнилова и вообще, идя на Секретариат, ведать не ведала, кого будут исключать» [7, 138]. Этот эпизод «рифмуется» с записью суда над И. Бродским, сделанной Ф. Вигдоровой. В выступлениях свидетелей обвинения на том процессе (Логунов, Николаев, Ромашова, Денисов, Воеводин) рефреном звучали слова: «Я лично с Бродским не знаком» [6; 69, 70, 71, 73]. Делая эту фразу фактически первой в речи персонажей, бездумно осуждающих поэтов, Корнилова и Бродского, Чуковская и Вигдорова выражают одну мысль: травля нонконформистов, инициированная властью, была бы невозможна без рядовых исполнителей, готовых по приказу сверху уничтожить любого непокорного.

Текстовая перекличка разножанровых произведений, отделённых друг от друга порой десятилетиями, как материалы Вигдоровой и книга Чуковской (суд над Бродским состоялся в 1964 году, Корнилова исключили в 1977), красноречиво подтверждает «спаянность» литературно-публицистического творчества нонконформистов в единый метатекст.

Автобиографии и воспоминания – самые представительные жанры диссидентской литературы. Обращение к ним отражает общую тенденцию тех лет – расцвет мемуарной литературы. В советских изданиях 1960–1970-х годов только воспоминания представлены более сотней названий, в это число не входят публикации в литературно-художественных журналах. Мемуарный «бум» активно обсуждался критикой и стимулировался неослабевающим читательским интересом. «Люди. Годы. Жизнь» (1961 г.) И. Эренбурга или «Алмазный мой венец» (1979 г.) В. Катаева становились заметным явлением литературной жизни, вызывали острые споры профессионалов и подогревали интерес читателей к жанру воспоминаний.

В отличие от Эренбурга и Катаева, Солженицын, Чуковская, Марченко и Буковский не могли рассчитывать на широкое читательское внимание. Их мемуары не публиковались нигде, кроме сам– и тамиздата. В глазах массового читателя такого рода литература не представляла значимости хотя бы потому, что жизненный путь авторов – аресты, тюрьмы, ссылки и проч. – с точки зрения обыденного сознания иначе, чем катастрофическим, не назовёшь. Привлекательностью подобная судьба в глазах здравомыслящих обывателей обладать не может, а «рассказывание истории, – по справедливому замечанию Н. Козловой, – род действия, направленного на некий эффект. В самом факте повествования о себе присутствует желание повлиять на тех, кому рассказывают, убедить в своей правоте, соблазнить» [2, 439]. Однако творческий импульс диссидентов, взявшихся за написание воспоминаний и автобиографий, определяла та же убеждённость в историчности своей частной судьбы, что и у Эренбурга. Их книги утверждали в глазах «прогрессивной общественности» (типичный адресат диссидентов) новую нормативность личностного поведения, особого рода жизненную состоятельность: вместо социального благополучия – сопротивление режиму, вместо государственных наград – суды, ссылки и тюрьмы. Так литературная деятельность превращалась для диссидентов в способ самоутверждения. Рассказать историю своей жизни означало подтвердить легитимность выбранного жизненного пути, убедить читателя в правомочности личностной модели поведения, укрепить социальный статус. Литераторство становилось непременным фактом биографии, козырем в игре социальной мобильности.

Чаще всего тексты издавались на Западе: А. Марченко «Мои показания» (1969 г.) – в Мюнхене, А. Солженицын «Бодался телёнок с дубом» (1975 г.), Л. Чуковская «Процесс исключения» (1978 г.), В. Буковский «И возвраща-

ется ветер...» (1978 г.) – в Париже, П. Литвинов «Процесс четырёх» (1971 г.) – в Амстердаме и мн. др. «Обстоятельства места» имели значение. Опубликованная за границей книга узаконивала статус автора: это был несомненный успех не текста, а жизненной стратегии и всей судьбы, полной страданий и лишений. Кроме того, политическая власть на родине вынуждена была считаться с автором как с фигурой авторитетной на международной арене. Это зачастую облегчало, а иногда и спасало жизни авторам: во избежание очередного международного скандала диссидента было легче выслать из страны, чем сгноить в тюрьме или психбольнице. При большой степени вероятности очутиться в конце концов за границей публикации обеспечивали диссидентам неплохую стартовую площадку для социализации в новом культурном пространстве. Эту тактику, часто довольно успешную, избирали многие. Так литературная деятельность становилась гарантом победы диссидентов в стратегической и тактической игре с советской властью.

К 1970-м годам граница между официальной и контркультурой значительно укрепилась: из легальной среды в сам– и тамиздат попасть было можно, но проникнуть назад – чрезвычайно сложно. Это несколько изменило функции нелегально издаваемой продукции: эстетическая в ней не была определяющей. Главной для диссидентов являлась потребность рассказать правду о себе как представителе оболганного официальной прессой «сословия», утвердить правомочность собственного способа существования, дать возможным последователям образец для подражания, то есть на первое место выходили задачи информационного, воспитательно-образовательного и идеологического воздействия.

Без сомнения, внелитературными причинами не исчерпывалась мотивация диссидентов – авторов автобиографий и воспоминаний. Ими руководило острое личное переживание истории. Как и признанные, регулярно издающиеся литераторы, они ощущали себя деятельными участниками «великих событий», их творцами, а значит, полноправными толкователями и судьями. История как личное переживание, человек как конечная и начальная инстанция её – вот мировоззренческая позиция авторов воспоминаний, к какой бы среде они ни относились – официальной или контркультурной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильина Н. Печальные страницы // Октябрь – 1990. – № 10. – С. 129-142.

2. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Козлова. – М. : Изд-во «Европа», 2005. – 544 с.

3. Кондратович А. Новомирский дневник (1967-1970) / А. Кондратович. – М. : Советский писатель, 1991. – 528 с.

4. Лакшин В. Дневники и попутное // В. Лакшин Солженицын и колесо истории. – М. : Издат. дом «Вече», «АЗъ» (Знатнов). – 2008. – С. 192-424.

5. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни / А. Солженицын. – Париж : YMCA-PRESS, 1975. – 629 с.

6. Суд над И. Бродским (стенограмма) // Становление «второй культуры». Литературно-политические документы 1960–1970-х гг. Хрестоматия для вузов / сост. Е.Г. Серебрякова. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2009. – С. 58 -78.

7. Чуковская Л. Сочинения: в 2 т./ Л. Чуковская. М. : Гудьял-Пресс, 2000. – Т. 2. – 464 с.

Серебрякова Елена
Кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологи ФФП Воронежского государственного университета.

Serebryakova Elena
Voronezh State University, Candidate of Philology, Associated professor

УДК 81:572

РЕЧЕВОЙ МЕНТАЛИТЕТ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ)

© 2012 М.А. Серегина

Южный федеральный университет, Педагогический институт

Поступила в редакцию 20 октября 2011 г.

Аннотация: *в данной статье рассматривается семантико-прагматический уровень речевого менталитета русских и немцев на материале паремий. Для этого автор обращается к понятиям коллективного бессознательного и национально-культурного менталитета, предлагает классификацию мифологических структур и выявляет черты их совпадений и несовпадений на примере русских и немецких паремий.*

Ключевые слова: *речевой менталитет, мифологемы, паремии, семантика и прагматика, русские и немцы*

Abstract: *the article studies the semantic-pragmatic level of the Russian and German speech mentality on the paroimias material. For this the author appeals to the definitions of the human collective unconscious and the national-cultural mentality, proposes the mythologems structure classification and reveals their concurrence and nonoccurrence on the Russian and German paroimias material.*

Key-words: *speech mentality, mythologems, paroimia, semantic and pragmatic, Russian and German.*

Весь человеческий опыт хранится в памяти каждого человека в виде коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное – это хранилище латентных следов памяти всего духовного наследия человеческой эволюции в структуре мозга каждого индивидуума [1, 81]. Коллективное бессознательное проявляется в каждой нации по-своему на уровне речевого менталитета. Под речевым менталитетом понимается совокупность сложившихся речевых коллективных стереотипов. Такие стереотипы отражают особенности психологического, мыслительного и поведенческого восприятия представлений нации о мире и своем положении в нем [2, 153].

Лингвокультурным содержанием коллективного бессознательного и речевого менталитета народа являются мифологемы. Слово «мифологема» греческого происхождения (mythos – слово, речь, предание и legei – собирать воедино, говорить) и означает «повествование». Под мифологемой понимается целостный образ некоего повествования. В нем собрано воедино все, что общество знает о мире предков, а также о том, что было до них. Например, вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти и другие вопросы мироздания. Эта информация распределяется в мифологеме в виде бинарных оппозиций, которые противопоставлены друг другу (например, жизнь – смерть, добро – зло и т.д.). Одна часть мифологем всегда маркирована положительно, например, жизнь, добро, другая – отрицательно, например, смерть, зло. Но они не могут существовать друг без друга. Так, например, идея «добро» неотделима от идеи «зло», идея «хаос» – от идеи «порядок», идея «жизнь» – от идеи «смерть» и т.д.

Мифологема реализуется в виде паремий. В них в течение веков аккумулировались информация культурно-исторического характера, а также ценностно значимые представления человека о деятельности, отношение к миру и понимание основных категорий мира [3, 4].

В содержании паремиологических единиц русского и немецкого языков было выделено пять мифологем: хаос – порядок, жизнь – смерть, добро – зло, могущество – слабость и свой – чужой. Эти мифологемы – безусловные образцы, которые обросли историко-культурными деталями на основе жизненного опыта народа [4, 115].

Рассмотрим содержание мифологемы «хаос – порядок» и сопоставим ее реализацию в паремиях на материале русского и немецкого языков. Мифологема «хаос – порядок» осмысливается из противопоставления понятий «хаос» и «порядок» и их разноаспектного рассмотрения. Лингвистическая структура мифологемы включает, во-первых, стержневой семантический признак и, во-вторых, разветвленную систему дополнительных и уточняющих прагматических смыслов.

Стержневой семантический признак понятия «хаос» выводится из определения в толковом словаре. В нем «хаос» трактуется как полный беспо-

© М.А. Серегина, 2012

рядок, неразбериха [5, 1192]. Например, *Сыпь в суп всех круп, что-нибудь да получится*, *Die Unordnung ist ein teurer Hausgenosse* (Беспорядок – дорогой товарищ дома – пер. Серегиной М.А.[1]). Стержневой семантический признак понятия «порядок» также выводится из определения в толковом словаре. Он трактуется как систематичность, правильность в расположении чего-нибудь, в ходе дел [5, 758]. Например, *Вперед не забегай, а от своих не отставай*, *Ordnung hilft haushalten* (пер. Порядок помогает дом сохранить).

Эти стержневые признаки понятий «хаос» и «порядок» сопровождаются в паремиях речевыми признаками-спутниками, которые мы называем смысловыми маркерами. Под смысловыми маркерами мы понимаем кванты знания, которые можно реконструировать из анализа пропозиционального пространства паремий. Смысловые маркеры каждой мифологемной части можно рассматривать с точки зрения **семи подходов,** которые реализованы в мифологемах в разном количестве и качестве. К ним относятся: утилитарно-материалистический, нормативно-регулятивный, идеалистический, общественно значимый, временной, натуралистический и пространственно-территориальный подходы.

При утилитарно-материалистическом подходе дается характеристика человека и его бытия, которые связаны с материальным расчетом, эффективностью, производительностью, пользой и выгодой ***Бережливость*** *спорей барышей*; ***Sparsamkeit*** *erhält das Haus* (пер. Бережливость дом сберегает). При нормативно-регулятивном подходе учитываются правила жизнедеятельности человека, которые основаны на морали и нравственности ***Как*** *жили наши* ***отцы и деды, так и*** *нам велели*; ***Wie die Alten*** *sungen,* ***so*** *zwitschern* ***auch die Jungen*** (пер. Как старики пели, так и молодые щебечут). Идеалистический подход включает психологический уровень и рациональный уровень. Психологический уровень характеризует человеческие взаимоотношения ***И волки сыты,*** *и* ***овцы целы***; ***Der Wolf*** *wird* ***satt*** *und* ***das Lamm*** *bleibt* ***ganz*** (пер. Волк сыт и ягнёнок цел). К содержанию рационального уровня относятся научно-техническая, интеллектуальная и профессиональная составляющие, обучение и воспитание и получение практического опыта ***Ученье*** *– путь к* ***уменью***; ***bung*** *macht den* ***Meister*** (пер. Упражнение делает мастера). При общественно-значимом подходе речь идет о престиже, общественном положении, популярность, авторитетность ***Лучше*** *быть* ***первым на селе, чем последним в городе***, ***Besser der Erste im Dorf als der Letzte in der Stadt*** (пер. Лучше первым в деревне, чем последним в городе). Временной подход характеризует срок бытия и длительность существования ***Конец венчает дело***, ***Das Ende krönt das Werk*** (пер. Конец венчает дело). При натуралистическом подходе свое отражение находит окружающий мир, природа и ее стихии ***Одна ласточка весны не делает***, ***Eine Schwalbe macht*** *noch* ***keinen Sommer*** (пер. Одна ласточка ещё не делает лета). При пространственно-территориальном подходе указывается место функционирования человека в пределах его цивилизации *От мира отстал – сиротою стал.*

Рассмотренные семь подходов мифологемы «хаос – порядок» функционируют на уровне коллективного бессознательного. При этом реализуется семиологическое совпадение в русских и немецких паремиях. Но существуют и три вида несовпадений, которые связаны с национально-культурной спецификой: *синтактико-семантические, семантические и семантико-прагматические несовпадения.*

Семантико-прагматический вид несовпадений касается семантического и прагматического аспектов. Такая национально-культурная специфика проявляется на уровне функционирования, например, натуралистического и пространственно-территориального подходов мифологемы «хаос – порядок» в русском языке *С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь.* А в немецких паремиях натуралистический подход не представлен. У немцев не сложилось и, как следствие, не выразилось в паремиях отношения к воде, огню, ветру как неуправляемым стихиям, силе, которых нужно бояться и опасаться. Природа не преподносит там «сюрпризов» в виде экстремально холодной зимы и очень жаркого лета. Кроме того, в немецких паремиях не выявлен пространственно-территориальный подход. Это обусловлено, по нашему мнению, тремя причинами. Первая причина связана с очень ранним, по сравнению с русскими, разрушением сельскохозяйственной общины и введением надельного землепользования уже в 14 веке. Русская же община существовала вплоть до 1917 года [6]. Во-вторых, политически и духовно немецкий народ никогда не был един, а жил в раздробленном государстве, северная часть которого исповедует протестантизм, а южная – католицизм. Разделенность наблюдается и на языковом уровне в наличии множества диалектных вариантов немецкого языка. Третья причина кроется в том историческом факте, что немецкий народ был освобожден от крепостного права без земли. Крестьяне ходили работать на чужие земли батраками, в результате чего развивался индивидуализм, когда действует принцип «каждый сам за себя» -*Ein jeder leitet das Wasser auf seine eigene Mühle* (пер. Каждый льёт воду на свою собственную мельницу)*, Jeder ist sich selbst*

1. В данной статье автор предлагает свои буквальные переводы немецких паремий для лучшего понимания и восприятия материала.

der Nächste (пер. Каждый сам себе близкий), *Jeder sieht durch seine eigene Brille* (пер. Каждый видит сквозь свои собственные очки), *Jeder strecke sich nach seiner Decke* (пер. Каждый тянется за своим одеялом).

Второй вид несовпадений – **семантический**. Семантическое расхождение связано с несовпадением предметных образов *Ein alter Fuchs geht nicht zum zweiten Mal ins Garn* (пер. Старая лиса не попадает второй раз в силки). В русском языке есть паремия с похожим прагматическим смыслом о ценности опыта. Но она основана на другом предметном образе, а именно *Старого воробья на мякине не проведешь.* В рамках данного вида несовпадений можно привести в качестве примера и такие паремии, как *Wer den* ***Pfennig*** *nicht ehrt, ist des* ***Talers*** *nicht wert* (пер. Кто пфеннига не уважает, тот не достоин талера), ***Копейка рубль*** *бережет; Für einen* ***Gebildeten*** *gibt man zwei* ***Ungebildete*** (пер. За одного образованного дают двух необразованных), *За одного* ***битого*** *двух* ***небитых*** *дают*.

Третий вид несовпадений может быть назван **синтактико-семантическим.** Здесь и семантика, и предметные образы разные, не совпадают синтаксические модели, а прагматические смыслы общие. Например, в паремиях *Ein wirrer Kopf macht wirre Leute* (пер. Растрёпанная голова делает растрёпанных людей) и *Есть ворота, а он забор ломает* с точки зрения прагматического смысла речь идет о бестолковом человеке. Только в русской паремии данный прагматический смысл передается через лексемы «есть, ворота, забор, ломать» и личное местоимение «он», а в немецкой – «wirr, ein Kopf, machen, Leute». Разнятся и предметные образы «Kopf, Leute – голова, люди» в немецком языке и «ворота, забор» – в русском. Немецкая паремия представляет собой простое предложение с одной грамматической основой, а русская – составное с двумя грамматическими основами. Такой вид несовпадений имеет каждый из выделенных семи подходов мифологемы «хаос – порядок».

Таким образом, при анализе паремий мифологемы «хаос – порядок» были выявлены черты их полного совпадения на уровне обеих мифологемных частей и обоих языков в утилитарно-материалистическом и нормативно-регулятивном подходах. Это предопределяется, с нашей точки зрения, общностью и универсальностью народного мышления русских и немцев. Оно сохраняет архетипную структуру. Но наблюдаются и несовпадения. Они выявляются в семантико-прагматическом аспекте, когда не совпадают и семантика, и прагматические смыслы; на семантическом уровне, когда не совпадают семантика, но совпадают прагматические смыслы, а также в синтактико-семантическом аспекте при несовпадении синтактики и семантики и совпадении прагматических смыслов. Такие несовпадения обусловлены национально-культурной спецификой речевого менталитета изучаемых народов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Юнг К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М., 1994.

2. Серегина М.А. Структура менталитета как основа выявления национально-культурных стереотипов речевого поведения / М.А. Серегина // Личность, речь и юридическая практика: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Выпуск 10. – Ростов н/Д, 2007. – С. 144-150.

3. Кузьмина Е.А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности (на материале немецкого языка): Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Кузьмина. – Тамбов, 2002.

4. Лотман Ю.М. Литература и мифы / Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. Т. 1. – С. 115.

5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2004. – (БТС).

6. Романенко В.Б., Серёгин А.В. История государства и права зарубежных стран / В.Б. Романенко, А.В. Серёгин. – Ростов н/Д, 2009.

Южный федеральный университет, Педагогический институт. Серегина Марина Александровна, доцент кафедры лингвистики факультета лингвистики и словесности
E-mail: m.seregina@ rambler.ru

South Federal University, Pedagogical Institute
Seregina Marina Alexandrovna, docent of linguistics department

E-mail: m.seregina@ rambler.ru

УДК 821:111(091)

ОЧЕРК ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ЛОНДОНА ВРЕМЕН ОСКАРА УАЙЛЬДА

© 2012 А.В. Соснин

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики – Нижний Новгород

Поступила в редакцию 16 июля 2012 г.

Аннотация: *В статье дается обзор лондонской литературной жизни времен О. Уайльда. Представленный материал относится не столько к творчеству данного писателя, сколько к литературным особенностям поздневикторианской эпохи, рассматриваемым, тем не менее, сквозь призму его незаурядной личности. Статья выполнена в русле проводимого автором исследования лондонского текста английской литературы.*

Ключевые слова: *поздневикторианская литература, Оскар Уайльд, эстетизм, декаданс, лондонский текст.*

Abstract: *The article offers a general survey of London's literary life in the time of Oscar Wilde. It is not essentially about this writer, but rather provides an insight into the characteristic features of the late Victorian epoch, which is looked upon in the light of Wilde's charismatic personality. The article has been written within the scope of the author's broader studies of the London text of the English literature.*

Keywords: *late Victorian literature; Oscar Wilde; aestheticism; decadence; London text.*

Исследование основных составляющих английскости, установление наиболее важных, вековых характеристик англичан и Лондона как образующего фактора английской цивилизации невозможно без обращения к «лондонскому тексту», который эмпирически обобщает произведения, в которых фигурирует английская столица. Понятие городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и новые эстетические реалии XX века. Под городским текстом в литературоведении понимается комплекс образов, мотивов и сюжетов, который воплощает модель городского бытия как специфического феномена культуры. Наиболее полно проблема исследования структуры городского текста была поставлена в статьях В. Н. Топорова [1] и Ю. М. Лотмана [2]. Само понятие «городской текст» было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В. Н. Топоровым в 1973 г. в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления» [3], в которой говорится о том, что город имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания.

При анализе конкретных текстов, входящих в лондонский текст, нельзя не отметить существенную близость описаний Лондона у различных авторов – вплоть до дословных совпадений, которые не только не скрываются, но даже как бы «афишируются». Такая метатекстовая игра, возможно, объясняется тем, что Лондон как сакральный объект, обладающий аксиологической сверхценностью, крайне настоятельно имплицирует свои собственные описания [ср. 4], зачастую ограничивая авторскую свободу выбора (то же на уровне восприятия: в любом месте такого огромного и многообразного мегаполиса, как Лондон, он остается узнаваемым по каким-то невидимым вехам, изотопическим признакам, он все равно «прочитывается» как Лондон благодаря некоторой сквозной бытийной метафоре). Это будет продемонстрировано в настоящей статье, которая написана в непринужденной форме очерка.

В статье также будет говориться о прецедентности, литературной значимости лондонских топонимов и социокультурных реалий поздневикторианской эпохи – времени, когда в литературе царил гений О. Уайльда. Так, исследуя город / читая текст человек устанавливает в кратковременной памяти непосредственные связи между объектами городского ландшафта / единицами прочитанной информации и делает логические и ассоциативные умозаключения. При дальнейшем исследовании / чтении построенные гипотезы получают развитие или опровержение. В семантической памяти каждое понятие связано с другими понятиями, поэтому активизация в сознании одного из них вызывает цепную реакцию ассоциаций. Этот процесс продолжается до тех пор, пока

© А.В. Соснин, 2012

дальнейшая активизация соседних пропозиций не представится нерелевантной. Подобно гипертексту, город становится лабиринтом с множеством входов и выходов, и, блуждая по нему, человек может оказаться очень далеко от отправной точки в познании / интерпретации города.

Через Лондон, топографию его улиц раскрываются биография и творчество писателей-лондонистов. С другой стороны, в контексте этого творчества топонимы приобретают новые созначения, т.е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются.

Наконец, статья призвана показать, что Лондон предстает колыбелью и моделью общеанглийских процессов: в нем воплощен английский человек, Англия и весь цивилизованный мир.

Английские критики утверждали, что представители высшего общества не читают ничего, кроме дешевых новелл, тем самым лишая себя огромного удовольствия, хотя отказывать себе в чем-либо совсем на них не похоже. По замечанию известного журналиста и эссеиста Уолтера Бэджота, «значительная часть «лучших» англичан предпочитала пребывать в состоянии тупоумия, так подобающего их положению в обществе» [5, 60].

О. Уайльд прекрасно понимал, что путь, по которому шло развитие английского романа, напрямую зависел от предпочтений среднего класса и растущего в его среде спроса на развлечения. Это было очевидно из всеобщей увлеченности натуралистическими романами Джорджа Гиссинга, вдохновленными Эмилем Золя и переносящими читателей из уютных гостиных в мир лишений и нищеты. Уайльд считал, что в подобных романах совершенно отсутствует изящество и художественная форма. Он писал: «Мы стали свидетелями того, как зарождается новое литературное течение; отрицать это было бы несправедливо. У этого течения нет корней на английской почве, и в нем не берутся за основу принципы английских художников слова. Его суть можно охарактеризовать как парижский реализм, подвергшийся очистительному, рафинирующему влиянию Бостона[1]. Его цель – анализ, а не действие, психология берет в нем верх над страстью, и все искусно описывается лишь в этом ключе. Как банально!» [7, 261]

По мере роста среднего класса росло и число газет и журналов – особенно небольших литературных журналов, выходивших в книжном формате. Появлялось все больше издательств, книжных магазинов, газетных киосков на вокзалах; росла армия литераторов и критиков, и общий объем печатной продукции стремительно увеличивался. Полное собрание сочинений Джона Рёскина вышло в 39 увесистых томах; у шотландской писательницы Маргарет Олифант, пользовавшейся невероятной популярностью, было опубликовано более 120 книг, включая исторические романы, путеводители, биографии и литературную критику. Росло число библиотек. Многие посещали их для того, чтобы провести хотя бы некоторое время в тишине читального зала – подальше от кошмара переполненных лондонских домов.

Диапазон выходивших в Лондоне газет был необыкновенно широк: от консервативных и респектабельных изданий до продукции, которая в 1895 г. стала именоваться «желтой прессой». Своим появлением этот термин обязан Желтому малышу (*Yellow Kid*) – известному персонажу комиксов, которые в этом году впервые стали печататься в одной нью-йоркской газете в цвете.

Желтый цвет еще ассоциировался с обложками популярных французских романов, непременно считавшихся безнравственными и декадентскими. Поэтому, когда Генри Гарланд и Обри Бердслей основали в 1894 г. иллюстрированный литературный журнал, он получил название «Желтая книга» (*The Yellow Book*). Журнал выходил раз в три месяца и просуществовал до 1898 г. Оскар Уайльд, впрочем, недолюбливал «Желтую книгу» и никогда для нее не писал, хотя с Бердслеем дружил давно. Любопытно, что в 1895 г., когда Уайльда арестовали, газеты сообщили, что, отправляясь в тюрьму, он взял с собой перчатки, трость и «Йеллоу бук» – «Желтую книгу». В типографии допустили ошибку: репортер, присутствующий при аресте в отеле Кадоген, написал, что это была «*a* yellow book», т.е. *какая-то* книга желтого цвета, а не журнал «*The* Yellow Book». Оскар Уайльд, кстати, взял с собой «Афродиту» Пьера Люи, но возмущенные толпы направились к редакции журнала и побили там все стекла, требуя его закрыть. Волна общественного возмущения обрушилась и на самого Бердслея, автора эротических рисунков в «Желтой книге». Ему пришлось перейти в журнал «Савой».

В Лондоне вообще выходило много литературных журналов. Помимо известных и влиятельных «Сэтэди-ревью» и «Вэнити-фэр», были еще такие небольшие издания, как «Скетч», «Пэлл-Мэлл-баджет», «Октопус», «Пик-ми-ап» и десятки других. В них начинали свою карьеру практически все сколь-нибудь значимые английские поэты, романисты и критики того времени. Литературные журналы пользовались у образованных представителей среднего класса большой популярностью, поскольку, по словам американского исследователя викторианской эпохи Ричарда Олтика, «материал в них преподносился в се-

1. В Бостоне и его окрестностях преобладала английская литературная традиция, поскольку Новая Англия во всех отношениях тяготела к Великобритании. Здесь еще было живо наследие Александра Попа, а романтизм носил подражательный характер [6, 343].

рьезной, но не навязчивой манере, отличавшейся изысканностью, а не излишним остроумием или намеренной сенсационностью» [5, 68]. Литературные журналы были важны еще и тем, что в них по частям печатались крупные произведения. Так, целых три романа Энтони Троллопа сначала публиковались в «Фортнайтли-ревью» и лишь потом вышли отдельными книгами; «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда впервые шокировал критиков со страниц ежемесячного журнала Липпинкотта.

Редакции и типографии практически всех лондонских периодических изданий располагались на Флит-стрит. Домой газеты, как правило, не доставлялись, и поэтому мальчишки-газетчики, которые сновали между карет и повозок в час пик и выкрикивали газетные заголовки, были такой же неотъемлемой частью лондонских улиц, как и полицейские, которые никак не могли за ними уследить.

Книжные магазины в Лондоне были сосредоточены на Чаринг-кросс-роуд. Это был доходный и серьезный бизнес – настолько, что, прежде чем получить квалификацию продавца-специалиста, служащий должен был состоять на обучении целых четырнадцать лет. У покупателей наибольшим спросом пользовались желтые издания со скандальными новостями, любовные романы и детективы – в общем, все, что щекотало нервы, – от «ужасов за пенни» (*penny dreadfuls*) до «сенсаций за шиллинг» (*shilling shockers*). Более искушенная публика увлекалась сентиментальными и приключенческими романами, написанными изящным языком в духе Марии Корелли, любимой писательницы королевы. На Стрэнде и Холиуэлл-стрит можно было приобрести эротическую литературу.

Книгами Британскую империю снабжали ведущие лондонские издательства, такие как «Макмиллан». Они в основном специализировались на учебной и классической литературе. Когда О. Уайльд учился в Оксфорде, он безуспешно предлагал «Макмиллану» свои услуги по переводу с древнегреческого. Владельцы ряда небольших издательств дерзко заявляли, что прибыль их не интересует и служат они чистому искусству. Уильям Моррис, например, основал «Кельмскотт-пресс». Уайльд сотрудничал с издательством «Бодлейхед», в котором опубликовал свою «Саломею».

Толчком к эволюции английского романа послужил отказ от старого формата издания в два или три тома. Это было неудобно, дорого, и читателям приходилось подолгу ждать книги в библиотеках. Новый роман стал печататься в одном томе ценой шесть шиллингов, и авторам пришлось ориентироваться именно на этот формат. Благодаря этому продажи книг резко возросли.

Старый формат ассоциировался с устаревшими средневикторианскими принципами. Если вспомнить, то в 1843 г. Томас Карлейль поместил на титульный лист своего исторического труда «Прошлое и настоящее» цитату из «Валленштейна» Шиллера: «Ernst ist das Leben» («Жизнь сумрачна», досл. «серьезна»). В 42 главе романа Диккенса «Дэвид Копперфильд», написанного семью годами позднее, главный герой высказывает убеждение, что «ничто не может заменить пылкую, непоколебимую настойчивость» [8, 202] (досл. «серьезность»: *there is no substitute for thorough-going, ardent, and sincere earnestness* [9]). В конце XIX века такие моральные принципы уже казались безнадежно устаревшими, гнетущими и попросту нелепыми. В 1895 г. Оскар Уайльд открыто посмеялся над ними, дав своей новой пьесе название «Как важно быть серьезным» и указав, что это «легкомысленная комедия для серьезных людей». И совсем неслучайно Сэмюэл Батлер называет героя своего романа «Путем всея плоти» (1903) Эрнестом (*Ernest*; *earnest* – «серьезный»): ведь это недалекий человек с сомнительными моральными устоями. К 1880-м годам, когда Батлер начинал работать над своим романом, викторианская добродетель «серьезности» или целостности, предполагавшая строгость нравов, религиозную ортодоксальность, сдержанность во всем и твердую веру в личное и историческое развитие, перестала быть непререкаемой истиной и уступила место более глубокой, все ставящей под вопрос «серьезности» [10, 465].

Хотя царствование королевы Виктории, воплощавшей незыблемую добродетель, продлилось до января 1901 г. и хотя его последние годы, как писали в патриотически настроенной прессе, стали апогеем славы и величия Британской империи, викторианские ценности, убеждения и социальные конвенции стали активно, зачастую резко оспариваться новым поколением писателей-интеллектуалов. Литература последних двадцати лет XIX века, безусловно, характеризуется полифоничностью, но ее «цементирует» стремление пересмотреть литературные предпосылки 1850 и 60-х годов и выработать новые критерии, основанные на освобождении личности и эволюционном развитии общества. Если авторы первых двух третей XIX века только еще пытались постичь в своем творчестве крайне усложнившуюся жизнь во всем многообразии ее проявлений, найти в нем место для множества противоречивых убеждений и доктрин, то их коллеги конца века критически пересматривают эти идеи и ищут параллели в современной научной мысли, которая служит для них источником вдохновения. Однако выводы, к которым они приходят, нередко их пугают. Когда Тэсс Дарбейфилд наивно рассказывает Энджелу Клэру о своих безотчетных страхах перед жизнью, тот замечает, что «в бесхитростных фразах <...> высказывала она чувства, какие, пожалуй,

являлись чувствами века – болезнью модернизма» [11]. В Англии «болезнь модернизма» не привела к появлению новых литературных форм, однако формы существующие пришлось адаптировать, с тем чтобы отчетливее выразить всеобщее ощущение беспокойства.

Время перемен – это всегда время сожалений об ушедшей эпохе. Несмотря на то что в Лондоне все большее распространение получают электричество и телефон, своим обликом он отсылает к прошлому: в архитектуре господствует неоготика и псевдостиль королевы Анны. В готическом стиле выполнена каменная облицовка башен Тауэрского моста, хотя построен он был примерно в одно время с Эйфелевой башней и может похвастаться не менее сложной металлической конструкцией.

В Лондоне появляется общество по защите старинных зданий. Его основывает Уильям Моррис. В английской старине, в средневековье он черпает вдохновение для своих «искусств и ремёсел» и для своих стихов. Другие поэты и писатели тоже нередко оглядываются назад, надеясь найти в прошлом нечто большее, чем утонченность нравов, романтическую атмосферу, рафинированную красоту и высокую добродетель (или изысканную развращенность). Материализм и технический прогресс повергали в ужас придворного поэта Альфреда Теннисона, и, хотя тревоги конца века в его творчестве отражены, он всегда хотел о них забыть, уходя в работу над своими «Королевскими идиллиями» и погружаясь в романтически-возвышенную атмосферу времен короля Артура и рыцарей круглого стола.

После смерти Теннисона все ожидали, что следующим придворным поэтом станет Алджернон Чарльз Суинбэрн. Однако выяснилось, что в молодости он вел весьма фривольный образ жизни, и, выждав подобающее время, королева назначила вместо него Альфреда Остина.

Глубокое переосмысление романтических образов прошлого находим в творчестве Роберта Браунинга: они выходят у него печальными и мрачными. Популярность Браунинга была ничуть не меньше, чем у придворного поэта. В 1884 г. в Англии насчитывалось 22 общества, объединяющих его почитателей. Однако некоторые из его поклонниц были очень легкомысленны: когда общество Р. Браунинга в кембриджском колледже Гэртон было распущено, то, по сообщению в альманахе «Академия», входящие в его состав студентки не только единогласно проголосовали за то, чтобы оставшиеся средства потратить на шоколад, но сразу же его купили и съели! [12, 200]

Но не воспоминаниями о прошлом, а гордостью за славное настоящее питается британский дух. Империю, над которой никогда не заходит солнце, воспел в своих стихах Редьярд Киплинг. Однако не все так безоблачно над Британией: Киплинг подвел своих современников к осознанию имперских обязательств, «бремени белого человека». Он же первый в «Отпустительной молитве»[2] предостерег нацию от гордыни и самодовольства – после того как в 1897 г. бриллиантовый юбилей правления королевы Виктории был отпразднован с непомерной пышностью: Тускнеют наши маяки, / И гибнет флот, сжимавший мир... / Дни нашей славы далеки, / Как Ниневия или Тир. / Бог Сил! Помилуй нас! – внемли, / Дабы забыть мы не смогли! (перевод О. Юрьева [13]).

Грядущие перемены предчувствуют и в лондонском литературном авангарде. Мироощущение его представителей в одинаковой мере пронизывают упаднические настроения конца века и восторженный оптимизм зарождающейся новой эпохи. Что может быть более декадентским, например, чем вызывающее заявление О. Уайльда в «Критике как художнике» (1891 г.) о том, что «грех есть существенный элемент прогресса» и что «без него мир начал бы загнивать, дряхлеть и обесцвечиваться»? [14] Впрочем, в том же году в эссе «Душа человека при социализме» Уайльд напишет уже об Иисусе Христе как о воплощении высшего индивидуализма – индивидуализма прогрессивного, не капиталистического. Это эссе серьезно восприняли даже наиболее скептически настроенные сторонники социализма в Англии.

Несмотря на готические мосты и тоску по временам короля Артура, поздние викторианцы отчетливо ощущают то, как они непохожи на предыдущие поколения. Словом «новый» демонстративно обозначается практически все, о чем пишут в литературных журналах: «новый дух», «новый юмор», «новый реализм», «новый гедонизм», «новый юнионизм», «новая драма» и «новые женщины». Многие из «новшеств» своей единственной целью имели эпатировать общественность – этим занимались и Оскар Уайльд, и Обри Бердслей, и эссеист Макс Бирбом – творческие люди безудержной, импульсивной натуры. В то же время, вниманием это явление обойти нельзя: это остроумная и изящная попытка вылечить общество от самодовольства, лицемерия и помпезности высокого викторианства. Отметим также, что оно имело коммерческий успех, и поэтому само было продуктом буржуазного общества, против которого оно создавалось. «Ничто, даже традиционная добродетель, не является», по словам английского поэта и критика Артура Саймонса, «более провинциальным, чем то, что принято считать пороком; желание же шокировать мещан свидетельствует о том, что вы сами из их среды» [15, 8].

2. В переводе О. Юрьева. В переводе К. Атаровой – «Последнее песнопение». Английское название – «Recessional».

Как свидетельствует английский журналист и писатель Холбрук Джексон, «в так называемых артистических кругах стало модным пить абсент и обсуждать вызываемые им видения. В арсенале этих дилетантов греха имелись и другие доселе невиданные субстанции, употреблять которые представлялось им делом романтическим. Поэтому, чтобы расширить свои ощущения за пределы обыденного сознания, они без разбору использовали самые различные стимуляторы и снотворные – от ладана, благовоний и духов до опия, гашиша и всех видов спиртного» [16, 127].

На лондонских эстетов опьяняющее действие могла производить поэзия. Алджернона Чарльза Суинбэрна можно было застать в мастерской одного из его друзей-художников декламирующим с содроганиями в голосе и теле свою «Итиль», «Фелис» или «Долорес» расположившимся полукругом почитателям его таланта, которые тоже пребывали в состоянии экстаза. В один из таких вечеров восторженные слушатели все как один упали на колени. Особенно неистовствовали молодые прерафаэлитки, и однажды на золотистые кудри поэта приземлился ни больше, ни меньше лавровый венок, ловко брошенный из публики прекрасной ручкой [17, 192-193].

В литературе конца века возникает новое отношение к Лондону и городу как таковому. По словам Холбрука Джексона, в 1890-е годы «Лондон и все искусственно созданное человеком получило у художников слова особый романтический ореол. Хотя поэты и не перестали писать на пасторальные темы, они нашли новый источник вдохновения в урбанистическом пейзаже: на улицах и площадях, в театрах и мюзик-холлах, в каменной кладке домов и плитах мостовой. Одиночество поэта больше не вдохновляет: он ждет муз на Стрэнде и Флит-стрит!» [16, 105] Так, в 1895 г. английский поэт французского происхождения Ричард Ле Гальен напишет «Балладу о Лондоне», открывающуюся известной строфой: «Ah, London! London! our delight, / Great flower that opens but at night, / Great City of the midnight sun, / Whose day begins when day is done». И далее: «Lamp after lamp against the sky / Opens a sudden beaming eye, / Leaping alight on either hand, / The iron lilies of the Strand» [18]. Само по себе восхищение Лондоном не было чем-то новым. Но впервые к нему добавилось преклонение перед прогрессом, техническим гением[3], масштабами урбанизации. Особое очарование теперь несут даже лондонская суета и темные стороны городской жизни.

Эту тенденцию подхватывают и в среде художников. Джеймс Уистлер, американский живописец и график, который большую часть жизни провел в Англии, в одной из своих лекций скажет следующие слова: «И когда по вечерам на берега Темзы спускается пелена тумана, придавая всему поэтический настрой, и бедные дома теряются на фоне темнеющего неба, и высокие трубы кажутся итальянскими кампанилами, а склады – дворцами, то кажется, что город как бы живет над землею и перед нами простирается сказочная страна» [20, 13]. Уайльд своеобразно развил эту идею, заявив, что настоящее искусство демонстрирует нам то, что у природы нет воображения, и что всякая неудача художника – это результат обращения к жизни и природе. Всячески поддерживаемый О. Бердслеем, Уайльд поднял против природы настоящий мятеж под девизом «Главная задача в жизни – быть как можно более искусственным».

В Лондоне этих лет литераторы часто встречаются на светских мероприятиях. Так, в 1889 г. американский издатель Дж. М. Стоддард пригласил на званый ужин Артура Конан Дойля, и тот был приятно удивлен, обнаружив среди гостей О. Уайльда. Эта встреча стала для Дойля знаковой: Уайльд очень благосклонно отозвался о его последнем романе «Приключения Михея Кларка», и под конец вечера оба писателя договорились о сотрудничестве с журналом Липпинкотта. Конан Дойль опубликует там повесть «Знак четырех», в которой во второй раз появится Шерлок Холмс, а Уайльд – роман «Портрет Дориана Грея».

В 1890 г. в попытке возродить литературную таверну XVIII века создается «Клуб рифмачей» (*Rhymers' Club*)[4], объединяющий около 12 поэтов-декадентов. Они обычно встречаются в пабе «Старый чеширский сыр» на Флит-стрит, но Уайльд приходит, только если встреча проходит у кого-нибудь дома. Участники выступают в алфавитном порядке, начиная, как правило, с Эрнеста Доусона и заканчивая Уильямом Батлером Йейтсом. Доусон часто посвящает свои стихи прекрасной Кинаре (ее на самом деле зовут Аделаида), дочери полякатрактирщика из Сохо, в которую он безнадежно и трогательно влюблен и с которой он каждую неделю целомудренно играет в карты.

3. Вспомним, как Р. Киплинг восторгался механизмами. Так, в поэме «Молитва Макэндрю» он одухотворенно говорит о паровой машине, как о живом существе (1894): «Басами поршни зазвучат, а помпы – чуть визгливо, / Эксцентрики заголосят и заскрежещут шкивы, / И передачи подадут свой глас в свой миг и час, / И вал – услышишь! – подпоет, в великий хор включась. / Вот это песня! В ней – напор, и слаженность, и сила. [...] Канон совместный – их и мой – в затверженном звучанье: / «Закон, Порядок, Служба, Долг, Надежность, Послушанье!» / Так их сработали навек, такую мысль внуша, – / Подумать может человек, что есть у них душа» [19].

4. Это относительно устоявшийся литературный термин. Однако правильнее было бы сказать «Клуб стихотворцев», т.к. слово «rhymer», в отличие от слова «рифмач» не несет столь сильной отрицательной коннотации.

Члены клуба ведут горячие споры о литературе. Как отметил Генри Джеймс в эссе «Искусство прозы», «искусство зиждется на дискуссии, на эксперименте, на любопытстве, на различии подходов, на обмене мнениями и на сравнении точек зрения; и можно с уверенностью заявить, что то время, в которое людям об искусстве сказать нечего, и свои предпочтения они высказать не способны, – это время скуки и отсутствия прогресса, каким бы славным оно ни было» [21].

Итак, несмотря на то что в Лондоне конца XIX века публиковалось много тривиального, сенсационного и эпатажного, настоящая литературная жизнь в нем била ключом, а ее участники смело ломали стереотипы и презирали условности и ханжескую мораль поздневикторианского периода. Но девяностые годы неожиданно подошли к концу. Как вспоминал У. Б. Йейтс, «в 1900 году все вдруг распрощались со своими высокими устремлениями и спустились с небес на землю. Больше никто не пил абсент с черным кофе, не сходил с ума, не кончал жизнь самоубийством, не становился католиком, а если такое и случалось, то я об этом и не вспомню» [22, xi]. В 1900 г. Генри Джеймс сбрил бороду и усы. В 1900 г. в Париже в изгнании умер Оскар Уайльд. В 1901 г. скончалась королева Виктория. Век ушел, а Лондон и английская литература изменились навсегда.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Труды по знаковым системам. – Вып. 18. – Тарту, 1984. – С. 3-29.
2. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Вып. 18. – Тарту, 1984. – С. 30-45.
3. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления / В. Н. Топоров // Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague-Paris, 1973.
4. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. М., 1983. – С. 227-284. – http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html
5. Altick, R. D. Victorian People and Ideas: A Companion for the Modern Reader of Victorian Literature / R. D. Altick. – New York: W. W. Norton & Co., 1973. – 476 p.
6. Макдауэлл Т. В Новой Англии / Т. Макдауэлл // Литературная история США (в 2-х томах). Под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т. Джонсона. – Том 1. – М. : «Прогресс», 1977. – С. 343-366.
7. Wilde, O. Literary and Other Notes / O. Wilde // The Complete Writings. Vol. 4. – New York : Nottingham, 1909. – 387 p.
8. Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим / Ч. Диккенс // Собрание сочинений в 30 т. – Том 16. – Пер. с англ. А. В. Кривцовой и Е. Ланна. – М. : Гос. изд-во художеств. л-ры, 1959. – 512 с.
9. Dickens, Ch. The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery (Which He Never Meant to Publish on Any Account) / Ch. Dickens. – 1850. –http://www.gutenberg.org/cache/epub/766/pg766.txt
10. Sanders, A. Late Victorian and Edwardian Literature 1880-1920 / A. Sanders // The Short Oxford History of English Literature. – 3rd Edition. – Oxford University Press, 2004. – Pp. 465-512.
11. Гарди. Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей / Т. Гарди // Пер. с англ. А. Кривцова. – М.: «Правда», 1983. – http://www.gramotey.com/
12. Academy: A Weekly Review of Literature, Science, and Art. – No. 29. – March 28, 1886. – 297 p.
13. Киплинг Р. Отпустительная молитва / Р. Киплинг. – 1897. – Пер. с англ. О. Юрьева. – http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/Kipling27.html
14. Критик как художник / О.Уайльд. – 1891. – Пер. с англ. А. Зверева. –http://lib.rus.ec/b/322728
15. Symons, A. The Symbolist Movement in Literature / A. Symons. – London : William Heinemann, 1899. – 176 p.
16. Jackson, G. H. The Eighteen Nineties: A Review of Art and Ideas at the Close of the Nineteenth Century / G. H. Jackson. – London : Grant Richards, 1923. – 547 p.
17. Anstey, F. London Music Halls / F. Anstey // Harper's New Monthly Magazine. – No. 82. – 1891. – Pp. 192-193.
18. Gallienne Le, R. A Ballad of London / R. Le Gallienne // Robert Louis Stevenson: An Elegy and Other Poems. – 1895. – http://www.bartleby.com/103/52.html
19. Kipling, R. McAndrew's Hymn / R. Kipling. – 1894. – http://www.kipling.org.uk/poems_mcandrew.htm
20. Whistler, J. A. M. The 1885 Lecture / J. A. M. Whistler // Ten O'Clock. –Portland ME, 1925. – Pp. 12-19.
21. James, H. The Art of Fiction / H. James // Longman's Magazine. – No. 4. –1884. – http://public.wsu.edu/~campbelld/amlit/artfiction.html
22. Yeats, W. B. Introduction to The Oxford Book of Modern Verse, 1892-1935 / W. B. Yeats. – Oxford : Clarendon Press, 1936. – Pp. v-xiv.

Соснин А.В., к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; докторант кафедры английской филологии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alexsosnin@mail.ru

Sosnin, A.V., PhD, associate professor, Dept. of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod; post-doctoral research fellow, Dept. of English Philology, Nizhny Novgorod Linguistics University
E-mail: alexsosnin@mail.ru

УДК821.161.1-93

СЮЖЕТ ИСПЫТАНИЯ ГЕРОЯ В ПОВЕСТЯХ А. ГАЙДАРА 1930-Х ГГ.

© 2012 Т.Н.Токарева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 сентября 2012 года

Аннотация: *В статье анализируются повести А. Гайдара 1930-х годов, разрабатывающие сюжет испытания героя, который вошел составной частью в сюжет детства писателя.*

Ключевые слова: *Образ детства, сюжет, новый герой, авторская позиция.*

Abstract: *The article analyzes the stories of 1930th by A. Gaydar, developing the plot of hero,s testing, which became an integral part of the plot of the writer,s childhood.*

Key words: *image of childhood, the plot, the new hero, the author,s position.*

В конце XX столетия русская советская литература стала предметом ожесточенных споров в первую очередь с позиций идеологических. Пафос разоблачения коснулся и детской литературы советского времени в первую очередь благодаря ее «воспитательному» акценту и той репутации, которая сложилась у нее в официальной советской критике. С той поры ситуация существенно изменилась, и в дискуссии, открытой журналом «Новое литературное обозрение» в начале 2000-х, уже констатируется непреложный факт, что «в советской России существовала великая детская литература» [1,279] . В этой же дискуссии были сформулированы ее ведущие проблемы – «исследование детской литературы как полноправной части литературного процесса в целом» и изучение ее поэтики, так как «недостаточно исследованы применительно к детской литературе такие ее аспекты, как сюжеты, конфликты, ценностные ориентации» [1,279].

А. Гайдар (псевдоним А.П. Голикова, 1904-1941) принадлежит к числу официально признанных основателей советской детской литературы. Его имя, как правило, упоминается в ряду с именами В. Маяковского, С. Маршака, К. Чуковского и др. Одного этого в 1990-е годы было достаточно, чтобы его произведения рассматривались по преимуществу с идеологических позиций как утверждение идей тоталитаризма в детской литературе. А между тем писатель решал не только идеологические, но и художественные, нравственные задачи.

Как полноправная часть литературного процесса детская литература не могла не откликаться на сюжеты времени, его конфликты, проблематику. Вместе с художниками, работавшими в «большой» советской литературе, А. Гайдар определял границы собственного мира, вырабатывал его аксиологию, искал своего героя, собственную творческую манеру.

Разумеется, произведения А. Гайдара, адресованные детской аудитории, несли на себе печать того, что еще В. Белинский назвал «планом воспитания». В них было целостное ощущение детства как особого времени человеческой жизни. Детский писатель должен был создать собственный образ детства. У Гайдара он был связан не только с общественными и педагогическими требованиями времени, но и с антропологическими представлениями автора, с его поисками человека нового, революционного времени. Мысль о будущем вполне естественно включена в поле зрения детского писателя, произведения которого обращены к наследникам дня сегодняшнего. Потому «план воспитания» в его произведениях связан с социальным, с теми проблемами, которыми жило общество в целом.

Дети в произведениях А. Гайдара, точно так же, как и взрослые, вовлечены в события гражданской войны, в классовое противостояние независимо от их желания. Игры детей революционного времени, их повседневная жизнь, связанная с решением бытовых проблем, делали их равноправными участниками нередко совсем не детских сюжетов.

В рассказе «Р.В.С.» ощущение опасности для того села, в котором живут главные герои рассказа, исходит от банды, бесчинствующей в местных лесах. «Крепок был атаман Козолуп. У него морщина поперек упрямого лба залегла изломом, а глаза из-под седоватых бровей посматривали тяжело. Угрюмый атаман! Хитер, как черт, атаман Левка. У него и конь смеется, оскаливая белые зубы, так же как и он сам. Жох

© Т.Н.Токарева, 2012

атаман!» [2,16]. Такая же опасность грозит Димке, его матери и брату от дезертира Головеня, который «злой, дерется».

В сознании Димки банда и Головень никак не вписываются в мирную жизнь деревни, где вечерами «огромным красноватым кругом» заходит солнце, «не торопясь, точно любуясь широким покоем отдыхающей земли». Этот покой контрастирует с тем, что происходит в деревне. Димка играет рядом с сараями, где когда-то расстреляли людей, а сейчас «как-то особенно тепло грело солнце, приятно пахла горько-сладкая полынь и спокойно жужжали шмели над ярко-красными головками широко раскинувшихся лопухов» [2,4]. Очень скоро мальчику придется убедиться в том, что в мире людей конфликты разрешаются не столь быстро и мирно, как в природе.

В заброшенном сарае Димка и Жиган находят раненого, жизнь которого теперь целиком зависит от них. Детская мечта о побеге от злого Головеня оборачивается необходимостью спасения реального человека, красного командира. И то обстоятельство, что командир скрывается в месте недавнего расстрела, что у Головеня есть оружие, а кругом бесчинствует банда, превращает рассказ о детских играх в повествование о росте личности. Писатель акцентирует внимание на внутренних качествах мальчишек, на их естественной тяге к добру, на желании помочь больному и слабому.

Участие мальчишек в противостоянии добра и зла оказывается действенным: Жиган приводит в деревню отряд красных бойцов, который спасает командира и реализует мечты ребят о будущем. Димка с матерью и младшим братом теперь сможет вернуться в Питер, к отцу, а Жиган отказывается от своей грозной клички, превращаясь в обыкновенного мальчика Ваську.

Исчерпывающе благополучный финал важен для сюжетов, с которыми работает А.Гайдар. Как народные сказки, произведения для детей должны, с его точки зрения, заканчиваться победой добра, восстановлением равновесия в мире. В произведениях А.Гайдара мальчишки и девчонки живут, казалось бы, своей детской жизнью, но решают очень «взрослые» задачи, безошибочно выбирая между добром и злом, между революцией и ее врагами. Обратим внимание на то, что писатель идеологизированным сюжетам советского времени придает морально-нравственный облик.

Но есть еще одна особенность, о которой следует сказать особо: дети в сюжетах А. Гайдара всегда очень активны. Они принимают решения самостоятельно, в ситуациях, когда они лишены практической поддержки взрослых. Помощь приходит тогда, когда главный бой со злом уже выигран.

Это одна из черт гайдаровской антропологии. Писатель верит в добрую природу человека. Истоком этой веры является мысль о человеке как родовом существе, находящемся в тесной связи с миром семьи и миром природы, рождающей образ детства как «золотой поры», времени естественного взросления.

Гайдаровский герой, стоящий в центре сюжета произведения, является главным средством обнаружения авторской позиции. Автор доверяет его выбору, детализирует мотивы его поступков. Помимо содержательно оценочной, герой выполняет сюжетообразующую роль, выступая организатором действия повести. Приключения героя, мальчишеские игры, драматические испытания, выпадающие на его долю, определяют основные сюжетные коллизии, складывающиеся в определенную типологию гайдаровского сюжета.

Исходная ситуация гайдаровских текстов, как правило, не исключительна. Фабульная острота повествования зависит от мировосприятия героя, от его психологической реакции на то или иное событие. Гайдаровские сюжеты обретают психологическую остроту, строясь как переживание героя. Его жизнь писатель понимает как движение, взросление. Это процесс непрерывный, а потому арсенал поэтических приемов А.Гайдара чрезвычайно широк. Если в повести «Школа» можно было говорить о формировании характера героя, если в повести «На графских развалинах» развитие действия определяла игра и приключения, то повести «Судьба барабанщика» (1939) и «Тимур и его команда» (1940) строятся вокруг сюжета испытания героя. Они принадлежат перу зрелого художника, уже определившего писательскую манеру. Известное сходство есть и в том, как выстраиваются отношения героя с миром.

Повесть «Судьба барабанщика» написана в нелегкие для страны годы. Ее герой, как это часто бывает в гайдаровских сюжетах, остается один, без попечения отца. Отметим, что роль отца в произведениях писателя чрезвычайно велика. Это всегда наставник, образец для подражания, защитник, идеальное воплощение справедливости и мужества. Однако эти его функции в известном смысле предполагаются, существуют гипотетически, так как отец, как правило, за пределами сюжета, а герой-мальчик оказывается один на один с жизненными испытаниями. Так строится сюжет в повести «Школа», нет отца рядом с Димкой («Р.В.С.»), арестован отец Сережки («Судьба барабанщика»), вне родительского дома Тимур («Тимур и его команда») и т.д. Привычного изображения семьи, в которой одномоментно существовали бы родители и дети, в произведениях А. Гайдара нет. Даже внешне безмятежные сюжеты рассказов «Голубая чашка» или «Чук и Гек» далеки от семейной идиллии.

В подобной сюжетной типологии нетрудно увидеть реализацию одной из особенностей советской литературы, осознанно уходящей от «семейственных страстей», «семейственных конфликтов». Герой советской литературы, как мы помним, реализовывал себя в общественных деяниях, в борьбе, в революционных испытаниях. И гайдаровские герои, по законам советской литературы, самостоятельно решают свои жизненные проблемы.

Характерно, что в последних повестях А. Гайдара главной становится мысль о войне. Война входит как тема (гражданская война и память о ней в «Судьбе барабанщика»), как ожидание войны, стоящей на пороге («Тимур и его команда»). Однако только внешней фиксации темы войны явно недостаточно. Обе повести написаны в годы, которые не могли не быть серьезнейшим моральным испытанием для писателя. Политический и нравственный климат в стране был далек от тех ожиданий, какие были реализованы для героев рассказа «Р.В.С.». «Это рассказ не о войне, но о делах суровых и опасных, не меньше, чем сама война» [3,91], – справедливо писал Гайдар о повести «Судьба барабанщика», рассказывая о нелегкой судьбе мальчика, нравственный опыт, вера которого подверглись совсем не детскому испытанию.

Ситуация, в которой оказался герой повести «Судьба барабанщика», исполнена исключительного драматизма. Отца мальчика Сережи, директора текстильного магазина, на пять лет сажают в тюрьму за растрату. Валентина, мачеха Сергея, выходит замуж за другого и вскоре уезжает с новым мужем отдыхать на Кавказ, оставив Сережу одного. Внешне бытовой сюжет в контексте тех лет, когда была написана повесть, действительно, был повествованием «о делах суровых и опасных» не только для героя, но и для автора.

Гайдар развертывает в повести по сути дела два сюжета. В первом мальчику предстояло разрешать бытовые проблемы: научиться тратить деньги, обеспечивать свою жизнь, отличать «плохих» людей от «хороших». Но в повести важен и глубинный слой сюжета. Он несет в себе не только отзвук арестов, ставших пугающе частым явлением реальной жизни советских людей, но и официально одобренных «шпионских», «вредительских» сюжетов произведений советской литературы предвоенных лет. И в этой связи судьба мальчика воспринимается не только борьбой за жизнь. С одной стороны, он должен противостоять жуликам и негодяям, с другой, оставаться верным легенде о судьбе барабанщика. Очевидна разноплановость этих сюжетных составляющих. И очень скоро оба эти сюжета сливаются в один – в борьбу мальчика за себя самого. Опорой в этой борьбе становится отец.

Память Сережи настойчиво выводит из бытового сюжета своего отца, формально осужденного за растрату: «Отец был хороший, – подумал я. – Он носил высокие сапоги, серую рубашку. Он сам колол дрова. Ел за обедом гречневую кашу и даже зимой распахивал окно, когда мимо нашего дома с песнями проходила Красная Армия» [4,270].

Кажется, в этой характеристике отца нет ничего, что могло бы убедить нас в том, что перед нами – настоящий герой, командир Красной Армии. Кроме одного – мальчик не разлюбил отца, попавшего в беду, помнит его песни, помнит то, чему он его учил. Так отец введен в сюжет барабанщика, одинокого, но не сломленного борца за правду.

«Это я... то есть это он, смелый, хороший мальчик, который крепко любил свою родину, опозоренный, одинокий, всеми покинутый, с опасностью для жизни подавал тревожные сигналы», с яростью и со слезами на глазах рассуждает Сергей, жалея незаслуженно забытого мальчика-барабанщика, французского героя, о котором он только что прочитал в библиотечной книге. Два сюжета сливаются в один, главный – Сережка остается барабанщиком, верным отцу, его идеалам, революции.

Основной конфликт повести состоит в противостоянии мальчика, его веры в себя, его стремления жить честно и открыто, несмотря на внешние обстоятельства.

«Так будь же все проклято! гневно вскричал я и ударил носком по серой каменной стене. Будь ты проклята, бормотал я, такая жизнь, когда человек должен всего бояться, как кролик, как заяц, как серая трусливая мышь! Я не хочу так! Я хочу жить, как живут все, как живет Славка, который может спокойно... отвечать на все вопросы и глядеть людям в глаза прямо и открыто, не шарахаться и чуть не падать на землю от каждого их неожиданного слова и движения» [4, 332].

В контексте 1939 года такой текст имел совсем не бытовой смысл, а самое главное – не мог быть решен силами героя, как это было в ранних произведениях писателя. Жизнь предлагала сюжет, выход из которого не укладывался в литературные стандарты. Освобождение отца в финале повести уже не выглядит прежним гайдаровским happy end'ом, утверждавшим веру героев в справедливое мироустройство. Герой повести «Судьба барабанщика» выдержал предложенное жизненными обстоятельствами испытание, но посеял сомнение в безусловности победы добра.

Главная книга А. Гайдара, безусловно, – повесть «Тимур и его команда». Написанная накануне Великой Отечественной войны, она несет на себе печать и настроений, и идеологии тех лет. Современному школьнику трудно объяснить

высокий авторитет армии в глазах мальчишки предвоенного времени, а гайдаровский Тимур ощущает себя ее помощником, на границе добра и зла, в готовности защищать тех, кому нужна его помощь. Он тот «смелый, хороший мальчик, который крепко любил свою родину» и на которого равнялся Сережка.

Название повести А. Гайдара очень точно характеризует сюжет и героев произведения: в центре повествования Тимур, а уж затем возникает его команда. Вместе с тем и Тимур, и команда характеризуются не с точки зрения их нравственных качеств, но делами и поступками. Действенный характер повести подчеркнут сразу: девочка Женя, типичная «дачница», городская жительница, попадает в новую для нее обстановку. Начало повести выстраивается как расследование Жени, поиск ею ответов на целый ряд вопросов, возникающий у любопытной городской девочки.

Как и в большинстве гайдаровских произведений, Женя показана вне семьи, порученная попечению старшей сестры Ольги. Нравственным центром гайдаровского мира всегда являлся мужчина, командир. В последней гайдаровской повести такой герой тоже есть. Это отец Ольги и Жени, «командир бронедивизиона полковник Александров»: его оценки всегда справедливы, поступки безупречны, а приезд всегда праздник и награда. Однако истинным творцом добра в последней повести становится тринадцатилетний подросток Тимур, превративший игры своих товарищей в действенную помощь тем, кто в ней нуждается.

Появление Тимура в повести таинственно, в духе той игры, которую ребята превращают в общеполезное дело. Его имя впервые появляется как подпись в записке, чудесным образом полученной Женей. Все ее беды разрешаются так, как сказано в записке Тимура, и Женя спрашивает сестру, кто такой Тимур. «...это один царь такой, – намыливая себе лицо и руки, неохотно ответила Ольга, – злой, хромой, из средней истории» [5,119]. Старшая сестра сообщает сведения, известные всем советским школьникам [6,1340].

«А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто?» [5,119] – не унимается Женя, отыскивая разгадку таинственного имени и доброго поступка, не зная того, что присутствует при рождении мифа нового времени [1].

Загадка имени и таинственной игры, организованной Тимуром, образует внешний, приключенческий, занимательный сюжет повести. В нем происходят многие забавные вещи: бегает за упрямой козой босоногая девчонка, «седой джентльмен в нижнем белье» ранним утром с помощью двустволки отвоевывает одеяло у неведомого жулика, старуха-молочница обнаруживает неизвестно кем наполненную водой бочку, сами собой в аккуратную поленницу складываются только что привезенные дрова... В этой веселой кутерьме ребячьих каникул есть, однако, свой важный смысл. На калитках дачного поселка то там, то тут появляется условный знак – красная пятиконечная звезда, означающая, как объясняет Тимур Жене, «что из этого дома человек ушел в Красную Армию. И с этого времени этот дом находится под нашей охраной и защитой» [5,142].

Историей Тимура и его друзей А. Гайдар завершает разработку образа детства, начатую в ранних произведениях. Детство – часть общей картины мира, который гайдаровские мальчишки перестраивают для добра. В последней повести пионеры борются не с врагами и шпионами, а с тем, что мешает победить добру и справедливости. Почти все взрослые, с кем сталкиваются ребята, насторожены и недоверчивы. Старуха-молочница, например, обнаружив наполненную водой бочку, которая должна была быть пустой, не радуется, что ей не нужно носить тяжелые ведра, а тревожится: «Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха обошла бочку. Она опустила руку в воду и поднесла ее к носу. Потом побежала к крыльцу проверить, цел ли замок у двери. И, наконец, не зная, что и думать, она стала стучать в окно соседке» [5,146]. «Пожилой джентльмен, доктор Ф.Г. Колокольчиков», обнаружив «убегающее» одеяло, зажмурившись, все-таки стреляет из двустволки, Оля, Женина сестра, «с ненавистью» смотрит на незнакомого мальчишку и т.д.

Всеобщей подозрительности взрослых, их готовности к недоверию и вражде Тимур противопоставляет активное, деятельное добро, о котором не надо просить. Но в поляризованном мире, где есть Квакин и его «банда», помощь ребят адресна. Тимур объясняет Жене смысл своих поступков: «Это дача лейтенанта Павлова, которого недавно убили на границе. Тут живет его жена и та маленькая девочка, у которой добрый Гейка так и не добился, отчего она часто плачет. И если тебе случится, то сделай ей, Женя, что-нибудь хорошее.

Он сказал все это очень просто, но мурашки пробежали по груди и по рукам Жени, а вечер был теплый и даже душный» [5,143].

С позиции сегодняшнего дня нельзя не отметить поляризованность мира, в котором живет Тимур. В его представлении люди делятся на «наших» и «не наших», что и является для него эквивалентом антонимических пар «добрый»-«злой», «хороший»-«плохой». Мир детей в изображении А. Гайдара отражает поляризованный

1. Тимуровское движение. развернулось в СССР среди пионеров и школьников в нач. 1940-х гг. под влиянием повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда» // СЭС, с.1340.

мир взрослых, копирует его. На эту особенность художественного мира писателя не могли не обратить внимания советские исследователи. Не споря с их мнением, ибо поэтика гайдаровских произведений была продиктована именно таким авторским заданием, отметим лишь то обстоятельство, что ребята действуют самостоятельно, без мелочных наставлений со стороны взрослых. Им никто не подсказывает, в какой дом и к кому надо прийти на помощь. Более того, Тимур нарушает запрет дяди и пользуется его мотоциклом, чтобы Женя смогла увидеть отца. Для А. Гайдара такие оттенки в поведении его героев важны. Тимуровцы для него не исполнители, а активные, самостоятельные участники общей жизни. Возможно, поэтому «заорганизованное» тимуровское движение вылилось в реальной жизни в нечто совершенно противоположное замыслу писателя.

Последняя повесть А. Гайдара – довольно сдержанный и тревожный текст. В ней постоянно присутствует мысль о будущей войне. О ней напоминают и вполне реальные потери (погибший пограничник Павлов и его семья), ребячьи игры, где главным делом и обязанностью становится забота о семьях красноармейцев, кинематографически выстроенный финал, напомнивший, что А. Гайдар работал над киносценарием, из которого в конечном итоге выросла его лучшая повесть.

«Полковник Александров подходит к вагону и смотрит. Светает, но в тучах небо. Он берется за влажные поручни. Перед ним открывается тяжелая дверь.

<...>

Тяжелая стальная дверь с грохотом захлопывается за ним. Ровно, без

толчков, без лязга вся эта броневая громада трогается и плавно набирает

скорость. Проходит паровоз. Плывут орудийные башни. Москва остается позади.

Туман. Звезды гаснут. Светает» [5,211].

Строго говоря, эта сцена, формально не последняя в повести, исчерпывает сюжет испытания героя. Тимур, выступивший организатором активной помощи семьям красноармейцев, признан не только ребячьим лидером. Рукопожатие, которым с ним обменялся полковник, – важный смысловой акцент этого сюжета. У Тимура, спешно привезшего Женю в Москву, «было влажное, усталое лицо честно выполнившего свое дело рабочего человека». В контексте времени работы над повестью и поведение Тимура, и его облик внезапно повзрослевшего мальчишки воспринимались чрезвычайно остро. Гайдар создавал образ нового героя, сформировавшегося между двумя войнами – прошедшей гражданской, ставшей временем испытания отцов, и близящейся отечественной, основную тяжесть которой готовилось принять на свои плечи новое поколение. Тимур давал ему лицо и критерии оценки. Повесть стала смысловым и художественным завершением гайдаровской концепции нового человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Майофис М. Семиотика детства / М. Майофис, И. Кукулин. - М. : НЛО. – 2002. – № 58(6) - С. 279.

2. Там же.

3. Гайдар А.П. Дальние страны: повести и рассказы /А.П. Гайдар. – М. : Дрофа-Плюс,2007. – 240 с.

4. Гайдар А. Избранное /А. Гайдар.- М. : Просвещение,1983.- 400 с.

5. Гайдар А. Рассказы и повести /А. Гайдар.- М. : Астрель, 2008. - 317 с.

6. Советский энциклопедический словарь.- М. : Советская энциклопедия,1980.-1600 с.

Токарева Т.Н. Воронежский государственный университет. Соискатель кафедры русской литературы XX-XXI вв.
e-mail- ttreply@rambler.ru

Tokareva T.N.
Voronezh State University
Applicant of Department of the Russian literature of the XX-XXI centures.

УДК 821.161.1

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИРИКЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО (1926–1940)

© 2012 С.Р. Туманова

Аннотация: *В статье рассматриваются вопросы своеобразия изображения времени и пространства в довоенной лирике А.Т. Твардовского в отношении категорий смысла жизни и смерти.*

Прослеживается трансформация хронотопа как по отношению к эволюции мировоззрения поэта, так и в связи с противоречиями эпохи.

Ключевые слова: *время, пространство, смысл жизни и смерти, дом, дорога, мост, перевоз, вечность, бесконечность, малая родина, огромный мир.*

Annotation: *The article deals with the uniqueness of reflecting space and time in the pre-war lyric by Tvardovsky in the categories of meaning in life and death.*

The transformation can be traced as a chronotope in the evolution of the outlook of the poet as far as the contradictions of the epoch are concerned

Key words: *time, space, the meaning of life and death, home, road, bridge, ferry, eternity, infinity, small motherland, vast world.*

В рассматриваемый период в творчестве А.Т. Твардовского закладываются и начинают исподволь развиваться темы и мотивы будущего творчества. Как известно и многажды отмечено в работах исследователей творчества А.Т. Твардовского (Македонов А.В. «Творческий путь Твардовского: Дома и дороги» – М., 1981; Акаткин В.М. Ранний Твардовский: Проблемы становления. – Воронеж, 1989) главными стали мотивы места (дом, дорога, Родина, малая и большая) и времени (настоящее, прошедшее и будущее, память, вечность). Анализ этих и других мотивов по отношению к таким категориям, как смысл жизни и смысл смерти, даёт возможность под иным углом зрения взглянуть на уже известные мотивы и образы, которые глубже и ярче раскрывает их содержание.

Пространство и время как формы существования объективного мира с античных времён становятся объектами изучения многих наук. В литературоведении термин «хронотоп» впервые появляется в трудах М.М. Бахтина: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – «время-пространство»). В работах М.М. Бахтина на огромном историко-литературном материале доказывается, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов». «В литературно-художественном хронотопе, – пишет он – имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» (1).

Размышления известного философа и историка Михаила Гефтера о роли Времени и Пространства (именно так с заглавной буквы писал он эти слова, важнейшие в поэтическом дискурсе Твардовского: пространство – дом и дорога, сопряжённые со временем – памятью, сроками и мгновеньями) применительно к осознанию жизни России, её истории и политики приводят его к мыслям о влиянии хронотопа на отношение к жизни и смерти: «Тревожное отношение к потоку времени, несопоставимому с краткостью человеческого существования, и жажда охватить взором российские просторы, таящие в себе угрозу человеку, рождали общую тональность – и не только поэтического слова, но образности вообще, столь характерной для русского самосознания со времен Пушкина» (2).

Именно таковым оказывается хронотоп творчества Твардовского с его постоянными образами от малой родины («малый дом со мною»), избы, где он родился («из той избы»), и до простора всей страны, земли и далее – космоса.

На первом этапе творчества концепция времени у Твардовского складывается из многих компонентов. Желание сделать стихи

© С.Р. Туманова, 2012

интересными для «простых, не искушённых в литературном отношении людей» (3), работа селькором, потребность вырваться из ограниченного сельского быта – всё это способствует формированию устойчивого интереса Твардовского к современности. Поэтому в триединстве: прошлое, настоящее и будущее преобладает настоящее с отчётливым противопоставлением его прошлому и несомненной устремлённостью в будущее. Настоящее время доминирует на начальном этапе, однако в лирике Твардовского всегда выявляется трёхплановая конструкция, так как для его мировоззренческой позиции характерно «постижение мира в его закономерном природном и социальном развитии и включённости человека в историческое время», «понимание человека как творца истории, творца своего времени» (4).

Хронотоп ранней лирики Твардовского очевиден: смоленская деревня в зоне крутого перелома 20–30-х годов. Так возникает название сборника «Сельская хроника», в котором соединились пространство и время.

В центре «Сельской хроники» Твардовского (равно как и позднее «Фронтовой хроники», а также цикла «Из лирики этих лет», являющегося своего рода хроникой, но на новом витке развития лирической мысли Твардовского) – живое время, сегодняшний день.

Весь комплекс средств художественной выразительности поэзии Твардовского подчинён в это время изображению сегодняшнего дня. Повествовательность, сюжетность первых стихотворений Твардовского были обусловлены, в первую очередь, работой начинающего поэта как селькора, задачами, которые ставила перед ним газета – запечатлеть отдельные моменты из жизни новой советской деревни. Стихотворения этого времени наполнены деталями – приметами нового времени.

Характерно в этом смысле написанное шестнадцатилетним Твардовским стихотворение «Родное». Уже в нём можно проследить, как конкретно воплощается художественное время. В деталях, выписываемых поэтом, нет ничего личного, но они пронизаны спокойным, добрым чувством человека, осознающего себя хозяином земли. Отсюда в первых двух строфах стихотворения – признаки вечного, постоянного – это черты природы и крестьянского быта: «тягучий запах конопли», «тихий вид родной земли», «осенние сумерки», «затихнувшие сени, где пахнет залежью пеньки» (3, 1, 32).

Во второй строфе появляется формально настоящее время: «я вижу», «я иду», – говорит Твардовский, но пока ничто не указывает на конкретное историческое время.

В третьей строфе прозвучит первый намёк: «тихо светит в избе какой-то новый свет». Этот намёк постепенно раскрывается далее: «Крестьянская газета», которая содержит «ворох мужиковских дум» – это сугубо новое.

В пятой и шестой строфах будущее время выражено не просто глаголами будущего времени: «проскрипит», «закуёт», «придёт», а самим новым содержанием его: новое отношение к труду видим мы в словах «трудовой размах», «читальня». Будущее придёт на смену прошлому и настоящему так же, как «доклад продуманный застелет старинку тёмную в селе».

Таким образом, уже в одном из самых ранних стихотворений Твардовского проявляется присущее всей его лирике соединение настоящего с прошлым и будущим, и в этом триединстве – преобладание ощущения сегодняшнего дня, времени самого поэта. Стихи Твардовского этих начальных лет как бы захлёбываются от нахлынувшей новизны творящейся вокруг него жизни.

Пространство в этих стихотворениях, с одной стороны, близкое, понятное крестьянину, ограниченное крестьянским бытом – полоса, нива, гумно, сени, с другой стороны – огромно, и прежде всего потому, что «на душе простор-веселье, непочатый счастья край». (3, 1, 31). Простор в душе и простор для работы и дают ощущение счастья: «Я вдвойне тогда счастливый, если вволю потружусь» (3, 1, 31). Образ дороги пока ограничен пространством деревни и служит поэту для углубления антиномии старое-новое. Схема «старое-новое», выявленная главным образом как антиномия, используется Твардовским и при создании психологических портретов. Герои этих произведений заняты самым прозаическим трудом, который сам по себе является принадлежностью времени – настоящего времени. Однако просматриваются и исторические корни героев. Все они тесно связаны с прошлым. Их жизнь как бы делится надвое. Твардовский часто изучает своих героев в значимые моменты, на грани жизни и смерти, когда надо подвести итог прожитой жизни. Поразительно, что Твардовского в эти годы особенно привлекают старики. Что в этом? Желание приобщиться к их жизни, чтобы обогатиться опытом отцов и детей? Или начало более глубокого исследования вечных проблем жизни и смерти? Скорее всего, проистекает это из раннего осознания поэтом себя частью всего живущего на земле, а отсюда и внимание к людям, приближающимся к порогу вечности. Но, так или иначе, многие образы, которые разовьются впоследствии, берут начало в 20–30 е годы.

Так, стихотворение «Перевозчик» во многом симптоматично для раннего Твардовского. Ведь мотив перевоза станет одним их главных в его

творчестве, приобретая всё новые и новые оттенки – вплоть до образа последнего перевоза – смерти (цикл «Памяти матери»). Поэтому и образ перевозчика не прост, не однолинеен. Жизнь в прошлом, мы видим лишь её результат. Вечность в стихотворении символизирует природа. Вспомним близкое по времени стихотворение «Родная картина». Время как будто не движется, бесконечное пространство подчёркивает вечность природы. Так и здесь: между жизнью природы и жизнью человека нет прямой параллели, нет противопоставления, но есть внутреннее философское, глубинное сравнение. Протяжённость во времени передаётся замедленностью действия: «стада неторопливых волн» (3, 1, 38). И перевозчик, кажется, живёт вечно, но время идёт, и доказательством этому служит то, что он «как пена сед». И тогда возникает вопрос: в чём смысл жизни, в данном случае – долгой жизни одинокого человека? Нет у него ни внуков, ни своей избы, работа трудная, неблагодарная: «Всю жизнь он правил поперёк неустающего теченья». Да и люди не всегда правильно оценивают его труд: «А кто-то скажет: – То-то жизнь, малина – жизнь у перевоза...». И совсем ещё юный поэт задумывается над, казалось бы, чужой ему судьбой: а помощь людям разве не даёт права на память? «Тогда помянут ли добром, // Не говоря о лучшей славе» (3, 1, 38).

Итак, стихотворение о сегодняшнем дне никому не известного человека включает и воспоминания о его прошлой жизни, и размышления о будущей и уже посмертной его судьбе. Поэт говорит о самой главной силе в борьбе со смертью – о памяти, которая в его сознании будет играть главную роль, особенно в годы войны и первые послевоенные годы.

В стихотворении «Перевозчик» «стада неторопливых волн скрываются за поворотом», а он сам «живёт в землянке, как в колодце» – ограниченность пространства жизни перевозчика и огромность мира за поворотом создают противоречие между возможностями и реальной жизнью. Мотив перевоза станет одним из главных в творчестве Твардовского. В нём заложен, как ни странно, двоякий смысл. Он символизирует и абстрактный образ времени – переходные моменты в жизни и природы и человека, вплоть до последнего перевоза в цикле «Памяти матери», и образ места – дороги, которая всё время в движении (не случайна и сцена переправы в поэме «Страна Муравия»), и олицетворяет жизнь, которая невозможна без движения.

«Дорог израненные спины» в стихотворении «Родное» – это вековечное, крестьянское: в этом образе-олицетворении проявляется и жалость поэта к земле как к живому существу, и понимание родной земли и желание её обустроить. Манят поэта огоньки домов, и дорога очень скоро становится средством общения с внешним миром.

Ему тесно на хуторе, он рвётся в город. «Распутица и дождь дорогу удлиняют», почта запаздывает, а поэт торопится, «готов кричать я» (3, 1, 33), – записывает он в стихотворении «В глуши» свои ощущения. Распутица, образ которой постоянен в ранних стихах, скорее всего, имеет и второй план, дополнительное значение – распутица в жизни, особенно в жизни крестьянина. Забота о дороге звучит почти в каждом стихотворении: «до заморозков в город не пробиться», «утренник лёг на дорогу», «и только заморозок утра кладёт дорогу по грязи» (3, 1, 34). Долгожданна весна, она даёт возможность узнать «радость открытых ворот». И солнце «тянет большую тёплую весну», и птицы, прилетая «из синевы чужого края», тоже как бы расширяют пространство. «Куда ни глянь – открытые для взора, бегут поля в полосках межевых...» (3, 1, 36) – так в воображении поэта весь мир вокруг него приходит в движение, которое символизирует жизнь.

Среди прочих стихотворений этих лет выделяется, казалось бы, незамысловатое стихотворение из 12 строк.

«Думы о далёком» – так назвал его восемнадцатилетний Твардовский. Что же в его представлении это далёкое? «Как далёк, немыслимо далёк ровный край ячменя и картошки» (3, 1, 41) – а за ним «белый домик, белый городок». Слово «далёкий» имеет значение и времени, и места, мы говорим: «далёкое прошлое» или «далёкое будущее» и «далёкий город». Но если пространство в изображении поэта пока ограничивается «белым домиком» и «белым городком», то время безгранично, оно необычно измеряется пространством: «день, как море – полон и просторен». Есть в этом крошечном стихотворении и мысль о быстротечности времени, и постоянное для Твардовского желание остановить мгновение, и даже ощущение своей избранности, уверенности в себе в этом мире, в который вступает молодой поэт (В 1958 году эта же мысль прозвучит в стихотворении «Вся суть в одном-единственном завете»: «О том, что знаю лучше всех на свете, // Сказать хочу. И так, как я хочу»):

Никогда, никто мне повторит
Ни строкой, ни краской эту даль. (3, 1, 41)

Желание, с одной стороны, запечатлеть новый для него «белый городок» (Севастополь), закрепить в памяти разные места, с другой, желание остановить мгновение, закрепить в памяти родные места. Эти мысли перекликаются с дневниковой записью 1929 года: «Я должен поехать на родину, в Загорье, чтобы рассчитаться с ним навсегда. Я борюсь с природой, делая это со-

знательно, как необходимое в плане моего самоусовершенствования. Я должен увидеть Загорье, чтобы охладеть к нему, а не то ещё долго мне будут мерещиться и заполнять меня всяческие впечатления детства: берёзки, жёлтый песочек, мама и т.д.» (5). Однако если в ранние годы Твардовский стремился как можно быстрее отделаться от всего, что его связывало с прошлым, и связь с родными местами казалась чем-то мешающим его продвижению в большой мир, то в дневнике 43 года, после поездки на родину, появляется запись, которая как бы продолжает давние размышления в маленьком стихотворении 18-летнего поэта: «Не нашёл ни одной приметы того клочка земли, который, закрыв глаза, могу представить себе весь до пятнышка с пятачок и с которым связано всё лучшее, что есть во мне – поэтическая способность. Более того – это сам я как личность, эта связь всегда была дорога для меня и даже томительна.

Если так стерто и уничтожено все то, что отмечало мое пребывание на земле, что как-то выражало меня, то я становлюсь вдруг свободен от чего-то и не нужен. Но потом подумалось: именно поэтому я должен жить и делать свое дело. Никто, кроме меня, не воспроизведёт того неповторимого и сошедшего с лица земли мирка, который был и есть для меня и теперь, когда ничего от него не осталось. Да, пожалуй, только теперь я и в силах воспроизвести его правдиво и ясно» (6).

В весенней картине «Разлив Днепра» даже Днепр, который в Смоленске не очень широк и полноводен, у Твардовского огромен:

Широко разлился Днепр.
Ни конца, ни края нет. (3, 1, 60)

В статичную картину вторгается движение:
И пошли, пошли с верховья
На Смоленск плоты. (3, 1, 60)

Само название Смоленска, как известно, произошло от слова смола – здесь издавна смолили лодки, плоты и другие средства передвижения по воде. Повтор «пошли, пошли» передаёт и мощь самой реки, и силу человеческого труда, и скорость движения реки в половодье, и огромность пространства.

И ещё более крупно пространство в стихотворении «Путник»: «Шагаю по белому свету», – заявляет поэт. Пространство в нём расширяется и за счёт того, что лирический герой Твардовского в постоянном движении. Дорога всегда вызывает у поэта чувство радости: «Я иду и радуюсь. Легко мне» (1, (3, 1, 80), «Иду по дороге весёлой» (3, 1, 110), «Молодой, весёлый, важный за рулём шофёр сидит» (3, 1, 129). Все те герои, о которых он вспоминает или которых встречает на своём пути: «мой товарищ, мой безвестный друг» (3, 1, 80), пастух, парнишка, девчонка (3, 1, 118), дают возможность представить через их дела и заботы огромность той большой родины, в которой поэта везде встречают «на всех языках и наречьях». Поэтому слова о смерти в стихотворении «Я иду и радуюсь» воспринимаются лишь как выражение полноты жизни и юношеская бравада. И желание следовать, хотя и примеру «безвестного» героя, но именно того, кто «погиб за славные дела»: «Разве я, наследник жизни этой, //Захочу иначе умереть!..» (3, 1, 80). Этому способствует и обозначение времени, чаще всего весны или лета: «весенний дым над полями», «двурогая веточка сирени» в стихотворении «Я иду и радуюсь», «сёла, осыпанные липовым цветом» (3, 1, 110) в стихотворении «Путник», «по садам цветёт сирень», «у него сирень в кармашке, а ещё и на фуражке, а ещё и за стеклом» (3, 1, 129) в стихотворении «Шофёр».

Тема дороги всё больше и больше привлекает Твардовского. Она помогает расширить границы повествования. Так, ситуация встречи героя с разными людьми из стихотворения «Шумит, пробираясь кустами...» повторяется в стихотворении «Шофёр». В стихах этих лет постоянно встречаются указания на огромность окружающего мира: «распахнутое окно», «простор луга» (3, 1, 122), его герои возвращаются домой «объехав свет» (3, 1, 117). А простое перечисление всего, увиденного из окна мчащейся машины или поезда даёт ощущение и быстроты движущегося времени, и широты пространства:

Столбы, селенья, перекрёстки,
Хлеба, ольховые кусты,
Посадки нынешней берёзки,
Крутые новые мосты.

Поля бегут широким кругом,
Поют протяжно провода,
А ветер прёт в стекло с натугой,
Густой и сильный, как вода. (3, 1, 122)

Эта зарисовка как предвестник будущей поэмы «За далью – даль», в самом начале которой он пишет:

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берёт.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревёт (3, 3, 211).

Между этими двумя образами: ветер-вода и мир-вода – интервал в 14 лет, если иметь в виду то, что поэма датируется 1950–1960. Только в 1936 году у поэта пространство всё же ограничено тем, что он видит, проезжая по малой родине, это сельские пейзажи, а в поэме – за стеной «огромный мир».

Если в ранних стихотворениях была лишь мечта о будущей лучшей жизни, то теперь многие ровесники поэта уже достигли её, причём немаловажную роль здесь играют дорога и движение.

Кто вышел в море с кораблём,
Кто реет в небе птицей,
Кто инженер, кто агроном,
Кто воин на границе. (3, 1, 127)

А кто-то только собирается изменить свою жизнь, которая также ассоциируется с дорогой:

А может, ты уже сама
В далёкий путь готова. (3, 1, 128)

Да и дороги стали иными: если раньше распутица не давала вырваться из привычного круга, то теперь «дорога, сверкая, струится меж столбов, прорываясь вперёд». Стихотворение «Дорога» соединяет в себе многие образы: огромность пространства, потому что она «протянулась вдаль без конца», молодость и весну как символы обновления: «молодые, весенней посадки, шелестят на ветру деревца», ветер, который ассоциировался с образом времени, а теперь и пространства. Поэт и сам подгоняет его: «ветер, пой, ветер, вой на просторе». Дорога – это и конкретная реальная магистраль Москва – Минск, построенная возле тех мест, где поэт сам «таскался за стадом убогим», где «на горе невысокой дед Гордей под сосёнкой лежит» (3, 1, 132) – так появляется мотив памяти и даже мотив смерти – и символ времени, поэтому она «от великой советской столицы и до самой границы ведёт». Македонов находит в этом стихотворении в образе дороги и «символ всей Дороги Руси» (7).

Уже в раннем творчестве образ дома сформировался как пространство, обозначающее защиту, уют, постоянство жизни, то, без чего жизнь человека проходит мимо, и то место, куда он всегда возвращается. Поэтому разрушение дома для Твардовского равносильно уничтожению жизни. Трагическое начало несёт в себе образ разрушенного дома в стихотворении «На старом дворище», написанном в 1939 году. Известна фотография Твардовского на месте родительского дома в Загорье, датированная сентябрём 1943 года, после освобождения Загорья от фашистов. Но известно также, что в марте 1931 г. семья Твардовских была необоснованно репрессирована и вывезена в числе других «спецпереселенцев» на средний Урал, после чего хуторские постройки были постепенно разобраны. Так что разорение родного дома произошло ещё до войны. В военной лирике образы обрушенных домов с торчащей трубой станут символами жестокости войны.

В примечаниях к стихотворению в 6-титомнике говорится, что стихотворение это подвергалось несколько раз авторской правке. «Текст первой публикации значительно отличался от окончательной его редакции. Включая стихотворение в свою книгу «Загорье», М., 1941, автор разбил его на два самостоятельных стихотворения – «Печка» и «Прощание», объединив их под общим заглавием «На старом дворище». Позднее, пополнившись тремя новыми строфами и подвергшись авторским исправлениям, это стихотворение вошло в книгу: «А. Твардовский Избранное. Смоленск, 1946, с. 123-124.» (3, 1, 408). Такая переработка свидетельствует о пристальном внимании Твардовского к этому стихотворению, да и ко всему циклу – каждое из стихотворений при переизданиях подвергается переработке. Если проследить образ печи в творчестве Твардовского, то можно понять, что он, поворачиваясь разными сторонами, становится символом дома, очага, родины. Отсюда и интерес к печникам – устроителям этого очага, с такой любовью и правдивостью выписанных Твардовским и в стихах, и в прозе: «Ивушка»-печник», «Ленин и печник», рассказ «Печники». Интересна смена интонации стихотворения «На старом дворище». Старуха с граблями, которая ищет на пепелище нечто, что «может быть забыли», не просто старый человек, которому жаль родного дома. Кажется, что она ищет само время. Лёгкая ирония начала стихотворения сменяется лирическим чувством памяти о доме:

И хоть вокруг ни сошки нету,
От печки той одной – нет-нет,
Повеет деревом согретым,
Прокопченным за много лет.

Повеет вдруг жильём обжитым:
Сенями – сени, клетью – клеть
И что-то вправду здесь забыто,
И жаль, хоть нечего жалеть. (3, 1, 198)

Двадцатидевятилетний поэт умеет проникнуть в сознание прожившего долгую жизнь человека, которому предлагается новый дом с удобствами, новая жизнь – «живи, живи да молодей». Но тем сильнее горечь от потерянного старого жилища, что «в других окошках солнце будет всходить, в других в полдни стоять». «В последний раз», «последний день» – эти слова бьют в сердце читателя: печь, которая была не просто необходимой частью дома, но очагом, объединявшим семью, теперь стала «памятником кирпичным». И как будто для того, чтобы не оставить никакой надежды даже на воспоминание, поэт представляет, что «кирка и лом покончат с нею, и плуг проедет прицепной». «Кирка и лом», «плуг прицепной» – эти образы могут показаться прозаизмом в стихотворении с таким сильным лирическим чувством, но именно они своей наглядностью, особенно для сельского жителя, усилят страдание героини. Но Твардовский всё же, заглядывая ещё дальше в будущее, говорит о победе жизни, о силе природы:

И только гуще и темнее
Здесь всходы выбегут весной. (3, 1, 199)

Так меняется сознание поэта – от «запустить бы всё... под лес... кругом...» («Смоленщина», 1935 г.) до горестного вздоха о полуразрушенной печке.

Прямым продолжением этого стихотворения можно считать написанное через год после поездки на малую родину стихотворение «Садик в поле открытом». Только здесь бесприютность лирического героя усиливается. Он видит открытое пространство, видимо, возникшее после того памятного «прицепного плуга». Ветер, который у Твардовского был символом перемен, теперь становится символом тревоги, ощущения одиночества (вспомним стихотворение «Ветер какой, ты слышишь» с тем же значением образа ветра). Здесь уже нет «ни избы, ни трубы». И напоминание о новом доме звучит жёстко, резко и прощально: «В землю новые врыты в новом месте столбы» (3, 1, 226) – как будто слышен стук забиваемых столбов, тяжёлый звук для человека, узнавшего, что дом его разрушен. В противовес этому – ласковое «яблоньки». Казалось бы, всё хорошо в новой жизни: «Стены новые выше», «и под самую крышу новый сад достаёт». Но потеряно самое главное – ощущение устойчивости жизни (разорён отцовский дом) и мира, ведь Твардовский уже был на Финской войне, поэтому «всё другое на свете, всё – куда ни пойдёшь». Эта потерянность в пространстве во многом возникает из-за потерянности во времени, времени, когда многое разрушено, что было так дорого поэту.

Таким образом, для рассматриваемого периода творчества Твардовского характерно противоречие между категориями времени и пространства. Оно основано на противоречиях эпохи, на противоречии желаний и возможностей самого поэта. Выходом из этого состояния стала война, сыгравшая роль собирателя силы народа на большое испытание и обновившая сознание поэта для нового подвига – создания поэмы о бойце.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234-407.

2. Твардовский А.Т. XX век. Голограммы поэта и историка / А.Т. Твардовский, М.Я. Гефтер / Сост.: Е.И.Высочина. – М., 2005. – С. 22.

3. Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6 т.. – М., 1978. – Т.1. – С. 22 / Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1966–1971 гг. (Далее цитирую по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы).

4. Притыкина О.И. Время субъекта художественного творчества в свете диалектики индивидуального и социального / О.И. Притыкина // Пространство и время в литературе и искусстве. Теоретические проблемы. Классическая литература: Сборник, 1987. – С. 9/

5. Твардовский А.Т. Рабочие тетради / А.Т. Твардовский // Литературное наследство : Из истории советской литературы 1920–1930 х годов. – М., 1983. – Т. 93. – С. 302.

6. Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...» Дневник. Письма. 1941-1945. – М.: Вагриус, 2005, с. 198-199.

7. Македонов А.В. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги / А.В. Македонов. – М., 1981. – 366, с. 144.

Туманова С.Р.
Российский университет дружбы народов
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка медицинского факультета
e-mail: svetla-tumano@yandex.ru.

Tumanova S.R.
Russian Peoples' Friendship University
Dr., Associate Professor of the Department of the Russian language of Faculty of Medicine

УДК 882 – 311.4

ОБРАЗ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН» КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: АЛГОРИТМЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ

© 2012 А.Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 Сентября 2012 года

Аннотация: *Рассмотрены особенности научно-критических и художественно-эстетических интерпретаций образа шолоховского героя в динамике общественного вос-приятия. Намечены основные закономерности социально-эстетического функционирова-ния художественного образа-персонажа как явления культуры и перспективы его изуче-ния с позиций синергетического подхода.*

Ключевые слова: *художественный образ-персонаж, эстетическая реальность, мифологема, феномен культуры, синергетика.*

Abstract: *The article analyses the peculiarities of the scientific and aesthetic interpreta-tions of the image of Sholokhov's hero in the dynamics of the social reception. The article marks the specific functions of the image-personage as a phenomenon of culture, the perspectives of its investigations are shown from a synergetic point of view.*

Key-words: *fictional image-personage, aesthetic reality, mythology, phenomenon of cul-ture, synergy*

В обширном своде так называемых «шолоховских вопросов» один из центральных обусловлен неутихающими спорами о главном герое романа «Тихий Дон». Образ Григория Мелехова, устойчиво находящийся «на авансцене» общественного восприятия во множественности самых различных трактовок и интерпретаций, являет по-своему яркий пример интенсивной «жизни в веках» литературной классики. Как представляется, ныне назрела необходимость дальнейшего углубленного уяснения механизмов указанного процесса – в основных этапах, формах и закономерностях социально-эстетического функционирования литературного явления на протяжении большого исторического времени.

Обобщая первые «магистральные» (для официального советского литературоведения 1930–1940 х годов) трактовки, «разоблачающие» Григория Мелехова как «отщепенца», «пошедшего против народа и революции» и ставшего на путь «духовной гибели», [1, 68 69] отметим, что такого рода взгляды носили явно выраженный декларативный характер, неадекватный читательскому восприятию образа главного героя. Утверждение о торжестве в романе «народной правды» как правды революции за счет разоблачения «мелеховщины» не выглядело убедительным. Искусственно (и насильственно) творимому мифу явно недоставало внутренней стройности.

Не случайно к концу 1950 х годов все большее распространение получает концепция «исторического заблуждения» в революционную эпоху «части народа», представителем которой и является-де Григорий Мелехов. Таким образом, клеймо «отщепенца», так противоречившее «обаянию человечности» главного героя, было с него снято, и Григорий представлялся уже как «трагическая фигура». Далее, к началу 1980 х годов в советском литературоведении укореняется новая трактовка Григория Мелехова – как «правдоискателя», лучшего из представителей народа, временно теряющего «веру в большую правду, правду народа» (то есть революции), но потенциально готового ее вновь и окончательно обрести [1, 70].

Такая «реабилитация» главного героя, не просто устранявшая его оппозиционность по отношению к «правде революции», но и вводившая его в орбиту соцреалистической эстетики на правах чуть ли не «нового человека», – знаменовала известную завершенность процесса мифотворчества в его определенной исторической фазе: все части мифа, очищенного от внутренних противоречий, приходили в соответствие друг другу, образуя по-своему целостное единство.

В бурную эпоху крушения советской идеологии были предприняты во многом закономерные попытки вывести образ Мелехова из-под эгиды «правды революции». При этом подчеркнуто нетрадиционным выглядел вывод: «...такой «заблуждавшийся» герой, как Григорий Мелехов, как раз нес в себе энергию глубочайших прозрений, предугадывал конечный крах экстремистов всех лагерей, время торжества общечеловеческих ценностей» (Выделено нами. – А.У.) [2, 224].

© А.Б. Удодов, 2012

В подобном стремлении сразу и окончательно установить новую истину проявилась определенная инерция мифопорождающего мышления. Явление Григория Мелехова в роли своеобразного «провидца» – во многом столь же вольное допущение, как и бытовавшее ранее утверждение о том, что он непременно придет к революции.

Ещё один смысловой полюс в этом ряду представляют трактовки, порожденные уже XXI столетием, где герой, рассматриваемый с позиций ценностных ориентиров русского Православия, предстает своего рода святым-мучеником и чуть ли не новым Мессией, избирающим «путь Голгофы, крестных страданий...» [3, 131].

Здесь следует особо отметить, что указанные выше тенденции к мифоло-гизации данного образа (придание ему смысловой однозначности в качестве определенного ценностного ориентира, соответствующего тем или иным этапам и формам общественного восприятия), – явление по-своему закономерное. Артефакты искусства, обладающие общественной значимостью, естественным образом подвержены в их социально-эстетическом функционировании своего рода «тотальной эксплуатации» на потребу разнонаправленным культурным запросам и «социальным заказам», носящим нередко конъюнктурный характер. Вместе с тем совокупность указанных процессов – показатель наличия у такого рода артефактов мощного внутреннего ценностно-смыслового потенциала, перерастающего нередко рамки первичных художественных форм и обретающего статус феноменов культуры, – в расширении поля её эстетической реальности.

В нашем случае одним из примеров такого расширения смыслопорож-дающих функций образа, живущего за пределами текстовой первоосновы уже как бы своей собственной жизнью, предстают попытки читательского сотворчества, стремления к непосредственному дополнению художест-венных реалий – прежде всего конкретике «жизнеописания» Григория Мелехова.

Показательна в этом плане повесть В.В. Скворцова «Григорий Меле-хов»(1993), где автор предпринимает попытку представить дальнейшую жизненную судьбу героя уже в социально-историческом контексте советской эпохи [4]. При этом образ главного героя здесь тяготеет к однозначно «соцреалистической» трактовке, и «обаяние человечности» Григория Мелехова порой подменяется идеологической рефлексией.

Тем самым образ, созданный В.В. Скворцовым, не дает оснований видеть в нем содержательно-смыслового развития шолоховского персонажа; скорее, здесь присутствует своего рода «удвоение» уже известной мифологемы, традиционной для советской эпохи, – но уже на литературно-художественном уровне. Вместе с тем само по себе наличие такого дублирующего уровня – показатель уже отмеченного богатого потенциала шолоховского первоисточника.

К числу таких объективных показателей, фактологически укорененных в контексте отечественной художественной культуры XX–XXI столетий, можно отнести и многочисленные интерпретации образа Григория Мелехова и романа в целом средствами иных видов искусства. Здесь прежде всего следует назвать кинематограф и сценические формы искусства (драматический театр, опера и балет), которые также предполагают процессы сотворчества – наличие и реализацию режиссерского замысла и актерской игры в определенной сюжетно-повествовательной драматургии.

В первой попытке экранизации «Тихого Дона», предпринятой в 1929 г. (режиссёры И. Правов и О. Преображенская), когда были опубликованы только две первые книги романа, и перспективы судеб его героев оставались непрояснёнными, фильм был немым, и на первый план выдвигался любовный сюжет во взаимоотношениях Аксиньи и Григория [5, 110]. В образе последнего как «героя-любовника» (и как особого типа мифологизированного клише) было акцентировано нравственно-психологическое начало, яркость чувств и переживаний в межличностных отношениях (а социально-историческая конкретика эпохи представала лишь в качестве «фона»).

Вместе с тем для 1930-х годов не менее показательной представала противоположная тенденция – к смещению акцентов на идеологические доминанты и социально-классовые ценности в русле соцреалистического официоза. Это особенно ярко проявилось в ином виде искусства – при перенесении образно-смыслового содержание «Тихого Дона» на оперную сцену. В опере И.И. Дзержинского «Тихий Дон» (1935) доминировали мотивы «классовой борьбы», «революционной ситуации», «картины крушения старого и рождения нового уклада жизни», где в финале Григорий становится во главе молодого казачества, поднявшегося на борьбу за новую жизнь [6].

В послевоенные годы для общественного восприятия представал уже завершенный текст романа, что существенно сужало поле для произвольных допущений и создания соответствующих мифологем художественного плана при осмыслении образа главного героя. По-своему показательно, что в новой кинематографической версии «Тихого Дона» (режиссер С. Герасимов), созданной на волне «оттепельных» тенденций, главный вектор целеполагания режиссерского замысла и работы актеров состоял в высвечи-

вании средствами кинематографа эпической картины мира, воплощенной в романе [7, 164]. При этом образ Мелехова приобретал масштабы эпического героя, «равного эпохе» в изображении народной судьбы на крутом повороте истории, – и не столько варьиро-вался, сколько укрупнялся художественно.

В 1960–1970 х годах указанные процессы по-своему воплотились и при перенесении содержания «Тихого Дона» на театральную сцену. Здесь заметным явлением стала постановка «Тихого Дона» в ленинградском Большом драматическом театре, где режиссером Г.А. Товстоноговым ставилась задача воплощения образа центрального героя как «казачьего Гамлета», помещенного в формат «античной трагедии» [8, 300 315]. В такой трактовке фигура Григория Мелехова, вписанная в художественно-культурный контекст эпохи Возрождения (Гамлет) и античности, становится принадлежностью культурного опыта всего человечества, пополняя ряд «вечных» человеческих типов. Тем самым в социально-эстетическом функционировании этого образа формировалась мифологема-универсалия особого вида, основанная на культурно-ценностном потенциале общечеловеческого плана.

Вместе с тем следует отметить, что так называемые «общечеловеческие ценности» отнюдь не всегда могут рассматриваться в качестве универсально-продуктивного критерия значимости тех или иных феноменов цивилизации и культуры.

В постсоветском обществе между противопоставленными полюсами социально-классовых и общечеловеческих ориентиров по-своему актуализировались и ценности национально-культурного плана. В такой ситуации на рубеже 1980–1990 х годов своеобразная «эстафета» в интерпретации романа М. Шолохова сценическими видами искусства была по-своему продолжена и обогащена искусством хореографии. Здесь наиболее крупным и общественно значимым событием в культурном плане стала премьера балета «Тихий Дон» в московском Большом театре (23.05.1990 г.) – на торжественном вечере, посвященном юбилею писателя (где довелось присутствовать и автору данной работы). В сюжетных и образных решениях балета, по-своему акцентирующих национальную тему, воплотился и драматизм гражданской войны, и огромный жизнеутверждающий пафос, основанный на культурно-историческом потенциале и духовном богатстве русского народа.

Показательно, что и здесь центральной фигурой, по-своему персонифицирующей национальную идентичность, представал образ Григория Мелехова (в исполнении В.К. Аджанова) [9]. Можно в этой связи говорить о том, что данный аспект восприятия героя шолоховского романа, не столь уж часто педалируемый в предшествующие времена, оказался по-своему востребованным на постсоветском этапе. Здесь на руинах разрушаемой советской идеологии явственно ощущался дефицит новой «русской идеи», – акцентирующий национальные ценности в расколотом обществе как генератор объединительных перспектив и условий дальнейшего социального и культурного прогресса. И, как убеждаемся, образ Григория Мелехова на новом этапе органично вписы-вался в это, ещё не до конца освоенное им ценностно-смысловое поле, обретая статус одного из «национальных образов мира» в российской культурной специфике.

Между тем рубеж XX–XXI веков демонстрирует порой по отношению к образу Григория Мелехова и процессы иной направленности. Пример того являет третья, последняя на сегодняшний день экранизация «Тихого Дона», ставшая и последней режиссерской работой С.Ф. Бондарчука. Фильм был финансирован зарубежными продюсерами и на главные роли были приглашены «звезды» западного кинематографа. Русский режиссер испытывал серьезное давление «голливудских» эстетических принципов, стандартов и клише. Все это послужило существенными факторами, предопределившими конечный результат. После выхода на экраны (более чем с 10-летней задержкой) давно ожидаемый фильм вызвал широкий общественный резонанс. При этом среди множества откликов преобладали негативные оценки. Отметим, что прежде всего данную экранизацию критиковали за неадекватное представление национально-культурной специфики в жизни русского народа и казачества («мыльная опера», «комикс», «клюква» для запада») [10, 60 61]. И центральным объектом критики опять-таки представал новый кинематографический образ Григория Мелехова, который оказался клиширован под типаж гламурного героя голливудского вестерна [10; 62,63]. Культурная экспансия «вестернизации», явственно проявившаяся в российской действительности конца прошлого столетия, порождала, таким образом, ещё одну ипостась центрального образа романа, – весьма далекую от его изначального со-держания, но вместе с тем по-своему показательную для процессов расширения поля его художественно-эстетического функционирования (на сей раз в виде некой «инокультурной» мифологемы).

Можно заключить, что указанные процессы в совокупности всех сделан-ных выше наблюдений представляют определенный алгоритм «жизни в ве-ках» образа шолоховского героя. Вместе с тем его «прорывы» из романа в широкое поле культуры, наращивание все новых смыслов-мифологем

научно-критического и художественно-эстетического плана («отщепенец», «провидец», «правдоискатель», «герой-любовник», «предводитель революционного казачества», «герой античного эпоса», «герой «мыльной оперы», «казачий Гамлет», «национальный тип», «святой Григорий-мученик» «гламурный супермен»), – ныне неизбежно обращают при уяснении сущности такого феномена к литературной первооснове произве-дения, к уникальному сплаву его социально-исторического, общечеловеческого и национального содержания.

Совокупная «энергетика» этих составляющих оказывается отнюдь не равна их простой сумме, но в сложном системном единстве образует особый синергетический эффект, выводящий художественный образ на качественно иной – гиперпродуктивный уровень социально-эстетического функционирования. Все это создает предпосылки для исследования данного феномена с методологических позиций теории самоорганизации сложных систем применительно к явлениям литературного процесса [11, 7 8]. В русле синергетического подхода актуализируется рассмотрение центрального героя как организующего начала для системы образов и коллизий романа в свете проблемы национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Русская литература XX века: поиск ориентиров. Ч. I. Мифы и реалии / Под ред. А.Б. Удодова. – Воронеж : Изд-во ВГПУ, 1994. – 172 с.

2. Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе. В 2-х ч. – М. : Просвещение, 1991. – ч. 2 / Под ред. Ф.Ф. Кузнецова. – 352 с.

3. Стюфляева Н.В. Соборный идеал жизни «по совести» и его художест-венная реализация в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Н.В. Стюфляева. – Липецк : ЛГПУ, 2008. – 258 с.

4. Скворцов В.В. Григорий Мелехов: Повесть / В.В. Скворцов. – М. : МИРТ, КО-РА, ДАС, 1993. – 384 с.

5. Цубера В.В. Три экранизации романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» / В.В. Цубера // Шолоховские встречи – 2. Сб. научно-методических материалов/Сост. В.В. Васильев, Н.И. Иващенко [и др.]; науч. ред. А.Б. Удодов. – Воронеж: Изд-во им. Е.А.Болховитинова, 2008. – 166 с.

6. Гозенпуд А. Опера Ивана Дзержинского «Тихий Дон»//Quiet Flows the Don (classik-music.ru).

7. Герасимов С. Жизнь. Фильмы. Споры / С. Герасимов. М. : Искусство. – 1971. – 256 с.

8. Старосельская Н. Г.А. Товстоногов / Н. Старосельская. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 340 с.

9. Большой театр СССР. К 85-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова. Л.П. Клиничев. «Тихий Дон». Балет в 2-х частях. – М. : Тип. ГАБТ. – 1990 – 23 мая.

10. Цубера В.В. Последняя экранизация «Тихого Дона»: pro et cohtra / В.В. Цубера // Вестник Научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века. Выпуск XV / науч. ред. А.Б. Удодов. – Воронеж : ВГПУ, 2011. – С. 60-67.

11. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / Под. ред. А.Б. Удодова. – Воронеж: ВГПУ, 2002. – 139 с.

Воронежский государственный педагогический университет
Удодов А.Б., профессор кафедры русского языка, современной русской
и зарубежной литературы
E-mail: kafedra214@rambler.ru

Voronesh State Pedagogical University
Udodov A.B.,
professor of the chair of the Russian language, Russian and foreign literature

УДК 821.161.1

«…НЕОСТЫВШИЙ ПЕПЕЛ НАШИХ СТРОК! »
(МОТИВЫ И ОБРАЗЫ КНИГИ А.И. НЕСМЕЛОВА «БЕЗ РОССИИ»)

© 2012 Т.Ф. Ускова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2012 года

Аннотация: *Сборник стихотворений поэта-эмигранта Арсения Ивановича Несмелова был напечатан в Харбине, главном городе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в 1931 году. Китайско-Восточная железная дорога расположена в северо-восточном Китае (Маньчжурия). Главным поэтом «русского Харбина» был А. Несмелов. Его книга рассказывает о жизни русских эмигрантов после отъезда. Она включает баллады, стихи, ориентированные на поэтику Н. Гумилёва и следующие традициям акмеизма и футуризма («Баллада о драконе», «Баллада о Даурском бароне»). Статья посвящена анализу мотивов и образов книги «Без России»: тоске по Родине, событиям Гражданской войны, судьбам её участников. Образы офицеров, принимавших участие в боях этой войны, раскрывают их жизнь в эмиграции («Леонид Ещин»). В заключение мы можем сделать вывод, что поэтический сборник А.И. Несмелова «Без России») полностью соответствует своему названию, отражая его мотивы и образы (тоска по родине, поэтическое творчество, героическая судьба современников поэта).*

Abstract: *Emigrant poet Arseny Nesmelov's book «Without Russia» was published in the capital of Chinese East Railway (CER) – Harbin – in 1931. CER is situated in the North-East of China (Manchuria). The leading poet of «Russian Harbin» was A. Nesmelov. His book tells about the life of Russian emigrants after departure. It includes ballad poems, Gumilyov's poetics oriented ones, and the ones following akmeistic and futuristic traditions («The Ballad of a Dragon», «The Ballad of Daurian Baron»). The article is concerned on the motives and imagery of the book «Without Russia»: nostalgia, the events of the Civil War, the destinies of its participants. The images of the officers, that took part in the battles of the war, depict their life in the Chinese emigration («Leonid Yeshchin»). Finally we can conclude that A.I. Nesmelov's poetic book «Without Russia» (1931) corresponds its title completely, reflecting its motives and imagery (nostalgia, poetry creation, heroic destiny of the poet's contemporaries).*

Сборник стихотворений поэта-эмигранта Арсения Ивановича Несмелова был напечатан в Харбине, главном городе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в 1931 году.

«В середине XIX века, задолго до того как русское правительство обратило свои державные взоры на Северо-Восточный Китай, некоторые европейские страны и Япония уже стали осваивать просторы этой закрытой продолжительное время для иноземцев страны военным путем. После знаменитой «Опиумной войны» 1848 года Великобритания, Франция, Германия и Япония, одна за другой путем дипломатических переговоров принудили правителей Китая открыть портовые города судам этих стран и разрешить учреждать свои национальные концессии. Получая «донесения с мест» о ширящейся активности западных держав на Дальнем Востоке, российское Министерство иностранных дел готовило многочисленные аналитические записки правительству» [1, 5]. Известно, что глава этого министерства кн. А.М. Горчаков неоднократно заявлял о насущной для Российской империи потребности следовать в русле общемировой политики, учитывая не только открывающиеся политические возможности, но и необходимость заключить с императорским Китаем взаимовыгодный торговый союз.

Русско-китайские отношения особенно оживились в конце CIC в., когда по договору 1897 года была построена и начала функционировать Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) с центром в Харбине.

Харбин в судьбе дальневосточной эмигрантской литературы не случайно занял ведущее место. Еще в начале XX века он стал, образно говоря, «отдаленной веткой русского дерева». Вся жизнь этого русского города на северо-востоке Китая, в Маньчжурии, связана с историей создания и функционирования Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). «Прокладывать ее начали в 1897 году по договору между Россией и Китаем,

© Т.Ф. Ускова, 2012

а в преддверии русско-японской войны провели и юго-восточную железнодорожную линию до Порт-Артура» [1, 380].

В Харбине сосредоточились основные культурные силы восточной части белой эмиграции. К «харбинскому направлению» относились также и литераторы, оказавшиеся в разных городах и районах Китая – в Пекине, Шанхае, Таньцзине, Дайрене, а также в Корее и даже в Японии.

К началу 20-х годов, когда «на восток устремились остатки армий А.В. Колчака, В.О. Каппеля, атамана Г.М. Семенова, Харбин был сытым благоустроенным городом, центром Китайско-Восточной железной дороги, связывающей Россию и Европу с Дальним Востоком. Порой его называли восточным Петербургом не только из-за того, что улицы обоих городов носили одинаковые названия (Садовая, Первая линия, Вторая линия, Большой проспект), но и по размаху культурной жизни. Здесь выходили русские газеты и журналы, гастролировали известнейшие актеры (Ф. Шаляпин, А. Вертинский), здесь начинал свою артистическую карьеру С. Лемешев [2, 51].

После окончания Гражданской войны «Харбин и так называемую «полосу отчуждения» вдоль железной дороги заполнили беженцы и остатки белых армий. Население города возросло до 200 тыс. человека. Оно было очень пестрым» [1, 81]. Пестрота эта стала для города благотворной, ибо беженская волна, в большинстве своем состоявшая из интеллигенции, принесла в Харбин крупные культурные силы.

По сведениям исследователей, «в городе действовало 20 православных храмов, два монастыря, священнослужители занимались благотворительными и миссионерско-просветительскими делами (в частности, наладили изучение китайского языка). В короткий срок в Харбине были созданы высшие учебные заведения – Политехнический институт, два вуза университетского типа и Институт ориентальных и коммерческих наук; позднее открыт Педагогический институт» [1, 381]. Еще с дореволюционных времен функционировали русские гимназии, русские издательства, на улицах господствовал русский язык. Харбин долгое время оставался русским городом, даже социально-административный уклад его жизни носил ярко выраженный русский характер. При коммерческом собрании в 1922 году возник литературно-художественный кружок «Зеленая лампа», позднее оформившийся в литературное объединение «Чураевка» (название взято по имени героев многотомного романа писателя-эмигранта И. Гребенщикова «Братья Чураевы»). На заседаниях этого литературного объединения часто читал свои стихи А.И. Несмелов – самый яркий поэт «русского Харбина».

Арсений Иванович Несмелов (настоящая фамилия – Митропольский) родился в Москве 8 июня 1889 года. Его судьба оказалась характерной для судьбы людей его круга и поколения. Кадетский корпус, затем – окопы Первой мировой войны. Двадцатипятилетний подпоручик с августа 1914 года «месил сапогами окопную глину, воевал с австро-германцами», как писал он позднее в автобиографии. «Монотонность окопной жизни ни к стихам, ни к прозе не располагала», но спустя много лет именно события первой войны нашли отражение и в прозе Митропольского, и в поэзии, хотя он давно был к этому времени Несмеловым.

В апреле 1917 года поручик Митропольский, перенесший серьезное ранение и награжденный четырьмя орденами, был комиссован из действующей армии по ранению. А в памятные Октябрьские дни семнадцатого года, во время восстания юнкеров в Москве, оказался на стороне восставших (позже об этих событиях Несмелов напишет поэму «Восстание»). «Два раза уезжал из Москвы, и оба раза – воевать. Уехав в 1918 году в Омск, назад не вернулся», – так скупо Несмелов изложил в биографии историю своего прощания с родным городом. Ему предстояло доживать свой век и «без Москвы, и без России» [2, 6].

Ведущий исследователь и публикатор произведений Несмелова Е.В. Витковский в аналитическом предисловии «Формула бессмертия» к двухтомнику поэта (Владивосток, 2006) назвал «Без России» большим и «весьма сильным» сборником. «Эта книга – в значительной мере память о той минувшей России, где некогда жил поручик Митропольский и которая затонула теперь для него, словно Атлантида», – обозначает общую тональность сборника Витковский [3, 21]. И далее: «Но здесь же мы находим и важнейшие для поэта стихи о гибели царской семьи, о водворившемся в Смольном «наркоме с полумонгольским лицом», о деградации одновременно и революции, и эмиграции: подобные актуальные стихи в эмигрантской среде очень не одобрялись» [3, 21].

Одно из первых стихотворений сборника названо симптоматично: «Переходя границу». И действительно, эта поэтическая книга – своеобразная граница между двумя эмигрантскими «мироощущениями» – ощущением того, что еще немного, и можно будет возвращаться назад, на Родину, и горьким пониманием: «Прощайте, знаю: навсегда» [3, 101]. Принято говорить, что русская эмиграция унесла с собой Россию в сердце. Обобщая это чувство, З. Гиппиус имела право сказать: «Оно в тебе, оно во мне» (стих. «Родине»). Но у каждого из поэтов в памяти о России было свое, «заветное». Например, В. Ходасевич заявлял: «Я с собой свою Россию / В дорожном

уношу мешке» («Я родился в Москве») – его богатством была великая духовная культура родной страны. Россия А. Несмелова живет в его художественном мире в двух ипостасях: в образах природы и в литературных традициях. Сборник «Без России» является переходным с точки зрения эволюции стиля поэта – от публицистичности «Кровавого отблеска» к более сложному лирическому мироощущению «Полустанка» и «Белой флотилии».

Лирический герой А. Несмелова – личность, остро осознающая свою принадлежность духовной культуре потерянной родины:

...Все, что нажито,
Оставлю вам, долги простив, –
Вам эти пастбища и пажити,
А мне просторы и пути,

Да ваш язык. Не знаю лучшего
Для сквернословий и молитв,
Он, изумительный, – от Тютчева
До Маяковского велик [3, 100].

Итак, основная ценность – родной язык, который стал теперь не «моим», а «вашим». И поэт стремится спрятать свою боль и горечь за «стиснутыми зубами»:

Хорошо расплакаться стихами.
Муза тихим шагом подойдет.
Сядет. Приласкает. Пустяками
Все обиды ваши назовет.

Не умею. Только скалить зубы,
Только стискивать их сильней
Научил поэта пафос грубый
Революционных наших дней [3, 100].

«Муза» – концептуальное понятие, помогающее лирическому герою А. Несмелова переносить тяготы и онтологическую безвыходность существования на чужбине.

Но эмигрантская муза А. Несмелова претерпела определенную трансформацию, почти не отслеживаемую у его европейских коллег-поэтов. Эволюция философско-эстетических взглядов А. Несмелова была такова, что в ткани его стихотворений определение «революционный» не звучит грубо-иронически и не воспринимается как инородное вкрапление, а является полноправной частью поэтического мира.

Без сомнения, это связано с наличием в творчестве этого поэта двух традиций – акмеистической и футуристической. Исследователь И.С. Трусова пишет: «В поэтическом творчестве Несмелова мы выделяем акмеистическую традицию как основную. Она появилась с первых стихотворений, созданных им в начале 1920-х годов. И несмотря на то, что он прошел период увлечения футуризмом (под влиянием довольно сильного и авторитетного в литературной среде Владивостока 1920–1921 годов этого модернистского течения), позже он вернулся к акмеистической манере» [4, 223].

И действительно, эстетика «позднего» футуризма особенно проявляется в стихотворении «Р.В.15»:

– Говорит Хабаровск,
Р.В.15,
На волне в 70 метров...
Диск
В содрогании замирающих вибраций:
Шорох, треск, писк.

Родина декламировала баритоном актера,
Пела про яблочко, тренькала на мандолинах,
Но в этом сумбуре мы искали шорохов
Родимых полей и лесов родимых [3, 110].

В небольшом стихотворении наличествуют многие признаки футуристического текста: бунт против привычных норм стихотворной речи, экспериментаторство в области ритмики, рифмы, ориентация на произносимый стих, на лозунг, плакат, документ и т. д.

Подлинность документа – уже в заглавии. Р.В.15 – название радиопередатчика, которым была оснащена советская радиостанция в Хабаровске, вещавшая на русском языке на весь Дальний Восток. «Созданный позднее радиоцех осуществлял связь с самыми отдаленными районами края от Камчатки до Сахалина, хабаровскую радиостанцию слышали в Чите, Якутске и даже в Японии, Китае и Новой Зеландии. Радио Хабаровска давало в эфир не только информационные, но и литературные передачи, для чего к его работе были привлечены актеры местного театра» [3, 516].

И вместе с тем в стихотворении важна эволюция не только формы, но и взгляда на историю. Исторический ценз Несмелова необычен для литераторов его круга. Он делает заявление, более уместное в глазах советского поэта, чем «белоэмигрантского»:

Родина! Я уважаю революцию,
Как всякое через, над и за,
Но в вашем сердце уже не бьются,
Уже не вздрагивают ее глаза.
– Говорит Хабаровск,
Р.В.15,
На волне...
Родина, бросьте метраж!
Революция идет,
Она приближается, –
Но,
Пора сознаться,
Накопляет уже
Обратный стаж [3, 111].

От акмеизма А.И. Несмелов, по-видимому, воспринял очень многое. Для его лучших стихов характерны вещественная конкретность, метко уловленная деталь, яркая образность и другие приметы акмеистической поэтики. Да и само трепетное отношение А.И. Несмелова к личности Н.С. Гумилева также очень показательно. Несомненно, что для харбинца Несмелова Гумилев – поэт-путешественник, поэт-воин, поэт-романтик – является культовой фигурой. Собственно говоря, это положение характерно для всех «стран рассеяния», где находились русские эмигранты первой волны. Э. Штейн в статье «Николай Гумилев и поэты русского Китая» пишет, что «в поэтическом плане русский Китай ... оставался гумилевским» и что на берегах Сунгари «нераздельно господствовал Гумилев» [5, 35]. В таком восприятии немаловажную роль сыграли и обстоятельства трагической гибели Николая Степановича (что для Несмелова как для бывшего белого офицера было, может быть, определяющим). Не отсюда ли пристрастие поэта-харбинца к балладам? Стихи этого жанра хорошо представлены в его поэтическом творчестве – «Баллада о драконе», «Баллада о Даурском бароне» и т. д.

Одним из самых заметных стихотворений сборника «Без России» представляется баллада «Леонид Ещин».

Главное герой, как установил Е. Витковский, – реальное историческое лицо, Леонид Евсеевич Ещин (1897–1930), поэт, автор единственного поэтического сборника «Стихи таежного похода» (Владивосток, 1921), близкий друг и сослуживец Несмелова, персонаж нескольких его произведений, трагически погибший в Харбине.

Начинается баллада достаточно минорно:
Ленька Ещин... Лишь под стихами
Громогласное – Леонид,
Под газетными пустяками,
От которых душа болит.

Да еще на кресте надгробном,
Да еще в тех строках кривых
На письме, от родной, должно быть,
Не заставшей тебя в живых [3, 112].

Автор подробно рассказывает о судьбе главного героя, которая сама по себе уже – летопись русской трагедии XX века. А. Несмелову не надо привлекать поэтический вымысел. Достаточно почти с документальной точностью описать те события, свидетелями которых были и лирический герой, и главный персонаж стихотворения:

Был ты голым и был ты нищим,
Никогда не берег себя,
И о самое жизни днище
Колотила тобой судьба.

«Тында-рында!» – не трынь-трава ли
Сердца, ведающего, что вот
Отгуляли, отгоревали,
Отшумел Ледяной поход! [3,111]

Даже бесчеловечная реальность Гражданской войны не может заставить поэта перестать быть самим собой – адъютант командующего Ещин остается верен своей поэтической музе:

Позабыли Татарск и Ачинск,
Городишки одной межи,
Как от взятия и до сдачи
Проползала сквозь сутки жизнь.
.....
Как был шумен постой квартирный,
Как шумели, смеялись как,
Если сводку оперативную
Получал командарм в стихах.

– «Ай да Леня!» – И вот по глыбе
Безнадежности побежит
Легкой трещиною – улыбка,
И раскалывается гранит! [3,113]

В конце стихотворения автор выходит на серьезные историософские обобщения, в общем-то не характерные для жанра баллады. Но, как известно, российская историческая реальность XX века оставляла в стороне не только поэтические, но и человеческие условности. Баллада заканчивается размышлением о судьбе главного героя – поэта-офицера Леонида Ещина, которая, по мысли Несмелова, отражает в целом и судьбу всего этого поколения – «детей восемнадцатого года»:

Докатились. Верней – докапали,
Единицами: рота, взвод...
И разбилась фаланга Каппеля
О бетон крепостных ворот.

Нет, не так! В тыловые топи
Увязили такую сталь!
Проиграли, продали, пропили,
У винтовок молчат уста [3, 111].

В заключение можно сделать вывод, что поэтический сборник А.И. Несмелова «Без России» (1931) полностью соответствует своему названию, отражая мотивы и образы (тоска по родине, поэтическое творчество как спасение, героическая судьба современников), в целом характерные для всей эмигрантской литературы. Но человеческая и поэтическая неординарность сделали стихотворения А. Несмелова заметными даже среди мощнейшего корпуса литературы эмигрантов первой волны. Проблематика «Без России» может быть охарактеризована заключительной строфой одного из стихотворений:

«...Отраженная жизнь, мемуарное время» [3, 103].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гончаренко О.Г. Русский Харбин / О.Г. Гончаренко. – М. : Вече, 2009.

2. Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы, Рассказы / Сост. и коммент. Е.В. Витковского и А.В. Ревоненко / А.И. Несмелов. – М. : Московский рабочий, 1990.

3. Несмелов А.И. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы/ А.И. Несмелов. – Владивосток : Рубеж, 2006.

4. Трусова И.С. Пути развития акмеизма (Н. Гумилев, Э. Багрицкий, А. Несмелов) / И.С. Трусова // 100 лет Серебряному веку: Материалы Международной научной конференции: Нерюнгри, 23 25 мая 2001 г. / Науч. Ред. Б.С. Бубнов, Л.Г. Кихней. – М. : МАКС Пресс, 2001.

5. Штейн Э. Николай Гумилев и поэты русского Китая / Э. Штейн // Рубеж. – 1998. – № 3.

Ускова Татьяна Федоровна
Преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI веков филологического факультета Воронежского государственного университета
E-mail: pastrevich@phil.vsu.ru

Uskova Tatiana Fyodorovna
Reader of the cc. XX-XXI Russian Literature Department, philological faculty,Voronezh State University
E-mail: pastrevich@phil.vsu.ru

УДК 821.161.1

ОБ АРАБСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»

© 2012 Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун

Воронежский государственный университет

Материал поступил в редакцию 1 октября 2012 года

Аннотация: *В статье описана история переводов романа «Мать» М. Горького на арабский язык. Указаны различия, существующие в переводах романа в Сирии и в Ираке.*

Ключевые слова: *арабский язык, Сирия, Ирак, роман*

Abstract: *This article describes the history of translations of novel «Mother» by Maxim Gorky in Arabic and specifies the differences in translations of this novel in Syria and Iraq.*

Keywords: *Arabic, Syria, Iraq, novel.*

По мнению А.А. Долининой, первым исследователем, который показал, что Горький был очень известен в арабском мире, был И.Ю. Крачковский[1]. Она пишет: «История арабских переводов произведений М. Горького в общих чертах хорошо известна благодаря трудам Крачковского, некоторым более поздним статьям и обзорам»[2]. К концу XX века арабским читателям уже были доступны все повести и романы Горького, пьесы, большинство рассказов. К этому времени были переведены наиболее популярные в мировой литературе произведения – повести «Фома Гордеев», «Трое», «Детство», «Мои университеты», пьесы «Мещане» и «Враги», сборник рассказов «Сказки об Италии», многие публицистические сочинения, частично даже переписка. Однако распространение произведений писателя, в частности его романа «Мать», началось значительно раньше, в 1940-е годы. Именно тогда в Сирии и Ираке разворачивалось национальное движение по преодолению наследия первой мировой войны.

«Роман «Мать» — одно из первых крупных произведений Горького, появившихся на арабском Востоке, — впервые был опубликован в отрывках на страницах прогрессивного дамасского журнала «الطليعة», «Атталиа» («Авангард»)[3] в 1936 г. (№ 6-7). Номер журнала, посвященный Горькому, вышел в момент, благоприятный с точки зрения цензурных условий: национально-патриотические силы Сирии только что добились подписания франко-сирийского договора об отмене мандата, шла подготовка к выборам в новый сирийский парламент, закончившимся в ноябре победой Национального блока. Коммунистическая партия, деятельность которой фактически была легальной, развернула борьбу за демократический французский мандат в Сирии и Ливане. Это была отмена решений французско-британской Конференции в Сан-Ремо (1920 г.), утвержденных Лигой Наций 29 сентября 1923 года. Французский мандат распространялся на территорию современных государств Ливан, Сирия и турецкой провинции Хатай.

Политическая ситуация в Сирии в тридцатых годах двадцатого века в период, когда переводился роман «Мать», была очень сложной. Это было время французского мандата в Сирии. Конфликт между сирийскими интеллектуалами и профранцузским правительством носил ярко выраженный национальный характер, был направлен со стороны писателей на разоблачение планов французов, которые стремились сохранить контроль над Сирией на длительное время. Но он носил и классовый характер, потому что бедные и обездоленные люди страдали от французского владычества.

Ситуация осложнялась еще и тем, что сирийское политическое движение не было единым. Соперничающие политические партии боролись между собой за поддержку народа. Например, в Сирийской коммунистической партии образовалось два крыла. Одно было лояльно Франции, второе, напротив, боролось с профранцузским правительством. В конфликт с ними обоими вступил Национальный блок под председательством Хакки аль-Азма (1864–1955), первого премьер-министра Сирии.

Обзор политической обстановки в Ливане и Сирии первой половины XX века понадобился для того, чтобы понять причины обращения к роману М. Горького «Мать». Этот роман, написанный в 1900-е годы, отражал революционную ситуацию в России, характеризующуюся классовым расслоением, поляризацией общественных сил. Однако это было сходство самого общего порядка. Ситуация в Сирии и Ливане несла в себе, по-

© Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун, 2012

мимо классового противостояния, религиозные (христианство и мусульманство), национальные (французский и английский мандаты и рост национального самосознания) конфликты. К этому следует добавить и различия русской и арабской культурной традиции, которые, наряду с вышеперечисленными, следует учитывать, оценивая первые арабские переводы романа «Мать».

«Переводчики романа «Мать», сотрудники журнала «Авангард» Раиф Хури[4]. Лиян Дейрани[5] и другие, тогда еще начинающие литераторы, внесли впоследствии немалый вклад в развитие демократической литературы Сирии и Ливана. Выбор отрывков для перевода и оценка романа, данная в редакционном предисловии, говорят об особенностях восприятия Горького как писателя-революционера, «преданного делу освобождения трудящихся»[6], в арабском мире,

А.А. Долинина сообщает, что Лиян Дейрани в 1937 г. перевел «Мать» полностью, однако его перевод не был издан. Сам Дейрани через несколько лет писал о своей работе над этим переводом так: «Впервые я понял, что такое подлинное искусство, когда прочел сочинения Максима Горького, особенно его роман „Мать, который околдовал меня глубиной своего мастерства, силой выразительности, правдивостью. Я перечитывал его много раз, так что он стал моим постоянным и единственным спутником. Эта любовь заставила меня перевести роман на арабский язык, и как же я был счастлив, выполнив этот перевод должным образом! Действительно, роман „Мать" — это шедевр, единственный в своем роде, потому что Горький правдиво изобразил события 1905 года. Он был писателем-реалистом; язык его героев — естественный, живой, полностью соответствующий их экономическому положению и условиям, которые их окружают. Это, клянусь жизнью, самая правдивая литература и самое ценное, что может создать писатель»[7].

О причинах, помешавших опубликованию перевода, Дейрани нигде не упоминает. А.А. Долинина отмечает, что в пятидесятые годы в Сирии было предпринято издание собрания сочинений Горького, роман «Мать» вошел в это собрание, но не в переводе Дейрани, хотя в это издание вошла переведенная им повесть «В людях»[8].

В Ираке литераторы тоже интересовались произведенизvb Горького и перевели их в своей стране. Это произошло позже, чем в Ливане и Сирии. В 1941–1942 гг. причины обращения к роману «Мать» опять надо искать в политической обстановке страны. 1940-е годы иракской истории – время так называемой «мирной» оккупации страны английскими войсками, когда к власти вернулись английские ставленники во главе с Нури Аль-Саидом[9], жестоко расправившиеся с участниками антианглийского восстания в апреле 1941 г. В этой ситуации нужно было обладать большим гражданским мужеством, чтоб перевести и напечатать такой роман, как «Мать». Роман был опубликован в издательстве «Аль-Ахали» («Жители») в двух томах без указания имен переводчиков, со ссылкой на заказчика: «Перевод издательства "Аль-Ахали"». Это был прогрессивный журнал, выходивший в Ираке в 1938—1946 гг. под редакцией Зу-н-нуна Айюба (1908–1988). В нем сотрудничали известные новеллисты и романисты, считавшиеся зачинателями критического реализма в Ираке[10].

Появление романа «Мать» в этот период имело большое значение для иракских патриотов, которые были против вмешательства Великобритании в дела Ирака и против собственного правительства, которое способствовало английской интервенции. Этот роман выразил чувства многих слоев иракского общества и был одним из способов мотивировать их для свержения королевской власти, которое, наконец, и произошло в 1958 году.

Этим обстоятельством можно объяснить, почему во время войны цензура Нури Аль-Саида посмотрела на выход романа сквозь пальцы. Во-первых, журнал, его опубликовавший, был известен своей антифашистской направленностью и, вероятно, поэтому не подвергался чрезмерным преследованиям со стороны проанглийских кругов. Второе, не менее важное обстоятельство, по нашему мнению, могло заключаться в том, что роман «Мать», сосредоченный на идеях классовой борьбы, по мнению цензуры, не мог быть прямо соотнесен с национальными задачами, стоящими перед иракским обществом.

Так или иначе, но издание было осуществлено поспешно. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в послесловии ко второму тому издатели и переводчики просят у читателей извинения за опечатки, языковые ошибки и некоторый стилистический разнобой в переводе различных частей романа, поскольку перевод осуществлялся коллективно. Мало что сегодня объясняет и еще одна ссылка, вероятно, хорошо понятная современникам перевода – «необходимость окончить издание как можно быстрее с целью, которая не скрыта от читателя»[11]. На важность иракского перевода романа 1940-х годов указывал и И.Ю. Крачковский, отметивший, что перевод нашел «вдумчивый отклик» в антифашистском ливанском журнале «قيرطلا» («Аттарик»). Это не значит, что перевод был безупречен в литературном отношении. И.Ю. Крачковский, оценивая переводы отрывков из «Матери» в «Аттарик», указывал на некоторые неточности и вставки в текст, отмечая, что они, вероятно, могли восходить к какому-либо опосредующему изданию, а не к русскому тексту горьковского романа. Более поздние исследования показали, что оба пере-

вода — и сирийский, и иракский, – восходят к первой, английской, редакции романа. Она была напечатана на английском языке в Нью-Йорке в 1907 г.[12] и имела ряд существенных отличий от последующих редакций, не говоря уж о мелких эпизодах или о языковых и стилистических расхождениях[13]. Сам Горький назвал эту редакцию «недостаточно демократичной».[14] В арабских, переводах можно отметить и несколько менее важных изменений, в которых повинны уже арабские переводчики, стремящиеся 'приблизить роман к пониманию читателя. Например, в русском тексте встречается незнакомая арабу реалия: «Из нас жмут кровь, как сок из клюквы!» — говорит Весовщиков, у Горького (Г, 329)[15]. «...как сок из фиников»,— переводит Лиян Дейрани (Т, 601). «...как сок из тутовых ягод», — поясняет переводчик из «Аль-Маджалли» (М, 1, 234). Кстати, у американского переводчика не клюква, а черника (huckleberries) [16].

Расхождения возникают и при передаче евангельской топонимики и имен собственных. Их природа уже иная, не связанная с вариантами текста романа. Так, в дамасском переводе Эммаус (Г, 202) превращается в Голгофу (Т, 586); исчезает упоминание об Иуде (Т, 596)[17]. Эти расхождения, вероятно, можно объяснить тем, что переводчик имеет в виду мусульманскую, а не христианскую аудиторию, и для него важно указание на библейский источник в целом, а не на те подробности, которые хорошо известны христианину.

Отсутствие упоминания об Иуде может быть связано с политической ситуацией: в тот период уже был создан Израиль. Конфликт между арабами и мусульманами – с одной стороны и евреями – с другой, остается. Вероятно, переводчик потому не упомянул Иуду, что не хотел задеть чувствительность арабских и мусульманских читателей.

Переводчик исключает рассуждения, еретические с точки зрения мусульманина, как, например, слова Рыбина в гл. XI о том, что бог создал человека по образу и подобию своему и, значит, бог подобен человеку. Некоторые изменения, возможно, продиктованы цензурными соображениями. Например, в переводе речи Павла на суде вместо четко сформулированных в горьковском романе политических лозунгов: «Долой частную собственность, все средства производства – народу, вся власть – народу, труд обязателен для всех» (Г, 486), – приводится более расплывчатое заявление – «потому что власть принадлежит народу» (Т, 612).

Интерес «Горькому, как и вообще ко всей советской литературе, возрождается в 50-е годы, когда арабские страны вступают в период освобождения от колониальной зависимости, становятся на путь демократических преобразований. И снова в центре внимания арабских переводчиков оказывается роман «Мать». Показательны цифры: всего за 12 лет, с 1954 по 1966 г., на арабском Востоке появилось пять переводов этого романа: один — в Сирии (1954), два — в Египте (1957), один — в Ливане (1958) и один — в Ираке (1966), причем сирийский перевод выдержал за это время пять изданий. В восьмитомном собрании сочинений Горького, выпущенном в Дамаске, именно «Матери» отведен первый том – очевидно, как самому главному, с точки зрения издателей, произведению Горького. К переводу этого романа обращаются известные литераторы; среди них ливанский новеллист Ахмед Сувейд, сирийцы Сухейль и Фуад Айюбы, авторы целого ряда трудов о русских писателях»[18].

Роман М. Горького по-прежнему высоко оценивается в многочисленных статьях, вновь подчеркивается его революционное значение. Однако теперь к роману стремятся подойти с точки зрения эстетической, оценить художественный метод, которым пользуется его автор. В эти годы в арабской литературе формируется «новый реализм», несущий в себе, по мнению многих ученых, в том числе и арабских, черты социалистического реализма.

«Горький сильнее всех писателей мира повлиял на арабских писателей предшествующего поколения и особенно поколения нынешнего, которое вынесло на своих плечах народные страдания. Эти писатели выражают стремление нашего народа к свободе и подымают знамя его побед», – пишет один из последователей «нового реализма» ливанец Мухаммед Ибрахим Дакруб в статье, посвященной девяностолетию со дня рождения М. Горького[19].

Мишель Сулейман (журнал «Аттарик», Ливан) называет Горького «отцом социалистического реализма», утверждая, в частности, что Горький в своем романе «Мать» «впервые поднялся над миром в революционном порыве, с которого начинается новая эпоха в литературе»[20].

Аналогичные утверждения мы найдем в предисловии к дамасскому переводу, включенному в собрание сочинений Горького. Автор предисловия Фуад Айюб связывает новаторство Горького прежде всего с этим романом. Именно здесь, пишет Айюб, Горький впервые сделал героем рабочего-революционера и показал духовный рост женщины, которая до сорока лет не представляла себе, зачем она живет, а потом обрела революционную цель[21]. Анализируя роман, Айюб делает вывод о соответствии социалистического реализма идеологии пролетариата.

Образы героев М. Горького становятся для арабских писателей эталоном изображения характера революционного борца. Так, например, ливанский критик Михаил Савая, оценивая первый ливанский роман, посвященный борцам за наци-

ональное освобождение, сравнивает его главного героя именно с Павлом Власовым. «Как далек Асым из романа الرغيف»(«Аль-Рагиф»), эта фантастическая личность, от Павла, героя романа Горького «Мать», если тут вообще возможно сравнение!»[22]

Из переводов произведений Горького, сделанных в послевоенные годы, отметим дамасский из собрания сочинений (1954) и багдадский (1966), демонстрирующие два разных подхода к переводу. Дамасский перевод, выполненный Фуадом и Сухейлем Айюбами опубликован издательством «Дар Аль-Якза Аль-'Арабийя» в серии «Шедевры мировой литературы». Перевод, согласно указанию на титуле, сделан на основе английского и французского переводов, а затем сверен с русским оригиналом,— способ, часто используемый этим издательством. Сопоставление арабского текста с последней русской редакцией романа показывает, что такой способ приносит свои плоды: перевод сделан очень старательно, видно стремление переводчиков не пропустить и не исказить ни одной мысли Горького, ни одного образа.

Багдадский перевод — внешне типичный образец массового издания, с красочной обложкой, на которой изображена фигура матери на фоне группы рабочих во вполне современных комбинезонах и куртках с «молниями». Как в типичном массовом издании, в нем нет имени переводчика, каких-либо других комментариев. Судя по передаче имен собственных— Мишель Власов, Софи, БалаДжи (Пелагея), Сандрин (Сашенька) и др. — перевод сделан с французского языка. Встречаются отдельные неточности в передаче горьковских идей. Так, у Горького в разговоре об убийстве Исая Андрей говорит: «Это не я, — но я мог не позволить...» (Г, 309). В арабском переводе: «Я должен был помешать совершиться этому событию» (Б, 118.). В результате переосмысляется представления горьковского героя о долге революционера.

Большая часть купюр касается тех мест, где не идет речь о революционной деятельности героев, что, разумеется, искажает горьковский текст, но подчеркивает общую тенденцию отношения к нему только как к роману о рождении типа революционера. На первый план выдвигается Павел, Ниловна, несмотря на то, что роман назван М. Горьким «Мать» отодвигается на второй план. И это служит еще одним доказательством того, что роман в арабских странах воспринимается, прежде всего, в политическом, революционном контексте, отвечает общественным, а не эстетическим задачам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – один из создателей школы советской арабистики. Наиболее известные его работы: Арабская литература XX века — М., 1946. Очерки по истории русской арабистики. – М., 1950, Избранные сочинения. – М., 1955 и др.

2 Долинина А.А. Из истории арабских переводов романа М. Горького «Мать». / А.А. Долинина // Вестн. Ленингр. ун-та. 1980. № 20: История, яз., лит. Вып. 4. С. 59.

3 Издавался в Сирии в 1935—1939 гг.

4 Раиф Хури (1913–1967) – ливанский писатель, журналист, поэт, рассказчик и критик (1913–1967).

5 Лиян Дейрани (1920 – 1975) – ливанский рассказчик и переводчик.

6 Долинина А.А. Указ соч. – С. 59.

7 Там же.

8 Там же.

9 Нури Аль-Саид (1887—1958) – иракский политический и государственный деятель, премьер-министр Ирака. Убит восставшими жителями Багдада во время Иракской революции 1958 года // http://ar.wikipedia.org/wiki. 09.10.12.

10 Долинина А.А. Указ соч. – С. 60.

11 Горький М. Аль-Умм («Мать»). Т. 2. М. Горький. – Багдад : 1942. – С. 271.

12 Gorki M. Mother. N. Y., 1907

13 См.: Касторский С. «Мать» М. Горького. Творческая история повести / С. Касторский. – 1940. – С. 85-88.

14 Там же. – С. 89.

15 Здесь и далее при цитировании романа «Мать» и его арабских переводов приняты следующие сокращения: Г – русский текст в изд.: Горький М. Собр. соч. и 30-ти т. Т. 7. М„ 1950; Т – перевод «Ат-Талийа»; М — перевод «Аль-Маджалла», Д дамасский перевод 1954 г.; Б — багдадский перевод 1966 г. Цитируемая страница указывается после запятой.

16 Gorki M. Mother. – P. 215.

17 Долинина А.А. Указ. соч. – С. 61.

18 Там же.

19 الثقافة الوطنية («Национальная культура») 1958, № 4, с. 22. I» Лт-الطريق, 1958, № 3, с. 23. I› Лт-الطريق, «Аттарик»1949, № 3–4, с. 33. // Долинина А.А. Из истории арабских переводов романа М. Горького «Мать». / А.А. Долинина // Вестн. Ленингр. ун-та. 1980. № 20: История, яз., лит. Вып. 4. С. 63.

20 Там же.

21 Там же.

Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун, ВГУ, филологический факультет, кафедра русской литературы XX-XXI веков, аспирант.
E-mail: mkmr6002@yahoo.com

Al.Masood Mohammed Kadhim Hasson, VSU, Philological faculty, Department of Russian literature of the XX-XXI-st centuries , post-graduate student
E-mail: mkmr6002@yahoo.com

УДК 81'373

НАИМЕНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ

© 2012 Д.Е. Хохонин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 мая 2012

Аннотация: *Целью данного исследования является анализ метафорического использования наименований некоторых музыкальных инструментов. В результате анализа выявляются мотивирующие семы метафорических переносов и типы метафорических моделей.*

Ключевые слова: *метафора, метафорический перенос, сема, модель.*

Abstract: *The aim of this study is to analyze the metaphoric use ofthe names of musical instruments. As the result of our study we single out motivising semes of metaphoric references and types of metaphoric patterns.*

Key-words: *metaphor, metaphoric reference, ceme, pattern.*

Исследование проблем метафоры и метафоризации, до настоящего времени не потерявшее своей актуальности, сегодня не ограничивается пределами лингвистики. «Метафора как неотъемлемая часть сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии» [1, 126].

Основные пути создания метафоры, направления метафорических переносов были определены еще в античной науке. До сих пор не утратили актуальности направления, выявленные Аристотелем: «Метафора – перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, из вида в вид или по аналогии» [2, 66]. В каком бы ракурсе ни рассматривалась метафора, она всегда будет оставаться тропеическим риторическим приемом, обладающим воздействующей силой. Суть любой метафоры состоит в том, что она является речевым приемом, при котором используется конкретный (точный) термин в другом контексте, включающем подразумеваемое сравнение, посредством замещения по аналогии. Метафора, как и другие риторические приемы, например ирония или гипербола, демонстрирует разрыв между подразумеваемым и буквальным значением высказывания, что нейтрализуется слушателем путем построения фигуральной интерпретации.

При понимании фигуральной аналогии сравниваются два явления из разных областей, разного порядка. Они могут иметь ассоциативную или символическую связь. Так, в русском языке небезынтересна музыкальная метафора, которая специальному исследованию не подвергалась.

© Д.Е. Хохонин, 2012

Музыкальные метафоры находят широкое распространение в разных дискурсах. Они проникают в психологию, живопись, архитектуру, публицистику, политику и литературу.

Материалом для данной статьи являются наименования музыкальных инструментов в метафорическом использовании. Любой музыкальный инструмент – это артефакт, т. е. предмет, являющийся продуктом человеческого труда. Мы можем наблюдать явление метафорического переноса, осуществляющегося по моделям: «артефакт => человек» и «артефакт => абстрактное понятие» в художественной литературе, публицистике и повседневной разговорной речи.

Рассмотрим следующие примеры:

(1) – *Тоже мне, блин, балалайка нашлась, – разъярилась Верка, – ну и что получила, всю жизнь влюбляясь*? (Дарья Донцова. «Уха из золотой рыбки»)

(2) *Еще на счастье. Да, судьба – котелок, жизнь – балалайка, перебор! Вот кому везет во всех смыслах, сержант, так это тебе*! (Юрий Бондарев. «Берег»)

Мотивирующей метафорический перенос значения семой в текстовом фрагменте (1) является простота устройства инструмента, а сам перенос осуществляется по модели «артефакт => человек».

Балалайка – русский народный трёхструнный щипковый музыкальный инструмент. Она – это неотъемлемая часть русской культуры, которая и сейчас пользуется повышенным спросом не только как сувенирная продукция, но и как музыкальный инструмент, используемый в русских народных ансамблях. Корень слов «балалайка», или, как её ещё называли, «балабайка», давно

привлекал внимание исследователей родством с такими русскими словами, как «балакать», «балаболить», балагурить, что значит «разговаривать о чем-нибудь ничтожном, болтать, пустозвонить, калякать». Суть балалайки – легкость, простота устройства, на балалайке, как правило, исполняются легкие, забавные мелодии.

В текстовом фрагменте (2) балалайкой названа сама жизнь, судьба, что позволяет определить метафорическую модель как «артефакт => абстрактное понятие», в которой перенос осуществляется по той же семе (легкость, простота).

Послали телеграмму, – он не явился. «Волынка тянется до сих пор». (Труд – 7., 2007 02.03)

Она говорила: «Когда три эгоиста живут вместе, ничего хорошего быть не может». – «Да, но у каждого эгоиста есть выход, – говорил я. – Найти доброго человека, который будет ему всё прощать». – «Это такая волынка – искать доброго человека». (Юрий Трифонов. «Предварительные итоги»).

В данных примерах метафорически используется наименование музыкального инструмента волынка. Это традиционный музыкальный духовой инструмент многих народов Европы и Азии, представляющий собой воздушный резервуар, который обычно делается из телячьей или козьей шкуры, снятой целиком, в виде бурдюка, зашитой наглухо и снабженной сверху трубкой для наполнения меха воздухом, с прикрепленными снизу одной, двумя или тремя игральными язычковыми трубками, служащими для создания многоголосия.

Волынка была некогда очень популярным на Руси народным инструментом. Высшими кругами волынка игнорировалась, так как её мелодию считали негармоничной, невыразительной и однообразной, она обычно считалась «низким», простонародным инструментом. Поэтому в течение XIX века волынка была постепенно вытеснена более сложными духовыми инструментами такими, как гармонь и баян.

Метафорический перенос в данных случаях осуществляется по модели «артефакт => абстрактное понятие», а мотивирующей семой является «однообразное, заунывное, тягучее звучание».

– Экая тетка Авдотья! Гусли, а не баба! – воскликнул Костик, желавший переменить разговор (Н.С. Лесков. «Житие одной бабы»).

Гусли – струнный музыкальный инструмент, является наиболее древним русским струнным щипковым музыкальным инструментом. Издавна под этот музыкальный инструмент на Руси писались песни, гусли преимущественно использовались для исполнения балладных песен или былин.

Героиня Лескова получает метафорическую оценку, поскольку отличается говорливостью, словоохотливостью, приятным голосом, именно с этими качествами ассоциируется данный народный инструмент.

Следовательно, мотивирующей семой в метафорической модели «артефакт => человек» является «приятное звучание».

Вы любите Михалкова-старшего? – Знаете, каждый человек – это рояль. На нем можно сыграть «Экспромт-фантазию», можно – собачий вальс, а можно просто пробарабанить кулаками нечто угрожающее. (Интервью Виктории Токаревой)

Рояль – многофункциональный музыкальный инструмент. Сложность этого инструмента заключается в способности одновременно солировать (как правило, правой рукой) и аккомпанировать (преимущественно левой), что невозможно на других (только солирующих) инструментах.

В данном фрагменте метафорически используется лексема «рояль», в силу того, что он многофункционален так же, как и сам человек, в нем целый микрокосм звука, как и в человеке. Основанием для переноса являются следующие семы: «сложная организация», «многофункциональность», что позволяет осуществить метафорический перенос по модели «артефакт => человек».

(1) *Путин – сладкозвучный саксофон, на котором играет Роман Абрамович* (Александр Проханов. «Каждый пятый русский – Карбышев» «Завтра»).

(2) *Человек-тромбон» – и за этим нам уже рисовался какой-то определенный тип человека, «человек-труба», «человек-саксофон»... (Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!»*).

Справедливо утверждение того, что каждый музыкальный инструмент не самостоятелен, поэтому во фрагменте (1) в роли мотивирующей семы выступает «несамостоятельность», автор имеет в виду, что подобно тому, как музыкант управляет музыкальным инструментом, Абрамович управляет Путиным.

В текстовом фрагменте (2) мотивирующей семой метафорического переноса становится характер звучания музыкального инструмента.

Саксофон один из самых красивых и пронзительных музыкальных инструментов. Своим звучанием он создает завораживающую и неповторимую атмосферу любви и романтики, как и голос человека. В данных текстовых фрагментах метафорический перенос осуществляется по модели «артефакт => человек».

Аналогичным образом, метафорически используется музыкальный инструмент «труба».

Труба – это музыкальный инструмент, обладающий ярким, блестящим тембром и использующийся как сольный инструмент. Поэтому мы можем предположить, что «человек – труба» – это

человек яркий, звонкий, призывающий к чему-нибудь, а семой для переноса послужил признак «яркость звука».

Ты старая, вялая, плохо заведенная шарманка (В. Вересаев. «К жизни).

Шарманка – механический прибор для воспроизведения музыкальных произведений. В данном случае сема «однообразие» стала основой для метафорического переноса. Шарманщик, крутя ручку, мог воспроизвести всего лишь шесть – восемь мелодий, записанных на валике.

Анализ музыкальной метафоры показал, что основными моделями метафорического переноса наименований музыкальных инструментов являются следующие направления метафоризаций:

1) «артефакт => человек»; 2) «артефакт => абстрактное понятие»; мотивирующими семами в модели «артефакт => человек» являются: устройство инструмента, характер звука, несамостоятельность, а в модели «артефакт => абстрактное понятие» простота и однообразие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.

2. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – Л., 1927. – 120 с.

Воронежский государственный университет
Хохонин Дмитрий Евгеньевич,
аспирант кафедра общего языкознания и стилистики филологического факультета
E-mail: dex777@rambler.ru

Voronezh state University
Hohonin Dmitry, post graduate student of the department of general linguistics and stylistics of philological faculty
E-mail: dex777@rambler.ru

УДК 659.4 (091)(470)

ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ В РОССИИ: ОТ «ПЮБЛИСИТЕ» К «ПИАРУ»

СТАТЬЯ 1. МАКОЭТАПЫ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ

© 2012 А.Е. Богоявленский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 августа 2012 года

Аннотация: *Статья посвящена обоснованию синергетического подхода к периодизации паблик рилейшнз.*

Ключевые слова: *ПР, паблик рилейшнз, синергетика, периодизация.*

Abstract: *This paper is devoted to the justification of the synergetic approach to the periodization of public relations.*

Keywords: *PR, Public Relations, synergetics, periodization.*

В современных подходах к общеисторической периодизации паблик рилейшнз следует выделить три тенденции:

1. Отсчет, преимущественно ведущийся с неких абстрактно обозначенных «древнейших времен» (Ф. Джефкинс, А. Чумиков, М.Бочаров и др.).

2. Отсчет, преимущественно ведущийся с момента образования государственности США (Д. Ньюсом Дж. Терк, Д. Крукеберг, С. Катлип, А. Сентер, Г. Брум, А.Векслер и др.).

3. Отсчет, преимущественно ведущийся с момента институализации ПР в США (Э. Бернайз, Р. Смит, О. Баскин, К. Аронофф, Дж. Грюниг, Т. Хант, Ф. Буари и др.).

Таким образом, не вызывает сомнения «американоцентричность» наиболее известных периодизаций[1], что нельзя объяснить ничем, кроме как известным тезисом о политической, национальной и проч. «ангажированности» исторической науки как таковой. Методология синергетики позволяет по новому подойти к периодизации ПР, как сложной самоорганизующейся системы, или, по образному выражению одного из основоположников одного из подразделов этой дисциплины – клиодинамики Л. Бородкина, навести «Порядок из хаоса» [1].

Причины возникновения и логику развития не только ПР как маркетинговой коммуникации и функции менеджмента, но и Макро-ПР как «чувства глобального самосохранения» можно аргументировано представить, используя график, основанный на данных Ж-Н. Бирабена *(см. рис. 1)*. График, отражающий рост численности населения, наглядно демонстрирует экспоненциальную кривую в виде латинской буквы «J».

На графике цифры и обозначения от 10 000 ВС до 2000 отражают историческое время до начала XXI века.

Цифры от 0 до 6 означают количество людей, проживающих на Земле на дату построения графика. Сейчас эта цифра составляет 9 млрд. человек, что еще более подчеркивает основную идею: историческое и социальное время начинает все более и более «сворачиваться».

По расчетам Х. фон Фёрстера, опубликованным еще в 1960 году в авторитетном журнале «Science» [2], если динамика прироста человеческой популяции будет происходить в той же степени, как это было за последние два тысячелетия, то экспонента уйдет в бесконечность точно в пятницу, 13 ноября 2026 года от Рождества Христова. Независимая графическая экспонента вполне оправдывает «технофобическую» точку зрения, представленную в трудах таких выдающихся исследователей как Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хайдеггер, К. Ясперс и мн. др. Сторонник «компромиссного»[2] подхода к достижениям цивилизации С.Капица формулирует чрезвычайно важную идею: «Анализ роста численности населения <...> выражает суммарный резуль-

1. В дополнительное обоснование данного тезиса приведем периодизацию французского теоретика и практика Жак Ку де Фейака, который, выделяя четыре основных этапа развития европейских паблик рилейшнз, констатирует их значительное отставание от аналогичных процессов в США. Первое десятилетие после Второй мировой войны – «Примитивная эра» паблик рилейшнз в Европе; «Вторая эра» (середина 1950-х годов – 70-е годы. В 1970-1980-е годы – «Третья эра»; «Четвертая эра» с 1990-х годов. (http://sviazyobsh.ru).

2. К сторонникам такого подхода следует отнести Н. Лумана, А. Назаретяна, В. Степина и др. Кроме этого существует «технократический» подход коммуникативистов М. Кастеллса М. Маклюэна, Э. Тоффлера и др.

© А.Е. Богоявленский, 2012

тат всей экономической, социальной и культурной деятельности, составляющей историю человечества <...> (курсив наш – А.Б.)» [3].

На графике отчетливо заметны три фазы роста, совпадающие с этапами коммуникационных революций XV[3], XIX и XX веков. Данное обстоятельство дает основание определить коммуникационные революции своеобразными точками бифуркации, меняющими состояние системы глобального мироустройства и ускоряющими ход истории *(См. рис. 2)*.

Подобный междисциплинарный синергетический подход позволяет выявить в истории развития ПР три макропериода, взяв за первооснову влияние коммуникационных революций на цивилизацию[4]: Период «пра-ПР», Период «предтеч ПР» и *Институциональный* период «собственно ПР».

На полулогарифмической сетке экспоненциальный рост изображается прямой, которая никак не может описать развитие человечества за сколько-нибудь значительный период времени. На графике роста по мере приближения к демографическому переходу ясно видно сжатие исторического времени» [30].

На укрупненном участке графика С. Капицы нами обозначены точки коммуникационных революций **(КР)**, которые, как мы полагаем, и являются точками бифуркации общеисторического процесса, а также реперными точками, разграничивающими представленные выше периоды развития ПР. Для более точного понимания процесса сжатия времени, при анализе графика важно учесть, что ось ординат данного графика представлена условными (отличающимися от графика Ж.-Н. Бирабена) градациями, дающими разномасштабные параметры численности населения. В настоящем случае каждое следующее вертикальное деление оказывается ровно в 10 раз меньше предыдущего.

Представим обозначенные на графике периоды более подробно.

Период «пра-ПР» (до начала первой коммуникационной революции в XV в.) представлен в форме разрозненных коммуникаций, имеющих лишь внешнее сходство с технологическими приемами современных паблик рилейшнз. На графике этот период представлен участком экспоненты, лишь незначительно отклоняющейся от горизонтали. Этот период наивысшей стабильности гомеостазиса охватывает такие общественно-экономические формации как первобытнообщинная, рабовладельческая и феодальная.

Период «предтеч ПР» (XV в. – конец XIX-начало XX в.) длится с начала первой коммуникационной революции. Создание И. Гуттенбергом печатного станка[5] ознаменовало новую эру, как в истории коммуникации, так и в истории человечества в целом. Ярким представителем начала периода предтеч ПР сочтем Никколо Макиавелли, написавшего труд «Государь» –сочинение, которое признанно считается первым пособием по политическому консультированию и созданию имиджа правителя. Период «предтеч ПР» характеризуется ростом промышленного производства и утверждением общественно-экономической формации капитализма. На графике рассматриваемый период представлен участком экспоненты, резко отклоняющемся от горизонтали вследствие преодоления первой точки бифуркации (первой коммуникационной революции) ускорившей темп старения цивилизации.

3. Институциональный период «собственно ПР» (с XX в.). Коммуникационная революция конца XIX – начала XX вв. связана с именем Т. Эдисона. Его открытия позволили не только сохранить информацию в изображении (фотография), в звуке (фонограф), двигающемся изображении (кинетограф – именно на его основе Л.Ж. Люмьéр позже создает свой кинематограф), но и передавать информацию на расстоянии. Именно в это время в процессе массового производства и массового потребления (в том числе массового потребления прессы), под влиянием массовых средств информации возникает массовое общество, образуется феномен массовой культуры, появляются научные работы, обращенные к анализу психологии масс, работы, легшие в основу, как теории современных политтехнологий, так и технологий ПР.

И*нституциональный* период в общемировой истории паблик рилейшнз длится с момента опубликования А. Ли «Декларации принципов» (1906 г.) по настоящий момент. На графике и*нституциональный* период «собственно ПР» обозначен

3. Демографические последствия чумы, отраженные на графике в виде «средневековой впадины» несколько ретушируют точку бифуркации в XV веке.

4. В качестве оснований для периодизации человеческой истории предлагаются технологические прорывы в военной сфере (А. Панов, развивающий идеи И. Дьяконова), усложнение информационных технологий (С. Гринченко), смена принципов производства благ (Л. Гринин), принципы социальной самоорганизации (С. Малков) и др. (См. : Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Математическое моделирование в истории и социальных науках: надежды и успехи. – (https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:in8iOqpTjxMJ:www.4.letops.z8.ru/text/krug/8/343– 362.pdf+&hl=ru-&gl=ru&pid=bl&srcid=ADGEEShXTJtcUcKd0vs261UNminvd2ax4TPHQPiPwex3gDg3V-xyST0tSYMWfMQA8GvZh3ouc2UzjfltyVSjjzhLP5zlJCN6UMYoZDzb1a3j-rT6HJBv8h6mYGe72Ow4xjNYEGfn01_8&sig=AHIEtbTRXXulCORqaFmDbgEGlkdjXYY8rg&pli=1).

5. Год появления первого печатного издания остается предметом дискуссий – называются даты от 1445 до 1447 гг. Первые издания, приписываемые И. Гутенбергу, представляли небольшие листовки-календари и учебники.

фактически вертикальным участком экспоненты, выстраивающим предел для прежней исторической парадигмы (вследствие преодоления второй и, особенно, третьей (появление Интернета) точки бифуркации – второй и третьей коммуникационной революции).

Исходя из предлагаемой идеи «массификации» общественных и коммуникационных процессов, логики «синергетической периодизации ПР» и иерархии направлений паблик рилейшнз, сформулируем периодизацию макропериода «Собственно ПР», определив новыми «точками бифуркации» мировые войны (WW) – «сметающие» прежний геополитический порядок, социально-экономический уклад и глобальную систему массовых коммуникаций, а доминирующим направлением ПР – медиа рилейшнз:

Период до I WW (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.) – период «печатных ПР». С возникновением феномена массификации общества (массовое производство, массовое потребление, массовая культура, массовое общество, массовое сознание, интерес к проявлению массового бессознательного) газеты действительно не только становятся доступными для широких масс (т.е. средствами массовой информации), но широко и осознанно используются для воздействия на «массовое бессознательное» ради достижения заданных (политических, экономических и др.) целей. Американские исследователи ПР отмечают, что Т. Рузвельт правил Америкой через первые полосы газет. Развивается товарная концепция маркетинга. В коммерческих коммуникациях происходит первое деление (реклама и ПР).

Период между окончанием I WW 28 июля 1914 г.– 11 ноября 1918 г.) и окончанием II WW (1 сентября 1939 г. – 2 сентября 1945 г.) – период «радио– и кино-ПР». В это время происходит очередная массово-коммуникационная революция – становление кинематографа и радио как СМИ. Это период великих репрессий в СССР и Великой депрессии в капиталистическом мире. Как социально-политический ответ на социально-политический вызов Великой депрессии в капиталистическом мире происходит становление радикальных фашистских и национал-социалистических режимов. Как экономический ответ на экономический вызов Великой депрессии развивается сбытовая концепция маркетинга и выделяются такие маркетинговые коммуникации, как реклама, паблик рилейшнз, сейлз промоушн, директ-маркетинг.

Период между окончанием II WW и окончанием III WW – **период «теле-ПР».**

Третья мировая война «завершилась полным разгромом восточного блока» [4], реализовав тем самым стратегические задачи «вероятного противника», предельно жестко сформулированные экс-пезидентом США Р.Никсоном: «Мы должны поставить перед собой цель способствовать децентрализации власти в Советском Союзе. Это должно быть долгосрочной целью, но она вполне достижима» [5]. Третья мировая война заканчивается безоговорочным поражением Советского Союза и распадом «мировой социалистической системы», зафиксированным подписанным 8 декабря 1991 г. Беловежским соглашением о капитуляции «Бывшего СССР». В этом безоговорочном поражении СССР и его союзников – главное общественно-историческое значение итогов Третьей мировой войны.

В период «холодной» (информационной) войны происходит следующая коммуникационная революция – становление ТВ как СМИ.

Развивается концепция «собственно маркетинга». В маркетинговых коммуникациях наблюдаются интеграционно-дезинтеграционные процессы: ATL/BTL.

Период по окончании III (холодной) WW – **период «Internet ПР»** в рамках которого усмотрим модель мультисторонней гипреркоммуникации. Отмечаемые в Глобальной сети кардинальные изменения по линии Web 1.0 – Web 2.0 – Web 3.0 можно обозначить не только как очередную, но теперь уже перманентную гиперкоммуникационную революцию, но и как практическое воплощение указанной идеи гиперрасширния сознания. Отметим и изменения, произошедшие в маркетинге: возникают концепции «маркетинга отношений» и «социально-ответственного маркетинга»; в маркетинговых коммуникациях – концепция «вне черты» (ИМК).

Зафиксируем несколько важных **следствий** предлагаемой концепции.

Заявленный синергетический подход к периодизации паблик рилейшнз, отражающий общемировой тренд развития этой дисциплины, способен проявить себя как особая матрица и при рассмотрении особенностей национальных ПР.

Все рассматриваемые общемировые тенденции прямо или косвенно затрагивают развитие ПР в нашей стране. Вовлеченность России в процессы глобализации и персональной мобильной мультисторонней гиперкоммуникации (ПММГК) позволяют сделать вывод о том, что синергетическая периодизация ПР является актуальной для понимания логики институализации национальных паблик рилейшнз.

Выявление особенностей национальных ПР в России позволяет сделать синергетическую матрицу развития паблик рилейшнз более усложненной и многогранной, обогатив общемировую историю развития этой дисциплины сюжетом особого свойства.

ЛИТЕРАТУРА:

1 . Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса» : концепции синергетики в методологии исторических исследований / Л.И. Бородкин // Новая и новейшая история, 2003. – № 2.

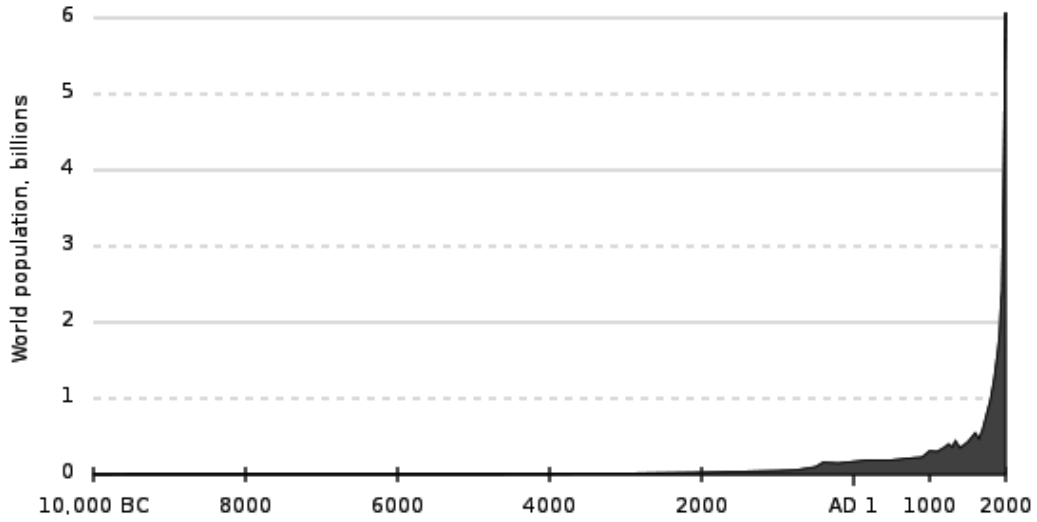
2. Foerster, H. von. Amiot Doomsday : Friday, 13 November, A.D. 2026. At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millennia / H. von Foerster, P. Mora, and L. Amiot // Science – 1960 – № 132. – P. 1291-1295.

3. Капица С.П. Историческое время, информация, демографическая революция и будущее человечества / С.П. Капица // Общественные науки и современность, 2006. – № 4. – С. 146 (137-147).

4. Мурсалиев А. Третья мировая война окончена / А. Мурсалиев // Комсомольская Правда. – 1992. – дек. – (http://bookz.ru/authors/mursaliev-a/mursaliew/1-mursaliew.html).

5. Никсон Р. 1999 год. Победа без войны / Р. Никсон. – М. : Прогресс, 1988 – С . 77.

Рис 1.



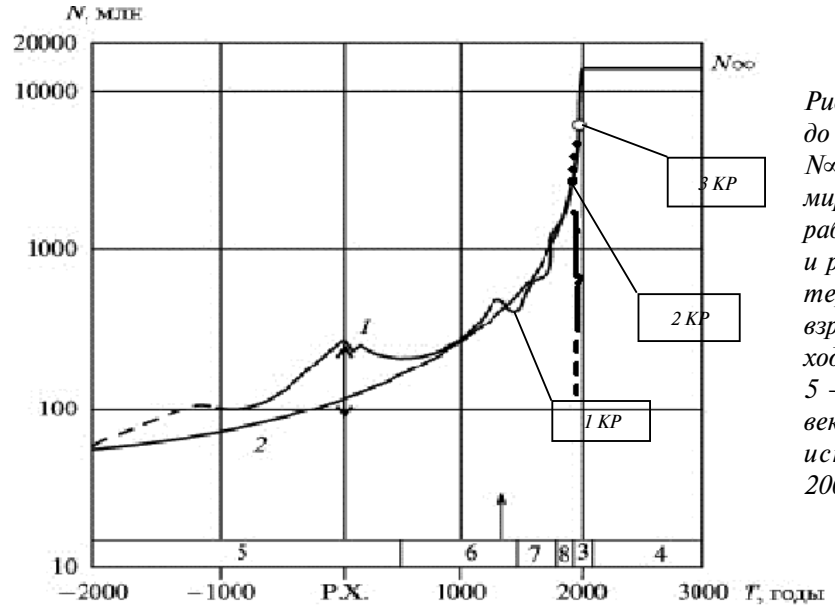


Рис. 2. «Население мира от 2000 до RX. до 3000 г. Предел роста N∞ = 10-12 млрд. 1 – население мира с 2000 г. до Р.Х. согласно Бирабену; 2 – гиперболический рост и режим с обострением, характеризующий демографический взрыв; 3 – демографический переход; 4 – стабилизация населения; 5 – Древний мир; 6 – Средние века; 7 – Новая и 8 – Новейшая история. ↕ – ошибка. ○ – 2000 г. ↑ – чума 1348 года.

Богоявленский А.Е.
Воронежский государственный университет.
К.ф.н., доцент факультета журналистики.
e-mail: vasheblagorodie@gmail.com

Bogoyavlensky A.E.
Voronezh State University. PhD.
The senior lecturer of faculty of journalism.
e-mail: vasheblagorodie@gmail.com

УДК 07:654.197:316.653

МЕДИЙНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ И АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ «В КОНТЕКСТЕ»

© 2012, М.В. Выжлаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 августа 2012 года

Аннотация: *В статье рассматривается проблема феномена манипуляции в медиа и делается попытка выявить манипулятивную составляющую в коммуникативной стратегии общественно-политического ток-шоу «В контексте» (Первый канал).*

Ключевые слова: *коммуникативная стратегия, манипуляция, российское телевидение, общественно-политические ток-шоу, Первый канал.*

Abstract: *In this article, the problem of media manipulation phenomena is examined. Also, there is an attempt to reveal manipulative elements of the communicative strategy of the political talk show 'In the context' (Channel One).*

Key words: *communicative strategy, manipulation, television in Russia, political talk shows, Channel One.*

Термин манипуляции имеет широкое хождение как в публицистике, так и в науке. При этом точного определения не существует. В качестве одного из «полюсов» можно привести следующее: «это внедрение в сознание и подсознание индивида (объекта манипуляции) обманными методами ценностей и установок, истинное содержание которых не понимается индивидом, но воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и не совпадает при этом с теми ценностями и установками, что есть у него в данный момент» [8, 158]. Примечателен на этом фоне постмодернистский взгляд на манипуляцию: «СМИ несут смысл и контрсмысл, они манипулируют во всех направлениях сразу, этот процесс никто не может контролировать, они – средства внутренней по отношению к системе симуляции, и симуляции, которая разрушает систему» [2].

Однако и в определении, и в изучении феномена по-прежнему остается много неясностей. Немаловажной проблемой является трудноотделимая оценочность. В случае такого популяризатора темы манипуляции, как С. Кара-Мурза [5], по нашему мнению, моральное осуждение и поиск конкретных примеров «обмана» затмевает анализ самого феномена. Поэтому нам представляется небезосновательным следующий комментарий: «слово «манипулирование» превращается в некий штамп, содержащий / предполагающий совокупность признаков ... который присваивается какой-либо единице, коммуникативной ситуации ... без обоснования наличия этих признаков; предметом рассмотрения и анализа становятся языковые и другие коммуникативные особенности, которые квалифицируются как манипулятивные» [7].

К этому стоит добавить, что взгляд на возможность самого существования манипуляции очень разнится и в зависимости от научных парадигм. В частности, данный феномен изучался и получал обоснование, прежде всего, в рамках «модели доминирования», базирующейся на марксистских традициях; в рамках же «плюралистической модели» манипуляция в принципе невозможна или не имеет значения [по 4].

При этом и в приведенном первым определении можно видеть, что оно заключает, как минимум, две проблемы, требующие отдельного исследования: во-первых, проблему наличия «злонамеренного» воздействия, во-вторых, проблему восприятия этого воздействия объектом манипуляции.

Что касается второго пункта, то можно вспомнить, как минимум, теорию кодирования/декодирования С. Холла [1], демонстрирующую неоднозначность восприятия аудиторией медийного текста. Из нее также можно сделать вывод о большом разнообразии стратегий декодирования различными социальными группами, что рождает вопрос об эффективности манипуляции.

Мы же обратимся к первой проблеме. Можно ли вообще выявить именно такое воздействие, которое предполагает «злую волю» говорящего? Дедуктивный анализ феномена, когда, исходя из теоретического знания о манипуляции, ищутся примеры ее применения, представляется нам не слишком продуктивным. Мы попробуем применить другой подход, сделав упор на дискурс-

© М.В. Выжлаков, 2012

анализ, позволяющий выявить «каким образом дискурс помогает конструировать социальный мир коммуникантов» [6, 117].

Мы проанализировали один из выпусков общественно-политического ток-шоу «В контексте» – «Ближний Восток: настоящая война» (от 27 июля 2012 г.). Подобный формат передачи, по нашему мнению, интересен и показателен тем, что в его рамках «сталкиваются» дискурсы отдельных участников. Образует ли это столкновение общий дискурс? Мы обратили внимание не столько на содержательную сторону дискуссии, сколько на формальную, и попытались выявить какие-либо закономерности. Далее мы приведем выдержки из нашего анализа.

Уже во вступительном слове ведущий М. Шевченко задает основные контексты обсуждения:

– противостояние между рядом стран Ближнего Востока (*«Война» – вот главное слово, которым сегодня можно охарактеризовать ситуацию на Ближнем Востоке»*). Затем эта тема реализуется в обсуждении деталей конфликтов между отдельными странами и группировками, поэтому «война» является скорее метафорой;

– закулисные силы, стоящие за событиями на Ближнем Востоке (*«Складывается ощущение, что за всеми этими событиями стоят не только интересы государств региона, но и интересы мировых политических сил»*);

– возможность масштабной войны, вплоть до третьей мировой (*«...эти интересы могут привести нас к третьей мировой войне»*);

– в конце второй части он вводит тему 4: «*как России во всей этой катавасии себя вести*». В этой конструкции заявлены общность (данный «синонимический» ряд реализуется в ходе всей передачи: Россия = конкретные деятели российской государственной системы = российское государство = российский народ = население России = мы) и императив (= как Россия должна поступать).

Вокруг этих тем далее и строится вся дискуссия, за редкими исключениями.

Целесообразно привести здесь общую характеристику дискурсов участников дискуссии:

– С. Кургинян. Его выступления характеризуются заметной масштабно-философской направленностью. Доля глобальных категорий и абстракций в его речи достаточно велика. Ему принадлежит оппозиция «*модерн* / «*контрмодерн*» (здесь и далее – первый элемент оппозиции имеет положительную оценочность, второй – негативную). Также стоит отметить идеологему «*мировой стабильности*», за которую ответственна Россия, и оппозицию «*национальные государства* / *США*», в которой Америка становится виновником войны на Ближнем Востоке и несет «*контрмодерн*». Гипотетическая «*война*» мыслится С. Кургиняном как весьма вероятная.

– Ф. Лукьянов. Единственный из всех участников, в дискурсе которого звучат нотки дескриптивности, что можно увидеть в мотиве естественности (политических процессов; того, что происходит на Ближнем Востоке; другими словами, «виновник/зачинщик/подстрекатель» здесь отсутствует). Кроме того, достаточно низко оценивает вероятность войны.

Можно выделить две оппозиции: «*большинство* / *меньшинство*» при рассмотрении как Сирии в частности, так и Ближнего Востока в целом; «*Россия* / *мир*», в данном случае «*Россия*» доказывает «*миру*», что к ней необходимо прислушиваться.

Но и Ф. Лукьянов принимает императивную направленность темы 4.

– А. Шмулевич. Есть основания считать данного участника символическим представителем Израиля и евреев. Дискурс А. Шмулевича израилецентричен, для него и война на Ближнем Востоке – это, прежде всего, война против Израиля, и действия России на Ближнем Востоке рассматриваются преимущественно в ракурсе взаимодействия России и Израиля. В то же время встречается в его выступлении и значительное надысторическое обобщение, когда он говорит о неких циклах обновления ситуации в мире.

Примечательно, что это единственный участник программы, попытавшийся противостоять общему дискурсу. Он ввел контекст бессилия России, которая «*вообще не способна играть никакой роли на Ближнем Востоке*», «*не способна даже решить свои собственные проблемы*», имеет «*очень плохую репутацию*» (при этом связывая «*Россию*» с местоимением «*вы*»). Это поставило под сомнение правомерность императива, главенствующего в третьей части передачи – о том, что Россия должна сделать нечто для урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. Стоит отметить, что М. Шевченко довольно быстро перехватил коммуникативную инициативу и «погасил» данную тему.

– А. Делетроз. Данный участник, в свою очередь, подходит на роль символического представителя «Запада». Его апелляции к праву, конвенциональности, переговорам, внимание к символическим проявлениям демократии (в частности, к демонстрантам), критичность по отношению к действиям России укладываются в стереотипный образ «западной» идеологии. Кроме того, одним из основных моментов его выступлений можно назвать мотив новизны – новизна ситуации на Ближнем Востоке, появление там «*новых народов*». Также он склонен сводить

дискуссию к теме 1 и далее к конкретным реалиям конкретных стран.

– Г. Джемаль. Это символический представитель ислама, что не в последнюю очередь маркируется его теологической риторикой. Впрочем, роль эта двояка, т.к. он одновременно солидаризуется с Россией, в т.ч. через местоимение «*мы*».

Г. Джемаль – один из основных «двигателей» темы 2. Ключевыми являются две оппозиции: «*национальные суверенитеты / мировое правительство*» и «*антисалафиты / салафиты*».

– М. Шевченко. Роль ведущего предполагает, с одной стороны, коммуникативное лидерство (например, у него больше всего реплик), с другой – сказывается в том плане, что ведущий так или иначе вынужден перенимать контексты собеседников. Мы выделили как минимум две конструкции, которые М. Шевченко «взял» у собеседников и пытался распространить уже на других собеседников – это «*модерн / контрмодерн*» (С. Кургиняна) и «*большинство / меньшинство*» (Ф. Лукьянова). На этом фоне, однако, отчетливо заметен тот факт, что на протяжении всей передачи М. Шевченко настойчиво «уводил» собеседников именно в те темы, которые задавал сам (вначале передачи и в конце второй части).

Мы бы хотели подчеркнуть ту решающую роль, которую ведущий играет в модерировании дискуссии. Подавляющее большинство реплик участники дискуссии высказывали именно с «подачи» М. Шевченко, равно как и немалая доля выступлений была свернута именно по его инициативе.

Как уже было сказано, вся дискуссия стремится к ограниченному набору тем. И стремление это обеспечивается не только ведущим, но нередко и самими участниками дискуссии. Те случаи, когда говорящие пытаются самостоятельно ввести новую тему, в основном отличаются уменьшением масштаба (например, сведение разговора до внутрииранских или внутрисирийских реалий). Если судить с точки зрения ведущего, то его попытки «заглушить» подобные темы можно трактовать и как сугубо прагматический акт: подробный разбор деталей не вписывается в формат передачи, ограниченной по времени. Впрочем, П. Бурдье, анализировавший ход теледебатов, видел в этом и возможность для манипулирования [по 3]. Можно предположить, что ведущему выгоднее держаться за обтекаемые, масштабные, идеологизированные темы (что, в частности, проявляется в уже упомянутом заимствовании ведущим оппозиции «*модерн / контрмодерн*»).

То, что основные темы, за которые и «цепляется ведущий», идеологичны, мы продемонстрируем, выделив ключевые элементы дискурсов, которые разделяются всеми участниками дискуссии:

Тема 1 предполагает наличие таких категорий, как «Ближний Восток» (подразумевается общая судьба для определенной общности людей), «конфликт на Ближнем Востоке» (подразумевается общая природа различных столкновений в данном регионе), «обострение конфликта» (подразумевается, что недавние события имеют бо́льшую важность для «Ближнего Востока»). В результате участники пытаются искать общие причины и следствия для всей совокупности событий. Периодически они как будто отходят от этой пресуппозиции, но лишь формально: когда Г. Джемаль обвиняет оппонентов в упрощении ситуации, то взамен лишь подменяют одну природу конфликта другой (противостоянием салафитов и антисалафитов). Также и сведение темы к «локальным» реалиям Сирии либо все равно возвращается к бо́льшим масштабам (А. Делетроз: «*... в Сирии есть возможность создать огромную гражданскую войну*»), либо встречает противоборство со стороны ведущего.

Тема 2 выражается в стремлении к объяснению происходящего через «скрытые силы». Да, у разных участников оно может выглядеть по-разному: «тайные» ли акторы, «тайные» ли «естественные» законы – обязательно наличие некоей ширмы, за которую могут заглядывать только знатоки (что, впрочем, опять же определяется дискурсом передачи; экспертам нужна легитимация, и она обеспечивается в т.ч. и таким путем). В языке последнее выражается также в оппозиции «*демагогия*» / «*на деле*» (и синонимы), т.е. поддерживается и мотив тайны. Кроме того, влияние темы 1 сказывается в том, что эти «силы» должны влиять на весь «*Ближний Восток*».

В рамках тема 3 «*война*» заявляется с самого начала как нечто возможное: рассматривается лишь бо́льшая или меньшая ее вероятность. В прогностической сфере также присутствует оппозиция «*переговоры / война*». Не будет переговоров – будет война. Примечательна единичность самой «*войны*». Действительно, хотя, рассматривая текущую ситуацию, участники дискуссии и говорят о множественности конфликтов (между Израилем и Ираном, между меньшинством и большинством Сирии и т.д.), но когда прогнозируется война – то это именно «*война*», в единственном числе. Реализуется и мотив глобальности, всеохватности.

В рамках тема 4 реализуется императив, согласно которому некая общность «*Россия*» «*должна*» нечто делать.

Указанная выше глобальность, а также использование местоимений «*мы*», «*вы*» по отношению, прежде всего, к населению России, создает суггестивный посыл, что обсуждаемые события коснутся каждого, т.е. и дискутирующих,

и аудитории. Вкупе с императивностью (пункт 4) можно вывести общий императив: «Каждый должен сделать нечто по отношению к событиям на Ближнем Востоке».

Презумпция демократических (в широком контексте) ценностей. Проявляется в склонности наделять положительными чертами большинство, в призыве к равноправию граждан, консенсусу и т.п. Встроенным в набор этих ценностей можно считать слово «*цивилизованный*».

Презумпция наличия «*великих держав*», которые не просто имеют право, а должны вмешиваться во внутренние дела третьих стран. При этом «Россия – великая держава» и «Россия – мы/вы» обычно смешиваются.

Связанное с предыдущим пунктом неартикулируемое различение манипуляций с национальными суверенитетами, которые могут и должны совершать «*великие державы*», и неприемлемых манипуляций, совершаемых «скрытыми силами» (в случае, если речь идет об акторах, а такой подход все-таки доминирует).

Ярко выраженный эмоциональный мотив угрозы, также укрепляющий уверенность, что обсуждаемые события коснутся каждого.

Исключительная историческая важность происходящего на Ближнем Востоке, в каких бы терминах оно ни описывалось: «*великое пробуждение*», «*арабская весна*», «*борьба модерна и контрмодерна*», «*большая война*», «*важнейший регион мира*» и проч.

Мы показали не то, что все участники дискуссии говорят одно и то же, а скорее то, что они говорят об одном и том же (что соотносится с замечанием упоминавшегося выше С. Холла: «...влияние кодирования будет сказываться в создании некоторых ограничений и параметров, в рамках которых осуществляется декодирование») [1, 114; перевод наш]. Перед нами неафишируемая трансляция идеологии: системы оппозиций, императивов, эмоциональных состояний – и в рамках данного анализа не имеет особого значения, понимается ли самими участниками латентная идеологичность или нет. Главное, что никто не рефлексирует по этому поводу. Возможно, тут сказываются те самые негласные правила языковой игры, о которых говорил П. Бурдье («каждый из социальных универсумов, порождающих речь, обладает своей структурой, определяющей, что может быть сказано, а что нет») [3, 51].

Попыткой обеспечить формальную внеидеологичность мы можем считать подбор участников – это символическая реализация «плюрализма», где как будто присутствуют «выразители» «точек зрения» всех «сторон». Другое дело, что попытка эта формальна, как показывает наш анализ. В то же время отдельного внимания (и подозрения в намеренной манипуляции) заслуживают и активные действия ведущего по поддержанию или глушению тех или иных тем и мотивов.

На наш взгляд, данная форма анализа обеспечивает большую объективность исследования, нежели дедуктивное «развенчивание» примеров манипуляции. Однако анализ показывает, что требуется дальнейшее углубление как в проблему «злонамеренности» манипуляции, так и вообще в проблему существования данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Culture, Media, Language (Edited by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe, P. Willis). – Centre of Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham, 1980. – 289 p.

2. Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры / Ж. Бодрийяр. – (http://exsistencia.livejournal.com/).

3. Бурдье П. О телевидении и журналистике / П. Бурдье. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.

4. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть / Е.Г. Дьякова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2002. – 299 с.

5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – (www.kara-murza.ru).

6. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.

7. Парасуцкая М.И. Манипуляция и «манипулятивный дискурс» в лингвистике : принципы исследования / М.И. Парасуцкая. – (http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/parasuckaja/2-1-0-45).

8. Сапунов В.И. Мировые информационные агентства : Системное воздействие на аудиторию : монография / В.И. Сапунов. – Воронеж, Издательство Воронежского государственного университета, 2007 г. – 240 с.

Выжлаков М.В.
Аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета
e-mail: true.tryggvi@gmail.com

Vyzhlakov M.V.
The postgraduate student of Department of Journalism, Voronezh State University
e-mail: true.tryggvi@gmail.com

УДК 82-92

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ В «ДНЕВНИКЕ ПОЛИТИКА» П.Б. СТРУВЕ (1925-1927)

© 2012 С.Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *В статье рассматриваются публицистические произведения П.Б. Струве, опубликованные в рубрике «Дневник политика» крупнейшей газеты русской эмиграции первой волны «Возрождение» в 1925-1927 гг. В результате анализа публикаций обозначена программа Струве, определяющая основные задачи русского зарубежья в борьбе с большевиками. Особое внимание в статье уделяется стремлению публициста объединить усилия эмиграции в борьбе с общим врагом, его призывам сохранить традиции отечественной культуры.*

Ключевые слова: *первая волна российской эмиграции, публицистика русского зарубежья, П.Б. Струве, газета «Возрождение».*

Abstract: *The article is focused on P.B. Struve's political essays which were published in a newspaper column «Politician's diary» in 1925-1927. The newspaper was called «Vozrozhdenie» and was the biggest newspaper of the First Wave of Russian emigration. The Struve's programme is exposed while analising his essays, it shows the most important goals of Russian Emigration public writing in the struggle against the Bolsheviks. It is emphasized that P. B. Struve strived for uniting efforts of Russian emigration authors in the struggle against their mutual enemy and called them to preserve Russian cultural traditions.*

Key words: *the First Wave of Russian Emigration, Russian Emigre Public Writing, P.B. Struve, Newspaper «Vozrozhdenie».*

Петру Бернгардовичу Струве (1870-1944) принадлежит особое место в ряду соотечественников, покинувших родину после октябрьских событий 1917 г. Историк, философ, экономист, социолог, правовед, общественный деятель, политик, он всю жизнь активно занимался публицистической деятельностью. В дореволюционный период Струве не только выступал на страницах периодических изданий со статьями, но и редактировал ряд журналов «легального марксизма» («Новое слово». – 1897; «Начало». – 1899; «Жизнь». – 1900), нелегальный журнал «Освобождение» (1902-1905), политический еженедельник «Полярная звезда» (1905-1906); в 1907-1918 гг. возглавлял журнал «Русская мысль». Он был инициатором публицистического сборника «Проблемы идеализма» (1902), одним из авторов сборника «Вехи» (1909), в 1911 г. выпустил сборник своих статей «Patriotica: Политика, культура, религия, социализм», стал издателем и одним из авторов сборника «Из глубины» (1918).

Находясь с 1920 г. в эмиграции, П.Б. Струве возобновил в Софии, затем Праге, Берлине, Париже в 1921-1924 и 1927 г. издание журнала «Русская мысль». Возглавив в 1925 г. крупную ежедневную газету русского зарубежья «Возрождение» (Париж), он в течение двух лет вел постоянную рубрику «Дневник политика», откликаясь на важнейшие политические, экономические, культурные события в России и в мире. После ухода из издания в 1927 г. Струве продолжил рубрику в созданной им еженедельной газете «Россия» (Париж), переименованной впоследствии в «Россию и славянство», после закрытия которой опубликовал в 1935 г. несколько материалов из своих «дневников» в варшавской газете «Меч».

По замыслу создателей «Возрождения» (издателем стал крупный нефтепромышленник О.А. Гукасов, главным редактором П.Б. Струве), это было умеренно-консервативное издание, объединяющее на основе идей Белого движения все силы русского зарубежья без различия политических направлений. Струве-редактор определил либеральный консерватизм в качестве политической платформы газеты. В передовой статье первого номера газеты он так сформулировал программные ориентиры издания: «Освободить и освободиться, дабы возродить и возродиться» на основах либерализма, понимаемого как «вечная правда человеческой свободы», и консерватизма, понимаемого «как великая жизненная

© С.Н. Гладышева, 2012

правда охранительных государственных начал» и «любовная преданность великим началам и великим образцам родной истории» [3].

В подзаголовок газеты, по настоянию А.О. Гукасова, было вынесено: «Печатный орган русской национальной мысли». К сотрудничеству в издании удалось привлечь лучшие литературные и публицистические силы эмиграции: И.А. Бунина, И.С. Шмелева, И.А. Ильина, А.В. Амфитеатрова, Б.К. Зайцева и др. В 1927 г. Струве разошелся во взглядах с Гукасовым, которого не устраивала политическая линия редактора и его ориентация на читателя-интеллигента, и покинул пост редактора.

В центре внимания Струве-публициста всегда была судьба России, ее прошлое, настоящее и будущее. Русскую революцию в «Дневнике политика» П.Б. Струве рассматривал как национальную катастрофу, как «великий исторический обвал – целые пласты взлетели на воздух и почва совершенно перевернута» [2,30], для него это «ужасный эксперимент истории» [2, 32]; по его мнению, «коммунисты высосали, обескровили, обессилели Россию» [2, 41]. Он отвергал «ложные идеи и злой дух революции, в своих разрушениях себя пережившей и изжившей» [2, 123]. Советская власть для него «есть хроническая гражданская война против настоящей России» [2, 35].

В «Дневнике политика» принципиальное для Струве деление России на «Внутреннюю» («Подъяремную») и «Зарубежную». Внутренняя Россия, по мнению Струве, «находится под ярмом, она согнута и обескровлена, и в ней духовный гнет еще ужаснее, чем гнет физический, но в ней есть здоровые силы, в ней тоже совершается то моральное творчество, без которого невозможна никакая плодотворная политическая работа, идущая вглубь и подымающая новь» [2, 96].

Свой долг патриота и гражданина Струве видел в служении России, что для него означало «освобождение России от коммунистической власти и ее гнета» [2, 76]. В «Дневнике политика» он демонстрировал читателям тщательно разработанную программу, определяющую задачи эмиграции в осуществлении этой цели. Наиболее полно она представлена в статье «Восемнадцать политических максим на сегодняшний день» [1]. Зарубежье, считал он, не должно и не может оставаться в состоянии «косного или пассивного содержания», не должно «вариться в собственном соку» и «жить мелкими счетами и перекорами «эмиграции» [2, 123]. Зарубежью необходимо быть действенно обращенным к Внутренней, Подъяремной России.

Струве утверждал, что Зарубежная Россия – «не ничтожество и не пыль, которую, как какую-то эмигрантскую накипь и отбросы, мы сами можем сбрасывать и позволять другим сбрасывать с исторических счетов» [2, 96]. Он уверен, что в эмиграции «есть здоровые силы, есть моральное творчество, есть подвиг веры в скорбях, верности в мучениях, подвиг преданности образу и имени России» [2, 96].

Струве хорошо понимал трудности, которые испытывали эмигранты, оторванные от родины, лишенные привычного быта. В его словах часто звучит сочувствие соотечественникам и желание поддержать их, он старается напомнить им о великой миссии: «Офицер, превратившийся в рабочего, и часто даже в чернорабочего, барыня, ставшая портнихой, являются не только деклассированными индивидами, а, поскольку они верны России в ее знамени, они в своих страданиях, доходящих – сколь часто! – до подлинных мук, даже поднялись нравственно на высшую ступень существования» [2, 96]. Он рассматривал эмигрантов как «один из строительных камней долженствующей возродиться Воссоединенной России» [2, 96].

Струве видел причины российской катастрофы в том, что политики были «недостаточно верны национальному духу, были беспечны и ленивы в национальном делании» [2, 87]. Неустанно он призывал своих соотечественников за рубежом, которых воспринимал не как эмиграцию, а как «подлинную национальную Россию», объединить усилия, пренебречь идеологическими и партийными разногласиями. Он верил, что эмиграция может «превратиться в настоящее национальное сосредоточение» [2, 93]. По его мнению, в борьбе с большевизмом могут «объединиться все: и те, кто любит и желает монархию в Россию, и те, кто почему-либо верит в республику и ее желает» [2, 47].

Приветствуя на страницах газеты «Возрождение» начавшийся 1926 год, он обращался к читателям: «Мы, национально настроенные, для которых всего дороже Россия, Великая, Национальная Россия, та, что строили бесчисленные поколения видных и невидных людей, вождей и ведомых, праведников и грешников, та Россия, любовь к которой неизъяснима и неотразима, мы, русские не по названию только, а по духу, должны стремиться прежде всего к единению» [2, 86]. Второй призыв Струве – «к действию, ради и во имя России» [2, 86]. «К единению в действии, к действенному единению, к единому действию» [2, 87], – заклинал Струве эмигрантов.

На пути единения эмиграции, «национального сосредоточения» ее сил Струве замечал не только внешние, но и внутренние препятствия: «поза и привычка к пассивности», «легковерие, вера в чудеса, которые совершаются без нас, но в нашу пользу» [2, 93]. Обращаясь к эмигрантам, он писал: «Нам следует и до конца познать и осознать наши недостатки и пороки для того, чтобы стать вровень с огромными задачами, как-то на нас всех, старых и молодых лежащими» [2, 96]. Он напоминал эмигрантам, что «крушение России есть не только

общая беда, но и общая вина, и сознание этого должно проникать во все наши поступки» [2, 96].

Важно отметить, что публицист не только видит общую вину русских людей, но и обозначает способы ее искупления: «Все в прошлом виноваты, и не попрекать друг друга этим прошлым должны мы, а, до дна измерив всю настоящую нашу беду, – себе самим и взаимно друг другу дать клятву о том, что мы сомкнемся в единую дружину для того, чтобы упорной работой и жертвенным действием вновь воздвигнуть Великую Национальную Россию» [2, 87].

Создание противобольшевистского объединения Струве считал возможным не только при разумном и достойном самоограничении всех политических направлений, но и при осознании, что никто в зарубежье не может навязать России форму ее будущего государственного устройства, ни выступать с идеей имущественной реставрации. По его мнению, политический реализм должен быть почвой, цементирующей политическое поведение Зарубежья.

П.Б. Струве как редактор «Возрождения» играл заметную роль в объединении белой эмиграции. В публикациях «Дневника писателя» 1925-1926 гг. прослеживается серьезная работа П.Б. Струве по подготовке Российского зарубежного съезда. «Великие возможности» съезда, по его мнению, заключались в «духовно-общественной и, в частности, политической организации Зарубежной России» [2, 106]. Струве верил, что «из распыленной массы, живущей изо дня в день, она может превратиться в некое духовное целое, ставящее себе цели, выбирающее для их достижения соответствующие средства, производящее отбор людей по их личной, умственной, нравственной волевой годности» [2, 106].

Однако публицист предостерегал читателей и от «великих опасностей», которые «таятся в тех отвлечениях и иллюзиях, с которыми может быть связано это выступление зарубежных масс на широкую дорогу самостоятельного общественно-политического строительства» [2, 106].

Струве настойчиво предупреждал, что «никаких чудес съезд сотворить не может. Его совещания, его постановления, его решения будут иметь значение только некоего духовного цемента, скрепляющего разрозненные атомы Зарубежной России в имеющее единую волю и направленное на единые цели, живое, духовное целое» [2, 106]. «Съезд, – по его мнению, – есть попытка широких масс русского рассеянья преодолеть духовную и политическую рознь – единением и собиранием сил» [2, 106]. К сожалению, съезд русских эмигрантов, состоявшийся в апреле 1926 года, не оправдал надежду Струве на объединение сил русского зарубежья в борьбе с «большевистским игом».

В публикациях «Дневника писателя» Струве активно спорил с теми группами эмигрантов, которые были уверены, что спасти Россию от большевиков можно только с помощью иностранной интервенции. В отличие от И.А. Бунина, Д.С. Мережковского и др., он считал, что освободить родину можно только «усилиями соединившихся для этой цели активных элементов Внутренней и Зарубежной России» [2, 63]. «Мы должны полагаться в этой великой борьбе на наши собственные русские силы, ибо только мы сами, только мы, русские, посмотрели в глаза коммунистическому дьяволу и до дна испили чашу уготованного нам яда» [2, 76], – утверждал Струве. Он был уверен, что «внешние силы, одни не видят всего зла и всей опасности коммунистической заразы, другие не хотят избавления от нее России, потому что желают, чтобы Россия оставалась навсегда отравленной и слабой» [2, 76].

Струве, как и многие публицисты русского зарубежья, настойчиво предупреждал Запад о «болезни» большевизма, имеющей «заражающее» влияние на все страны мира. Опасность распространения большевизма он объяснял экономическими и психологическими последствиями Первой мировой войны.

П.Б. Струве остро волновала проблема отцов и детей эмиграции. Он, как и И.С. Шмелев, Д.С. Мережковский, Н.А. Тэффи и др. публицисты, уделял серьезное внимание теме взаимоотношений поколений в эмиграции. Струве доказывал, что «именно в молодом поколении так важен, так неоценим культ истории, уважение к прошлому, почитание предков, духовное с ними сожительство» [2, 78]. Особо он подчеркивал верность церкви эмигрантской молодежи, считая, что «через эту жизнь в религии они напоются не только вечным, но и соприкасаются с живой тканью национальной истории, с национальной традицией, с бытом отцов и предков» [2,78].

По мнению Струве, старшее поколение призвано понять мучительные условия, в которые молодое поколение «так жестоко было вдвинуто историей» [2, 78], действительно передать молодым «великие и славные заветы нашей истории» [2, 78]. Рассуждая о связи и смене поколений русской эмиграции, он приходит к выводу, что «духовно Россия возродится только своим прошлым» [2, 78], что «Россию спасут и воскресят Дмитрий Донской и Сергий Радонежский, Петр Великий и Пушкин» [2, 78].

Выступая против большевизма, Струве требовал не реставрации, а установления действительно нового порядка: «России нужны: прочно огражденная свобода лица и сильная правительствующая власть» [2, 124]. По его мнению, в деле спасения родины важны «не буква, не программа,

а дух. Ведь нам нужно не восстановление, не починка, не реставрация, а – возрождение» [2, 78]. «Возрождение всеобъемлющее, проникнутое идеями нации и отечества, свободы и собственности, и в то же время свободное от духа и духов корысти и мести» [2, 123], – уточнял он.

Следует подчеркнуть, что Струве уделял большое внимание религиозной стороне жизни личности и общества. Он был твердо убежден, что "духовная крепость и свобода лица, мощь и величие государства в своих глубинах, основах и истоках восходят как-то к непреложным религиозным началам. Отрываясь от этих начал, личность духовно никнет и мельчает, корни ее свободного бытия иссыхают. И государство, которое отнюдь не представляет просто технического приспособления, а есть некий таинственный сосуд национальной духовной и жизненной энергии, испытывает ту же судьбу, когда отрывается от религиозных начал» [2, 124]. Поэтому для Струве «Великая Россия и Святая Русь не два различных естества, а лишь два различных лица единой и живой в своем единстве духовной сущности» [2, 124].

На страницах «Дневника политика» Струве активно участвовал в дискуссиях с левыми периодическими изданиями эмиграции, прежде всего с «Последними новостями». Он жестко критиковал так называемую «новую тактику» редактора этой газеты П.Н. Милюкова, направленную на внутреннее преодоление большевизма, выступал против концепции эволюции советского строя. Струве бы убежден, что «большевики как политическая сила эволюционировать не могут» [2, 36]. Он был ярым противником сменовеховства, евразийства, считая, что у «примиренчества», «соглашательства», «возвращенства» «нет и не может быть здоровой психологической почвы» [2, 98]. В своих высказываниях Струве категоричен: «Либо капитуляция перед большевиками, либо объединение в борьбе с ними» [2, 99].

Будучи прекрасным полемистом, Струве неоднократно отмечал, что «в условиях зарубежной жизни следует избегать не только полемических крайностей, но и вообще всякой ненужной полемики» [2, 91]. Он предостерегал эмигрантов от «истеро-полемики» [2, 91], элементы которой заметил в письмах Е.Д. Кусковой-Прокопович, присланных в редакцию «Возрождения». В выпуске «Дневника политика» за 17 февраля 1927 года он пояснял: «Все, что я написал сейчас, писано не с полемическими целями, не для партийных лидеров, а для того множества добросовестно бьющихся над существующими политическими разногласиями русских людей, которые желают осознать современное положение и найти себе в нем политически правильное и нравственно достойное место» [2, 99].

Публикации Струве в «Дневнике политика» способствовали формированию уникального образования – Русского Зарубежья. Это «альтернативная Россия», общество в изгнании, стремящееся сохранить национальное и культурное единство; отличающееся целостностью, на которую не смогли повлиять ни географические границы, ни элементы новых культур и традиций; перенесшее на заграничную почву социальные институты.

Струве верил, что когда-нибудь обе России – Внутренняя и Зарубежная – сольются воедино: «И настанет день, когда, воссоединившись, мы объединим в великом общем деле возрождения плоды и уроки наших испытаний, нашего долготерпения и нашей терпимости, познав, что в наших раздельных и подчас, казалось, разъединяющих страданиях была некая общая участь и некий общий подвиг» [2, 97].

В «Дневнике политика» нашли отражение ключевые проблемы жизни русского зарубежья, которые рассматривались П.Б. Струве в свете идей консервативного либерализма с их отношением к традиционным ценностям, к роли государства в общественном развитии, к свободе личности[1]. Призывы публициста к сохранению в преобразовательном процессе чувства реальности и меры актуально звучат и в современной России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Струве П. Восемнадцать политических максим на сегодняшний день / П. Струве // Возрождение. – 1925. – 6 дек.

2. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935) / П.Б. Струве / вступ. ст. М.Г. Вандалковской, Н.А. Струве; подг. текста, коммент., указ. А.Н. Шаханова. – М. : Русский путь; Париж : YMCA-Press, 2004. – 872 с.

3. Струве П. Освобождение и Возрождение / П. Струве // Возрождение. – 1925. – 3 июня.

1. Либерально-консервативным воззрениям П.Б. Струве посвящены работы: Гайденко П.П. «Под знаком меры» (либеральный консерватизм П.Б. Струве) / П.П. Гайденко // Вопросы философии. – 1992. – № 12; Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель / О.Л. Гнатюк. – СПб., 1998; Селезнева Л.В. Судьба России и вариант Струве / Л.В. Селезнева // Исследования по консерватизму. Вып.3. Консерватизм и либерализм : созвучия и диссонансы. – Пермь,1996 и др.

Гладышева С.Н. ВГУ. Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики. e-mail: svetglad@mail.ru

Gladysheva S.N. VSU. Candidate of Philology, Associate professor (docent) of department of history of journalism. e-mail: svetglad@mail.ru

УДК 362

ИНТЕРНЕТ И ИНТЕРЕСЫ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

© 2012 Т.А. Головина

Академия медиаиндустрии

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *Данная статья посвящена проблемам значимости Интернета для людей с ограниченными возможностями. Интернет – это инструмент продвижения прав человека, поощрять занятость, «включать» человека в жизнь общества. В статье сделана попытка классифицировать имеющийся массив информации в интернете о положении людей с особыми потребностями.*

Ключевые слова: *Интернет, люди с ограниченными возможностями, инвалиды, информационно-коммуникативные технологии.*

Annotation: *This article highlights the importance of the Internet for people with limited physical abilities. Internet – an instrument helping to fight unemployment, and involve a person in society's live. In this article the author performed a successful attempt to classify the massive of WWW data regarding the range of the possibilities for people with limited physical abilities.*

Key words: *Internet, people with limited physical abilities, persons with disabilities, information and communication technologies.*

Интернет – глобальная сеть, в которой можно найти любую информацию. Интернет перестраивает человеческие жизни, меняя образ жизни, мышление и лексику людей. И особенно заметно это у инвалидов. В отличие от здоровых людей, которым Интернет нужен, чаще всего, как источник какой-либо информации, люди с ограниченными возможностями дружат с ним, пытаясь найти через него верных и добрых людей, которые бы сыграли особо важную для них роль: роль друга или спутника жизни. Не замечая реальных людей, которые живут рядом с ними, инвалиды полагают, что Интернет – это мир идеала и добра, и люди, живущие в нём идеальны. «Мир реальности жесток к нам, а в Интернете много добра и оно важнее для нас, чем реальность», - говорят они, «и мы верим, в то, что добро победит зло».

Понять эти слова несложно, ведь инвалидам хочется верить в то, что хорошее будет с ними всегда, что всё плохое уйдёт из жизни и мир улыбнётся и протянет им руку помощи для решения их проблем и трудностей в их жизни. Мечтая об этом, они всё глубже погружаются в мир Интернета, живя в нём без проблем и трудностей.

С помощью Интернета молодые инвалиды обучаются и имеют и высшее образование, получая контрольные работы через свою электронную почту, и затем отправляя тем же способом через неё ответы. Это самый удобный способ для тех инвалидов, кто не может по своей болезни посещать университет.

На сегодняшний день, обучение посредством глобальной сети доступно любому инвалиду, желающему иметь высшее образование.

Интернет – самая удобная связь с миром, людьми и благодаря этому – инвалиды не одиноки. Не считая себя инвалидами, они борются со своим недугом, уходя в мир Интернета. Их жизнь, судьба и чувства – всё в руках глобальной сети, и они рады этому, называя Интернет – своим верным другом.

В статье представлены результаты анализа российских интернет-порталов, блогов и сайтов средств массовой информации, частично или полностью посвященным проблемам инвалидов. Чтобы выяснить, насколько полно в российском сегменте сети интернет отражены интересы людей с ограниченными возможностями, в работе впервые предпринята попытка классифицировать имеющийся массив информации о положении людей с особыми потребностями.

При составлении классификации все интернет-страницы, подпадающие под анализируемую проблематику, были разделены на две большие группы: информационные порталы и социальные сети. С технологической стороны различие между ними в платформах, на которых эти сайты существуют. Однако главное различие – степень интерактивности. Информационные порталы в гораздо меньшей мере рассчитаны на обратную

© Т.А. Головина, 2012

связь, тогда как на сайтах, входящих в раздел «Социальные сети», предусмотрена возможность общения людей с ограниченными возможностями между собой, или, как минимум, – возможность им оставлять свои комментарии.

В процессе изучения материалов изучаемой тематики возникла необходимость провести деление и внутри каждой из двух вышеназванных групп сайтов. Так, раздел «Информационные порталы» как вид классификационной матрицы был поделен на четыре типа: «Госучреждения», «СМИ», «Порталы для поиска работы» и «Порталы широкого профиля», то есть полностью посвященные инвалидам.

Таким образом, были подчеркнуты основополагающие различия между ними – в том, какой частью сайта является именно тематика проблем для людей с ограниченными возможностями. Например, на сайтах государственных учреждений это – информация, тяготеющая скорее к жанру отчета. Там в основном рассказывается о ходе выполнения различных Государственных программ на разных уровнях и ветвях власти. Здесь же публикуются официальные документы органов власти. Подобные сайты приспособлены для поиска официальной информации, но не более. Тут нет неформальной информации для инвалидов, нет советов и способов как лучше себя вести в той или иной ситуации.

В средствах массовой информации тема инвалидов в разделах новостей всплывает крайне редко. Только, если, например, в Госдуме готовится какой-то связанный с ними закон. Поэтому те СМИ, которые считают эту тему важной, отражают ее в формате специальных проектов. Показательный пример – газета «Комсомольская правда», которая запустила проект «Не будь равнодушным». В рамках этого проекта публикуются истории людей, решившихся оказывать добровольную помощь кому-либо. Очень часто герои этих историй помогают именно инвалидам. Интересно, что у этого спецпроекта есть спонсор – компания Valio, ее логотип вынесен непосредственно в заголовок. Это яркий пример того, что сегодня находить деньги на благотворительность можно, не тратя собственных бюджетов.

Порталы, на которых люди с ограниченными возможностями могут найти себе работу, в классификационной схеме делятся на два типа – те, что полностью посвящены предложениям работы для инвалидов, и те, на которых есть много разных вакансий, где инвалиды тоже могут сделать для себя выбор. Среди подобных порталов особенно выделяется биржа копирайтинга «Адвего». Этот сайт не позиционирует себя как поисковик вакансий для инвалидов, хотя там предлагаются только те работы, которые соискатель может выполнять на дому – в основном – по копирайтингу.

Таким образом, на этом портале для людей с ограниченными возможностями создается очень приятная общая атмосфера, где они чувствуют себя полноценными людьми, которые могут претендовать на ту же работу, что и здоровые. Сайты широкого профиля, представленные в табл. 1., похожи друг на друга, у всех – практически одинаковые названия рубрик, различается лишь их контент.

Раздел «Социальные сети» в классификационной матрице разделен на три вида. Первый – это «Социальные сети для инвалидов». К ним относятся сайты, предоставляющие людям с ограниченными возможностями максимальную степень интерактивности в сети. В выборку попали как отдельные, специализированные сайты, на которых инвалиды могут создавать собственные странички, знакомиться друг с другом и встречаться, так и группы для инвалидов, созданные на платформе социальных сетей. Впрочем, в самой многочисленной из этих групп всего около 400 участников. Это мало, поэтому можно сделать вывод, что специализированные сайты для общения инвалидов интересуют их гораздо больше (Табл. 2.).

Блоги также традиционно относятся к социальным сетям, но в классификаторе они подразделяются на блоги, что ведутся самими инвалидами, и на те, что посвящены инвалидам.

Все представленные в табл. 2. живые журналы достаточно известны в российском Интернете. Ирина Ясина – известный экономист и правозащитница, пишущая на собственном примере о проблемах людей с ограниченными возможностями, не менее известна, чем писатель и публицист Валерий Панюшкин, регулярно публикующий в своем ЖЖ посты о детях-инвалидах. Поэтому хочется в числе прочих выделить агрегатор блогов, который создан на сайте информационного ресурса «Центр инвалидов»: если вы не знаете никого, кто вел бы свой блог из числа инвалидов, то там легко найдете. В базе центра несколько десяткой авторов.

Потенциал информационного общества достаточен, чтобы решить грандиозные задачи, связанные с проблемой инвалидов. Уже сегодня в Интернете можно найти любую информацию для инвалидов и об инвалидах. Здесь можно познакомиться, пообщаться, узнать нужную информацию, спросить совета или попросить о помощи. Интернет – безбарьерная среда, помогающая реализовать смысл и оптимизировать форму инклюзивного общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Интернет-СМИ : теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / [под ред. М.М. Лукиной]. – М. : Аспект-Пресс, 2010.

2. Информационное общество. – 2010. – № 1.

Табл. 1.

Информационные порталы			
Гос. учреждения	СМИ	Поиск работы	Полностью посвящены инвалидам
Сайт госпрограммы «Доступная среда» http://zhit-vmeste.ru	Телеканал «Дождь», проект «Все разные – все равные» – регулярное размещение в эфире промо-роликов о социальной полноценности инвалидов, помощь в поиске работы http://tvrain.ru/story/invalidy/	Сайт поиска работы с большим списком вакансий работы на дому для инвалидов http://www.domkadrov.ru/canfsearch.php?compfunction=143h	Проект социальной интеграции молодых людей с инвалидностью «Знаем – можем». За основу взяты способы получения доступного, качественного образования. www. znaem-mozhem.ru
Информационная служба по вопросам Реабилитации инвалидов, созданная в рамках проекта ЕС-России «Система реабилитационных услуг для людей с ограниченными возможностями в РФ». http://www.rehabin.ru/	Газета «Коммерсант» регулярно публикует материалы о пациентах Российского фонда помощи. http:/kommersant.ru	Сообщество людей с ограниченными возможностями с основным акцентом на поиск работы на дому http://www.disability.ru	
Сайт Департамента социальной защиты г. Москвы о возможностях социальной реабилитации и интеграции инвалидов, предоставляемых городом http://www.dszn.ru/ activities/ socialitegration of distabled/rehabilitation/	Спецпроект «Комсомольской правды» о добровольной помощи инвалидам «Не будь равнодушным». http://kp.ru/daily/ valio2011/	Биржа контента Адвего, где собрана база вакансий для копирайтинга на дому http://advego.ru	Портал для людей с ограниченными возможностями здоровья. http://www.dislife.ru

Табл. 2.

Социальные сети		
Соцсети для инвалидов	Блоги самих инвалидов	Блоги об инвалидах
Открытая группа на сайте «Вконтакте» «Инвалиды или люди с ограниченными возможностями», около 400 участников http://vk.com/club12157970	Блог в ЖЖ, где инвалиды публикуют свои истории, а также ссылки на актуальные фильмы и статьи в СМИ http://luch-svetic.livejournal.com/	Популярный блогер и фотограф Илья Варламов регулярно публикует посты о том, насколько хорошо обустроена Москва для инвалидов http://zyalt.livejournal.com/ tag/Инвалиды
Сайт знакомств для инвалидов http://www.invalidoff.ru	На сайте информационного ресурса «Центр инвалидов» аккумулируются десятки блогов, которые ведут инвалиды http://www.inva-center.com/ communication/blog/	Известный публицист Валерий Панюшкин регулярно пишет в своем ЖЖ о детях инвалидах http://v-panyushkin.livejournal.com/
Социальная сеть для инвалидов «Соседи» http://ccdi.ru	Ирина Ясина – экономист, публицист, правозащитник регулярно пишет о положении инвалидов в России (она сама – инвалид-колясочник) http://yasina.livejournal.com/	Руководитель Международной общественной организации «Справедливая помощь» Елизавета Глинка, более Известная как «Доктор Лиза» В своем ЖЖ часто обращается к проблемам инвалидов в России http://doctor-liza.livejournal.com/

Головина Т.А.
Академия медиаиндустрии, аспирант
e-mail: tat162036@yandex.ru

Golovina T.A.
Academy of the Mediaindustry, aspirant,
e-mail: tat162036@yandex.ru

УДК 070(075.8)

УНИВЕРСАЛИЗМ – ЛОГИКА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОФЕССИИ

© 2012 Т.А. Горюнова

Академия медиаиндустрии

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *В статье рассматривается явление трансформации журналистской деятельности в связи с развитием информационных технологий. В статье также доказывается необходимость профессиональной подготовки универсального журналиста.*

Ключевые слова: *универсальный журналист, информационные технологии, профессиональная деятельность.*

Annotation: *The article describes the transformation of journalism in line with the development of IT technologies. Through the article the author clearly proves the importance of proper training of the general journalist for the professional activities.*

Key words: *a general journalist, IT technologies, professional activities.*

Появление многих профессиональных журналистских умений и навыков продиктовано теми изменениями, которые происходили в сфере массовой информации на протяжении последнего десятилетия XX и начала XXI веков.

Из большого числа факторов, сопутствующих этим изменениям, исследователями выделяются, по крайней мере, три наиболее важных – технологический прогресс, изменение общественных институтов и пересмотр традиционных ценностей [9, 55].

Эти три силы не существуют в изоляции, они взаимосвязаны и взаимозависимы. Раскроем эту взаимосвязь со стороны развития технологий.

Какие бы они не были, – биотехнологии, информационные технологии, технологии управления и так далее, – изменяют мир, в котором мы живем. Масштаб технологического скачка, произошедшего за последние три-два десятилетия, поражает. Появившиеся в последнее время исследования свидетельствуют о том, что информационные технологии затрагивают все и всех, и сферу журналистики в первую очередь. Всего за несколько лет Интернет превратился из решения, вызывающего проблемы, в безграничные возможности развития абсолютно новой логики журналистской деятельности.

Тем не менее исследователи считают, что общество пока находится в процессе движения к смыслу новой реальности. Очевидно, что перемены не произойдут мгновенно, но они произойдут непременно.

По мнению исследователей, «инфоструктура», «электронная нервная система» рядовой редакции или электронная (цифровая) поддержка любой организации станет важнее инфраструктуры» [9, 65].

Однако нужно понимать, что хотя парадигмальные изменения в информационно-коммуникативной сфере объективны и необходимы, явление это сложно и требует осторожного подхода. Чтобы следовать этим изменениям, журналисту необходимо быть и психологом, и организатором, и специалистом по GR и PR, принимать участие в коммуникативном менеджменте и многое другое.

Переход на цифру качественно изменяет медиа и ведет к универсализации журналистской профессии. «Иными словами, – отмечает исследователь интернет-журналистики А.А. Калмыков, – действительно необходимо формирование универсального журналиста, способного писать статьи, брать интервью, снимать видео, а затем осуществлять профессиональную предпечатную и предэфирную подготовку. К этим традиционным журналистским компетенциям необходимо также добавить широкий спектр умений и навыков технического характера, а также понимание того, каким образом формируется цифровой контент, с помощью каких средств он транслируется в информационно-коммуникативные среды и как воспринимается пользователями. Все это требует развития не только гуманитарного и психологического, но и математического, и инженерно-конструкторского мышления. Последнее особенно важно для изданий, использующих Интернет, а таковыми станут скоро все издания» [5, 32]. Представляя последний тезис дискуссионным, согласимся, что наблюдаемые процессы трансформации медиапространства существенно

© Т.А. Горюнова, 2012

изменяет традиционные «модели специалиста» в области информационно-коммуникативной деятельности.

Однако с течением времени медиапространство перестало быть только набором технических средств. Оно описано в ряде социологических работ, в частности российскими исследователями Е. Юдиной и Ф. Шарковым «как особый социальный феномен, особая социальная структура, образованная системой взаимоотношений производителей и потребителей массовой информации» [4] и является частью социального пространства. В данной цепочке связующим звеном является журналист, а основой – коммуникации.

Широкое распространение компьютерных технологий привело к появлению интернет – коммуникаций. По словам авторов учебника «Интернет-журналистика» Кохановой Л.А. и Калмыкова А.А.: «Было бы очень просто определить интернет-журналистику [6, 11] как журналистику, использующую новые технологические возможности. Однако есть веские основания предполагать, что в образе интернет-журналистики мы имеем дело с качественно новым культурным и цивилизационным феноменом.

В предисловии именно к этому изданию авторы говорят о журналистике будущего, где пересекаются на первый взгляд несовместимые профессии: «Так уж получилось, что в этой книге как бы аккумулировался опыт, накопленный в процессе научной, педагогической и организаторской работы авторов во многих, казалось бы, слабо пересекающихся областях: пресса и научная журналистика, консалтинг, дистанционное образование, экологическая психология и виртуалистика, коммуникативные технологии и теории коммуникации, PR и т.п. Вероятно, такова специфика интернет-журналистики, требующая интеграции всего спектра современного научного знания и технологий» [6, 5]. Сегодня с полной уверенностью можно говорить о правоте предположений авторов книги, которые подтвердило время. Современная журналистика, с появлением конвергентных, мультимедийных редакций, объединяет в себе несовместимые, на первый взгляд, знания и технологии.

Именно поэтому так много сейчас пишется об универсальном журналисте, который по меткому выражению профессора А. Калмыкова: «и швец, и жнец, и на дуде игрец» [5, 31].

И именно поэтому такое большое внимание за рубежом уделяется специальности «журналистика», которую можно найти практически в каждом ВУЗе Европы и США. В некоторых странах (Австралия, Новая Зеландия, частично Франция) ВУЗы готовят «бакалавра в области искусств по специальности «Журналистика», так как эта специальность преподается на факультетах искусств. Также часто практикуется замена названия «журналист» на словосочетание «массовые коммуникации».

ВУЗов, обучающих сразу по двум направлениям (журналистика + уклон в какую-то область) за рубежом достаточно много. Технический институт Бонн-Рейн-Зиг (Fachhochschule Bonn-Rein-Sieg) в Германии предлагает специальность «Техническая журналистика» (Technikjournalismus). Параллельно с гуманитарными дисциплинами студенты изучают информатику, физику, математику, технику автоматизированного управления и т.д., в общем, получают дополнительное техническое образование.

Университет Карлоса III в Мадриде (Universidad Carlos III de Madrid), помимо собственно журналистики (Licenciatura en Periodismo), предлагает специальности «право и журналистика» и «экономика и журналистика». На специальности «Право и журналистика» преподаются следующие дисциплины: история права, конституционное право, уголовное право, политология, философия, государственное управление, основы журналистики, история средств массовой информации в Испании и т.д. Специальность «Экономика и журналистика» подразумевает изучение таких предметов: микро– и макроэкономика, бухучет, статистика, международная экономика, информатика + традиционный «джентльменский набор» будущего журналиста.

В университете города Наварра (Universidad de Navarra, Испания) студенты получают двойное образование – «философия + журналистика» (Doble Licenciatura en Filosofia y Periodismo), поэтому по окончании вуза они становятся не только журналистами, но и аналитиками.

Немецкий вуз Hochschule Magdeburg-Stendal предлагает абитуриентам специальность «Журналистика / медиа-менеджмент» (Journalisnik/ Medienmanagement). Помимо дисциплин, непосредственно касающихся ремесла, здесь вам придется изучать политологию, маркетинг, финансы в СМИ, менеджмент в СМИ и т.д. Иначе говоря, подготовка построена таким образом, что выпускник будет журналистом и менеджером в одном лице.

Необходимы журналисты, которые должны уметь создавать информационный продукт в различных форматах, и прежде всего в том формате, в котором они работают профессионально и который наиболее подходит для освещения конкретного информационного повода.

Времена изменились, следовательно, должна поменяться и подготовка новых журналистов.

«Кросс-продвижение, использование но-

вых источников мультимедийной информации, внедрение новых бизнес-моделей, сервисов, услуг, форматов прямой рекламы и другие изменения – все это требует изменений в обучении журналистов» [11]. И именно в специалистах нового универсального типа нуждаются региональные редакции.

Так, по данным Управления Роскомнадзора по Тульской области [1] по итогам 2011 года в результате предпринятых действий снято с регистрационного учета 73 средства массовой информации, что составляет около 30 % от зарегистрированных СМИ Тульской области.

И одна из основных причин – уменьшения на треть рынка прессы в регионе – отсутствие профессиональных универсальных кадров.

На запрос о подготовке кадров по специальности «Журналистика» справочник аккредитованных ВУЗов России «Все ВУЗы России» [2] выдаёт 185 учреждений высшего образования, по специальности «Связи с общественностью» готовят 217 российский ВУЗов, «Маркетинг» – 300, «Психология» – 607, «Русский язык и литература» – 133, а вот специальности «Интернет – журналиста» или «Универсального журналиста» в перечне нет.

А именно эта специальность так необходима региональным редакциям, которые в современных условиях применяют и новые менеджерские приёмы, принципиально отличающиеся от советских и постсоветский приёмов ведения медиабизнеса.

В данном случае весьма показательна управленческая модель, известная в литературе как «тойотизм». «Истинный характер тойотизма, – отмечает в своей работе В. Касютин, – связан с отношениями между менеджментом и рабочими [7]. В этой же работе автор приводит высказывания западных специалистов СМИ К. Финка и И. Нонака по проблеме организации работы редакции. К. Финк: «В редакции, где ценятся самобытные и инициативные люди, концепция разделения труда – узкая специализация, как правило, не способствует творческому росту» [10, 108]. В качестве снижения подобных издержек он рекомендует ротацию или расширение круга обязанностей сотрудников.

И. Нонака доказывает, что «большинство знаний, накапливающихся на фирме, почерпнуто из опыта и не может быть передано рабочим через чрезмерно формализованные процедуры управления» [3, 608].

Отсюда вывод, что эффективной будет та модель управления, где каждый член редакции вовлечён в производственный процесс от рядового менеджера по продажам до генерального директора.

Видимо поэтому профессор А. Калмыков высказывает мысль о введении термина транспрофессионализм в отношении журналистской деятельности. «...Это означает, что транспрофессионал должен быть готов выполнять функции предпринимателя и менеджера, а не только быть многосторонним техническим специалистом, способным осуществлять трансдисциплинарный синтез знаний» [5, 33].

ЛИТЕРАТУРА:

1. http://71.rsoc.ru/news/news32189.htm.
2. http://abitur.nica.ru/.
3. Nonaka (1991); Nonaka and Takeuchi (1994). Цит. по Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс / [пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана]. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – С. 608.
4. Бузин В.Н. Неоднородность медиапространства Российских регионов на примере Уральского федерального округа. – (http://www.utmn.ru/docs/3312.pdf . Дата обращения 6.02.2012).
5. Вестник электронных и печатных СМИ. – № 16. – М. : ИПК РТиР, 2011. – С. 29-43.
6. Калмыков А. Интернет-журналистика /А. Калмыков, Л. Коханова. – М. : Юнити-Дана, 2004.
7. Касютин В.Л. «Формы и методы государственного регулирования СМИ (на примере Российских региональных изданий)» : дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – ИПК. – М. 2011.
8. Мацур Мария. – (http://journalist-podval.narod2.ru/daidzhest/spetsialnost_zhurnalistika/zhazhda_peremen/ Дата обращения 4.06.2012).
9. Нордстрем К.А. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта / Кьелл А. Нордстрем, Йонас Риддерстрале / [пер. с англ. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге], 2002.
10. Финк К. Стратегический газетный менеджмент / К. Финк. – Самара : Корпорация «Федоров», 2004.
11. Шестеркина Л.П. «Институт повышения квалификации работников ТВ и РВ. Наука. Вестник электронных и печатных СМИ. Архив журнала «Вестник», № 13» / Л.П. Шестеркина. Подготовка журналиста универсального типа в условиях конвергенции СМИ, 2011 год.

Горюнова Т.А. Академия медиаиндустрии, аспирант. Тульская медиа компания «Медиа – Траст». Директор по развитию и продвижению e-mail: gorunovata@gkpd.ru

Gorunova T.A. Academy of the Mediaindustry, aspiran., Tula media company «Media – Trust». Director of Development and Promotion. e-mail: gorunovata@gkpd.ru

УДК 070.15

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПАРТИЙНОЙ ПРЕССЫ

© 2012 Е.А. Дранишникова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Поступила в редакцию 13 августа 2012 года

Аннотация: *В данной статье рассматривается вопрос типологии партийной прессы, ее целевого и функционального назначения. Исследование проводится на примере трех партийных изданий: «Правды», «ЛДПР» и «Справедливой России», которые, несмотря на бурное развитие мультимедийных СМИ, продолжают играть важную роль в политической и культурной жизни страны. Исходя из данных, полученных в процессе анализа типологических особенностей обозначенных изданий, можно сделать вывод, что на данный момент система партийной печати в России находится на стадии трансформации и формирования в целостную систему с четкой структурой и иерархией целей и функций.*

Ключевые слова: *партийная пресса, типология партийной прессы, политические партии.*

Abstracts: *This article considers the typology of the party press, and its target functionality. The study is shown on the example of three party newspapers: "Pravda", "LDPR" and "Spravedlivaya Rossia" which continue to play an important role in the political and cultural life of the country despite rapid development of the multimedia media. Based on data obtained in the analysis of the typological characteristics of the identified newspapers it's possible to make a conclusion that in this moment the system of the Russian party press is in the at the stage of transformation and the formation of an integrated system with a clear structure and hierarchy of objectives and functions.*

Key words: *party press, typology of party press, political parties.*

Современная отечественная партийная пресса представляет собой типологически обособленную группу изданий, имеющих свои функции и задачи. Однако, несмотря на детальную проработку российскими исследователями системы признаков, определяющих тип издания, вопрос классификации периодики политических партий остается актуальным в отечественной науке и имеет ряд особенностей.

Как и другие средства массовой информации, издания политических партий квалифицируются по всем типологическим признакам, которые используются в типологическом анализе. Так, профессор М.В. Шкондин выделяет следующие типологические признаки: технологические, экономические, аудиторные, редакционные, организационные, характер информации и целевое назначение СМИ [1]. Главенствующую роль в этой системе он отводит следующим признакам: характер аудитории издания и его целевое назначение. Профессор Е.А. Корнилов выделяет две группы признаков: типоформирующие факторы (издатель, целевое назначение и аудитория) и типологические характеристики, призванные лишь уточнять тип издания [2]. В свою очередь, профессор А.И. Акопов расширяет классификацию типологических признаков и делит их на три группы: типоформирующие признаки (издатель, цели и задачи, читательская аудитория), типологические признаки (авторский состав, внутренняя структура, набор используемых в издании жанров, оформление) и формальные типологические признаки (периодичность, объем, тираж) [3]. Свое видение совокупности типологических признаков современных отечественных периодических изданий предлагает также профессор В.В. Тулупов. Он выделяет три группы типообразующих факторов: объективные (общественно-экономическая формация, тип общества, социально-экономическое положение и политическая ситуация в стране и регионе, законодательная база, менталитет населения, уровень развития информационных технологий, компьютерной и полиграфической техники, а также влияние типов журналистики других стран), объективно-субъективные (цель, тип журналистики, профессиональные и этические стандарты, характер информирования, целевая читательская аудитория, авторский состав, внутренняя структура, жанры и формы подачи материалов, язык и стиль, география материалов, реклама, дизайн, объем, тираж, периодичность, ареал и характер распространения) и субъективные (квалификация и мастерство редактора, менеджеров, журналистов, техниче-

© Е.А. Дранишникова, 2012

ских работников, полиграфистов, а также самих читателей, их подготовленность, характер чтения и сотворчество) [4].

Несмотря на различные подходы исследователей к классификации и иерархии типологических признаков периодической печати России, большинство из них сходятся во мнении, что решающую роль в определении типа издания играют такие аспекты – его цели, аудитория и учредитель. Однако с реорганизацией современной системы отечественной периодики, фигура учредителя как типологический признак начинает утрачивать свою значимость, но для группы партийных изданий этот признак является одним из основополагающих. Стоит также отметить, что взятый изолированно от таких важнейших типологических признаков, как характер аудитории и целевое назначение, он не является достаточным в определении типа издания.

Под партийными изданиями мы понимаем газеты, чьими учредителями являются политические партии, отвечающие требованиям закона «О политических партиях». По информации, предоставленной Министерством юстиции Российской Федерации, на момент выборов в Государственную думу VI созыва в России было официально зарегистрировано 7 политических партий, лишь 3 из которых имели собственные печатные органы.

Газета «Правда» (главный редактор – Комоцкий Борис Олегович) – официальный печатный орган Коммунистической партии Российской Федерации. Ее первый выпуск увидел свет в 1912 году. За это время газета дважды претерпела типологические изменения. На момент создания она носила оппозиционный характер, а с ликвидацией в 1918 году небольшевистской прессы, «Правда» стала главной газетой в стране. Статус официального издания сохранялся за газетой более семидесяти лет. 22 августа 1991 года газета в последний раз вышла как «орган ЦК КПСС». В тот же день ее выпуск был приостановлен указом Б.Н. Ельцина как издания, поддержавшего Государственный комитет по чрезвычайному положению, и органа распущенной КПСС. В сентябре того же года газета возобновила выпуск как «общеполитическая газета», издаваемая трудовым коллективом. С апреля 1997 г. газета стала выходить в качестве органа КПРФ и снова приобрела статус оппозиционного издания.

На данный момент «Правда» – лидер среди российских партийных изданий по числу выходов в месяц. Газета распространяется среди читателей по подписке. Стоит отметить также, что «Правда» – единственное партийное издание в России, которое имеет свой сайт в сети Интернет – www.gazeta-pravda.ru, где можно оформить подписку на газету, а также найти все статьи, публикуемые в номерах.

Газета «ЛДПР» (главный редактор – Виктор Михайлович Кулыбин) выпускается Либерально-демократической партией России с 1993 года. Все выпуски газеты можно найти в формате PDF на официальном сайте партии (www.ldpr.ru) в разделе «Говорит ЛДПР» / «Партийная пресса».

Газета «Справедливая Россия» (главный редактор – Олег Владимирович Пахолков) – официальный печатный орган одноименной партии. Первый номер издания объемом в 12 полос вышел в мае 2007 года, в период предвыборной кампании. После выборов в Государственную Думу V созыва «Справедливая Россия» выходила без строго определенной периодичности, и в 2011 году предстала перед читателями в новом свете. Также все выпуски «Справедливой России» можно найти в формате PDF на сайте www.spravedlivo-online.ru.

Одним из наиболее важных типоформирующих признаков также является параметр аудитории. Профессор М.В. Шкондин делит всю группу российской прессы на СМИ общероссийские, а также СМИ внутрироссийских и международных общностей [5]. Первая группа значительно уступает второй в количественном эквиваленте. Эта тенденция особо наглядно прослеживается и на примере партийной прессы. На данный момент существует лишь 3 официально зарегистрированных партийных издания, которые можно классифицировать как общероссийские, в то время как подобных региональных изданий гораздо больше.

Продолжая классификацию российских периодических изданий по аудиторному признаку М. Шкондин отмечает, что к типу общероссийской прессы относятся: массовые издания, «качественные издания», издания, специализированные по отдельным аудиторным группам, издания бульварного типа, издания для возрастных групп, для женщин или для мужчин, для родителей, для малых групп, для различных групп верующих, для членов и актива различных партий, профсоюзных, молодежных и других организаций [5]. Таким образом, партийная пресса в составе общероссийских изданий представляет собой отдельную группу, чья целевая аудитория складывается, с одной стороны, из членов политического объединения, а с другой, – его потенциального электората.

Параметр аудитории напрямую связан с другим важнейшим аспектом, определяющим тип издания, – его целевое назначение. По данному основанию современная пресса России делится на два класса: универсально-тематическая, реализующая все базовые функции СМИ, и специализированная, имеющая ярко выраженную функцию-доминанту. Однако, как отмечает известный исследователь Л.Л. Реснян-

ская, партийную прессу невозможно отнести к строго определенному типу изданий, так как она «совмещает в себе характеристики «газет общего интереса», универсально-тематических изданий и специализированных» [6].

По мнению профессора А.А. Грабельникова, «Партийная пресса должна служить как внутренним, так и внешним целям. С одной стороны, свободному обмену мнениями в своем кругу, где возникает особая морально-психологическая атмосфера содружества и солидарности, внутренней организации, согласованию действий, координации усилий. С другой стороны, пропаганде партийной программы, партийной точки зрения на общественные явления, агитации за партийную линию в политической борьбе с другими партиями, привлечению политических союзников» [7]. Л.Л. Реснянская отмечает, что «целевое назначение партийной прессы определяется задачей создания коммуникации для членов определенной политической организации или определенного политико-идеологического течения» [8]. В данном контексте партийная пресса приближается к корпоративным изданиям, целью которых является организация коммуникации между сотрудниками одной организации. Однако цели партийной прессы несколько видоизменяются, если основной ее целевой аудиторией считать потенциальных избирателей. В таком случае миссия подобных изданий в значительной степени сопряжена с пропагандой и разъяснением деятельности и позиции организации по актуальным внутриполитическим проблемам, внешнеполитическому курсу, социально-экономическим вопросам.

Стоит отметить также что, функции партийной прессы не ограничиваются стандартным набором, присущим всем средствам массовой информации, и дополняются очень значимой функцией реализации целей политической организации, относительно которых в науке сложилось несколько подходов. Наиболее обобщенный вариант функционального назначения партий можно встретить, к примеру, в работах профессора З.М. Зотовой. Она отмечает, что партии призваны выполнять в обществе следующие функции: стимулирование участия граждан в политической жизни; выявление и артикуляция интересов социальных слоев и групп населения; формирование общественного мнения; развитие политической культуры граждан; выдвижение кандидатов для выборов в органы власти и оказание им поддержки; участие в деятельности представительных и исполнительных органов власти; подготовка и выдвижение кадров для государственной и муниципальной службы [9].

Безусловно, определяющую роль в определении типа издания играют вышеперечисленные аспекты, однако значимость других типологических признаков в условиях становления современной отечественной печати также не вызывает сомнения.

Среди вторичных типологических признаков (по классификации А.И. Акопова) – внутренняя структура издания. Как отмечает профессор В.В. Тулупов, серьезные издания имеют четкую модель содержания, «закрепляя постоянные рубрики за конкретными страницами, а то и местом на печатной полосе» [10]. Стоит отметить, что такая четкая система размещения материалов долгое время была свойственна лишь «Правде». Газета, благодаря своей богатой вековой истории, остается верна принципам подачи информации. Традиционно на первой полосе «Правды» размещается аналитическая статья, касающаяся наиболее актуальных проблем российской действительности, а также материалы постоянных рубрик – «Дни борьбы» и «Курьер новостей». На второй-третьей полосах печатаются объемные исторические или биографические очерки, а также освещаются международные события, которым посвящена отдельная рубрика – «Пульс планеты». Последняя страница отдана под такие рубрики, как «Спортивная арена», «10 дней календаря», «Из альбома карикатуриста», «Юмор», «Афиша» и «Правовой консультант».

Несколько иной подход к внутреннему оформлению демонстрирует редакторская коллегия издания Либерально-Демократической партии. До 2009 года содержание газеты было неструктурированным и включало в себя преимущественно объемные статьи о лидере партии и проводимой им политике. Однако седьмой номер 2009 года вышел в обновленном виде. Газета приобрела постоянные рубрики, такие как «Актуально: события и комментарии», «Инициативы», «Депутаты ЛДПР в Государственной Думе», «Мнение», «Говорит народ России», «ЛДПР в регионах», «Это интересно» и другие. Несмотря на то что издание вышло в прежнем формате и объеме, оно стало включать гораздо большее количество материалов и освещало наиболее широкий спектр тем.

Газета «Справедливая Россия» имеет менее богатую историю по сравнению с «Правдой» и «ЛДПР», а следовательно, не имеет жесткой привязки к традиционной модели содержания. Наряду с традиционными для партийных изданий рубриками («Прямая речь», «Фракция «Справедливая Россия» в Государственной Думе», «Выборы», «Время. События. Люди» и другие), в газете появляются статьи, не касающиеся политики и идеологии, такие как «Наш сад», «Семейные

ценности», «Вкусно и полезно» и другие. На первой полосе газеты размещается анонс номера и фотографии, на последней – сканворд. Стоит отметить, что такая структура издания является новаторской для партийной прессы.

Важным аспектом в определении типа издания также является система жанров, присутствующих на страницах партийной периодики. По мнению, профессора В.В. Тулупова, качественные издания могут использовать всю палитру жанров [11]. На страницах партийной прессы превалируют аналитические жанры. Редкое использование информационных жанров, по нашему мнению, обусловлено периодичностью партийных изданий. Авторам «Справедливой России» и «ЛДПР» (при выходе газет раз в неделю и раз в месяц соответственно) достаточно сложно оперативно освещать происходящие в жизни страны и партии события, поэтому замена информационных форм подачи материала аналитическими вполне обоснованна. Исключение составляет «Правда», выходящая три раза в неделю. Среди аналитических жанров, используемыми авторами партийной прессы, наиболее популярны такие, как аналитический отчет, аналитическая статья, комментарии, аналитическая корреспонденция. В газете «Справедливая Россия» присутствуют также журналистские расследования и аналитические интервью, что заметно повышает читательский интерес к публикуемым материалам, которым нередко свойственна сенсационность.

Художественно-публицистические жанры гораздо реже встречаются на страницах партийных изданий, что обуславливается их спецификой. Если в газете «ЛДПР» все же иногда присутствуют исторические и портретные очерки, то в «Справедливой России» данный класс жанров представлен лишь анекдотами. Однако в «Правде» используется достаточно развитая система художественно-публицистических жанров, представленных историческими, портретными и биографическими очерками, сатирическими комментариями, анекдотами и памфлетами, которые достаточно редко встречаются в современных печатных средствах массовой информации.

Особенно интересным и важным представляется также такой типологический признак, как графическое оформление издания. Несмотря на то что данный аспект является вторичным при определении типа издания, его значимость не вызывает сомнения в контексте формирования имиджа конкретной газеты и выпускающей ее партии. Так, исследователями типологии прессы было отмечено, что качественные издания наиболее часто печатаются в формате А2, верстаются на 8 колонок и имеют объём, превышающий 4 страницы. Данным параметрам соответствует только «Правда», традиционно издающаяся на 4 и 8 полосах. Две других партийных газеты – «ЛДПР» и «Справедливая Россия» выходят в формате А3 на 4 и 20 полосах соответственно, однако, в отличие от газеты Коммунистической партии, выходят в цветном варианте. Что касается числа колонок, то в «Правде» оно достигает 8, в «ЛДПР» – 5, а в «Справедливой России» – от 4 до 6. Для всех трех газет также характерна смешанная верстка, при которой используются и горизонтальные и вертикальные блоки.

Формальными типологическими признаками являются периодичность и разовый тираж. По этим параметрам партийные издания также различны. Коммунистическая «Правда» является ежедневной газетой и выходит по понедельникам, средам и пятницам тиражом 100300 экземпляров. Читатели «ЛДПР» получают газету лишь раз в месяц, при этом ее разовый тираж достаточно велик – 1800000 экземпляров. «Справедливая Россия» не имеет строго определенной периодичности, но в планах редакционной коллегии – сделать газету еженедельником. При этом издание имеет заявленный тираж 1000000 экземпляров.

Подводя итог, стоит отметить, что на сегодняшний момент партийная пресса России находится в процессе трансформации. Этим обуславливаются сложности в определении ее типологических признаков. Практически единственным аспектом, который роднит эти три издания («Правду», «ЛДПР» и «Справедливую Россию»), пока остается только фигура учредителя, обуславливающая, в свою очередь набор наиболее часто затрагиваемых тем. В остальном партийная пресса неоднородна. Единства нет даже в вопросах, касаемых таких важнейших типоформирующих признаков как цели издания и его аудитория. С одной стороны, издания политических партий ориентируются на внешнюю публику, тогда их основной задачей становится пропаганда идеологии политического объединения и разъяснение его позиции по ключевым вопросам. С другой стороны, партийная пресса приближается по своим характеристикам к прессе корпоративной, главной задачей которой является организация эффективной коммуникации между членами партии. Дальнейший процесс трансформации партийной периодики должен привести к решению данной проблемы и устранить дуализм в определении целей и задач подобных изданий. Тем не менее, учитывая все сложности, касаемые типологии партийной прессы, стоит отметить, что она остается целостным образованием в системе современных отечественных СМИ и продолжает играть значимую роль в создании и поддержании благоприятного имиджа политического объединения среди как внутренней, так и внешней аудитории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Типология периодической печати / [под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской]. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 236 с.

2. Типология периодических изданий / [под ред. Е.А. Корнилов]. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1984. – 160 с.

3. Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов) / А.И. Акопов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 96 с.

4. Тулупов В.В. Системный подход к типологии газеты : материалы Всерос. науч.-практ. конф «Проблемы массовой коммуникации на рубеже тысячелетий» / В.В. Тулупов. – Воронеж, 2003. – С. 41-44.

5. Типология периодической печати / [под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской]. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 236 с.

6. Средства массовой информации России / [под ред. Я.Н. Засурского]. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 391 с.

7. Грабельников А.А. Массовая информация в России : от первой газеты до информационного общества / А.А. Грабельников. – М. : Изд-во РУДН, 2001.

8. Система средств массовой информации России : учеб. пособие для вузов / [под ред. Я. Н. Засурского]. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 259 с.

9. Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности / З.М. Зотова. – М. : РЦОИТ, 2006. – 240 с.

10. Тулупов В.В. Теоретический и практический аспекты типологии печатных периодических изданий [Электронный ресурс] // RELGA. Научно-культурологический журнал / В.В. Тулупов. – 2007. – № 8. –Режим доступа : http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1970&level1=main&level2=articles.

11. Имеется в виду общепринятая классификация жанров, предложенная А.А. Тертычным.

Дранишникова Е.А. Аспирантка кафедры журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
e-mail: drlena@mail.ru

Dranishnikova E.A.
PhD student at the chair of journalism, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
drlena@mail.ru

УДК 070.15:654.197 (569.4)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА РАЗВИТИЕ ПАЛЕСТИНСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

© 2012 С. Думати

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *целью данного исследования является развитие палистинской визуальной документалистики и давление на неё политического конфликта, в современном мире. Прослеживается влияние национальной идеологии на становление документального кинематографа в Палестине.*

Abstract: *The purpose of this study is a development of a visual Palestinian documentary and pressure the political conflict in the modern world on it. We analyze influence of nationalist ideology on the formation of documentary film in Palestine .*

Ключевые слова: *Палестинская документалистика, идеологическая сфера, выразительные средства в кино, национальный кинематограф, политическая пропаганда.*

Key words: *Palestinian documentary, the ideological sphere, the means of expression in cinema, national cinema, political propaganda.*

Телевидение сегодня занимает одну из ключевых позиций в системе СМИ Палестины. Но становление его проходило сложно – под активным влиянием выразительных средств кинематографа с одной стороны и не без воздействия идеологической сферы, политической пропаганды – с другой. Особенно яркое отражение влияние этих факторов нашло в области документального кино, которое занимает уникальное место в современной культуре Палестины и в системе национальных СМИ.

СМИ Палестины тесно связаны с культурным наследием прошлого. Это обстоятельство дополняется тем, что современные средства массовой информации Палестины, кровно заинтересованные в создании независимого национального государства, черпают в прошлом качества, столь необходимые сегодня. Борьба за укрепление национального достоинства, которую ведет современная палестинская документалистика, невозможна без обращения к истории – в том числе истории конфликтов. Однако, рассуждая об особенностях исторической ситуации, в которой оказался палестинский народ, необходимо учитывать не только уникальные моменты, но и то, что сближает его судьбу с судьбой других народов, оказавшихся в аналогичных условиях.

Для истории кино в Палестине является решающим тот факт, что это произошло, когда эта страна, а также ряд других стран Азии и Африки, находилась в условиях колониальной зависимости. Иностранный капитал контролировал не только местную экономику, но и духовную жизнь. Целью такого контроля было предотвращение взаимодействия нарождающейся национальной буржуазии и интеллигенции с массами, поддержание низкого уровня образования, управление работой местных социальных институтов в интересах колонизаторов. Это определило и положение зарождающегося кино в арабском мире.

В анализе палестинской документалистики несомненно следует различать понятия «национальный кинематограф» и «кинематограф Палестины». Эти понятия не тождественны. Дело в том, что в колониальных странах первоначально производство фильмов осуществлялось иностранцами, а не представителями местного населения. В этом смысле формировалось «кино Палестины», которое повествовало о национальных особенностях страны, но через призму представителей другой культуры. Сам процесс развития этого сектора документалистики протекал трудно. Колонизаторы не допускали активного распространения неигрового кино. Они быстро поняли, что то, что казалось на первый взгляд невинным времяпрепровождением, просмотром «движущихся картинок», могло стать мощным средством идеологического воздействия на население – более эффективным, чем печатать: неграмотные люди не будут читать газету,

© С. Думати, 2012

а вот информацию, предоставляемую голубым экраном, будут смотреть и понимать. Вот почему документалистика Палестины на первом этапе ее становления была подконтрольной иностранной идеологии. Влияние последней объяснялось еще и желанием западной киноиндустрии контролировать нарождающийся бизнес с экономической точки зрения в коммерческих целях, что привело к пропаганде западного образа жизни.

Должно было пройти некоторое время, чтобы документалистика Палестины перешла на новый этап, характеризующийся появлением национальных киностудий, созданием национальных фильм, рассказывающих о жизни страны глазами ее граждан.

По отношению к Палестине можно утверждать, что содержание национального кино и его функциональная направленность во многом зависят от степени свободы нации от колониализма и активности освободительной борьбы демократических сил. Эти два фактора сформировали основную идейно-тематическую линию «национального кино» изучаемого региона. Документалистика не могла не учитывать тот факт, что на смену политической зависимости Палестины от Османской империи, а затем - от Великобритании, пришло еще более жестокое подавление автономии, связанное с израильской агрессией. Ее результатом стала ликвидация Палестины как независимого государства. Большая часть четырехмиллионного палестинского народа была вынуждена покинуть свою землю, жить в лагерях беженцев, созданных в соседних арабских государствах. Оставшиеся на оккупированных Израилем территориях получили лишь административную автономию и оказались среди наиболее бесправных слоев населения израильского государства.

Вот почему история палестинского кино, как и история культуры в целом, тесно связана с борьбой палестинцев за право на их Родину. На основе достижений мирового кино режиссеры Салех аль-Ибрахим и Сархан Килиани уже в 1930-е годы заложили основы палестинской национальной документалистики. Несмотря на трудности, даже в те годы эти мастера пытались противостоять их пропаганде сионистов. Они были хорошо осведомлены о культурных и образовательных возможностях кино – особенно в Палестине, где в те годы более половины людей не знали букв.

В середине 1950-х годов в мире документального фильма произошло изменение, которое не осталось незамеченным: после долгого перерыва документалистика вышла на большой экран и была с интересом встречена аудиторией. Производители были озадачены этим явлением, но вскоре сделал определенные выводы. Переоценка традиционного представления о месте и роли документального фильма произошла и в рядах профессиональных кинематографистов. Документалистика стала не только зеркалом национальных традиций, но и фактором социальной и политической деятельности.

Во время войны с Израилем документальный фильм превратился в оружие, «фильм-сражение». Создать такой фильм возможно лишь при условии, что автор не только показывает, но и анализирует материал. Вот почему в течение длительного времени палестинское кино не могло достаточно эффективно реализовывать свои задачи. И только в 1968 году появились небольшие киноотделы, которые начали эффективно решать подобные задачи. Среди режиссеров и директоров, которые являлись членами этих отделов, были и женщины. Одна из них - выпускница Высшей школы кино в Египте Сульяфа Лиреал. В историю документального кинематографа она вошла после того, как осуществила съемку погибших во время революции. С этого момента кинохроника станет основой документалистики Палестины. В связи с активным развитием этого сектора и важностью хранения архивных видеодокументов создается особый сектор палестинского кино.

Первые работы национального документального кинематографа были посвящены теме подготовки партизан в Иордании, Сирии и Ливане. Около полутора десятков документальных фильмов были посвящены этой тематике.

На рубеже 1960-х – 1970-х годов в документальном кино, как и в прессе, широко использовались жанры интервью и репортажа. Репортажные фильмы появились в связи с необходимостью реагировать на стремительно развивающиеся события. В этот период в первых рядах кинематографистов был Мустафа Абу Али. Новый этап в развитии палестинского кино начинается с появления в 1971 году его фильма «Душа и кровь». Этот фильм вызвал большой интерес в Палестине и превратился в самостоятельное явление в мировом кинематографе. Он рассказывает о событиях, которые произошли в сентябре 1970 года в Иордании. Режиссер склонен к углубленному анализу жизни, изучает как масштабные политические процессы, так и развитие революционной борьбы палестинского народа в союзе с прогрессивными силами арабских стран. Это был первый профессиональный фильм, сделанный палестинским кинематографистом.

В 1970-х – 1980-х годах документалистика Палестины находится в тесном контакте с кинематографом арабских стран, поскольку становится особенно важным раскрыть суть арабо-израильского конфликта. В Багдаде, каждые

два года проходит кинофестиваль, на котором показываются фильмы о Палестине из других стран.

В недрах же собственно палестинской документалистики появляются фильмы с национальным колоритом. Палестинские кинематографисты того времени – такие, как Самир Нимер, Аднан Мденат и другие, – активно используют в своей творческой палитре элементы фольклора, исторические детали. Фильмы становятся образными, а практика съемки – все более разнообразной. Несмотря на внешние обстоятельства, кино набирает силу. Как отметил палестинский журналист Мишель Халифа, фильм стал оружием революции, эффективным средством воспитания нового человека.

Большую роль в развитии документального кино сыграл особый отдел Института Палестины – Самед. Целью Самед стало желание собрать вместе кинематографистов страны и обобщить их опыт и опыт мирового кино. В рамках киноотдела были созданы лучшие документальные фильмы 70-х годов. Например, три фильма Галеб Шаат – «Ключ», «Оливковая ветвь» и «День Земли» (последний получил первую премию «Золотой голубь» на Международном фестивале документальных фильмов в Лейпциге).

В 1970 году сформировалась группа палестинских документалистов, которые активно использовали технику Советского Союза, Восточной Германии и других стран. В группу входили Каис Аззубейди, Рафик Хаджар Исмаил шамут, Касем Хавала, Мишель Халифа, Назем Зхреди и другие. Они создали лучшие в арабском мире киноработы – «Восстание», «Зов корней», «Жаркое лето Палестины».

В более поздний период развитие документалистики было отмечено разнообразием жанровых форм и форматов. Среди наиболее значимых работ – «Палестина: помните, что это люди» (режиссер Кайса Азубайди, 1982), «Мечта» (режиссер Мохаммед мал, 1987). Были созданы и несколько фильмов-сериалов, которые рассказывают об истории палестинского народа: «Палестина своими глазами» (режиссер Мусса, 1977), «Изейдин Иль-Касем» (режиссер Хайтам Хакки, 1981), «Пиво и Шом» (режиссер Кайса Азубайди, 1982) и др.

В середине 1980-х – начале 1990-х годов на первый план в документалистике выходит тема культуры. Хроника боев дополняется более сложными и технически оригинальными кадрами из жизни людей. Жизнь ремесленников, ткачей стала предметом отображения в фильмах Мденаты Аднан, Исмаила Шамуты, Самира Нимера и других мастеров палестинского кино.

В 2000-е годы судьба палестинского кино в большом кинематографическом мире складывается непросто. Порой фестивали отказываются от показа фильмов палестинских режиссеров, потому что не знают, что писать в графе «страна-производитель».

За последние 20 лет палестинскими мастерами было создано более 70 фильмов, преобладающее большинство из которых – документальные. Свои картины палестинские режиссеры снимают в непростых условиях, порой под надзором израильских военных. Естественно, что основой тем и проблем большинства фильмов служит трагическая судьба палестинского народа, ход революции и сопротивление.

Характеризуя СМИ Палестины в целом, необходимо отметить их связь с историей и политическими процессами в мире: речь идет о глобальных явлениях в области международных отношений, о попытках решить одну из многих проблем международной политики.

Думати С.
Воронежский государственный университет, аспирант.

Dumati S.
Voronezh state university, graduate student.

УДК 070

МОДЕЛЬ «НОВОЙ ИНТЕРАКТИВНОСТИ» В ЖУРНАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ

© 2012 Е.А. Зверева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державин

Поступила в редакцию в марте 2012 года

Аннотация: *В работе рассматривают характеристики и инструменты «новой интерактивности» в журнальном сегменте. Стремительное развитие интерактивных форм коммуникации существенно меняет возможности трансляции нового медийного продукта, и, как следствие, ведет к трансформации сущности и возможностей аудитории потребителей: со-участие аудитории в создании контента СМИ позволяет констатировать сочетание в лице новых потребителей консьюмеров и социальных авторов одновременно – просьюмеров.*

Ключевые слова: *«новая интерактивность», конвергентные СМИ, журнал, социальные сети, просьюмер.*

Abstract: *This work considers characteristics and instruments of "new interactivity" in journalistic segment. Rampant development of interactive forms of communication changes the possibility of new media product transmission essentially, that leads to the transformation of the essence and abilities of consumer audience: co-participation of the audience in the process of creation of Mass media content allows to conclude that there is a combination of new consumers and social authors at the same time – prosumers.*

Key words: *«new interactivity», convergent media, magazine, social networks, prosumer.*

1. ИНТЕРАКТИВНОСТЬ: МЕДИЙНЫЙ КОНТЕКСТ

Сегодняшняя конвергентная пресса обладает характеристиками, немыслимыми для «традиционных» СМИ: она оснащена звуком, анимацией, гипертекстом, обширными электронными архивами, различными видами обратной связи с аудиторией. Несомненное преимущество конвергентных СМИ перед «старыми» – это интерактивность, то есть возможность осуществлять обратную связь в той форме, которая ранее была недостижима для бумажных медиа. Под «интерактивностью» в современной теории журналистики понимаются, как технические возможности самого СМИ, так и активность аудитории, выраженную во взаимодействии с редакцией. Для более точного определения терминологических границ в последние годы проводится немало семинаров и конференций, в ходе которых журналисты, редакторы и маркетологи делают определенные выводы о сложившейся ситуации. Так, например, в октябре 2010 г. Издательский дом iZine стал организатором круглого стола на тему «Будущее СМИ в свете развития интерактивных Интернет-технологий» [1]. В результате обсуждения помимо социальной и инструментальной функций, выделяемых экспертами, было предложено рассматривать интерактивность как:

- симметрию отношений между издателем и читателем;
- возможность постоянного доступа пользователей к контенту и взаимодействия с ним.

Термин «интерактивность» происходит от английского слова «interactivity», которое состоит из двух частей: «inter» и «activity», и подразумевает активное взаимодействие двух сторон. В случае со СМИ – это собственно читатель и издание. Т.о., интерактивность – это взаимодействие читателя с автором материала, в ходе которого первый высказывает личное мнение на тему, затронутую в статье, а второй – принимает к сведению замечания с целью улучшения дальнейших публикаций [2]. Кроме того, интерактивность предполагает и взаимодействие пользователя с мультимедийным контентом (опросы, тесты, игры), и отклики на редакционные материалы.

За несколько десятилетий интерактивность из читательской почты, «круглых столов» с редакцией и «горячих линий» с экспертами превратилась в кардинально новое явление: это постоянный поток комментариев, обновлений в новостных и

© Е.А. Зверева, 2012

френдлентах социальных сетей. «Новая интерактивность» заключается не только в высказывании личного мнения о материале в комментариях, но и дополняется кнопками «нравится» («like») и «поделиться» («share»). При этом все порталы, сайты, веб-страницы всемирной паутины сходятся в одной фокальной точке – в социальной сети. Другие возможности «новой интерактивности» заключаются в обилии медиа-контента: фотографии, рекламные баннеры, видео- и аудиосервисы на сайтах СМИ давно являются интерактивными. Можно отмечать знакомых людей, «забирать их к себе» на страницу, играть за персонажей, а можно воспользоваться более новыми интерактивными сервисами и не только потреблять продукт СМИ, но и производить его, не выходя из дома, например, «публиковать» рассказы или эссе о событиях в фотографиях, видеороликах, блогах.

Все преимущества «новой интерактивности» активизированы и самими журналистами: в редакциях появились целые отделы по работе с пользователями социальных сетей, которые публикуют, тиражируют, пропагандируют материалы родного издания, оставляя ссылки на «стенах» друзей, в специальных группах и сообществах. «Новая интерактивность» привела к тому, что у каждого СМИ есть не только печатный вариант и онлайн-версия, но и собственная площадка в соцсети, на которой происходит взаимодействие с аудиторией: пользователи участвуют в конкурсах, переходят по ссылкам на заинтересовавшие публикации, тем самым, повышая рейтинг изданий.

С одной стороны, неуклонно расширяется диапазон интерактивных возможностей современных СМИ, а с другой, именно благодаря интерактивности пользователь может создавать персонифицированный контент. Интерактивность идет рука об руку с медийной демассификацией и индивидуализацией, когда потребитель сам формирует свое информационное меню, выбирая интересующие материалы и мультимедиа. Налаженная обратная связь с аудиторией позволяет редакциям СМИ с высокой долей вероятности прогнозировать потребности аудитории, и размещать на своих страницах то, что востребовано - это касается как информации, так и технических нововведений.

Главная потребность современного читателя интернет-СМИ заключается в том, чтобы иметь возможность фильтровать информацию. Именно этим объясняется популярность Twitter, где собственные аккаунты имеют почти все современные издания (например, практически все крупные информационно-аналитические российские издания – ***Огонек, Русский репортер, The New Times/ Новое время, Профиль, Эксперт, Коммерсантъ Власть)***. Теперь пользователю не обязательно покупать бумажное издание или просматривать весь сайт любимого СМИ: можно просто кликнуть кнопочку «следить» («follow») в Twitter, тем самым подписавшись на новостную рассылку, и получать анонсы всех материалов сайта. После краткого описания материала (в 140 символов) читатель может перейти по ссылке и ознакомиться с публикацией. Если в течение долгого времени пользователя не интересует ни один анонс в Twitter, он может просто удалить СМИ из подписки, и найти для себя более подходящее издание. По тому же принципу работает Facebook и прочие социальные сети.

Таким образом, «интерактивность» в контексте СМИ включает два основных аспекта:

1. технические возможности конвергентных СМИ – это технологии, с помощью которых аудитория может поддерживать связь с редакцией и высказывать свое мнение (к примеру, специальное оборудование и компьютерные программы);
2. непосредственная связь читателей с редакцией СМИ, предполагающая активное обсуждение материалов.

Понятно, что те СМИ, располагающие меньшими возможностями интерактивности, сильно проигрывают медиа-ресурсам, которые открыты интернет-аудитории. Современной публике нравится быть полноценным участником происходящего, а не только наблюдателем, поглощающим информацию (или хотя бы думать, что она им не является). Соответственно, если СМИ является интерактивным – у него намного больше шансов удержаться на плаву за счет поддержки и отклика аудитории [3]. Здесь действует 100 % принцип положительной обратной связи: при появлении интерактивности в СМИ увеличивается размер его аудитории и процент читательского доверия.

2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОНВЕРГЕНТНЫМИ ЖУРНАЛЬНЫМИ СМИ

Сейчас СМИ находятся в начале нового этапа своей истории, связанного с интерактивными возможностями конвергентных масс-медиа. Дело в том, что конвергентные СМИ имеют свое «представительство» в Интернете, и именно сеть предоставляет уникальные возможности интерактива, без которого современные издания уже не представляют своей работы по продуктивному взаимодействию с аудиторией.

Если какое-либо издание публикует сенсационный материал в традиционной бумажной версии, то статья, естественно, появляется и на сайте издания. Печатный вариант информирует своих читателей о том, что свой комментарий они могут оставить на веб-странице онлайн-версии издания.

Обратившись к сайту, пользователь по количеству просмотров, комментариев и «like» может увидеть, получил ли материал, заинтересовавший его, отклик аудитории. Далее читатель электронной версии (по своему выбору) вступает в дискуссию с журналистами или другими пользователями, и для этого может воспользоваться следующими инструментами интерактивности, доступными на сайте: кнопками «оставить комментарий» или «поделиться» («share»), которые моментально распространят отмеченную публикацию во все социальные сети читателя, и приведут на сайт издания новых уникальных посетителей. Естественно, что современные конвергентные издания заинтересованы в таком развитии событий, потому что получают возможность отслеживать отклики большого количества аудитории. Кроме того, СМИ гарантирован прирост уникальных пользователей и стабильная информационная ниша на медиа-рынке.

Журнал ***Русский репортер*** уловил данную тенденцию и обзавелся в июне 2008 г. собственным сайтом (сразу же более 2 млн. посещений в месяц), страничкой в ЖЖ («сообщество журнала ***Русский Репортер***»), ставшей дискуссионной площадкой, на которой можно «поднять любую актуальную тему и ожидать обратной реакции». Причем журналисты ***Русского репортера*** обещают писать здесь «о редакционной жизни, случаях на планерке, воплях трезвых и пьяных душ, взаимообразных наездах, обращаться за помощью к аудитории, вывешивать видео, аудио, фото и просто умные мысли» [4].

В сентябре 2009 г. на YouTube появился канал журнала ***Русский репортер*** – более 150 тыс. просмотров к марту 2012 г. В Twitter ***Русский репортер*** оставил более 3 тыс. твитов для своих 10 тыс. зарегистрированных читателей и для посетителей странички.

У журнала есть своя страничка ВКонтакте, насчитывающая к 2012 г. более 50 тыс. подписчиков, которые получают новости, анонсы номеров «первого общественно-политического издания для активного среднего класса России». У пользователя есть возможность увидеть новый номер журнала, отследить текстовые и визуальные материалы, вызвавшие наибольший интерес. Например, обложку № 9(237) от 8-15 марта 2012 г. с изображением В.В. Путина редакция журнала прокомментировала так: «И ещё раз с праздником! Специально для вас наш новый номер с красивым мужчиной на обложке». Тут же последовало 54 комментария, а еще более 100 подписчиков поставили «like».

Ярким поводом для проявления возможностей «новой интерактивности» становятся выборы Президента Российской Федерации 2012 г. Проект ***Русского репортера*** «Честные выборы – честные новости» продуктивно отработал 4 марта 2012 г. в виде прямых включений корреспондентов журнала из различных городов России. 5 марта 2012 г. ***Русский репортер*** онлайн следил за митингами по всей стране, отмечая самое главное в микрорепортажах авторов журнала, размещаемых не только на сайте, но и на страничках ВКонтакте, в Моем Мире, на Facebook и Twitter. Естественно, что каждый материал тут же комментировался и оценивался пользователями. Все интерактивные проекты журнала имеют систему взаимных ссылок: так, прочитав на сайте интересный материал, пользователь может «поделиться» им с друзьями в социальных сетях, а так же традиционно оставить свой комментарий.

Новые возможности интерактивности связаны, в первую очередь, с мультимедийностью, т.е. «сращиванием» воедино разного контента (например, присутствие наряду с привычным текстом видео- и аудионаполнения). Мультимедийность появляется в результате «конвергенции текста, звука и изображения, передаваемых одновременно в интерактивном режиме по коаксиальному или волоконно-оптическому кабелю, посредством радиолиний, спутниковых систем или благодаря комбинации этих технологий» [5]. «Новая интерактивность» – это еще и появление возможности фильтрации информации: современный пользователь получил инструмент автоматического поиска и отсева новостей по нужным темам, возможность выбора информации, а не безоговорочное «следование» за редактором.

Одним из удачных примеров использования инструментов «новой интерактивности» в отечественной практике можно назвать журнал ***Афиша***. Проект afisha.ru был запущен в конце 1990-х годов, как главный сайт о развлечениях Москвы. Сейчас сайт ***Афиши*** – самый простой способ выбрать, как провести свободное время. Пять миллионов человек в месяц узнают из ***Афиши*** о новых фильмах, музыке, выставках, ресторанах, магазинах и гаджетах [6].

Сайт содержит самую полную и точную базу расписаний киносеансов, концертов, выставок, и театральных спектаклей; самый большой каталог адресов ресторанов, клубов, музеев, выставочных залов и магазинов в крупнейших городах России и Украины. Самые авторитетные книжные, музыкальные, ресторанные и кинокритики публикуют свои рецензии и ведут тематические рубрики на ***Афише***.

Журнал предлагает участие в интерактивных спецпроектах, например, «Москва изнутри» – ***Афиша*** составляет альтернативную карту Москвы. Каждые две недели известные жители рассказывают истории о любимых местах в любимом

районе. Так, комбинат «Правды», журналистские дома и первая московская маршрутка «засветились» в рассказах экс-главного редактора газеты «Мегаполис-Экспресс» Игоря Дудинского, а лидер группы «Мегаполис» Олег Нестеров выбрал мифы и достопримечательности района Перово: Рублевка XVIII века, немецкий городок, больница старых большевиков.

Оригинальна интерактивная рубрика «Кинороbот»: зарегистрированный пользователь знакомится со списком фильмов «киноробота», ставит оценку тем из них, которые уже видел, и получает персональные рекомендации, точность которых зависит от степени правдивости пользовательских «киноoценок».

Важно отметить, что помимо заметок профессиональных журналистов на сайте каждый месяц публикуется более 3 тысяч пользовательских рецензий и более 30 тысяч пользовательских оценок. Таким образом, afisha.ru выстроила уникальную интерактивную схему, напоминающую социальную сеть, зарегистрированные пользователи которой могут:

- обмениваться информацией с другими пользователями, публикуя рецензии и отзывы на главной странице сайта;
- читать рецензии на фильмы и сразу же покупать билеты в кино с помощью системы сайта ***Афиши***;
- выбирать «свои» темы и подписываться на наиболее интересные информационные потоки;
- обсуждать темы, которые предлагаются редакцией портала в комментариях и блогах;
- делиться ссылками на статьи посредством социальных сетей («интеркнопки» внизу каждой статьи);
- создавать собственный профайл с фотографией, личной информацией о себе и своих увлечениях.

Т.о., на сайте журнала представлен весь спектр интерактивных инструментов, с помощью которых аудитория может обмениваться информацией с редакцией портала и друг другом.

Журнал ***Men's Health***, представляющий на своем сайте ежедневные новости и статьи, советы экспертов и блоги, конкурсы и подарки, моделирует потребительский вариант жизни современного мужчины из следующих основных направлений: мужское здоровье и спортивная форма; физические упражнения и видео-энциклопедия фитнеса; секс и психология отношений; правильное питание и профилактика заболеваний; еда и рецепты; домашняя кулинария и высокая кухня; куда поехать, где отдохнуть; мужская мода, одежда и стиль для мужчин: костюмы, галстуки, сумки, часы и другие аксессуары; обзоры информационных технологий и достижений науки; лучшие автомобили и гаджеты, тесты и видео онлайн [7].

Новости можно прокомментировать и оценить («like»), поделиться ВКонтакте, с Одноклассниками, в Моем Мире, на Facebook и Twitter, кроме того, новые возможности интерактивности связаны с подпиской на поток новостей по избранной пользователем тематике при помощи вкладки RSS.

Интерактивные возможности конвергированных медиа ярко проявляются в различных форумах, комментариях пользователей, «подталкивающих» потребителя к участию в формировании контента. Кроме того, благодаря комментариям читателей, их новостям, видео- и аудиофайлам, журналист получает непосредственный отклик на свою работу, а сама аудитория становится участником процесса формирования «народной журналистики». Например, на форуме ***Men's Health*** обсуждаются темы фитнеса, мужского здоровья и спортивной формы, секса и психологии отношений, правильного питания и профилактики заболеваний, отдыха и путешествий, определяются мнения и пожелания читателей касательно контента журнала по итогам каждого года. Специализированный форум «Вторая жизнь» посвящен публикациям в номерах ***Men's Health***, вызвавшим интерес, протест, одобрение, возмущение, вопросы читателей журнала. Проводятся интерактивные опросы и акции: «Я худею, дорогая редакция», «Награждаем за подвиги!» или «Обязаловка». Читателю предлагается (за различные призы) прислать свою историю – как его внешний вид стал предметом заслуженной гордости, сопроводив фотографиями «до» и «после». Или написать о людях, рисковавших жизнью ради спасения других, чтобы при помощи журнала эта история облетела весь интернет. Или придумать тему для статьи в одну из основных рубрик ***Men's Health***, кратко описать ее и выбрать автора из предложенного редакцией списка. Готовые статьи публикуются в журнале с указанием читателя-идеолога и его подарка.

На форуме ***Men's Health*** выработаны общие правила, упорядочивающие хаотичную структуру сайта. В правилах можно выделить правовой блок, запрещающий «призывы к насилию, разжиганию межнациональной розни, а также оскорбления участников», нецензурные высказывания, сообщения порнографического характера, за что может последовать самое серьезное «сетевое наказание» – удаление пользователя и его записей со страницы журнала. Контентные ограничения включают запрет «сообщений не по теме, флейма и флуда», рекламы и всего, что на нее похоже.

На форуме «не приветствуются» неинформативные сообщения, бессмысленные заголовки тем, повторы уже обсуждавшихся вопросов. Аккаунт пассивного пользователя, не написавшего ни одного сообщения в течение двух месяцев со дня регистрации, аннулируется.

В журнале присутствуют популярные блоги, среди которых «Дорогая редакция» – блог редакции журнала, а так же:

«Сила ума» – отжимания: как улучшить свои результаты?

«Сделай Ам» – редактор раздела «Пища» Иван Глушков рассуждает о том, где, что, как и когда есть, а что не есть ни в коем случае и делится своим кулинарным (и житейским) опытом.

«Ключ на старт» – специалист по автомобильной тематике журналист Петр Максимов о мире автоспорта, тюнинга и всего, что связано с автомобильной жизнью в России (и не только).

«Ё гардероб» – создатели марки одежды ARINOVFEDYSHIN Алибек Аринов и Вадим Федышин оценивают и анализируют тенденции мужской моды, помогают разобраться в современных быстро меняющихся трендах.

Оценить качество текста при помощи инструментов интерактивности можно на сайте журнала ***Огонек*** [8], одновременно просмотрев количество «like» ВКонтакте, на Facebook и, при желании, поместив ссылку на LiveJournal, My Space, Моем Мире, Одноклассниках и любом другом блоге. Пользователь может добавить комментарий на Facebook и Twitter. Аналогично построена система интерактивной работы в других общественно-политических и аналитических журналах – ***Русский репортер, The New Times/Новое время, Профиль, Эксперт, Коммерсантъ Власть.***

Несмотря на налаженные интерактивные схемы в социальных СМИ, в интернете продолжают появляться стартапы и новые проекты, основанные на схеме максимального соответствия информации запросам пользователей. Одна из идей дальнейшего развития интерактивности заключается в том, чтобы свести взаимодействие с пользователем до элементарного автоматизма и упростить процедуру реагирования на его предпочтения и запросы.

Так, редакция женского журнала ***Woman Journal*** ежедневно предоставляет пользователям возможность ознакомиться с 150 красивыми фотографиями, следит за 500 твиттерами звезд и блоггеров, отсматривает 200 новостных лент, публикует 25 интересных материалов, разыгрывает 8 полезных призов, публикует 10 обновлений в социальных сетях [9]. По данным Google Analytics, еженедельная аудитория портала составляет 1 250 000 человек, которые просматривают более 8 300 000 страниц (данные за ноябрь 2009).

Помимо уже перечисленных возможностей «новой интерактивности» журнал предлагает участие в опросах, представленных под каждой статьей. Кроме того, информацией можно поделиться не только по «традиционной» схеме – ВКонтакте, Мой Мир, Facebook и Twitter, но и обратиться к новому интерактивному рекомендательному сервису ***Surfingbird*** («птичка»).

По задумке создателей интернет-проекта Surfingbird.ru, пользователи сами взаимодействуют с проектом, информацией и друг с другом [10], сообщая о своих интересах, регистрируясь на сайте и отмечая темы, которые привлекательны для них больше всего (всего 17 интересов). Впервые используя сервис, пользователи нажимают кнопку «Серф», после чего «умная» система проекта отбирает только те материалы, которые соответствуют указанным интересам. Это не только удобство для пользователей при поиске информации, но и выгода для СМИ и прочих сайтов, к которым приходят новые читатели с ***Surfingbird***. То есть по факту, «птичка» – интерактивный посредник между изданиями и пользователями, в основные функции которого входит задача взаимодействовать с пользователем и показать ему только нужную информацию [11].

Surfingbird – проект, уникальный в своем роде, потому что интерактивность в нем стала главным условием получения информации, размещенной на сайте: если пользователь нажимает кнопочку «понравилось», система запоминает его предпочтения и в дальнейшем показывает только интересную информацию. Это уже не просто подписка на интересные новости – это настоящая поисковая машина, настроенная под интересы каждого конкретного человека. Огромный плюс ***Surfingbird*** заключается и в том, что пользователь не только может смотреть контент рекомендуемого сайта, но и выполнять на нем активные действия, включая регистрацию, комментарии и другие интерактивные «процедуры». То есть, по большому счету, пользователь просто пользуется сайтом, который порекомендовал ***Surfingbird*** – читает новости, просматривает фотографии и даже оставляет там комментарии. При этом основные задачи «птички» – рекомендовать интересный контент, взаимодействовать с пользователем и предоставлять ему площадку для сохранения понравившихся ссылок.

Тем не менее, команда ***Surfingbird*** изначально не планировала создавать новую социальную сеть. Ее целью было и остается построение уникального информационного пространства, отфильтрованного по интересам пользователей и собранного в одном месте. Однако, как и любой

современный интернет-проект, ***Surfingbird*** размещает на своих страницах иконки Facebook и Twitter, дабы пользователи не забывали делиться своими познаниями, даже когда они находятся внутри другой мощнейшей интерактивной системы. Это парадокс современного интернета, который заключается в неоспоримом доминировании двух главных интерактивных продуктов – Facebook и Twitter, за пару лет ставших просто неотъемлемой частью любого проекта, СМИ, каждой конкретной новости и представлений современного человека об информации.

В 2012 г. аудитория проекта увеличивается на 200 % каждый месяц. До конца года авторы ресурса хотят довести его ежедневную посещаемость до 100 тыс. уникальных пользователей.

Сервис зарабатывает на таргетированной рекламе, пока же проект не «засорен» рекламой – а его главный доход составляют крупные инвестиции, идущие со стороны европейских бизнес-ангелов. В сентябре 2011 года Surfingbird.ru получил 2,5 долларов инвестиций на развитие. В ближайшее будущее этим проектом, вероятно, заинтересуются известные поисковые системы, ведь он составляет для них огромную конкуренцию.

В настоящее время иконку с «птичкой» можно найти в ряде электронных журналов: помимо упоминаемого ***Woman Journal***, она есть на страничке ироничного интернет-журнала о жизни в Москве, России и за ее пределами ***Royalcheese*** [12], отмечается женским порталом ***Passion.ru*** (по данным Google Analytics, еженедельная аудитория портала составляет 1 760 000 пользователей и 7 300 000 просмотров страниц) [13].

Т.о., можно выделить следующие инструменты «новой интерактивности» в журнальном сегменте:

- комментарии к статьям на сайте;
- регистрация на форуме для высказывания своего мнения;
- участие в опросах, представленных под каждой статьей;
- публикация краткого варианта новости (140 символов) в Twitter;
- возможностью распространить ссылку на материал посредством социальных сетей при помощи панели «поделись» («share»). Например, читатели журналов могут «поделиться» ВКонтакте, с Одноклассниками, в Моем Мире, на Facebook и Twitter;
- подписаться на поток новостей по выбранной теме при помощи кнопки RSS;
- работа с новыми интерактивными проектами, благодаря которым внутри самого сайта реализуется некий интерактивный механизм, как, например, в рекомендательном сервисе Surfingbird.

3. ВЛИЯНИЕ «НОВОЙ ИНТЕРАКТИВНОСТИ» НА МЕДИАПОТРЕБИТЕЛЯ: ОТ «КОНСЬЮМЕРА» К «ПРОСЬЮМЕРУ»

Изменение возможностей трансляции нового медийного продукта трансформировали сущность и возможности аудитории потребителей: со-участие аудитории в создании контента СМИ позволяет констатировать сочетание в лице новых потребителей консьюмеров и социальных авторов одновременно – **просьюмеров** (от англ. prosumer, от professional либо producer + consumer). Слово введено Элвином Тоффлером в книге «Третья волна» (1980), где оно употребляется для обозначения новой прослойки населения, появление которой ученый связывает с демассификацией массового сознания: «...увеличение роли и разнообразия мини-журналов и листков новостей небольших форматов, часто в виде ксерокопий; коммуникации, связанные с приходом кабелей, кассет и компьютеров – разбивает стандартизированные шаблоны мира, распространяемые коммуникационными технологиями Второй волны, приносит в общество разнообразные образы, идеи, символы и ценности. Мы используем не только индивидуализированные продукты, но и различные символы для того, чтобы сделать индивидуальным наше видение мира /.../. Стремление решать проблемы своими силами (вместо того чтобы кому-то за это платить) отражает существенное изменение в наших ценностях, в нашем понимании болезни и в нашем восприятии своего тела и самих себя» [14].

Если в период «Первой волны» большинство людей потребляло то, что производили сами (Э. Тоффлер называет их «производителями для себя»), то время «Второй волны» – промышленная революция – разделяет функции производства и потребления, создавая «производство для обмена». И вот в настоящее время «граница между потребителем и производителем все больше стирается» [15], все большее значение приобретает «производитель для себя» – «просьюмер» или «**протребитель**» (т.е. от англ. producer + consumer). Согласно идее Э. Тоффлера, полная автоматизация позволит «протребителю» самому конструировать нужную ему продукцию, создавать товары и услуги для себя.

С точки зрения экономистов и маркетологов, просьюмер – «**профессиональный потребитель**» – это тип покупателя, который предъявляет к товарам большие требования, чем среднестатистический покупатель. Согласно трактовке екатеринбургского исследователя Е.В. Андреевой, «просьюмер – это активный потребитель, человек, который имеет доступ и умеет использовать технологии и информацию, который вовлечен в то, что происходит в розничной торговле, политике, поп-культуре» [16]. Особую ценность

просьюмеры представляют для производителей, стремящихся предвосхитить будущие тенденции, потому что они являются «системой раннего оповещения» о том, что дальше произойдет с потребителем, а также своеобразными «живыми медиа»: просьюмерами «движут три неодолимые силы: Интернет (который придает им силу благодаря информации, форумам и общению), медиа-фрагментация (благодаря которой их устное общение приобретает большую силу) и глобализация на личном уровне (что позволяет ощутить их силу во всем мире)» [17].

Дальнейшее исследование данного явления может продолжиться именно в направлении комплексного изучения современного медиа-пространства, в котором за счет появления просьюмеров меняется способ познания действительности.

Представляется возможным условно разделить активных потребителей информации (просьюмеров) на две основные группы: первая и самая многочисленная категория – это просто пользователи, которые не являются творцами, но голосуют за интересные с их точки зрения произведения; не пишут тексты для СМИ, но могут их анализировать и сигнализировать о выявленных ошибках, корректировать достоверность материалов. Получается, что существует категория просьюмеров не создающих, а оценивающих, тестирующих информацию, публикации и т.п. Думается, что в данном случае под просьюмером возможно понимать «профессионального потребителя», т.е. professional consumer. Функция данной группы протребителей – анализ и корректировка дальнейшего распространения информации в медиа-пространстве.

Вторая, более узкая категория, может быть обозначена как креативные протребители (producer + consumer) или даже **медиа-просьюмеры**. Это как технические специалисты, писатели, ученые, так и журналисты, т.е. люди, производящие материальные и нематериальные блага, от которых «требуется наличие высокого интеллекта, творческий подход и независимость. Эти качества больше всего свойственны нынешним учёным и фрилансерам, которых мы и отнесем к современному среднему классу. Просьюмеры – новый высший класс – происходят от среднего класса капиталистической формации» [18].

Не вызывает сомнений тот факт, что мы наблюдаем эволюцию части активной аудитории от потребителя информации к со-творцу медиапространства: от консьюмера через профессионального просьюмера к медиа-просьюмеру. Доказательство тому – стремительное развитие интерактивных форм коммуникации, блогосферы, использование мультимедийных возможностей СМИ.

Хейди Тоффлер назвала «типичным просьюмерским проектом» Википедию, а величайшим протребительским проектом – Интернет: «Создание сети внесло особый вклад в изменение системы знания, в наше отношение к пространству и времени. Интернет кардинально изменил наш способ мышления и обучения, а также способ делать деньги, заниматься бизнесом, управлять экономикой и создавать богатство. Сейчас фактически закладывается основа для настоящего взрыва протребления в богатейших странах. Он обусловлен быстрым распространением знания, экспансией технологий, которые можно использовать в протреблении» [19].

Именно благодаря таким свойствам Сети, как интерактивность, многоканальность, мультимедийность, гипертекстуальность происходит моделирование индивидуализированного, субъективного (даже эмоционального) медиапространства, в котором медиа выступают в качестве партнера пользователя. «Впервые появились предпосылки и возможности функционирования масс-медиа не как системы массового информирования и манипулирования (которая существовала с момента создания СМК), но как системы и среды неиерархического коммуницирования медиа и аудитории», - подчеркивает в своем исследовании М.Г. Шилина [20]. Автор работы констатирует значимость трансформации коммуникационной парадигмы: рядовой пользователь активизирует свою деятельность, становится создателем контента и коммуникации, что приводит к обновлению коммуникационной модели (субъект – субъектной). Подобная модель изменяет связку «журналист – аудитория», «создатель информации – потребитель информации», потому что адресат информации может стать и со-автором, и со-здателем контента.

Со-участие просьюмера в конструировании медиа-пространства, с одной стороны, активирует авторские функции, а с другой – продвигает процесс сегментирования аудитории, потому как потребление контента конвергированных СМИ отчетливо интерактивно и индивидуально. Думается, что появление медиа-протребителя не решит проблемы современной журналистики и не отменит потребности в профессионализме журналистов. Но то, что с этим явлением придется считаться – это, несомненно. У журналистов есть возможность продемонстрировать свой профессиональный уровень: изучить и использовать продуктивные свойства просьюмеризма. И быть готовыми двигаться дальше, поскольку «всякое развитие обнаруживает со временем все новые и более глубокие трудности» (Альберт Энштейн).

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Радио-портал» [Электронный ресурс]. URL: http://www.radioportal.ru/news/. – (дата обращения: 10.09.2011).

2. Exploring a Networked Journalism By Jan Schaffer/ J-Lab Executive Director/ April 2010/ Collaborative in Philadelphia/.

3. Journalism 2.0 / Mark Briggs/ J-Lab – The Institute of Interactive Journalism/ May 2009.

4. Здесь и далее данные сайта журнала «Русский репортер» [Электронный ресурс]. URL: http://russianreporter.livejournal.com/ (дата обращения: 23.02. 2012).

5. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран : учеб. пособие / Е.Л. Вартанова. – М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Vart/52.php (дата обращения: 23.08. 2011).

6. Здесь и далее данные сайта журнала «Афиша» [Электронный ресурс]. – URL: http://afisha.ru (дата обращения 25.04.2011).

7. Здесь и далее данные сайта журнала «Men's Health» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mhealth.ru/ (дата обращения 16.02.2012).

8. Сайт журнала «Огонек» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/1882940 (дата обращения 10.01.2012).

9. Женский интернет-журнал «WomanJournal.ru» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.wmj.ru/moda/novosti/ (дата обращения 5.07.2011).

10. Кириченко А. Интервью с основателями Surfingbird / А. Кириченко. – 17.10.2011 [Электронный ресурс]. – URL: http://startuppoint.ru/blog/startup_webonmap_ru/ (дата обращения 5.03.2012).

11. Материал по Surfingbird предоставлен участницей проекта А.В. Ва-сильевой.

12. Здесь и далее данные сайта интернет-журнала «Royal Cheese» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.royalcheese.ru/ (дата обращения 03.03.2012).

13. Сайт интернет-журнала «Passion.ru» [Электронный ресурс]. – URL : http://10.passion.ru/ (дата обращения 3.03.2012).

14. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Фирма «Изда-тельство АСТ», 1999. – [Электронный ресурс]. – URL: http://media.utmn.ru/library.php (дата обращения 25.04.2011).

15. Там же.

16. Андреева Е.В. Просьюмеры – новый вид потребителей информационной цивилизации / Е.В. Андреева // Потребление как коммуникация : Материалы 5 международной конференции 26-27 июня 2009 г. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – С. 14.

17. Панченко И. Просьюмеры – живые медиа / И. Панченко // Персональный сайт Валентина Перции [Электронный ресурс]. URL: http://www.pertsiya.com/ (дата обращения 22.11.2011).

18. Деструктор Д. Ещё об информационном обществе / Д. Деконструктор // Сайт Правда-инфо – 12.09.2009 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravda.info/economics/72314.html (дата обращения 5.09.2011).

19. Цит. по: Алексеева А. Новая волна богатства / А. Алексеева // Экс-перт. – 2008. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.jur-jur.ru/articles/articles491.html (дата обращения 14.08.2011).

20. Шилина М.Г. Медиакоммуникация : тенденции трансформации. Но-вые парадигмы исследований массовых коммуникаций / М.Г. Шилина // Ме-диаскоп. – 2009. – Выпуск № 3. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mediascope.ru/ (дата обращения 6.05.2011).

Зверева Е.А.
Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина. И.о. зав. кафедрой журналистики и издательского дела, к.ф.н., доцент.
E-mail: Katya9_2001@mail.ru

Zvereva E.A.
Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia.
Head of the Department of Journalism.
E-mail: Katya9_2001@mail.ru

УДК 004.738.5

ВЛИЯНИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА КОРПОРАЦИЙ НА СОЗДАНИЕ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОСТИ

© 2012 Е.Р. Ким

Узбекский государственный университет мировых языков

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *В данной статье исследуются изменения, происходящие на мировом информационном рынке. Основные тенденции развития мировой медиаиндустрии таковы, что сегодня транснациональные корпорации являются важной частью мировой информационной системы. Автор рассматривает положительные и отрицательные стороны деятельности ТНК, их механизмы воздействия на аудиторию. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что сегодня медийные ТНК стали играть большую роль: они фактически решают вопросы нового информационного передела мира.*

Ключевые слова: *транснациональные корпорации, медиарынок, информационный товар.*

Abstract: *In the given article are investigated the changes which are going on in global information market. Major trends in the global media industry is such that today, transnational corporations are an important part of the global information system. The author reviews the positive and negative aspects of the activities of TNCs and their mechanisms of action on the audience. Having made the research the author makes a conclusion that TNCs have played an important role: they actually solve the problems of the new information division of the world.*

Key words: *transnational corporations, media market, the information product.*

В связи с глобализацией происходит радикальная трансформация всех сфер жизнедеятельности человека. Существенное влияние данный процесс оказал на мировой информационный рынок, структурную основу которого сегодня составляют транснациональные корпорации.

Информационно-коммуникационные технологии ряда развитых государств приобрели критические размеры: они оказывают серьезное влияние на весь остальной мир. В некоторых арабских странах (Ливия, Сирия и др.) доля американских фильмов и передач превышает половину телевизионного эфира. Это создает угрозу национальному менталитету, ведет к нивелированию национальной самобытности. В результате многим независимым государствам навязываются космополитизм, серийные дома, одежда, пища и т.д. Другими словами, происходит постепенное забвение многовековых традиций и национального колорита. Особенно это чувствуется в странах с уникальной культурой: Китай, Индия, Япония. К таким странам относятся государства Центральной Азии, в том числе Узбекистан и Казахстан.

Ряд ученых отмечает, что информационные транснациональные корпорации являются важной частью мировой информационной системой. В их руках, находится огромная власть, которую весьма сложно контролировать. К примеру, Герберт Шиллер отмечает, что в информационной сфере доминируют именно интересы корпоративного капитализма.[1]

В связи с масштабной деятельностью транснациональных корпораций необходимо рассмотреть современную ситуацию, сложившуюся на медиарынке, выявить положительные и отрицательные стороны их деятельности. В условиях стремительного развития информационных технологий возникают такие достаточно важные вопросы, как «кто пользуется в Интернете большей властью: государство или корпорации?», «каков образ современной действительности и кто оказывает наибольшее воздействие на ее формирование?».

Монополистические объединения впервые стали появляться в индустриально развитых странах мира США, Англии, Германии, Франции и др. Возникнув в конце 19 – начале 20 веков, в своем развитии они прошли несколько этапов. Уже в первой половине XX века они стали занимать господствующие позиции в сфере радиовещания и издательской деятельности. Значительных масштабов процесс распространения влияния ТНК приобрел в последнее время.

Стремясь освоить возможности мирового информационного рынка, крупнейшие медиакорпорации перешагнули границы государства,

© Е.Р. Ким, 2012

1. См.: Уэбстер Ф. Теории информационного» общества.- М.: Аспект Пресс, 2004. – С.172.

их деятельность приобрела транснациональный характер. Наиболее крупные и экономически могущественные и независимые объединения, использующие новейшие коммуникационные технологии и огромные финансовые возможности, сегодня доминируют на международном рынке новостей, их операции приобрели всемирный размах. Как пишет Ф.Уэбстер, «часто сравнивают богатства государств и транснациональных корпораций, причем оказывается, что из ста единиц, обладающих самыми высокими доходами, половина приходится на транснациональные корпорации»[2].

Сегодня крупнейшие медиакомпании представляют собой многоступенчатые предприятия СМИ, действующие на различных рынках – вещательном, печатном, кинопроизводственном, звукозаписывающим. Главной целью подобных медиакорпораций является, в первую очередь, доминирование на рынках, а также получение хорошей прибыли, создание оптимальных условий с целью повышения эффективности их деятельности.

Основные тенденции развития мировой медиаиндустрии таковы, что сегодня медиарынок формируется под влиянием таких процессов, как технологический прогресс, глобализация, конвергенция.

Сегодня основная часть медийного рынка контролируется несколькими транснациональными компаниями. Ведущие позиции занимают корпорации, расположенные в США. В первой половине 2000 г. на информационном рынке доминировали всего шесть концернов-гигантов («большая шестерка»), пять из которых имеют штаб-квартиры в США, и только один (третий по величине) расположен в Германии. Речь идет о концерне «Bertelsman», который после покупки в 1998 г. крупнейшего в мире англоязычного издательства «Рэндом Хаус» и ряда других приобретений, превратился в глобальную медиаструктуру.

Наиболее высокую позицию в иерархии медиагигантов занимает «General Electric». Его доход за 2009 год составил 157 миллиардов долларов. В его ведении телевизионные сети NBC и Telemundo, Universal Pictures, Focus Features, 26 телевизионных станций в США, а также кабельные сети MSNBC, Bravo and the Sci Fi Channel. Кроме того, ей принадлежит 80% от NBC Universal. 8 января 2011 Федеральная комиссия по связи одобрила поглощение Comcast большей части акций NBC-Universal корпорацией General Electric. Данная корпорация оказывает влияние на многие сферы распространения массовой информации.

Не менее важную позицию на мировом медиарынке занимает «Walt Disney» – корпорация, доход которой за 2009 год составил свыше 31 миллиард долларов. Она является собственником кабельных сетей ESPN, the Disney Channel, SOAPnet, A&E и Lifetime ей принадлежит 277 радиостанций, музыкальные и книгоиздательские компании Touchstone, Miramax and Walt Disney Pictures, студии Pixar Animation, обслуживание Disney Mobile. Помимо собственности в сфере содержания информации и развлечений, ей принадлежит одна из крупнейших телекомпаний в мире – американская телевизионная сеть ABC.

Массовое распространение ТНК еще в конце XX века предсказывал Элвин Тоффлер в книге «Третья волна», где подчеркивал, что «размеры, значение и могущество этих новых игроков в общемировой игре неуклонно возрастет».[3]

Ситуация в мировом информационном пространстве такова, что ТНК охватили большую часть этой территории. Именно ТНК фактически решают вопросы нового информационного экономического и политического передела мира, стоят на грани мирового наднационального правительства. Свидетельством роли, которую играют транснациональные корпорации в мировой политике и экономике, явилось создание при ООН Центра и Комиссии ООН по ТНК, обсуждение структурами ООН различных аспектов деятельности корпораций.

«По данным ООН, в настоящее время в мире существует более 65 тыс. ТНК, контролирующих свыше 850 тыс. аффилированных зарубежных компаний по всему миру, в которых занято свыше 74 млн. человек. При этом на территории промышленно развитых держав размещается свыше 80% материнских компаний и около 33% аффилированных, в развивающихся странах — соответственно 19,5 и почти 50, в бывших социалистических государствах — примерно 0,5 и 17%».[4]

Как считают зарубежные эксперты, сегодня именно ТНК определяют ситуацию на информационном рынке и являются инициаторами глобализации. Не существует ни одного значительного информационного действия, в котором бы ТНК не принимали бы участие. Транснациональные корпорации сконцентрировали свое внимание на всем, что мы видим, слышим и читаем. Эти гигантские компании объединены, разветвлены, гибко охватывают различные государства и слои населения в них, они управляют всем, от производства информации до продажи своего информационного товара.

2. Уэбстер Ф. Теории информационного» общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. - С.137.

3. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с анг. – М.: ООО «Изд. АСТ», 2004. - С.513.

4. Самофалов В. Глобальный вызов транснациональных корпораций // http://www.zn.ua/2000/2250/41312/

В условиях глобализации информационные ресурсы медиакорпораций представляют наиболее значимую область международных отношений, поскольку объектами их воздействия становятся люди.

ТНК, используя определенные механизмы воздействия на массовую аудиторию, определяет погоду в информационном пространстве. Они считаются на сегодняшний день наиболее технологически развитыми и потому влиятельными. Как полагают зарубежные эксперты, информационная среда в наибольшей степени соответствует интересам ТНК.

Позитивная роль, которую играют ТНК при выходе на развивающиеся рынки, неоспорима. Транснациональная корпорация реализует инвестиции, приносит новые технологии производства и управления, увеличивает ВВП, положительно влияет на платежный баланс, увеличивая экспортную выручку или снижая импорт. Все эти изменения неизбежно укрепляют экономику страны, повышают уровень жизни ее граждан.

Но есть и отрицательные стороны. При помощи СМИ можно воздействовать на аудиторию, манипулировать ею. ТНК широко пользуются этим: движимые получением сверхприбыли, они с помощью СМИ пытаются повлиять на ее настроение, поведение и интересы. Обладая огромным количеством каналов распространения (кино, газеты, журналы, радиовещание, телевидение и т.д.), ТНК распространяют сведения о своем товаре в считанные секунды, проникая в сознание людей, и таким образом воздействуюя на них. Одним из преимуществ ТНК является возможность проведения комплексных рекламных кампаний.

Несмотря на то, что информационная сфера является общественным пространством, несложно проследить процесс разделения информационного пространства между транснациональными корпорациями, цель которых, получить и могущество, и прибыль, используя при этом любые возможности и механизмы воздействия, преступая все нормы морали, вплоть до оглупления общества. Как отмечает Петер Винтерхофф–Шпурк, «тема роста и насилия сегодня стала наиболее важной, сенсационной и вызывает бурю эмоций, что, естественно, не может не беспокоить... Демонстрировать насилие стали чаще. Оно стало наиболее предпочитаемым информационным сообщением и должно привлекать внимание к передаче».[5] Неприглядным является факт, что в условиях рыночной экономики могущество и власть определяется наличием финансового благополучия, достигаемого за счет сенсаций и насилия.

ТНК, следуя рыночным отношениям, в информационной индустрии строят политику следующим образом: чтобы получить хорошую прибыль, они выбирают товар, который можно прибыльно сбыть. «Масс-медиа не желают предоставлять канал для прохождения мемов, которые не будут популярны у их аудитории. Они ведь занимаются бизнесом»[6]. «Мемы» Дуглас Рашкофф определяет любую информацию, которая привлекает внимание человека и распространяется подобно вирусу.

Итак, ТНК делают все, чтобы привлечь внимание масс и сбыть товар. Духовность и нравственность уходят на второй план. В результате происходит развитие информационных технологий в интересах бизнеса, но не общества. Хотя внешне кажется, что все происходит наоборот.

Изучая потребности человека, его желания, стремления, увлеченность, интересы, ТНК предоставляет все, что «требует» аудитория: секс, скандалы, сенсации, насилие. Как показывает практика, они являются наиболее потребляемым и востребованным массовым информационным товаром. Аудиторию пытаются подчинить, используя ее инстинкты. Иными словами, происходит массовое распространение информации безнравственного, аморального характера, что, на наш взгляд, чревато серьезными последствиями для всего человечества. Заглянув в современное информационное поле, можно заметить, что большую часть в нем занимают рассказы о криминале: убийство, кража, взятка, насилие и т.д.

Получается – что человек долгие века в процессе социализации личности старался в себе подавить (животный инстинкт, влечение, желание), к тому он возвращается снова. Этому во многом способствуют медийные транснациональные корпорации.

Г. Маклюэн предостерегал, что «как только мы отдали свои чувства и нервные системы в плен частному манипулированию тех, кто должен пытаться извлечь выгоду аренды наших глаз, ушей и нервов, у нас реально не остается больше никаких прав»[7].

Если у людей есть спрос на подобную информацию, значит, на это есть причины. В человеческой психике присутствует «животное начало», он по своей природе на бессознательном уровне живет инстинктами, страстями. Не зря великий Аристотель называл человека зоополитикон, т.е. политическое животное. Человека всегда при-

5. Петер Винтерхофф–Шпурк. Медиапсихология. Основные принципы. Пер. с нем. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007 – С.158.

6. Рашкофф Дуглас. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисов. – М.: Ультра. Культура, 2003. – С.230.

7. Маклюэн Г.М.Понимание медиа: внешние расширения человека/Пео.с анг. В.Николаева – 2-е изд. – М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. – С.81.

влекают развлечения, в которых преобладают гедонистические мотивы. В процессе социализации некоторые инстинкты ему приходится в себе подавлять. А ТНК, зная слабости человека, предоставляют ему возможность получать подобного рода информацию.

Ш. Мурадова пишет, что «психология потребления и кризис культуры стали, по нашему мнению, результатом беспощадности рыночной конкуренции, когда уставший от всего человек ищет отдохновения в самых примитивных вещах, далеких от высокой духовности»[8], иными словами «уход» от социальных проблем.

В завершение мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, современная ситуация на мировом информационном рынке характеризуется стремительным процессом транснационализации, в котором движущей силой выступают ТНК. Они охватили планету, преследуя лишь получение прибыли, а не уважение традиционных национальных устоев государств или их государственной системы. Зная механизмы воздействия и влияния на аудиторию, медиакорпорации стараются не привлекать ее внимание к факту своего существования и методам работы.

Во-вторых, природа и финансовая мощь транснациональных корпораций такова, что они обладают широкими возможностями, и их деятельность неуклонно расширяется.

Таким образом, стремление крупнейших медийных корпораций охватить зарубежные рынки в целях расширения масштабов продаж и повышения прибыльности своей коммерческой деятельности является одной из важнейших причин, порождающих общее снижение уровня морали и нравственности во всех странах, где они распространяют свою массовую информацию.

8. Мурадова Ш.О. Проблемы обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан в условиях глобализации. Т.: «Шарк», 2008. – С.124.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Уэбстер Ф. Теории информационного» общества.- М.: Аспект Пресс, 2004.

2. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с анг. – М.: ООО «Изд. АСТ», 2004.

3. Самофалов В. Глобальный вызов транснациональных корпораций // http://www.zn.ua/2000/2250/41312/.

4. Петер Винтерхофф–Шпурк. Медиапсихология. Основные принципы. Пер. с нем. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007.

5. Рашкофф Дуглас. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисов. – М.: Ультра. Культура, 2003.

6. Маклюэн Г.М.Понимание медиа: внешние расширения человека. Пер.с анг. В.Николаева – 2-е изд. – М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007.

7. Мурадова Ш.О. Проблемы обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан в условиях глобализации. Т.: «Шарк», 2008.

Ким Е.Р. Аспирант Узбекского государственного университета мировых языков по направлению «Журналистика».
e-mail: katerina.kim86@mail.ru

Kim E.R.
Now I am studying in the second year of the postgraduate in the Uzbek state world languages university.
e-mail: katerina.kim86@mail.ru

УДК 07.1

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СЕТЕВОГО ТЕКСТА КАК ОСОБОГО ВИДА ЖУРНАЛИСТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

© 2012 Е.В. Костенко

Марийский государственный университет

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *В статье рассматриваются основные особенности и характерные черты сетевого текста Интернет-СМИ. Автор выделяет группу сетевых СМИ, функционирующих только в Интернете, дает им характеристики, анализирует понятие сетевого текста, выявляет его специфические черты.*

Ключевые слова: *Интернет, сетевые СМИ, информационные порталы, сетевой текст, гипертекст.*

Annotation: *The article examines the main characteristics and of the web text of the Internet mass media. The author distinguishes those network mass media that function only on the Internet, characterises them, analyses the concept of the network text and distinguishes its specific traits.*

Key words: *Internet, Internet mass media, information portals, web text, hypertext.*

Из десятилетия в десятилетие складывалась система языковых средств отечественной журналистики. Выдающиеся публицисты и журналисты второй половины и конца XX века сформировали язык богатый, насыщенный, своеобразный.

Сочетая в себе вербальные (слова) и невербальные (оформление) выразительные средства языка, журналистский текст ставили своей целью донести до читателя необходимую информацию. Этой цели служат расположение статьи на полосе, размер, цвет и вид шрифта, оформление статьи и многие другие невербальные средства. Вербальные же средства призваны сделать журналистский текст ясным, живым, точным, убедительным.

Однако в настоящее время формирующееся информационное общество и, в частности, стремительное развитие информационных технологий диктует свои правила, значительно видоизменяя журналистский текст. Причем в большей степени это касается новой площадки СМИ – сети Интернет.

В России проблема электронных сетей как нового вида СМИ была впервые поставлена А.И. Акоповым. Он отмечает, что «без какой-либо доли преувеличения Интернет можно рассматривать как некое глобальное средство массовой информации» [1].

Необходимо отметить, что далеко не все исследователи, а также деятели журналистики считают Интернет средством массовой информации. Определение сети Интернет как глобального средства массовой информации или средоточия средств информации представляется спорным, однако современные реалии диктуют свои условия, в которых определенная часть аудитории СМИ все чаще обращается к сети Интернет с целью получения информации.

Пользовательское восприятие сайтов отличается от восприятия печатных изданий, художественной литературы или устной речи. К тексту, специально предназначенному для размещения на веб-странице, предъявляются особые требования. Как и остальные элементы сайта, он должен способствовать быстрому, удобному и легкому восприятию информации [12].

Расценивая глобальную сеть как средоточие множества СМИ, нужно отметить, что, несмотря на их разнообразие, все журналистские тексты данных СМИ обладают рядом специфических черт, давших исследователям право ввести для таких текстов отдельный номинат – *web-текст*, или *сетевой текст*.

Сетевой текст характерен для такой группы сетевых СМИ как собственно сетевые СМИ, функционирующие только в Интернете и не имеющие печатных, радио –или телевизионных аналогов. К собственно сетевым СМИ можно отнести сетевые газеты и журналы, сайты информационных агентств, ведущих свою работу исключительно в глобальной сети, поисковые системы, информационные порталы. Особый вид сетевых изданий составляют новостные ленты, или группы новостей и списки рассылки, а также информационные порталы.

Типичными представителями сетевых журналов можно считать Point.ru – журнал для деловых людей; «Православие.Ru», «Вся Европа.Ru», «Пролог» – журнал для молодых писателей, и т.д.

© Е.В. Костенко, 2012

Известными интернет-газетами являются Gazeta.ru, «Дни.Ру», «Единый мир» и др.

Интерязычные поисковые системы – это, например, Google, Yahoo!, Bing; русскоязычные – Яndex, Rambler, Mail.ru, Nigma, Aport и др. К средствам массовой информации поисковые системы можно отнести потому, что, кроме возможности поиска, они поставляют пользователю самые последние новости – всемирные, региональные, локальны, предлагают свою подборку тем для работы и досуга. Здесь же можно узнать прогноз погоды, курс валют, познакомиться с программой передач, новостями из блогов и многим другим.

Информационные порталы чаще представляют собой новостные сайты, специализирующиеся на какой-то определенной отрасли. Так, можно выделить информационные порталы населённых пунктов и областей (ИП города Йошкар-Олы –www.i-ola.ru), объединений специалистов какого-либо дела («Опора России», ИП малого и среднего предпринимательства – www.opora.ru), определённых категорий граждан (Всероссийский студенческий информационный портал – www.vsip.mgopu.ru).

Большинство этих СМИ объединяет их использование авторами в статьях сетевого текста, который представляет собой журналистский или авторский материал. Он написан по законам сети Интернет, которые зачастую отличаются от правил печатных СМИ, что связано с техническими особенностями носителя информации. Носителями здесь выступают персональные компьютеры, ноутбуки, КПК, или карманные персональные компьютеры, и т.д. Глаза читателя, воспринимающие текст с экрана, устают и переутомляются гораздо быстрее, чем если бы они воспринимали текст с газетного листа. Из-за этого, а также из-за иных физических и психологических особенностей восприятия текста с экрана монитора, сетевой текст имеет ряд специфических особенностей.

Представляем вниманию читателей анализ специфических черт сетевого текста на примере текстов различных сетевых СМИ. Необходимо отметить, что данный анализ не претендует на научную неоспоримость, но как представляется, является достаточно полным и всеобъемлющим на данный момент.

Сжатость и краткость текста. Web-текст должен быть небольшим по объему. Жестких требований к размеру нет, однако оптимальным для чтения считается текст не более 5-7 тыс. знаков. Это обусловлено тем, что пользователю удобнее читать текст размером в «1-2 монитора», и не более того. Соответствующим должен быть размер шрифта статьи.

Пример – статья «Подростковый возраст – пора духовных и физических перемен», опубликованная в научно-популярном онлайн-журнале «Популярная наука» 20.02.2012 г. [10]. Статья занимает ровно «1 монитор», то есть для ее прочтения не нужно пролистывать страницу сайта вниз, что привлекает читателя.

Членение текста на составляющие. Web-текст должен быть разбит на блоки с подзаголовками. Поощряется структурирование информации с помощью маркированных списков, а также различные способы выделения текста (полужирный, курсив, подчеркивание). Кроме того, в Web-тексте красные строки и абзацы могут выступать в роли своеобразных «знаков препинания» [5]. Это необходимо потому, что часто сетевые СМИ не придерживаются деления текста на колонки так же строго, как это делают традиционные издания, из-за чего затрудняется процесс чтения.

Пример – статья «Секреты здорового сна», опубликованная в на сайте «Все-секреты.ру» 12.04.2012 г. [11]. Структура статьи следующая: лид в 730 знаков, абзац с подзаголовком «Нужен ли сон?», абзац с подзаголовком «Соблюдение режима сна» и т.д. Таким образом, видим, что статья объемом в 7500 знаков имеет 8 подзаголовков, благодаря чему читатель легче воспринимает большой материал. Подзаголовки выделены жирным шрифтом и имеют интервалы перед основным текстом статьи.

Наличие небольших абзацев. Текст воспринимается легче, если каждый абзац содержит не более шести-семи предложений. Если на сайт помещен «несетевой» текст – литературное произведение, журнальная статья, стенограмма, то это необходимо отметить особо, чтобы пользователь своевременно «переключил» свое восприятие и не стал читать художественный рассказ как ленту новостей.

Пример – статья «Что такое «эффект Доплера»?», опубликованная на сайте «Занимательная физика» 13.04.2012 г. [13]. Статья объемом в 2800 знаков разбита на 7 абзацев, каждый из которых содержит не более 590 знаков и не более 7 предложений, а некоторые абзацы – не более 300 знаков и не более 3 предложений.

Гипертекстовость (или гипертекстуальность), которая обеспечивает нелинейные расширения. Гипертекст – это текст, ветвящийся или выполняющий действия по запросу [7]. Обычно гипертекст представляется набором текстов, содержащих узлы перехода между ними, что позволяет избирать читаемые сведения или последовательность чтения. Читателю здесь необходимо разумно использовать ссылки, обеспечивая непрерывность информации. Гипертекстовость считается основной особенностью сетевых СМИ. Журналисты должны умело пользоваться возможностью вставки в свои тексты ссылок на другие

источники информации, не злоупотребляя такой возможностью. Рекомендованное кратчайшее расстояние между двумя узлами гипертекста в рамках одного сайта – это два перехода. Гиперссылка может вести как на страницу этого же сайта, так и на страницы иных интернет-ресурсов.

Пример – статья «Самая дорогая дорога (интересные факты)» на сайте «Красная книга рекордов «Самый-самый.ру», опубликованная 31.03.2011 г. [9]. Гиперссылка содержится в словосочетании «самыми дорогими» и ведет на страницу сайта «Самый-самый.ру» в категорию «Самый дорогой», где представлены статьи по данной теме (http://samyi-samyi.ru/category/expensive), а также в слове «тоннель» и ведет на статью данного сайта «Самый широкий тоннель» (http://samyi-samyi.ru/tag/tonnel).

Другой пример – статья «Робот-птица – шпион или генератор энергии?» на портале «GlobalScience.ru», опубликованная 4.04.2012 г. Кроме гиперссылки в самом тексте статьи, которая ведет на страницу другого сайта с подобным содержанием, на странице со статьей присутствуют ссылки на подобные статьи этого же портала «GlobalScience.ru» под заголовком: «С этим материалом еще читают».

Наибольшая содержательность первых двух-трех абзацев. Именно в них должны содержаться ключевые и главные слова материала. Это зависит от особенностей восприятия юзером информации на экране монитора [6].

Пример – статья «Благодатный огонь сошел в храме Гроба Господня в Иерусалиме» на информационном сайте «РИА-Новости», опубликованная 14.04.2012 г. [2]. Первые два абзаца информационной статьи:

«Благодатный огонь, символизирующий нерукотворный свет Воскресения Христова, о котором говорил еще апостол Петр, сошел в храме Гроба Господня в Иерусалиме.

Все свечи и светильники в храме были заблаговременно потушены. Огонь появился по молитвам о ниспослании чуда патриарха Иерусалимского Феофила III и тысяч паломников, заполнивших в Великую субботу накануне Пасхи храм Гроба Господня, площадь перед ним и прилегающие улицы».

Как мы видим, в них полностью отражена основная информация сообщения – что, где и когда произошло. Первые два абзаца видны на мониторе полностью, без необходимости прокрутки. Далее читатель сам вправе выбирать, читать или нет статью целиком.

Точность, отсутствие иносказательности заголовков материалов, что дает возможность более полно отражать тему публикации, как часть SEO-оптимизации статьи, то есть продвижения статьи в Интернете. Все тексты, опубликованные в Интернете, становятся объектом поисковых систем. И если журналист хочет, чтобы его материал выходил при поиске определённой темы одним из первых, он должен позаботиться о точности его заголовка.

Пример – статья «Гидроизоляция пола», опубликованная на сайте «Гидро-ГАРАНТ» [3]. Название статьи полностью отражает содержание материала, что позволит увеличить посещаемость сайта.

Наличие в тексте ключевых слов, также как часть SEO-оптимизации статьи. Преследует ту же цель, что и точные заголовки материалов – их выход при поиске определенной темы одной из первых.

Пример – статья «Шиномонтаж в центре Москвы» на сайте техцентра «Чистый город» [14]. Статья содержит ключевые слова «шиномонтаж», «шиномонтаж в ЦАО», «автосервис в центральном округе», «балансировка шин» и т.д., употребленные в именительном падеже для обеспечения лучшего поиска.

Чередование текста и фотографий (видео) в статье. Это сделано для того, чтобы, во-первых, заинтересовать читателя, во-вторых, переключая его внимание от текста к фото (или видео), снизить нагрузку на зрение.

Пример: статья «Джеймс Кэмерон поставил мировой рекорд», опубликованная в ежедневном интернет-журнале о передовых научно-технических достижениях «InFuture» 12.03.2012 г. [4]. Небольшие части текста, состоящие из 2-3 абзацев, разбиваются тематическими фотографиями и видео.

Обилие рекламы – как обрамляющей текст, так и всплывающей поверх него. Такая реклама может мешать чтению и затруднять восприятие текста.

Пример – статьи на сайте «Красная книга рекордов «Самый-самый.ру» (http://samyi-samyi.ru/). При переходе на сайт и при открытии любой статьи поверх текста всплывает реклама, удалить которую можно только через несколько секунд.

Наличие контекстной рекламы. Контекстная реклама представляет собой размещение в Интернете рекламы, основанное на соответствии содержания рекламного материала контексту (содержанию) интернет-страницы, на которой размещается рекламный блок. Носителем рекламы может быть тексто-графическое объявление либо рекламный баннер.

Таковы особенности сетевого текста. Лучшие образцы сетевой журналистики уже несут в себе эти характерные особенности, и, вероятно, в дальнейшем тексты, создаваемые для Веб-пространства, будут все сильнее отличаться от традиционных.

Выделение данных особенностей сетевого текста позволяет сделать следующие **выводы**:

Статьи в сетевых СМИ в большей степени ориентированы на потребности конкретного пользователя, нежели материалы в традиционных СМИ, которые ориентируются на всю аудиторию в целом или на значительный ее слой.

Из-за технических особенностей интернет-пространства сетевой текст упрощен по сравнению с текстом традиционных СМИ.

На содержание сетевого текста влияет наличие рейтинговой составляющей материалов в Интернете.

Так называемая «оффлайновая» аудитория, не использующая Интернет в качестве источника информации, может увидеть в таких особенностях сетевого текста – короткие простые предложения или прямые, не иносказательные заголовки статей – показатель некоторой деградации, преднамеренного упрощения в современной журналистике. Однако вместе с тем эти и другие особенности являются обязательным условием существования журналистского текста в Интернете, без которого не было бы такого понятия как сетевая журналистика.

Нельзя отрицать и тот факт, что сегодня журналистика меняется, все более подчиняясь законам сетевого пространства. Однако журналисты в силах сами сделать сетевые СМИ качественными, интересными, актуальными каналами получения информации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акопов А.И. Глобальное средство массовой информации / А.И. Акопов // Мир медиа XXI. – 1999. – № 1. – Режим доступа jour.vsu.ru edition/methods/akopov_questions.pdf на 12.01.2012 свободный.

2. Благодатный огонь сошел в храме Гроба Господня в Иерусалиме. РИА-Новости. Режим доступа http://www.ria.ru/religion/20120414/ 625995791.html на 14.04.2012 свободный.

3. Гидроизоляция пола. Гидро-ГАРАНТ. Режим доступа http://гидро-гарант.рф/gidroizoljacija-pola.html свободный на 14.04.2012.

4. Джеймс Кэмерон поставил мировой рекорд. In-Future. Режим доступа http://www.infuture.ru/article/5851 на 14.04.2012 свободный.

5. Интернет-издание Journalist PRO. Режим доступа http://www.journalist-pro.com/2007/10/23/osobennosti_webt-eksta_obobshhenie.html на 5.04.2012 свободный.

6. Особенности восприятия текста на мониторе. Часть 2. Основы юзабилити сайтов. – 2009. – Режим доступа http://work.free-lady.ru. свободный.

7. Керстин Вейлер. «Сетевые СМИ – другая журналистика?» Керстин Вейлер, Роберт Инго Маурер. Режим доступа http://www.mediasprut.ru/jour/theorie /online/webjour.shtml на 10.04.2012 свободный.

8. Робот-птица – шпион или генератор энергии? GlobalScience.ru. Режим доступа http://globalscience.ru/article/read/19274/ на 13.04.2012 свободный.

9. Самая дорогая дорога (интересные факты). Красная книга рекордов «Самый-самый.ру». Режим доступа http://samyi-samyi.ru/expensive/ samaya-dorogaya-doroga.html на 14.04.2012 свободный.

10. Подростковый возраст – пора духовных и физических перемен. Популярная наука. Режим доступа http://popularsci.net/2012/02/20/ podrostkovyj-period-pora-duxovnyx-i-fizicheskix-peremen/ на 5.04.2012 свободный.

11. Секреты здорового сна. Все-секреты.ру. Режим доступа http://vse-sekrety.ru/552-sekrety-zdorovogo-sna.html на 13.04.2012 свободный.

12. Чебыкин Р. Внимание – текст! Или «Как писать для Сети». Режим доступа http://computerlib.narod.ru/html/text.htm на 10.04.2012 свободный.

13. Что такое «эффект Доплера»? Занимательная физика. Режим доступа http://www.afizika.ru/zanimatelniestati/181-effektdoplera на 14.04.2012 свободный.

14. Шиномонтаж в центре Москвы. Чистый город. Режим доступа http://center-repair.ru/2010-08-23-13-33-04/2010-08-23-13-55-38.html свободный на 12.04.2012.

Костенко Е.В.
Аспирант кафедры журналистики Марийского государственного университета.
E-mail: kostenko-zhenya@yandex.ru

Kostenko E.V.
Post-graduate student of the department of journalism of the Mari State University.
E-mail: kostenko-zhenya@yandex.ru

УДК 316.653(470.324)

БРЕНД-ИМИДЖ ВОРОНЕЖА В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН

© 2012, Е.Ю. Красова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 ноября 2012 года

Аннотация: *В статье рассматривается проблема брендинга территории. Представ-лен анализ результатов социологического исследования общественного мнения о городе Воро-неже. Охарактеризованы особенности формирования бренд-имиджа в массовом сознании жителей.*

Ключевые слова: *маркетинг территории, бренд-имидж города, репутация города, уникальность территории, туристическая привлекательность.*

Abstract: *The paper deals with the branding problem of a territory. An analysis of the results of sociological investigation of the public opinion on the city of Voronezh has been presented. The peculiarities of the brand image formation in citizens' mass consciousness have been characterized.*

Key words: *territory marketing, territory uniqueness, city brand image, city reputation, touristic attractiveness.*

Брендинг мест, имидж территории – сложные и многомерные образования. Автор концепции конкурентной идентичности и разработчик методики вычисления рейтинга известных городов мира С. Энхолт полагает, что «бренд» является отличной метафорой для определения способа, с по-мощью которого территории соревнуются друг с другом за товары, услуги, события, идеи, туристов, таланты, уважение и влияние [1, 1].

Проблема брендинга территории в научном плане еще только переходит от младенческого состояния к юношескому [2]. Возникновение и использование понятия «имидж территории» связано с экономическими предпосылками – усилением конкурентной борьбы за интерес центра и инвесторов, повышением внимания к развитию внутреннего туризма, а также развитием национальных и транснациональных компаний [3, 3]. Однако в настоящей статье реализуется социально-психологический подход. В его основе лежит комплекс идей о механизмах формирования и актуализации массового сознания.

Политическая репутация является функцией двух взаимосвязанных процессов – формирования образа и управления образом, как справедливо утверждает К. Макгроу [4, 121]. В связи с этим, нам представляется целесообразным употребление термина «бренд-имидж города», в котором подчеркивается и эта взаимосвязь, и неразделенность двух понятий в массовом сознании. Этот термин представляет собой некую ментальную конструкцию, включающую систему рациональных и эмоциональных мнений, переживаемых стереотипных образов и совокупность большого числа ассоциаций, в основе которых лежат архетипы, подпитывающие определенные мифы об истории и современной жизни города. Такой подход характерен для взглядов западных теоретиков и практиков-маркетологов, которые указывают на неразрывно связанные сущностные стороны явления, (используются термины «Markenname-Image der Stadt», «brand images of places») [5]. Контуры подобной интерпретации проглядываются и у некоторых отечественных авторов: понятие «бренд-образ» рассматривается в связи с анализом популярности и индивидуальности города [6, 25].

Имидж определенной территории формируется, с одной стороны, структурами власти и учреждениями PR, представителями бизнеса и гражданского общества. С другой стороны, результатом этих усилий становятся представления горожан, туристов и инвесторов. В индивидуальном и массовом сознании два научных термина – бренд и имидж – переплетаются в единую сущность, отражающую репутацию города в смысловом плане и доверительное отношение к месту проживания – в эмоциональном.

Имидж выступает не просто образом сознания как отражения реальности, но специально моделируемым целенаправленным «отражением отражения» [7, 281]. Соответственно, в его структуру входит ряд компонентов.

Во-первых, избранная модель продвижения. Так, ключевым в модели имиджа может быть его историческая составляющая или природно-климатические особенности.

© Е.Ю. Красова, 2012

Во-вторых, информация о жизнедеятельности города, предварительно обработанная с целью минимизации негативных черт. Она транслируется через разнообразные PR-акции, включает рекламирование, в особенности, в жанре наружной рекламы (билборды, брендмауэры, призматроны и др.). Акцент делается на выдающиеся моменты, имеет место преувеличение.

В-третьих, систематическое распространение информации о городе посредством СМИ и неформальных коммуникаций (слухи, сплетни, анекдоты, граффити, карикатуры и др.) среди массовых аудиторий. Зачастую эти сообщения имеют критический настрой и подчеркивают негативные характеристики территории.

В-четвертых, реконструкция системы представлений о городе в обыденном массовом сознании. Здесь господствует своеобразное «наивное» мышление (folk-science) с отсутствием формальной логики, в основе чего лежит архаическое знание [8, 7-8]. Стоит учитывать, что именно эти продукты здравого смысла регулируют повседневную жизнь людей, формируют их практическое сознание и поведение. Кроме того, они влияют на формирование, как трудовых ориентаций, так и электоральных предпочтений. Бренд территории, хотя в большей степени и ориентирован на внешних потребителей, однако, имеет значение и для местных жителей, способствуя формированию у них чувства единства, патриотизма, ответственности за малую родину [9, 10].

Собственно система представлений населения о статусе города среди других мест является центральной в настоящей статье. Работа является итогом проведенного в 2012 г. социологического исследования. Его целью стало выявление особенностей восприятия города Воронежа (как идентифицируемой территории) общественным мнением его жителей. Насколько все, что связано с городом, актуализировано в памяти горожан, какое место в массовой психологии занимают размышления о нем? Нас интересовала информированность населения о понятиях имиджа и бренда города и те, источники, откуда они черпают сведения об этом. Важно было узнать о влиянии имиджа на жизнь и благополучие людей, об отношении к PR-деятельности властей и, наконец, об оценках имеющегося бренд-имиджа Воро-нежа в целом.

Попытка изучения одной из сторон сложной проблемы маркетинга территории основывалась на использовании разнообразных прикладных методов: обобщения статистических данных и результатов обследований института общественного мнения по г. Воронежу «Квалитас», массового опроса горожан и контент-анализа. В опросе, осуществленном весной 2012 г., приняли участие 308 человек. Основными характеристиками выборки стали пол, возраст, уровень образования и материального положения.

Надо сказать, что в повседневной жизни почти 60% респондентов сталкивались с понятием бренд-имидж города. Остальные ответили «нет» на этот вопрос, хотя затем активно принимали участие в работе над содержательными вопросами анкеты. Очевидно, что символы, еще не устоявшиеся в сознании, подвергаются противоречивым оценкам.

Роль бренд-имиджа для населения, без сомнения, значительна. Это, прежде всего, повышение экономической состоятельности благодаря инвестициям и связанного с этим благоустройства. Насколько горожане осознают, что проблема бренд-имиджа города связаны с пользой и выгодой для жителей? Две трети респондентов положительно оценивают влияние имиджа и на состояние дел в городе в целом, и на их жизнь в частности. При этом абсолютно уверенных в такой констатации оказалось около 40 %, колеблющихся – пятая часть, а абсолютно уверенных в обратном – незначительное количество.

Надо сказать, что почти треть опрошенных не информированы о целенаправленных попытках властей усилить репутацию города среди других субъектов России. Знают о таких попытках 43 % респондентов. Четвертая часть оказалась в затруднении перед данным вопросом. Кстати, на вопрос интервьюера «Квалитас» о реализации предвыборной программы главы города С.М. Колиуха также четвертая часть воронежцев затруднилась дать содержательный ответ [10, 7]. Несмотря на недостаточную информированность о внутригородских делах, абсолютное большинство относится положительно к попытке властей сформировать эффективную модель имиджа города. Менее трети опрошенных горожан заняли отрицательную позицию.

Формирование имиджа территории с позитивной направленностью возможно тогда, когда он не противоречит системе ценностей, интересов, ожиданий и стереотипов массового сознания. Мы попросили наших респондентов выразить свое отношение к ряду суждений, отражающих смысловые конструкции их убеждений и ценностей. *См. табл. 1.*

Наибольший удельный вес заняли положительные оценки привлекательности города, имеющего сильную культурную составляющую. Именно это является ядром модели бренд-имиджа, запечатленной в массовом сознании. Другие компоненты в представлениях горожан выглядят противоречиво. Более половины согласились с тем, что самим горожанам некомфортно жить в связи с недостаточной материально-экономической базой, чему способствует бюрократизм

и коррумпированность местной власти. В то же самое время примерно четверть опрошенных возражают против такой интерпретации. Самым сложным для участников опроса оказалось оценить инвестиционную привлекательность места: более половины либо не согласились с утверждением, либо воздержались от ответа. Наконец, около 40 % считают, что в городе распространены националистические настроения, что выступает значительным фактором риска. Видимо, эти оценки стоит учитывать административным органам власти при формировании соответствующей по-литики.

Часть участников нашего исследования выделила человеческий компонент бренд-имиджа, а именно, социально-психологические качества самих жителей. Воронеж представляется им городом «жлобов» [11], предлагается «окульту-рить» грубых и невоспитанных жителей.

Отправной точкой для конструирования имиджа города являются ключевые направления восприятия жителями его уникальности. Для выявления характерных мнений участникам опроса было предложено представить, что им предстоит участвовать в разработке проекта «Воронеж – туристический центр края». Надо было закончить предложение: «Чтобы превратить Воронеж в центр туризма, необходимо...». Горожанами были выделены и проранжированы направления повышения туристической привлекательности города.

1. Совершенствование туристической инфраструктуры (24,6 %).

2. Улучшение культурного облика города (18,1 %).

3. Приведение в порядок дорожных магистралей (17,2 %).

4. Наведение в городе порядка и чистоты (12,4 %).

5. Улучшение информационной обеспеченности (5,8 %).

6. Расширение зеленых зон, увеличение количества парков и скверов (5,4 %).

7. Совершенствование управленческой деятельности, прежде всего, в плане развития экономической сферы (5,2 %).

8. Повышение коммуникативной культуры самих жителей (4,3 %).

Выбранные участниками опроса приоритеты наглядно демонстрируют на-сколько далеко еще Воронежу до уровня привлекательного для туристов города. Ведь речь зачастую идет об элементарной обустроенности жизни, прежде всего, для самих горожан – об опасных дорогах, грязи на улицах, застраиваемых парках и скверах (один из респондентов написал – «застраивают как Шанхай»), и соответственно недостаточно эффективном политическом менеджменте.

Вот как формулируются ключевые условия туристической привлекательности зарубежными исследователями брендинга территории: достопримечательности и историческое местоположение; природная красота и сельская местность; возможность для любого бюджета; безопасность; удобство размещения туристов; обслуживание и качество; забота о заказчике; всесезонность; туристические маршруты [12, 201-202]. Очевидно, что усилий проектировщиков в особенности требует та часть перечисленных внутренних факторов туристической привлекательности, которая связана с социальной защищенностью людей и порядком.

Проведенный анализ позволяет воссоздать картину восприятия города Воронежа его жителями. В модели бренд-имиджа Воронежа, сложившейся в сознании его жителей, имеются два «полюса». Положительный включает высокую оценку архитектурно-исторического и культурного облика, а также возможностей для проведения досуга. Отрицательный полюс связан с мате-риально-экономической базой и соответствующим административным управлением. Возможно, что работа властных структур и учреждений PR в направлении снижения отрицательных характеристик скажется на эмоциональном фоне восприятия города, и большинство его жителей станут испытывать гордость за него, осознавать его уникальность, испытывать чувство социального комфорта жизни в Воронеже.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См. : Anholt S. Places. Identity, Image and Reputation / S. Anholt. – N.-Y : Palgrave Macmillan, 2010. – 168 p.

2. Govers R. Place Branding. Glocal, Virtual and Physical Identities, Con-structed, Imagined and Experienced / R. Govers, F. Go. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – 324 p.

3. См. : Печищев И.М. Конструирование имиджа территории в Пермской периодике (1996-2006 гг.) / И.М. Печищев : автореф. дис...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 22 с. К слову сказать, основу отношений между центром и периферией в современной России составляют, прежде всего, неформальные экономические связи, имеющие результатом финансовые трансферты. Так что экономический аспект брендинга остается весьма проблематичным. См., подробнее : Ачкасов В.А. Этнополитология : учебник / В.А. Ачкасов. – СПб. : Изд.-во

С.-Петерб. ун-та, 2005. – С.308-309.

4. См. : Макроу К. Политические впечатления : формирование и управление / К. Макроу. – Политическая психология : хрестоматия. – М. : Аспект Пресс, 2007. – С. 120-162.

5. См. : Anholt S. Places. Identity, Image and Reputationю / S. Anholt. – N.-Y : Palgrave Macmillan, 2010. – P.2-3; Beyer R. Institutionalisierung von Stadtmarketing. / R. Beyer. – Berlin

: Deutsches Institut fur Urbanistik, 2006. – S. 239; Helbrecht I. “Stadtmarketing” – Konturen einer kommunikativen Stadtentwicklungs-politik / I. Helbrecht. – Basel, Boston, Berlin: Birkh user Verlag – Stadtforschung aktuell, 1994. – S. 307.

6. См. : Малькова В.К. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов, мест / В.К. Малькова, В.К. Тишков. – С. 6-57. – Режим доступа : http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1448.pdf (дата обращения 25.10.2012).

7. См. : Ольшанский Д.В. Политический консалтинг / Д.В. Ольшанский, В.Ф. Пеньков. – СПб. : Питер, 2005. – 447 с.

8. См. : Московичи С. Социальные представления : исторический взгляд / С. Московичи // Психол. журн. – Т.16. – 1995. – №1. – С.3-18.

9. См. : Малькова В.К. Указ. соч.

10. См.: Квалитас : Бюллетень института общественного мнения по г. Воронежу. – 2011. – № 8. – 23 с.

11. Первое достоверно известное значение слова «жлоб» – «жадина», «скупердяй». Есть еще редко употребляемое значение – «горожанин недавнего поколения». В последние годы слово стало ассоциироваться еще и с грубым, неотесанным, угрюмым человеком. См. : Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка (онлайн версия) / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Режим доступа : http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-8278.htm (дата обращения 5.08.2012); Жлоб. – Режим доступа : http://ogmion.ru/p0034.htm (дата обращения 5.08.2012).

12. Govers R. Place Branding. Glocal, Virtual and Physical Identities, Con-structed, Imagined and Experienced / R. Govers, F. Go. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – 324 p.

Табл. 1.
Модель бренд-имиджа Воронежа в массовом сознании горожан, %

Суждение	Согласен	Затрудняюсь ответить	Не согласен
Город Воронеж – красивый, имеет много достопримечательностей	86,2	5,9	7,9
В городе повсеместно распространена коррупция и бюрократизация, а жители грубы и неприветливы	52,9	23,8	23,3
Город экономически развивается, он привлекателен для инвестиций	41,2	33,3	25,5
В городе много мигрантов и иностранцев, распространены националистические настроения	43,9	28,2	27,9
Город привлекателен для досуга и отдыха, в нем много развлекательных центров, театров, музеев	78,9	11,7	9,4
В городе невозможно достойно жить в силу низкой средней заработной платы и несоответствия цен доходам	54,3	19,8	24,9

Красова Е.Ю.
Воронежский государственный университет, кандидат исторических наук, до-цент кафедры рекламы и дизайна
kelan20042004@mail.ru

Krasova E.U.
Voronezh State University, the candidate of the historical science, the docent of the de-partment of Advertisement and Design
kelan20042004@mail.ru

УДК 659.1.13

ЦВЕТОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

© 2012 Л. М. Лопатина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2012 года

Аннотация: *Статья посвящена истории использования цвета в печати (печатной рекламе), зная которую можно описать современные процессы цветового восприятия в газетно-журнальной рекламе. Цветовые предпочтения меняются от эпохи к эпохе, поэтому для повышения эффективности рекламы требуются новые цветовые решения, отличные от устоявшихся.*

Ключевые слова: *цветовое восприятие, цветовые предпочтения, реклама в прессе, цвет в печати, цвет в рекламе, история дизайна, стили в оформлении, цветопередача, полиграфия.*

Abstract: *The article is devoted to the history of colour usage in the press (print advertising). This knowledge allows to describe the modern processes of colour perception in print advertising. Colour preferences have been changing during the whole history and now we need something completely different from what we have to increase effectiveness of advertising industry.*

Key words: *colour perception, colour preferences, press advertising, colour in the press, colour in the advertising, design history, styling, colour reproduction, polygraphy.*

Очевидно, что цветовое восприятие является более субъективным, чем, например, восприятие формы изображения и его размера. На этот процесс влияет множество факторов: освещение, площадь занимаемой цветом поверхности, окружающие его другие цвета и т.д. Для человека характерно не только наличие любимых цветов, но и ощущений, связанных с тем или иным цветом, которые могут кардинально отличаться от общепринятых. Например, Винсент Ван Гог использовал в работах красный и зеленый, чтобы выразить свою депрессию, в то время как красный традиционно несет в себе яркие эмоции, а зеленый считается цветом свежести и обновления [12].

Проблема цветового восприятия занимала многих ученых: в разное время феномен цвета изучали Демокрит, Ньютон, Гете, Ломоносов, Шопенгауэр, Кандинский и т.д., и в настоящее время цвет является объектом изучения целого ряда научных дисциплин – например, психофизики, физиологии восприятия и колориметрии [11]. Несмотря на всю субъективность, в восприятии цвета есть свои универсальные законы, которые любой дизайнер обязан знать и уметь применять на практике. Более того, мы уверены, что рекламисты могут эффективно воздействовать на аудиторию с помощью цвета, разрушая одни стереотипы и ассоциации и формируя новые.

Восприятие цвета зависит от качества его воспроизведения в печати, поэтому кратко коснемся вопросов полиграфии. Достоверно неизвестно, когда впервые красочный слой был перенесен с формы на воспринимающую поверхность, однако древнейшим изделием, сохранившимся до наших дней, считают тунику из набивной ткани (IV в.), найденную в детской гробнице (Египет, 1894 г.) [5]. После изобретения книгопечатания иллюстрации долгое время рисовали от руки различными цветами или раскрашивали по трафарету. Цветная иллюстрация, воспроизведенная полиграфическим способом, появилась лишь в 1485 году. Когда Эрхард Ратдол (в других источниках Ратдольт – *Л.Л.*), немецкий книгопечатник и шрифтовой дизайнер, во втором издании книги «Сферы мира» получил многокрасочный оттиск с четырех ксилографических форм, применяя черную, красную, зеленую и оливковую краски [8]. До второй половины XIX века печать производилась черным по белому или по цветному фону. Затем появилась хромолитография и фотолитография, позволившие переносить на бумагу цветные изображения. В XX веке была разработана и применена триадная техника цветной печати, включающая в себя, с учетом черного, четыре основных цвета, что позволило значительно улучшить качество полиграфии журналов и газет и повсеместно внедрить в них цвет.

Историю дизайна журналов и, соответственно, журнальной рекламы, стоит рассматривать с точки зрения различных стилей в оформлении. Конец XIX века и особенно XX век отличались особенно богатым их разнообразием. Например, *модерн*, захвативший рубеж веков, был практически первым

© Л. М. Лопатина, 2012

стилистическим направлением, наиболее ярко проявившимся не в архитектуре или станковой живописи, а в периодической печати и рекламном плакате. Гармония и естественность, романтизация женского образа – все это отразилось на оформлении журналов. В выборе цветовых решений появились новые предпочтения, основанные на имитации красок живой природы. Вместо открытых цветов появились сложносоставные. Часто использовались различные градации зеленых, синих и охристых цветов, при этом старались избежать чрезмерно контрастных сочетаний. Преобладали блеклые, приглушенные оттенки, плавные и сложные линии.

Другим направлением в оформлении журналов того времени был *плакатстиль.* Характерной его чертой было отсутствие лишних деталей, подробной проработки фонов и многофигурных композиций, зато наблюдалось активное использование цвета. Появившись еще в первых плакатах, цвет практически сразу стал важной характеристикой журнального образа, основным элементом выразительности. Причем цвет выступал не столько в качестве акцента, сколько лежал в основе общего впечатления от иллюстративного материала. Локальная закраска больших плоскостей ярким цветом связывала композицию, усиливала ее контрастность и соединяла все элементы в единое изображение [6]. В России плакатстиль активно развивался после революции: велись поиски нового художественного языка, верно отражающего эпоху и в то же время понятного самой широкой, эстетически неподготовленной – зачастую неграмотной – аудитории.

Художественный язык пропагандистских материалов данного периода определяется весьма ограниченными техническими возможностями. Порой художник-плакатист не имел в своем распоряжении даже двух красок, он вынужден был ограничиваться одной, и это даже усиливало выразительность. Таков знаменитый черно-белый плакат «Грудью на защиту Петрограда» А. Апсита, созданный за одни сутки [7]. В XX веке изобразительное искусство все более и более активно вторгалось в социальную и политическую жизнь общества.

Возникает множество авангардных течений, общей особенностью которых было стремление выработать новый графический язык. *Экспрессионизм* как стилевое направление раннего авангарда выражался в оформлении журналов только за счет черно-белой графики, что позволяло сохранить серьезность образа и доверие к информации. В случае появления цвета его выбор, как правило, был продиктован усилением эмоционального накала. Особенностью так называемого *де-стиля (неопластицизма)* были выкрашенные в чистые цвета, лишенные фактуры и объема геометрические фигуры, которые приобретали статус универсальных символов индустриального общества.

С ростом значения коммерческого искусства и рекламы такая проблема, как поиск новых конструкций, материалов и эстетических идеалов, характерная для большинства авангардных течений, стала отходить на второй план. Основной задачей стала выработка узнаваемой стилистики, поиск приемов оформления. Дизайнеры играли с цветом, чтобы выделиться, вызвать у читателя определенные эмоции, удивить. Например, для художественной стилизации стало характерным преобладание красного, синего и желтого цветов, максимальное упрощение силуэтов, полное отсутствие полутонов Стиль *панк* отличается агрессивностью, яркостью и нарочитой небрежностью изображения. Предпочтение, как правило, отдается наиболее ярким и даже диссонансным цветовым сочетаниям [6]. А появление затем новых технологических возможностей, введение фотонабора и компьютерной верстки заставило дизайнеров задуматься о верности тезиса «чем ярче, тем лучше». Ориентируясь на сферу рекламы, где цвет использовался все чаще и чаще, в середине 1970-х гг., журналы перешли на полноцветную печать.

В современном журнальном оформлении расширяется палитра используемых графических средств. Выбор «правильной» цветовой гаммы становится важным аспектом не только дизайна издания в целом, но и его рекламной части. В рекламной практике (видимо, с опорой на существующие рекомендации) уже выработался стереотипный набор цветов, подходящих для определенных товаров: для молочной продукции – синий, зеленый, для морепродуктов – голубой, красный, для промышленных товаров – яркие цвета, для ювелирных изделий – ярко-синий, голубой, красный, для подчеркивания свежести – холодные цвета [1].

Что касается газет, то процесс внедрения в них цветных элементов происходил гораздо позже. Долгое время печатные технологии позволяли применять полноцветную печать лишь на нескольких страницах, включая первую и последнюю. В настоящее же время современные технологии не препятствуют использованию полномасштабного многоцветия при оформлении газет [9]. Пионерами в этом процессе выступили такие газеты, как «Известия», «Новые известия», «Литературная газета», «Русский курьер», «Вечерняя Москва», «Ведомости». Очевидно, что будущее – за цветной прессой: ведь серьезные рекламодатели проводят свои рекламные кампании с применением фирменного стиля, одним из важнейших элементов которого является фирменный цвет. Хотя некоторые периодические издания сознательно используют лишь черно-белую печать, применяя в исключительных случаях один-два дополнительных цвета. Такой способ печати позволяет акцентировать

внимание читателя на заголовках, рекламных блоках и т.п. Например, национальные британские таблоиды часто называют «красными шапками» за неизменный красный дополнительный цвет, подчеркивающий заголовки.

В целом цветовые предпочтения, зависящие во многом и от технологических возможностей, со временем меняются. На наш взгляд, настало время для иных цветовых решений в рекламе, так как значения/символы/ассоциации, приписываемые тем или иным цветам различными исследователями, уже не соответствует современному быстроразвивающемуся миру. В связи с вышесказанным интересны результаты проведенного нами опроса. *Опрос проводился воронежских торговых центрах (ТЦ «Галерея Чижова», ТЦ «Поиск», ТЦ «Ярмарка») 18-21 июня 2012 года. Количество респондентов – 80 человек*. Так, фиолетовый цвет вызвал положительные ассоциации почти у половины опрошенных (48 %), в то время как В. Кандинский характеризует его как «болезненный звук», «нечто погашенное и печальное». Со стилем, престижем и роскошью ассоциируется черный цвет (30 % опрошенных охарактеризовали его положительно), а серый цвет стал для современного человека универсальным, классическим и даже уютным (24 % положительных ассоциаций). Хотя тот же Кандинский называет черный «вечным молчанием без будущего», а серый – «безутешной неподвижностью» [3]. В тесте М. Люшера дополнительные цвета, куда входят также фиолетовый, черный и серый, символизируют негативные тенденции: тревожность, стресс, переживание страха, огорчения [4].

Показательно, что большинство респондентов смогли назвать конкретные рекламируемые товары/услуги, с которыми ассоциируются различные цвета. Так, например, с красным цветом ассоциируется оператор сотовой связи «МТС» (38 % опрошенных), напиток «Coka-Cola» (26 %), с зеленым – оператор сотовой связи «Мегафон» (20 %), операционная система «Android» (20%) и т.д.

Цветопередача остается серьезной проблемой. Заказчик заинтересован в точной передачи «его» цвета (-ов), зарегистрированного (-ых) в качестве элемента (-ов) фирменного стиля, а зачастую утвержденный цветовой эскиз (электронный вариант, пробный оригинал-макет) заметно отличается от конечного результата на бумажном носителе (тираж). А неверный цвет может разрушить идею и повернуть восприятие в совершенно другую сторону. Приведем такой пример. Фирма, производящая маргарин, разместила иллюстрированную рекламу в журнале. На фотографии был изображен улыбающийся розовощекий мальчик. Рекламная идея легко угадывалась: продукция фирмы делает людей здоровыми, бодрыми и веселыми. Однако задумка не сработала по техническим причинам. Технология передачи цвета была нарушена, и щеки мальчика стали бледновато-желтыми – вместо задуманного здоровяка он стал выглядеть болезненным [10].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что несмотря на богатую историю использования цвета в печати, необходимо выработать научный подход к его применению, поскольку грамотное использование цветовых решений, на наш взгляд, позволит повысить эффективность рекламы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиева Н.З. Зрительные иллюзии : не верь глазам своим / Н.З. Алиева. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. –333 с.
2. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию / И.В. Гете; Пер. И.И. Канаев; Под ред. Е.Н. Павловский. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 553 с.
3. Кандинский В.В. О духовном в искусстве / В.В. Кандинский.– М. : Архимед, 1992. – 107 с.
4. Люшер М. Какого цвета наша жизнь. Закон гармонии в нас : Практическое руководство / Макс Люшер; Пер. с нем. Е. Назарян; Науч. ред. Е. Шикова. – М. : HIPPO, 2003. – 252 с.
5. Немировский Е. Предтечи. Очерки истории полиграфической техники/ Е. Немировский // Курсив. – 1996. – № 1. – С. 57-61.
6. Рожнова О.И. История журнального дизайна / О.И. Рожнова. – М. : ИД «Университетская книга», 2009. – 272 с.
7. Савельева О.О. Живая история российской рекламы / О.О. Савельева. – М. : Гелла-принт, 2004. – 272 с.
8. Ситников В.П. Издательское дело : Основы. История. Взаимосвязь техники и технологии / В.П. Ситников. – М. : Филологическое общество «СЛОВО» : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 200 с.
9. Фрост Крис. Дизайн газет и журналов / Крис Фрост; науч.ред.пер. О.И. Рожнова; [пер.с англ. М.В. Лапшинов]. – М. : Издательский дом «Университетская книга», 2008. – 231 с.
10. Щепилова Г.Г. Реклама в СМИ: история, технология, классификация / Г.Г. Щепилова. – М. : Издательство Московского университета, 2010. – 464 с.
11. Яньшин П.В. Введение в психосемантику цвет а/ П.В. Яньшин. –Самара : Изд-во Сам ГПУ, 2000.– 200 с.
12. Cumming R. The Colour Eye / Robert Cumming, Tom Porter // BBC Books. – London, 2001. – 158 P.

Лопатина Л.М.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры рекламы и дизайна факультета журналистики.
e-mail: lyubasha@inbox.ru

Lopatina L.M.
Voronezh state university.
Post-graduate student of the Faculty of Journalism, Department of Advertising and Design.
e-mail: lyubasha@inbox.ru

УДК 004.738.5

БЛОГИ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2012 Д.С. Мамутова

Узбекский государственный университет мировых языков

Поступила в редакцию 7 июля 2012 года

Аннотация: *Данная статья посвящена особенностям развития гражданской журналистики в Интернете. Блогинг возвел журналистику на новый уровень. Теперь гражданин Интернета является не только потребителем информационного продукта, но и сам принимает непосредственное участие в производстве журналистской продукции. В связи с этим становится актуальным обращение автора к данной проблеме.*

Ключевые слова: *масс-медиа.*

Abstract: *The given article is devoted to features of development of civic journalism on the Internet. Bloging has erected civic journalism to a new level. Now the citizen of the Internet is not only the consumer of an information product, but also himself takes direct part in creating of journalistic production. Because of this it's getting actual reference of the author to the given problem.*

Key words: *mass media, value analysis of the media sphere, significance, evaluation, value, ideal.*

Интернет стал мощной познавательной структурой, где тандем информации и свободы оказался неисчерпаем и безграничен. В глобальном информационном пространстве происходит непрерывный процесс обмена информацией, каждый может сказать и быть услышанным. Сеть привлекает, способствует отражению многочисленных точек зрения, ведению диалога способами, невозможными для традиционных, действующих в одном направлении СМИ.

На сегодняшний день традиционная журналистика во всех странах испытывает кризис из-за устаревших технологий, она все менее соответствует своему истинному предназначению – предоставлять обществу оперативную, многоаспектную и объективную информацию. Одним из ведущих направлений новой журналистики становится блогинг. Своим появлением блоговая журналистика заметно изменила представление о современном гражданском обществе и средствах массовой информации. Теперь гражданин Интернета является не только потребителем информационного продукта, но и сам принимает непосредственное участие в производстве журналистской продукции.

Блоговая журналистика дает возможность представителям различных слоев оперативно и без ограничений высказывать свое суждение, отстаивать точку зрения, гражданскую позицию, а также личное восприятие мира, обеспечивая тем самым плюрализм мнений. Глобальная сеть в определенной степени способствует восстановлению идеала демократии античного периода. Интернет дает возможность человеку самовыражаться и самореализовываться в соответствии с его личностной активностью, творческой деятельностью, выступающими главными факторами индивидуализации.

Информационная индустрия высоких технологий требует новых подходов, лиц, идей, которые создают, в том числе и пользователи Интернета. Аудитория из пассивного потребителя становится активным производителем информации, и, что самое главное, она делает это сквозь призму индивидуального восприятия современной действительности.

Американский ученый Элвин Тоффлер считает, что новое поколение, поколение «третьей волны», возвращается, но уже на новом уровне, в новом качестве к давно забытому, традиционному труду предков – ручной работе. Изменились лишь орудия деятельности. У современного человека имеются достаточно комфортные условия для реализации своих целей, занятий, хобби в домашних условиях. «По мере того как исследовательские инструменты становятся все меньше по объему, дешевле, умнее и мощнее, способствуя дальнейшим изменениям в наших отношениях к глубинной основе знания, любители, несомненно, будут осваивать все новые и новые области. Это приводит нас к еще одному неоценимому вкладу потребителей в создание богатства»[1].

© Д.С. Мамутова, 2012

1 Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. Революционное богатство. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008. – С.268.

Новый подход «Сделай сам» теперь прослеживается и в деятельности гражданских журналистов, которые бесплатно производят информацию, приоритет на которую ранее принадлежал оплачиваемым профессионалам. Высокие технологии меняют характер, качество и результаты труда. Теперь непрофессионалы часто становятся знатоками в той или иной области, в частности в журналистике. Поколение новой эры учится само себя информационно обслуживать, изготавливать репортажи и дизайн своими руками, самому производить и самому употреблять.

Своим появлением блоги сделали прорыв в журналистике, заметно трансформировав традиционные представления. «Средство есть содержание»[2], – определение, данное М.Маклюэном, достаточно точно и четко характеризует специфику блога.

В условиях Интернета производственная и потребительская система информоборота претерпевает большие изменения. Теперь на передний план выходят протребители[3], которые умело совмещают производителя и потребителя в одном лице. С помощью новых форм информации – блогов они вступают в общественный диалог, создавая тем самым самобытное информационное поле, которое способствует сплочению коммуникаторов. Интернет пространство, точнее блогосфера, становится ареной для многочисленных точек зрения, местом объединения людей в сообщества единомышленников. «Электронная связь низвергла господство «времени» и «пространства» и втягивает нас немедленно и беспрестанно в заботы всех других людей. Она перевела диалог на глобальные масштабы»[4]. Таким образом, канал воздействия как бы становится самостоятельным средством массовой информации, которое приобретает новое звучание, отражающее новые формы и практику бытия человека.

«Печатная техника создавала публику. Электронная техника создала массу. Публика состоит из отдельных индивидуумов, бродящих вокруг с собственными установившимися взглядами на мир – точками зрения. Новая техника требует, чтобы мы отказались от роскоши этой позы, этих отрывочных наблюдений.

Пришел конец публике – в значении великой согласованности отдельных и отличных точек зрения. Сегодня массовая аудитория (преемница «публики») может быть использована в качестве творческой, причастной силы»,[5] – считает Маршалл Маклюэн. Можно завершить наблюдение следующим определением: **Интернет создал по всему миру информационных индивидуумов, это наиболее яркое выражение философии блогерства.**

Блог является самостоятельным творчеством в новом, теперь уже общенародном производстве массовой информации. Вчерашнюю информационную картину мира писали государственные и коммерческие структуры пером журналистов. Сегодня на это полотно наносят индивидуальные мазки простые граждане, каждый из которых вносит в общее отражение частичку своего мироощущения, создавая тем самым пеструю картину действительности современного мира и национальных обществ. Следует добавить, что блоги выступают отражением, выполняя функцию зеркала души, сознания, мировоззрения.

Исследователь Интернета Эрик Шмидт будучи исполнительным директором Google, дал интересное определение блогу. – Я считаю, что понятие самопубликации – Blogger и блоги вообще – следующая грандиозная волна человеческой коммуникации[6].

М. Маклюэн разделяет становление человеческой коммуникации на три волны – доалфавитная, алфавитная, электрическая. Он считает, “до того как было изобретено письмо, человек жил в акустическом пространстве: лишенный границ, направления, горизонта, в умственном мраке, в мире эмоций, при посредстве первобытной интуиции, ужаса. В этом болоте речь являлась социальным путеводителем.

(...) Моментальный мир электроинформационных средств включает нас целиком и сразу.(...) “Время” прекратилось, “пространство” исчезло. Мы теперь живем во всемирной деревне...в единовременном происшествии.

Мы переместились вновь обратно в акустическое пространство. Мы начали снова испытывать первобытные чувства, племенные эмоции, от которых нас отдалили несколько веков грамотности”[7].

Глобальное информационное пространство претерпевает большие изменения: веками налаженная система массового производства информации традиционными СМИ в современных условиях Интернета вынуждена видоизменяться и приспосабливаться к новым условиям. Журнали-

2. Маклюэн М. Средство само есть содержание. Информационное общество. Сб.– М.: ООО «Издательство И74 АСТ, 2004. – С. 341.

3. Тоффлер Э. Революционное богатство. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008.– С. 223.

4. Маклюэн М. Средство само есть содержание. Информационное общество. Сб.– М.: ООО «Издательство И74 АСТ, 2004. –С. 342.

5. М. Маклюэн. Средство есть сообщение// Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С.343.

6. www.wikipedia.ru

7. Маклюэн М. Средство само есть содержание. Информационное общество. Сб.– М.: ООО «Издательство И74 АСТ, 2004. – С. 345.

стика новой эры индивидуализируется, происходит дифференциация и информации и аудитории.

Блогеры свободные люди. На своих персональных страничках они пишут о наболевших, волнующих их темах. Они свободны в мыслях, действиях. Обычно они не преследуют корыстных целей, над ними не довлеет редакторский дамоклов меч, боязнь потери финансового поощрения, места работы и т.д.

Следует отметить, что авторы блогов предоставляют информацию, важную с их точки зрения, отражая реальную действительность сквозь призму своего "Я". Не всегда блогеры могут быть мастерами слова, но они могут быть специалистами в различных сферах и дать точку зрения как профессионалы своего дела или просто очевидцы событий.

Отличительная черта блогов – это оперативность, частное мнение, эмоциональность при оценке события или факта, мгновенная реакция, сопереживание, полное отсутствие цензуры, как внешней, так и внутренней, диалоговость, открытость, доверительные отношения между адресатом и адресантом.

Сегодня пользователь сам решает чему верить, а чему нет. Благо Интернет предоставляет ему огромный выбор информации, широкий спектр мнений. Современный юзер сможет самостоятельно проанализировать то или иное событие и выбрать свою правду.

Интернет создает новый стиль единой мировой журналистики. Сейчас в журналистике все идет к тому, что все более глобальной становится закономерность, согласно которой остается только единственная граница, разделяющая журналистику на хорошую и плохую. Способности блогера играют определяющую роль в формировании лица новой журналистики – как он пользуется открывающимися возможностями, сможет ли извлечь максимальную пользу из Сети для своих материалов, а значит и читателей. Профессионализм, как качество журналистской деятельности, становится не единственным критерием, так как появляется блоговая журналистика, которая вызвана общественной потребностью и носит больше событийный и любительский, чем оценочный и профессиональный характер.

Профессиональная и гражданская журналистика являются сторонами одной медали, чашами весов для удержания равновесия. Любая точка зрения имеет право на жизнь.

Блоги – сетевые дневники – сегодня играют все большую роль в информационном пространстве. Не признанные в качестве средств массовой информации законодательно, они, тем не менее, обладают многими их свойствами и выполняют их функции.

Традиционная и гражданская журналистика взаимосвязаны и взаимозависимы. Использование передовых авторских и писательских технологий – требование времени. Вместе с тем гражданская журналистика в значительной степени может заимствовать опыт традиционной, прежде всего в вопросах качества контента и ответственности за публикацию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Маклюэн М. Средство само есть содержание. Информационное общество. Сб.– М.: ООО «Издательство И74 АСТ, 2004. –507 с.

2. Тоффлер Э. Революционное богатство. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008.– 569 с.

Мамутова Д.С. стажер-исследователь-соискатель Узбекского государственного университета мировых языков
e-mail: dmzx88@mail.ru

Mamutova D.S.
Now I am studying in the second year of the postgraduate in the Uzbek state world languages university.
e-mail: dmzx88@mail.ru

УДК 654.197:659.2

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТВ ЧФ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОГО СЕГМЕНТА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

© 2012 А.В. Мацкевич

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *Статья рассказывает о становлении и развитии собственной телестудии Черноморского флота РФ. Особенностью ТВ ЧФ как специфического сегмента телевидения является его работа в правовом поле другого государства.*

Ключевые слова: *телестудия Черноморского флота РФ, телецентр, информационные программы.*

Abstract: *This article is about the evolution and development of the TV center of the Black Sea Fleet of RF. The principal difference of that TV center as a specific segment of TV media is a working at the legal field of another country*

Key words: *TV center of the Black See Fleet of RF, TV- center, information program.*

Телецентр Черноморского флота Российской Федерации имеет не такую давнюю и славную историю как, например, флотская газета «Флаг родины». Но это не умаляет его значения в освещении значимых событий флота и города, в воспитании молодого поколения моряков-черноморцев.

Сложная судьба выпала на долю Телецентра, создававшегося в течение пяти лет. Командование флотом не сразу поняло необходимость существования собственной телестудии, поэтому за это дело взялись энтузиасты. Новатором, начинателем, идейным вдохновителем стал первый начальник Телевизионного центра Черноморского флота РФ, а сегодня капитан 1 ранга запаса, один из создателей ТРК «Звезда» Александр Лебедев.

5 января 1996 г. директивой командующего флота номер 1 создается внештатная редакция телевизионных программ. В то нестабильное время передела государств и флотов России остро требовалась информация из Крыма. А флотские журналисты имели доступ в такие места, куда обычный корреспондент смог бы с трудом попасть. Поэтому материал внештатной редакции был эксклюзивным и очень востребованным.

Кроме того, флотские журналисты были единственными стрингерами в Крыму для российских каналов. Тогда у них еще не было собственных корреспондентов. Поэтому Александр Лебедев и его команда ездили по всему Крыму в поисках сюжетов для Центральных телерадиостудий. Не оставляли журналисты и идею создания собственной студии, продолжали покорять севастопольских зрителей.

© А.В. Мацкевич, 2012

5 октября 1996 г. начали выходить первые регулярные информационные сюжеты внештатной редакции на севастопольском телевидении. Именно здесь и прозвучало впервые название «Телецентр Черноморского флота».

Для чего создавалась внештатная редакция телевизионных программ? Вся ее работа была связана с российской телерадиокомпанией, они работали только на Москву. Все сюжеты, которые снимались по флоту, по событиям флота, по походам кораблей Черноморского флота, отправлялись на центральные телеканалы. Это была небольшая мобильная группа, которая массово поставляла на российские телеканалы (НТВ, ОРТ)сюжеты из Крыма. Репортажи выходили часто – по два полноценных информационных сюжета в день, достаточно объективно и оперативно показывающих жизнь флота, военных моряков.

В 1990-е гг. политическая ситуация в Крыму и Севастополе была достаточно сложной. В связи с разделом флота оставалось немало проблем, которые не были оговорены между Россией и Украиной.

Статус внештатной структуры, не опирающейся на некие регламентирующие документы, приказы и директивы, не позволял корреспондентам готовить сюжеты. Тогда-то и созрела идея создать внештатную редакцию в качестве официального видеоприложения к флотской газете «Флаг Родины».

По такому принципу существовал журнал «Советский воин», а ныне «Воин России», в котором имелось свое видеоприложение. Именно на этой основе был издан указ, и в августе 1997 года подписана директива министром обороны о создании видеоприложения к флотской газете «Флаг Родины»

Несмотря на то, что в штате телецентра числилось 8 человек, кадровая проблема все же сохранялась – ни один из военных журналистов не являлся профессионалом. Учились писать сюжеты, изучая новостные программы центральных каналов, анализировали стиль корреспондентов, особенности построения сюжетов, тематические акценты.

В 1998 г. впервые вышла еженедельная информационно-аналитическая программа «Отражение», которая сегодня считается визитной карточкой Телецентра. После выхода программы на местном телеканале «Жиса» его закрыли. Но и это не остановило флотских журналистов, они продолжали работать. Уже через полгода программа Телецентра транслировалась в Севастополе, Симферополе, Ростове, Азове, Новороссийске, Краснодаре, Ялте.

17 октября 1998 г. на телестудии флота был осуществлен полный переход на цифровой формат. И директивой главного штаба военно-морского флота РФот 23.12.1999 г. было получено указание о формировании телецентра Черноморского флота РФ. А с апреля 2000 г. штатная структура выросла до 25 человек, включая корпункт в Новороссийске. Именно эту дату работники считают днем рождением телецентра Черноморского флота.

В 2000 г. телецентр продолжал выпускать еженедельную информационно-аналитическую программу «Отражение». Она выходила на Севастопольский телеканалах (СТВ, НК), на Черноморской телерадиокомпании, а также в Новороссийске (телеканал «Новая Россия») и в Ялте (Ялта-ТВ).

Однако главной задачей телецентра была работа для центральных российских телеканалов в качестве своеобразного корпункта в другой стране. Позже диапазон был расширен и телецентр стал сотрудничать с украинскими телеканалами: ТК «Интер», ICTV, ТРК Украина. Сегодня с ними телестудия не работает в связи с тем, что эти три канала открыли свои корпункты.

В 2001 г. была запущена 24-х минутная документально- публицистическая программа «Черноморский объектив», в которой акцент сделан на флотскую тематику: освещение жизни моряков, походы военных кораблей, визитов высокопоставленных людей – вся жизнь Черноморского флота. Самая интересная серия программ была сделана во время кругосветного похода учебного парусника «Крузенштерн». Корреспонденты и операторы вместе с экипажем совершили годовое кругосветное путешествие. Тогда было выпущено свыше 20 серий по заказу телеканала «Звезда».

Ни одно мероприятие не оставалось без внимания телецентра: обязательные учения, международные учения «Блэк си фор», «Фарватер мира», «Болд Монарх», походы кораблей в Индийский и Атлантический океаны, а также в Средиземное море. Также Черноморский флот принимал участие в торжествах, посвященных Наваринскому сражению (Греция). Каждый год корреспонденты телецентра производят фильмы о походе моряков в Греческую республику, учениях в Турции, Болгарии, Румынии.

Из наиболее масштабных можно отметить поход на Индийский океан. Тогда отряд боевых кораблей Черноморского Флота из Севастополя в составе крейсера «Москва», сторожевых кораблей, кораблей вспомогательного флота отправились первый после нескольких лет кризиса флота трехмесячный поход, в ходе которого были проведены международные учения «Индра», совместно с военно-морскими силами Индии. Тогда в России увидели, что Черноморский флот жив и продолжает выполнять боевые задачи. Затем были совершены походы на Атлантику, Тихий океан. Флот снова стал океанским. Каждый поход всегда освещали корреспонденты телецентра Черноморского флота, оправляли сюжеты на Севастопольское и Центральное телевидение России, как, например, фильм производства ТВ ЧФ – Поход «Болд Монарх».

Ежегодно телецентр ЧФ готовил фильм в связи с празднованием дня ВМФ России. Цель этих фильмов была одна: показать силу и мощь флота в Севастополе. Все исторические даты, связанные с историей Севастополя и флота, военные парады также непременно освещались телецентром.

Телецентр ЧФ работает с учреждениями культуры флота: Ансамбль песни и пляски ЧФ, Морская библиотека, оркестр штаба, Музей Черноморского флота, Дом офицеров, Матросский клуб, Театр флота. Именно телецентр всегда поддерживал информационно эти структуры, так как местные телеканалы практически не уделяли им никакого внимания.

Одним из достижений телецентра является работа корреспондентов в прямом эфире, с помощью Flyway – спутниковой передачи данных. Например, в 2007-2008 гг. корреспондентом телецентра М. Егоровой были проведены несколько прямых эфиров с празднования дня ВМФ России, а также в день возвращения российских кораблей из Грузии.

Телецентр создавал исторические фильмы о Нахимове, Крымской и Великой Отечественной войнах, фильмы о ветеранах, с которыми, начиная с 2000 г., принимает участие в разных фестивалях и конкурсах. Так, фильмы телецентра ЧФ не раз получали призы на таком крупном телевизионном фестивале как ежегодный фестиваль в Ялте.

Сегодня Телецентр – один из самых технически оснащенных студий Крыма, которая еженедельно выпускает две программы для шести каналов Крымского региона и Кавказского побережья от Темрюка до Туапсе.

Напрашивается сравнение двух конкурирующих телестудий ВМФУ и ЧФ РФ.

Телерадиокомпания «Бриз» была создана раньше, чем телецентр ЧФ РФ, – в декабре 1992 г. В штате 74 человека. Осуществляет круглосуточное FM-радиовещание, имеет свой канал – ТВ-частоту. Заполнение эфира проводится как своим продуктом (новости, прямые эфиры на актуальные темы сил, города), так и ретрансляцией идеологических программ других украинских телеканалов. Главным преимуществом является массовость аудитории, и полная доступность к просмотру канала. В работе же ярко выражена антироссийская направленность. При этом качество продукции – ниже, чем на Телецентре ЧФ. «Бриз» не пользуется широкой популярностью у жителей города, что объясняется устойчивой политической позицией севастопольцев и жителей Крыма, которые не хотят и не могут ассоциировать себя без России.

Из выше сказанного можно заключить, что перспектива развития ТВ ЧФ зависит от двух факторов:

1) Ситуация с Черноморским флотом (возможный переход основных сил флота в Новороссийск, скорее всего, приведет к укреплению корпункта Телецентра ЧФ именно в этом городе).

2) Ситуация с системой воспитательной работе Вооруженных Сил (если будут укрепляться воспитательные структуры, если будет возрожден институт офицеров-воспитателей, то укрепятся и разовьются информационные структуры, в том числе и флотское телевидение).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арапова Г.Ю. Комментарии к Закону РФ о СМИ / Г.Ю. Арапова. – М. : Издательство Галерея, 2001.

2. Военная печать : курс военной журналистики / [под ред. В.А. Русинова]. – М. : Воениздат, 1989.

3. Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы / А.А. Грабельников. – М. : РИП - Холдинг, 2000.

Мацкевич А.В. Руководитель телевизионной студии Черноморского флота, г. Севастополь.
e-mail: acandru@mail.ru

Matskevish A.V.
Cheaf of tte Blacksea Fleet TV.
e-mail: macandru@mail.ru

УДК 070:654.197

ТЕЛЕДОКУМЕНТАЛИСТИКА КАК ФОРМАТ СОВРЕМЕННОЙ ПРОГРАММЫ ЭФИРНОГО И МЕДИАКОНТЕНТА

© 2012 Ю.А. Оганесова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 декабря2012 года

Аннотация: *цель исследования – изучение особенностей современного подхода к созданию документальных видеопрограмм, анализ средств формирования телевизионного и медийного контента.*

Ключевые слова: *теледокументалистика, средства художественной выразительности, авторская журналистика, формы документальной журналистики.*

Abstract: *The purpose of this issue is to investigate specific modern journalistic methods in documentary video programs and analysis of television and mediacontent instruments creation.*

Key words: *TV-documentation, instruments of imaginative expression, personal journalism, forms of documentary journalism.*

Как одни из наиболее сложных журналистских произведений, документальные передачи, воплощающих синтез художественности, науки и реальности, обладают удивительными свойствами пластичности. Они подвержены стремительным и кардинальным изменениям в технологии и методике создания. Документальные жанры постоянно видоизменяются из-за объединения элементов различных жанров журналистики и искусства. Именно из-за такой многоликости и мобильности современные авторы тематических программ обращаются к подобной форме подаче материалов.

В сфере документального телевидения мы можем отметить прямую апелляцию к зрителю как важную особенность, подчеркивающую диалогическую природу теледокументалистики, в которой предусмотрен коммуникативный эффект включенности в телепрограмму. Драматургия и поэтика конкретного документального фильма обусловлены его существованием в рамках программы, в потоке передач. «Документальный фильм – открытая система, куда включен и зритель – на правах одного из авторов. Он-то, зритель, в конце концов, додумывает, демонтирует фильм» [2].

Формат документальных программ находится в постоянной динамике. Размещение эфирных материалов во всемирной паутине, форма подкастов сформировали новый стиль восприятия зрителем необходимой информации. Клиповый монтаж, короткие синхроны, использование кадров, снятых на фотоаппарат или мобильный телефон, экспрессивный текст – всё это создаёт эффектное шоу. Что такое документалистика сегодня? Познавательная программа или интересное кино, а может скептический фарс?! Палитра форм документального кино крайне разнообразна: событийная хроника, видеолетопись (съемки, создаваемые не для оперативных новостных сюжетов, а для истории. Часто такие материалы становятся выразительными элементами для построения образа, например, города или какого-либо исторического периода), видеофиксация информации для специальных целей (научные съемки, милицейские протоколы, видеонаблюдение. Используются журналистами, например, как метод сбора информации – съёмка «скрытой камерой»), авторская журналистика (главным отличительным свойством таких программ является персонифицированный стиль подачи материала (на телеканале «Россия 2» – «Авторская программа Аркадия Мамонтова», «Фильмы Сергея Ястржембского» и др.). В свою очередь, документальная журналистика может быть представлена в разных жанрах:

- телепортрет выдающихся людей («Женский взгляд» Оксаны Пушкиной, «Последние 24 часа из жизни...»), или двойной портрет («Мать и дочь»);
- аналитические телепрограммы – журналистское расследование, специальный репортаж («Наука 2.0», «Искатели» и др.);
- телевизионные очерки («Россия от первого лица», «Письма из провинции» и др.).

© Ю.А. Оганесова, 2012

Исчерпать все множество документальных жанров практически невозможно: они видоизменяются, возникают новые, экспериментальные – на стыке игрового и неигрового кино, совмещении нескольких жанров теледокументалистики или при скрещивании жанров кинематографических с литературными и музыкальными. К 100-летию ГМИИ им. А.С. Пушкина, на «Первом канале» вышел фильм Леонида Парфенова «Глаз Божий». Ведущие люди искусства: Олег Табаков, Евгений Миронов, Игорь Кваша, Владимир Познер, Петр Налич, Михаил Ефремов и другие сыграли ведущие роли в документальном проекте студии «Намедни». Кажется, авторы использовали весь арсенал средств телевизионного языка: и архивные записи из жизни столицы, и экранизацию эпохи, и съёмки нынешнего времени, и современную графику и анимацию в оформлении программы. За таким многообразием экранных элементов, улавливается авторская «парфёновская» манера общения со зрителем: репортажная съёмка, клиповый монтаж, постановочные сцены и графичная анимация. «Глаз Божий» – это своеобразный экскурс к истокам знаменитого музея Москвы, с наглядной панорамой исторических событий вокруг него.

«Документалистика – это поле, на котором буйно цветут юмор, изобретательность и гуманизм» [3, 83]. Сегодня серьёзной телепублицистике и документальному кино, в основном, выделяют вечернее и ночное время эфира, иногда на таких форматах специализируются отдельные каналы («Культура», «Первый документальный» и др.). Некоторые документальные передачи делают по заказу телеканала. Это могут быть единичные целостные тематические фильмы или программы, разбитые на несколько серий, взаимосвязанных между собой стилем, тематикой и жанром (передачи рубрики «Мой серебряный шар» на телеканале «Культура», «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» на телеканале «Россия»). Многие документальные фильмы составляют целые циклы передач: «Код жизни» Льва Николаева (Первый канал), «Одноэтажная Америка» с Владимиром Познером и Иваном Ургантом (Первый канал), «Письма из провинции» («Культура») и другие.

Исследуя современные подходы к построению образа в документальных телепрограммах, мы можем говорить о так называемом «Эффекте присутствия» факта. Зрители воспринимают документальные программы не как обособленное художественное произведение, а как совокупность реальных фактов действительности. Излишняя «сглаженность» может погубить жизненную основу материала. Документальный фильм должен развиваться не столько по законам драматургии, сколько по законам самой объективной реальности.

«Главное в документалистике – поиск истинного смысла вещей, наиболее благородное из движений человеческой души» [3, 4]. Герои документальной передачи – это не просто лица, выделенные из толпы, это настоящие герои нашего времени. Игровое кино – антоним документалистики, но бывают случаи, когда художники прибегают к помощи актёров. Обычно постановочные сцены используют для иллюстрации тех действий, которые происходят в жизни нерегулярно: это может быть криминальное событие, чрезвычайное происшествие, воспоминания из детства. Способы рассказа о реальном герое в документальной программе можно представить в нескольких вариантах [1]:

1) реальные события передаются при помощи игры актеров с привлечением рассказа реальных героев. Обычно этот способ используют в ситуациях, когда человека по этическим или нравственным соображениям показывать нельзя (малолетний преступник или же, наоборот, жертва преступления; тяжелобольные люди и т.д.);

2) актеры играют реальных героев максимально приближенно к реальным событиям с привлечением кинохроники и других документов; Такой способ применяется, например, когда герой вспоминает о событиях, которые происходили давно, например, в детстве. Такой способ мы могли наблюдать в проекте Л.Парфёнова «300 лет российской печати», когда в демонстрации исторических событий и лиц участвовали актёры, передающие манеру и дух определённого времени;

3) реального героя представляет сам реальный герой (репортажная съёмка, метод восстановления факта, метод съёмки «скрытой камерой», провоцирование или при помощи вовлечения в игру). Примером такой подачи может выступать проект И. Урганта и В. Познера «Одноэтажная Америка», заключающийся в путешествии современников по пути, проложенному когда-то советскими писателями Ильфом и Петровым. Путевые заметки нынешних путешественников оказались во многом отличными и по содержанию, и по форме подачи материала. Героями каждой передачи становились сами жители географического пункта, выбранного ведущими. Именно такие, «реальные» герои, могли лучше всего рассказать о родном городе, передать атмосферу и местный колорит и авторам передачи, и телевизионной публике.

Конечно, документальный фильм снимается по сценарию, в нём есть замысел, концепция, режиссура. Но многослойность, многообразие теледокументалистики «открывает» фильм и даёт возможность зрителю спросить, уточнить, сверить, домыслить информацию.

Отличительной особенностью документалистики является сосуществование в органическом единении документального и художественного, информативности и образности, науки и искусства. Автор всех произведений искусства – творец, создающий мир, через призму субъективного воображения. Документалист – проводник факта, автор максимально правдивого отражения действительности, где журналист выступает не только «зеркалом», которое отражает факты объективной реальности, он представляет зрителям осмысление этих фактов, выходит за пределы, за рамки фильма. Поэтому некоторые теледокументалисты отказываются от авторского начала в фильмах, не используют в работе распространённый приём «журналист в кадре» и не прибегают к помощи закадрового текста (например, программа «Письма из провинции» на телеканале «Культура»). Этот метод работы во многом помогает создать наиболее объёмный образ географического места, о котором идёт речь в программе. Так, например, в выпуске «Блюз железных дорог», рассказывая о небольшом городе Георгиу-Деж Воронежской области – крупном железнодорожном узле, с помощью соответствующего музыкального оформления, смогли удивительно точно передать темп и характер жизни показываемого места.

Документальная журналистика, находясь на стыке искусства и публицистики, пребывает в постоянном поиске воплощения. Факт обретает образность, герой – типаж. Художественный образ создается не только привычными средствами, но и при помощи видеодокументов, телевизионных способов демонстрации исторических событий и явлений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барманкулов М. Очерк и документальный фильм на телевидении / М. Барманкулов. – (http://kazsu.kz/Barmankulov_zhurfak/trudi/marat/Glava10.htm).

2. Джулай Л. Документальное кино – искусство следующего тысячелетия / Л. Джулай // Искусство Кино. – № 5. – 1998. – (http://kinoart.ru/archive/1998/05/n5-article22).

3. Рабигер М. Режиссура документального кино : учеб. пособие / М. Рабигер. – М. : Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1999. – 96 с.

Оганесова Ю.А.
Воронежский государственный университет, аспирант факультета журналистики, кафедра телевизионной радиожурналистики.
E-mail: ojuli@mail.ru

Oganesova J.A.
Voronezh State University, postgraduate of the Faculty of Journalism, the chair of Television and Broadcasting.
E-mail: ojuli@mail.ru

УДК 32:316.77; 32:316.65

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФАХ НА ПРИМЕРЕ ИНЦИДЕНТА НА АЭС «ФУКУСИМА-1»

© 2012 К. Г. Осипов

Дальневосточный федеральный университет

Поступила в редакцию 17 сентября 2012 года

Аннотация: *Целью данного исследования является анализ проблематичных зон расследований и освещений техногенных катастроф и кризисов, а также реакции общественности на них.*

Ключевые слова: *техногенные катастрофы, медиа-освещение, общественный резонанс, манипулирование.*

Abstract: *Objective of this research is an analysis of problematic fields of investigative journalism and media covering of industrial disasters, crisis situations and public reactions.*

Key words: *industrial disasters, media covering, publicity, manipulation.*

Кризисные ситуации всегда являются наиболее сложными по стратегии освещения. Техногенные катастрофы, несомненно, относятся к кризисным ситуациям и имеют свою специфику освещения, в первую очередь это масштабность события, высокая частота упоминаемости в СМИ и большой интерес аудитории. А значит у любого, кто отвечает за освещение катастроф и кризисов, автоматически появляются большие возможности для манипулирования общественным мнением и провести информационную кампанию по дискредитации или продвижению отдельных лиц, структур и даже государств.

Первым шагом будет определение такого явления как техногенная катастрофа. По существующему в литературе определению – «Техногенная катастрофа (англ. Industrial disaster) – крупная авария, влекущая за собой массовую гибель людей и даже экологическую катастроф» [1]. Одной из особенностей техногенной катастрофы является её случайность (тем самым она отличается от терактов). Подобно природным, техногенные катастрофы могут вызвать панику, транспортный коллапс, а также привести к подъему или потере авторитета власти.

Достаточно веским аргументом, которые позволяют точно разграничить катастрофы и техногенные аварии является гибель множества человек. Без сомнения, к катастрофам можно отнести аварию на химическом заводе концерна Union Carbide в Бхопале в 1984 г., взрыв на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и гибель катера «Булгария» в 2011 г.

© К. Г. Осипов, 2012

В качестве примера был выбран инцидент на АЭС «Фукусима-1» как затрагивающий международные интересы гражданского населения, экономических и политических структур ряда стран и вызвавший мощный общественный резонанс в России, однако так и не реализовавший полностью своего потенциала для информационного противостояния.

Инцидент на АЭС «Фукусима-1» показал, насколько в России может быть опасным неконтролируемое освещение событий значимых для общественности, для экономики и для политики. Из-за журналистской небрежности и неосведомленности населения едва ли не были спровоцированы крупная паника, массовые отъезды с Приморского края и масштабные отравления йодсодержащими препаратами. Под ударом оказались туристическая отрасль и рыбохозяйственный комплекс. Если бы не своевременные действия ученых и представителей государственных ведомственных структур, то, вероятно, распространение недостоверной пугающей информации могло бы нанести серьезный ущерб экономике и населению Приморья не хуже настоящего цунами.

Первое с чего можно начать анализ, это с определения этого происшествия. Авария на АЭС «Фукусима-1» в результате Великого Восточного землетрясения (как его официально назвали в Японцы), не привела к масштабным жертвам. В результате утечки радиации не погиб ни один человек (хотя несколько были травмированы), более пятнадцати тысяч жизней унесли только землетрясение и цунами. Поэтому оснований

говорить о том, что авария на АЭС «Фукусима-1» была техногенной катастрофой, нет. Подходящим определением стало слово «инцидент». Возможным представляется и использование определения экологическая катастрофа, так как допустимый уровень радиации в окрестностях был превышен ввиду выбросов в атмосферу радионуклидов, и потребовалась эвакуация населения в 20 километровой зоне. Но благодаря своевременным действиям правительства Японии, многочисленных жертв заражения на сегодняшний день удалось избежать (превышение аварийной дозы облучения, 250 мЗв, было зафиксировано только у двух ликвидаторов), поэтому определение этого инцидента как техногенной катастрофы в этом случае юридически и лексически неверно [2].

Вторым проблемным моментом было корректное представление об уровне опасности катастрофы подобного масштаба. Специалисты могут присвоить соответствующий уровень только имея на руках результаты замеров, расчетов и анализов, что не может быть слишком быстро, в отличие от распространяющихся слухов. Первоначально официально присвоенный уровень опасности аварии на АЭС был четвертым, после проведения ряда исследований и замеров по оценке выбросов радионуклидов уровень возрос до пятого, в конечном итоге 12 апреля был получен максимальный статус 7 [5]. Однако что такое «7 уровень»? Прежде всего, это оценка «потенциала» угрозы, но еще не происхождения фатальных необратимых последствий. 7 уровень также получала в свое время и катастрофа на Чернобыльской АЭС, однако выбросы радионуклидов на «Фукусима-1» составили 10 % от выбросов в Чернобыле [6].

Третьим проблематичным моментом, который неоднократно отмечался в СМИ – это способ подачи информации. Если сделать выборку сообщений, то даже у известных и крупных информационных агентств выявится склонность к гиперболизации ради сенсационных заявлений. К примеру, статья с официального сайта РИА «Новости» с пугающим названием «Обстановка в Японии, пострадавшей после сильнейшего землетрясения и цунами 11 марта, достигла критической точки» [6]. Сразу возникает вопрос, что же за критическая точка имеется ввиду? Полный экономический коллапс, политический кризис, угроза жизни миллионам людей, народные волнения, революция? Однако ничего этого в Японии не происходило, более того, далее по ходу статьи говорится о снижении угрозы, превентивных мерах защиты и полном спокойствии на улицах столицы Японии Токио, так что остается непонятным, что же является причиной для столь громкого заявления. Не менее неадекватно информация представлена в первом абзаце статьи: «Обстановка в Японии, пострадавшей после сильнейшего землетрясения и цунами 11 марта, достигла критической точки: повреждены все шесть энергоблоков АЭС «Фукусима-1», радиация распространяется все быстрее с каждым часом. Число погибших, по последним данным, достигло 2,5 тысяч человек, около двух тысяч человек получили ранения, более 17 тысяч числятся пропавшими без вести». Следует сразу отметить очевидное, радиация стоит в центре и все внимание автора приковано к ней. Однако указанное число жертв НЕ относится к последствиям радиационной утечки – это жертвы стихии. Однако у читателя создается впечатление, что эти люди – жертвы радиационного заражения. Что, естественно, вызовет у него беспокойство и нервозность.

Неосторожность с использованием литературных приемов и даже обычных выражений приводит к курьезным заявлениям вроде «радиация распространяется все быстрее и быстрее». Во-первых, скорость распространения радионуклидов в атмосфере напрямую зависит от скорости ветра и его направления. Во-вторых, распространение уже по своей сути подразумевает рассеивание и снижение уровня. В-третьих, в этой же статье описывается, что концентрации уже долетевших радиочастиц до Токио и до других городов не представляют угрозы и не будут представлять на условия даже сохранения ситуации.

Таких статей было достаточно много и две описанные тенденции являются основными – несоответствие заголовка и лида содержимому и сознательная либо бессознательная подача текста, создающая все условия для неверной интерпретации текста.

Проблемы с публикацией выступлений представителей Правительства Российской Федерации и других ответственных лиц также выявились в данном инциденте. На пресс-конференции в Москве 7 апреля руководитель Роспотребнадзора, главный санитарный врач России Геннадий Онищенко «выразил готовность к запрету ловли рыбы на Дальнем Востоке в связи с выбросом радиации после аварии на японской АЭС «Фукусима-1» и обнаружением радиоактивных частиц цезия в мальках в северной части Страны восходящего солнц» [7]. Однако журналисты, цитируя слова руководителя Роспотребнадзора, не указали, что Г.Г. Онищенко говорил об анадромных рыбах, лососевых, чей миграционный путь пролегает вблизи районов потенциального заражения. Но заголовок обобщает и включает туда все виды рыб Дальневосточного бассейна, а это почти три четверти от общероссийского вылова водных биоресурсов (!). Также неправдоподобны заявления о том, что Северного бассейна достаточно, чтобы обеспечить потребности населения в лососевых (для примера,

официальный вылов лососевых на Дальнем Востоке в 2010 г. составил около 336 тыс. т., на Северном бассейне – всего 0,25 тыс.т.).

Здесь очень важно отметить – руководитель ведомства в силу своих должностных полномочий может принять стратегически важное решение. Полномочий лично его и достаточно ограниченной группы управленцев достаточно, чтобы парализовать работу рыбохозяйственного комплекса и лишить экономику края существенного дохода (в 2010 г. рыбная промышленность принесла в казну одного только Приморского края более 3 млрд. рублей [9]

Однако какими бы преждевременными и необдуманными не выглядели действия власти, еще более интересной представляется реакция населения на сообщения. Наиболее остро она фиксировалась в близлежащих к Японии территориях – Сахалинской и области и Приморском крае.

Вскоре после извещения об инциденте в приморских СМИ стала появляться информация о том, что в аптеках раскупаются все йодсодержащие препараты [10], а родители мажут детям лица йодом. Об опасениях владивостокцев говорила даже зарубежная пресса – «New York Times» в номере от 17 марта выпустила статью «Fear of Fallout From Japan Spreads in Russia» [11], где также сообщалось о небывалом ажиотаже спроса на дозиметры, лекарства и радиоизоляционную спецодежду. Однако в статье говорилось и о том, что власти пытаются успокоить население, и поездка премьера В. Путина на Южные Курилы могла бы пресечь слухи о бегстве местной власти. Но что было очевидно при анализе форумов и комментариев – это высокий уровень недоверия к заявлениям власти и ряда официальных лиц.

Примером попыток использования горячей темы для дискредитации руководящих лиц и манипулирования мнением может служить статья в крупном отраслевом информационном агентстве «Рыбные Ресурсы» статьи «Крайняя Дарькина рыба» со ссылкой на общественно-политическую электронную газету «Moscow-post». В данной статье присутствуют откровенно ложные тезисы и утверждения: «Все дело в том, что с недавних пор рыбу на Дальнем Востоке ловить стало опасно – из-за радиации» ... [12] «Однако, по мнению экспертов, дальневосточная рыба даже сейчас может быть опасна. Ведь, если ее регулярно употреблять в пищу, то через год радионуклиды обнаружатся и в организмах самих потребителей, то есть нас». Помимо очевидных грубых нарушений журналистской этики, в статье присутствовали сразу распространение заведомо ложных сообщений об экологической обстановке (ст. 237 УК РФ), провокация паники среди населения и клевета (ст. 129 УК РФ).

Если проанализировать действия наиболее заинтересованной в грамотном освещении инцидента японской прессы, то можно отметить следующее. Японское правительство сделало сразу несколько важных решений по работе с медиа-пространством. Во-первых, был открыт полный доступ к разделу крупнейшего японского информационного агентства «KyodoNews», посвященного ядерному кризису, где публиковалось от 3 до 5 сообщений в день с информацией из официальных источников. Во-вторых, Япония, несмотря на продемонстрированную готовность и открытость для СМИ, на деле не допустила никакого наплыва иностранных журналистов в страну, объясняя это чрезвычайной ситуацией в префектурах. Таким образом, Япония предотвратила неконтролируемую передачу информации и слухов от властных структур и официальных представителей ТЕРСО. Цель правительственной информационной кампании была очевидна – продемонстрировать миру сосредоточенность на ликвидации последствий аварии и на принятых мерах безопасности.

Япония была категорически против любых ее изображений как опасной с точки зрения экологии страны. Карикатура, опубликованная газетой «The International Herald Tribune»[16] (с диснеевской Белоснежкой, спрашивающей протягивающую ей яблоко ведьму, не из Японии ли оно), вызвала серьёзное негодование и протест японской стороны на дипломатическом уровне. Генконсульство Японии в Нью-Йорке направило протест газете, впоследствии редакция официально принесла свои извинения.

Для снятия ограничений на импорт из Японии продуктов питания, включая рыбные продукты, японский МИД проводил для иностранных пользователей с помощью своих посольств и консульств специальные рекламные акции, демонстрирующие безопасность японской продукции [18]. Такие шаги наиболее актуальны на данном этапе и отображают высокую согласованность, скорость и последовательность действий японского правительства, что позволило избежать тяжелого экономического кризиса в стране.

«New York Times» в статье от 4 октября написала о результатах опроса японской Ассоциации журналистов «GfK», согласно которым только 5 % опрошенных имеют сильные сомнения в ядерной безопасности страны, а 6 из 10 опрошенных не имеют таковых сомнений или очень незначительные [23].

Однако ни российскую журналистику, ни тем более блоггеров, это не останавливало от выплескивания в медиа-пространство самых разнообразных и невероятных тезисов. Свойственная современным блоггерам и комментатором

чрезмерная эмоциональность, деструктивность высказываний едва ли не поставили под угрозу туристический бизнес в Приморском крае. СМИ отмечали, что сотрудники турагентств занимались самостоятельно мониторингом ситуации, собирали вырезки из газет о радиационной безопасности для Приморья и даже предоставляли гостям карты течений и направлений ветров [20].

Местные ведомственные рыбохозяйственные структуры жестко пресекали попытки журналистов к распространению искаженной и опасной информации. На сайте Территориального управления Росрыболовства появилось предупреждение представителей СМИ о возможных привлечениях к административной ответственности после жалоб со стороны собственников продукции, которые могли понести ущерб в результате искажения и заведомо ложной интерпретации официальных данных. Первое предупреждение касалось публикаций, появившихся 1 марта на вебсайте portnews.ru и 4 марта на вебсайте fishportal.ru. Журналисты использовали в заметках под названием «Заражение рыбной продукции радиацией...» данные Примтерруправления по уровню радиационного фона в районе работы судов (Северный Тихий океан, ИЭЗ РФ), которые были в 1,5-2 раза ниже естественного фона в Приморском крае.

Поводом для судебного разбирательства в таких случаях может быть ст. 8.5 КоАП РФ – «сокрытие, умышленное искажение или несвоевременное сообщение полной и достоверной информации о состоянии окружающей природной среды и природных ресурсов, об источниках загрязнения окружающей природной среды и природных ресурсов или иного вредного воздействия на окружающую природную среду и природные ресурсы, о радиационной обстановке, а равно искажение сведений о состоянии земель, водных объектов и других объектов окружающей природной среды лицами, обязанными сообщать такую информацию» [21].

Научно-исследовательские рыбохозяйственные институты предоставили практически сразу материалы по оценке и прогнозу развития экологической ситуации в регионе, анализу возможных последствий и мониторингу безопасности продукции. К работе над исследованиями последствий инцидента для экосистем Северо-Западной части Тихого океана, была подключена и международная научная организация по исследованиям СЗТО – PICES [13].

Подводя итог, можно отметить, что в наши дни лицам и структурам, заинтересованные в достоверном освещении кризисной ситуации, необходимо самостоятельно использовать все существующие PR-методы для защиты своих интересов. Техногенный кризис может быть широко использован для различных глобальных целей, таких как передел рынка, дискредитация лиц или структур, развитие или стагнация отраслей, что в обычной информационной среде очень сложно. Позиция государства должна быть принципиальной, а действия представителей власти обдуманными и последовательными и непротиворечащими друг другу. Журналисты обязаны в таких ситуациях работать с максимальной ответственностью и аккуратностью, и не жертвовать профессионализмом и качеством материалов ради сенсационности, а редакторы информационных агентств и других изданий – более требовательно относится к качеству публикаций, помещаемым в своем медиа-пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Катастрофы конца XX века / Под общ. ред. д-ра техн. наук В.А. Владимирова. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – М. : УРСС, 1998. – С. 207.

2. Проблемы прогнозирования, предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций: Материалы Всероссийской научно-технической конференции, 16-19 мая 2000 г. – Уфа, 2000. – С. 5.

3. Владимир Кара-Мурза о техногенной катастрофе на японских ядерных реакторах [Электронный ресурс] / Радио Свобода /

URL:http://www.svobodanews.ru/content/article/2337989.html/.

4. Plant Status of Fukushima Daiichi Nuclear Power Station [Электронный ресурс] / Официальный сайт Токийской энергетической компании / URL:http://www.tepco.co.jp/ en/press/corp-com/release/11041210-e.html/.

5. Briefing on Fukushima Nuclear Accident [Электронный ресурс] / Официальный сайт МАГАТЭ (IAEA) URL:http://www.iaea.org/newscenter/news/2011/fukushima120411.html/.

6. «Обстановка в Японии, пострадавшей после сильнейшего землетрясения и цунами 11 марта, достигла критической точки» [Электронный ресурс] / РИА Новости, 15 марта 2011г. URL: http://ria.ru/jpquake_effect/20110315/354108913.html/.

7. Геннадий Онищенко готов запретить лов рыбы на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / РИА «Экспертный канал ФедералПресс», 7 апреля. URL: http://pda.fedpress.ru/dfo/id_225229.html/.

8. Почепцов Г. Информационные войны / Г. Почепцов. – М. – 2003. – С. 192.

9. Промышленность и власть удовлетворены работой рыбохозяйственной науки [Электронный ресурс] / Сайт Росрыболовства. URL:http://fish.gov.ru/presscentre/news/Pages/4494.aspx/.

10. Жители Камчатки выпили весь йод, сахалинцы – раскупили билеты в Москву [Электронный ресурс] / ИА «Новый регион». – 16.03.2011. – URL:/ http://nr2.com.ua/fareast/324364.html.

11. «Fear of Fallout From Japan Spreads in Russia» [Электронный ресурс] / New York Times, Michael Schwirtz 18.03.2011. – URL:http://www.nytimes.com/2011/03/18/world/europe/18russia.html/.

12. Крайняя Дарькинская рыба [Электронный ресурс] / «Рыбные Ресурсы», Олег Александров. – URL:http://fishres.ru/news/news.php?id=18187/.

13. Анализ возможности заражения промысловых рыб в дальневосточных морях и СЗТО. [Электронный ресурс] / Сайт Тихоокеанского научно-исследовательского рыбохозяйственного центра/ URL:http://www.tinro-center.ru/component/content/article/479 .

14. Михаил Чканников. Японскую трагедию пытаются использовать для передела мирового рыбного рынка / М. Чканников. – Российская Газета. – № 57. – 18.03.2011. – С. 4.

15. Со слухами борются на всех уровнях. [Электронный ресурс] / ИА «Фишньюз», 18 04.2011. – URL:http://www.fish-news.ru/news/15269/.

16. www.mk.ru. – Официальный сайт газеты «Московский комсомолец». – 22 апр. – 2011 г.

17. Влияние катаклизмов 11 марта на японское рыболовство [Электронный ресурс] / ИА «Фишньюз», Александр Курмазов, 12.05.2011. – URL:http://www.fishnews.ru/rubric/krupnyim-planom/3760/.

18. Nuclear policy was once sold by Japan's media / [Электронный ресурс] Официальный сайт газеты Japan Times / 22.05.2011 URL:http://www.japantimes.co.jp/text/fd20110522pb.html/.

19. Current nuclear debate to set nation's course for decades [Электронный ресурс] / Официальный сайт газеты Japan Times, Eric Johnston/ 23.09.2011 / URL: http://www.japantimes.co.jp/.

20. Отдых в Приморье в этом году не пользуется популярностью/ [Электронный ресурс] / Портал Приморского края. – 01.08.2011. – URL:http://www.pk25.ru.

21. Кодекс об Административных Правонарушениях Российской Федерации Глава 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», ст. 8.5 «Сокрытие или искажение экологической информации».

22. После новостей из Японии финны раскупили йод / [Электронный ресурс] Новости Мейл.ру / 16.03.2011. – URL:http://news.mail.ru/society/5493000/.

23. Cooling Problem Shuts Nuclear Reactor in Japan October [Электронный ресурс] The New York Times, Hiroco Tabuchi, 4.10.2011. – URL: http://www.nytimes.com/2011/10/05/world/asia/cooling-problem-shuts-nuclear-reactor-in-japan.html?_r=4/.

24. Медведовский И.Д. Атака из Internet / И.Д. Медведовский, П.В. Семьянов, Д.Г. Леонов, А.В. Лукацкий. – Изд-во. Солон-Р, 2002. – С. 67.

Осипов К.Г. Аспирант Дальневосточного федерального университета.
E-mail:seamist9@mail.ru

Osipov K.G.
Postgraduate of Far East Federal University.
E-mail:seamist9@mail.ru

УДК 070.1 (470.324)

КВАЛОИД КАК ТИП СМИ

© 2012 А.В. Прытков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 сентября 2012 года

Аннотация: *В статье исследуется понятие «квалоид» с позиции типологии. Анализируется, является квалоид типом СМИ. Выясняется сходство квалоидов и вечерних газет. Определяется, отличаются ли квалоиды от развлекательно-информационных изданий.*

Ключевые слова: *тип СМИ, вечерние газеты, квалоид.*

Annotation: *This article investigates the concept of qualoid from the perspective of the typology. Qualoid is analyzed as type of media. It studies the similarity of qualoid and evening newspapers. It finds differences between qualoids and entertainment and informational newspapers.*

Key words: *type of media, evening press, qualoid.*

На сегодняшний день в медиасфере наметилось сближение качественной и развлекательной, общественно-политической и бульварной прессы. Появились квалоиды. Профессор С.Л. Страшнов пишет: «Термин, конечно, причудлив: коренится он в латинском quails (какой, какого качества), а суффиксальную часть взял у таблоида» [1]. Таким образом, квалоид, если переводить дословно, есть не что иное, как качественный таблоид.

Что такое квалоид? С.Л. Страшнов говорит, что их называют еще и качественно массовыми СМИ: формат А2 не мешает наряду с аналитикой публиковать сенсации и анекдоты. К тому же, качественные издания заимствуют формат А3 у таблоидов [1].

Анализируя немецкую прессу, В.В. Скоробогатько рассказывает о газете *Welt Kompakt*, которая является своеобразным дайджестом *Die Welt*, и делает вывод, что «чередование рубрик и их содержание определенно указывают на массовый характер издания. Но, безусловно, это не бульварное издание, это облегченное чтение – с картинками и короткими текстами. Это квалоид» [2].

Е.Л. Вартанова при анализе скандинавской прессы также указывает на постепенное слияние качественных и развлекательных газет: «...выходящие на столичных рынках северных стран вечерние таблоиды в большинстве не принадлежат к качественной журналистике. Но и поставить их в один ряд с британскими таблоидами тоже нельзя» [3]. Например, вечерний таблоид из Норвегии «Дагбладет» в 1980-е гг. изменил концепцию, став более серьезным изданием с приоритетными политическими дискуссиями и вопросами культуры. Автор отмечает, что вечерние газеты северных стран реализуются в розницу, поэтому их многокрасочные первые полосы, скорее, способ привлечения покупателя, а не читателя. Северные вечерние таблоиды отказались от порнографии, секса, скандалов хотя бы в качестве главного фокуса содержания и ориентируются на новости внутренней и внешней политики, культуры.

В другом своем исследовании Е.Л. Вартанова уже напрямую называет вечерние газеты квалоидами: «В странах Северной Европы таблоидизация идет «снизу»: массовые таблоиды, имея максимальные тиражи и характерный стиль оформления, стремятся к повышению качества содержания. Так возникает квалоид – особый тип массовой вечерней газеты, сочетающей стиль таблоидов с освещением широкой панорамы мировых событий, анализ серьезных вопросов внешней и внутренней политики с простым и доходчивым языком изложения. Как считает финский профессор К. Норденстренг, квалоиды входят в набор обязательного чтения даже любого интеллектуала на Севере Европы» [4].

Таким образом, очевидны параллели между квалоидами и вечерней прессой в скандинавских странах. Но сходны ли вечерние газеты и квалоиды в России?

Квалоиды и вечерние газеты. Обратимся к определению вечерней прессы. В.М. Горохов пишет: «Советские *Вечерние газеты* содержат последние общественно-политические новости, информируют читателя о состоянии и перспективах жилищного строительства, благоустройства, бытового обслуживания, о событиях культурной жизни данного города; значительное место уделяется объявлениям (о приёме в учебные заведения,

© А.В. Прытков, 2012

защите диссертаций, текущем репертуаре театров и т.д.). Оформление *Вечерней газеты* отличается насыщенностью иллюстративным материалом. В капиталистических странах основным источником существования газет, в том числе и вечерних, является доход от рекламы. Поэтому основная масса публикуемого материала имеет рекламно-развлекательную направленность, новостям общественно-политической жизни отводится меньшее место» [5].

Думается, это определение во многом можно перенести и на квалоиды. С оговорками, что, во-первых, квалоиды выходят необязательно вечером, а во-вторых, российские квалоиды вобрали в себя признаки советских и капиталистических вечерних газет: максимум допустимого законом количества рекламы, публикации преимущественно о городской жизни, а также облегченная по сравнению с качественными газетами подача информации. Например, большая часть публикуемой информации в газете «МОЁ!» – хроника событий, произошедших за неделю в городе: политика, криминал, спорт, социальная жизнь.

В ходе сравнительного анализа «Вечерней Москвы» (по воспоминаниям ее главного редактора с 1966 г. по 1988 г. С.Д. Индурского [6]) и «МОЁ!» (с комментариями ее главного редактора В. Мазенко [7], [8]) мы пришли к выводу, что проводить параллели между вечерними газетами и квалоидами допустимо. И в «Вечерней Москве», и в «МОЁ!» ценятся заметки о людях. Правда, в случае с воронежским еженедельником в появлении таких публикаций нет равномерности. Журналисты обоих изданий не ограничивают себя рамками одного жанра, публикация может относиться одновременно к репортажу, интервью, комментарию и т.п. Обе газеты активно поддерживают обратную связь, и немалая часть материалов выходит именно по обращениям читателей. Сходны издания и на уровне вымышленных, редакционных персонажей. В «Вечерней Москве» это М. Вечеркин, в «МОЁ!»– МОЁшкин кот.

Мы считаем, что, появившись как сочетание качественной и развлекательной прессы, квалоиды также невольно стали и «продолжателями дела» вечерних газет. Если говорить о «вечерках», выходивших в СССР, то эти издания также были сочетанием качественного и развлекательного. При этом не страдало качество материалов – тексты были написаны профессионалами, нередки были комментарии специалистов и т.д.

Теми же принципами (как при выборе тем, так и при написании материалов) сегодня пользуются квалоиды. В частности, газета «МОЁ!».

Близость к таблоиду. С.Л. Страшнов отмечает, что «вектор развития нашей прессы однозначен: качественные газеты все решительнее омассовляются, тогда как обратное не просматривается нигде» [1].

Мы не можем полностью согласиться с этой точкой зрения. Во-первых, газета «МОЁ!» – пример, когда изначально бульварная газета дрейфует в сторону качественной. Раньше газета злоупотребляла темой секса, время от времени в издании появлялись материалы, не отражающие реальную действительность (к примеру, была публикация о том, что у Леонардо ДиКаприо есть воронежская невеста). Сегодня такого нет.

Другое дело, что газета полностью не избавилась от «бульварного» прошлого. Исследователь Е.А. Сазонов выявил, что особенно наибольшим интересом в желтой прессе пользуются три вида табуированной информации: а) интимные отношения; б) личная жизнь людей, оказавшихся в центре общественного внимания; в) тема смерти, в особенности, когда она сопряжена с аномальными или чрезвычайными обстоятельствами [9]. И если первые две темы в «МОЁ!» почти не появляются, то третья эксплуатируется довольно часто. Под криминальные новости в газете стабильно отводится минимум полоса.

Более того, время от времени подобные новости выносятся на первую полосу. И анонсируются также, как и в таблоиде: броское фото, текст на выворотке, крупный кегль шрифта, акцентированные ключевые слова («смерть», «убийство» и т.п.). Например, в № 41 (882) выворотkой крупно дан заголовок: «Грузчик устроил РЕЗНЮ в торговом центре. В ТЦ «Поиск» на ул. Среднемосковской рабочий зарезал охранника магазина «Перекресток», а потом и 17-летнего студента, который пытался задержать убийцу». На странице, где напечатан сам материал, размещены фотография погибшего студента и схема побега убийцы с места преступления.

Подобных примеров в газете «МОЁ!» достаточно много. Если считать не только анонсы, связанные со смертью, но и анонсы, рассказывающие об угрозе жизни (как, например, автобус врезался в дом, но погибших не было), то таких случаев в подшивке за 2011 г. мы насчитали 21. То есть почти в каждом третьем номере была первая полоса со «смертельными» анонсами. Объясняется это просто – газету нужно продавать. И подобные материалы «цепляют» читателя, который в итоге прочитает не только про очередное убийство, но и более значимые материалы.

На наш взгляд, «увлечение» темой смерти не только несколько сомнительно с этической точки зрения, но неправильно с точки зрения диалога с аудиторией: чем больше криминала появляется, тем больше становится интерес к этой теме читателя. Что в свою очередь может стать и косвенной

причиной преступлений (о том, как телевидение провоцирует насилие, написал в серии очерков «Под властью маньяков» Александр Минкин)[1].

Также С.Л. Страшнов говорит о росте иллюстраций. Однако мы не считаем, что визуализация – это «омассовление», так как сегодня меняется восприятие людей. И увеличение графического наполнения – необходимость.

Ученый также отмечает, что «в состязании с другими СМИ самой выигрышной в периодической печати все очевиднее становится аналитичность, а она в квалоидах как раз и затушевывается» [1]. На примере газеты «МОЁ!» мы можем сказать, что это действительно так. Так, для статьи «Воронежские чиновники тратят бюджетные средства на предметы роскоши» в № 41 (882) информационным поводом послужил заказ областного правительства на пять экземпляров мужских наручных часов из золота. В материале затрагивается и тема покупки чиновниками дорогих автомобилей. Есть комментарии экс-мэра и экс-губернатора и ныне действующих чиновников, чьи ведомства приобрели дорогие автомобили. Однако нет комментариев из областного правительства к заказу на часы. Также ни в этом, ни в последующих номерах нет анализа федерального закона № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», по которому производятся все заказы и в котором множество лазеек для мошенников и коррупционеров. Более того, в материале даже не указано про этот закон.

Однако у такого подхода есть свое оправдание. Анализ федерального закона № 94 интересен более узкой аудитории по сравнению с темой «чиновники тратят бюджет на предметы роскоши». И квалоиды в этом плане выступают своеобразной границей, находящейся немного в стороне от основной дороги. Те, кто всерьез заинтересуется вышеозначенной темой, сойдут с дороги и перейдут границу – прочитают материалы в качественной прессе, посвященные той же тематике. Остальным же будет довольно и «квалоидной» – не то чтобы поверхностной, но о не всем говорящей – статьи.

Развлечение или информация? А.А. Монастырская предлагает делить таблоидные издания на три типа – бульварные, мимикрирующие и развлекательно-информационные [10, 64]. В данном контексте нам интересны в первую очередь развлекательно-информационные СМИ. Автор пишет, что газеты «Совершенно секретно», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» не принадлежат ни к бульварному, ни к мимикрирующему типу, при этом данные газеты сложно назвать и общественно-политическими. Информируя читателя, указанные СМИ одновременно его развлекают [10, 85]. Исследователь отмечает: «имея репутацию серьезного издания, редакция тем не менее не считает для себя зазорным публиковать материалы развлекательного толка» [10, 86]. Особенностями развлекательно-информационных СМИ являются то, что данные издания говорят «смешно о серьезном, серьезно о смешном» и, несмотря на ориентацию на массового читателя, материалы отбираются по нескольким критериям: «актуальность, достоверность, познавательность, информативность и сенсационность» [10, 86-87].

Анализируя газету «МОЁ!», мы выявили, что данное издание во многом подобно описываемому А.А. Монастырской развлекательно-информационному типу газет. В связи с этим возникает два вопроса:

- есть ли принципиальная разница между квалоидами и развлекательно-информационными изданиями?

- можно ли считать квалоидами такие газеты, как «Московский комсомолец», «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда»?

В рамках данной статьи мы попытаемся ответить только на первый вопрос, так как ответ на второй вопрос требует более тщательного изучения «Московского комсомольца» и других вышеозначенных изданий.

Итак, квалоиды и развлекательно-информационные издания – это один тип (разновидности одного типа издания) или нет? Основываясь на анализе газеты «МОЁ!», мы скорее склоняемся ко второму варианту.

Как и развлекательно-информационные издания, квалоиды трудно отнести к общественно-политическим газетам. Также квалоиды заботятся о своей репутации, но одновременно публикуют развлекательные материалы. Например, в «МОЁ!» часто появляются репортажи с концертов гастролирующих знаменитостей, интервью с ними (подобные тексты мы относим к развлекательным, так как в интервью в большинстве своем обсуждаются темы, не раскрывающие личность

1. Если говорить о теме смерти, то многие качественные СМИ действительно «омассовляются». Чуть ли не каждый выпуск радио- и теленовостей начинается с какого-либо происшествия, повлекшего за собой смерть людей. Подобные же материалы постоянно находятся в топе новостных сайтов. Подобный расклад, конечно, не может не огорчать, но нам кажется, что «омассовление» – это когда качественные СМИ начинают уделять большее внимание также интимным отношениям и личной жизни людей, нарушать этические стандарты и манипулировать общественным мнением. В 2009 году Общественная коллегия по жалобам на прессу признала, что «Известия» перешли в разряд бульварных газет (Журналистский «суд чести» признал «Известия» – желтой газетой – http://www.nr2.ru/authors/223201.html).

собеседника). Иногда публикуют новости шоубизнеса. Аналогично квалоиды не попадают под абсолютное влияние аудитории, отбирают материалы по актуальности, сенсационности. В газете «МОЁ!» часто сенсационным новостями становятся материалы об убийствах и остальном криминале. Часто такие тексты анонсируются на первой полосе, о чем мы писали выше.

Однако квалоиды и развлекательно-информационные издания различны – и это, на наш взгляд, не менее принципиально – в том, в квалоидах пишут серьезно о серьезном. Но в более легкой «упаковке» по сравнению с качественными изданиями. Поэтому квалоиды можно скорее назвать информационно-развлекательными изданиями. Здесь на первом месте стоит задача рассказать читателям о наиболее важных новостей, рассказать о проблемах в той или иной сферах жизни. Развлечение же здесь играет второстепенную роль, материалов такого характера публикуется меньше.

Мы считаем, что квалоиды и развлекательно-информационные издания отождествлять неуместно. Главное в газете – это содержание, контент. А он как раз в этих типах газет разный.

Характерные черты квалоида. Однако можно ли считать квалоиды типом СМИ?

Напомним, что «тип издания можно определить как модель группы изданий, содержащую в себе наиболее характерные особенности, качества и свойства, присущие каждом печатному органу из этой группы в отдельности» [11].

Ранее мы писали о том, что бульварную прессу можно считать типом СМИ, в то время как качественную прессу – нет [12]. Типы СМИ – это общественно-политические, экономические, спортивные, культурно-просветительские издания. И все они принадлежат к качественной прессе. В том же исследовании мы выявили, что бульварная пресса наряду с телегидами, криминальными изданиями и т.п. принадлежит к разряду развлекательной прессы.

Квалоиды же сочетают в себе форму развлекательной прессы с содержанием качественной. Но что это: тип СМИ или более размытое образование?

Выделим несколько черт, характерных для квалоидов:

1. *«Бульварная» форма* – обилие иллюстраций, использование нестандартной верстки, простой язык изложения (для квалоидов, как и для развлекательной прессы важно, чтобы текст был понятен, условно говоря, и академикам, и грузчикам; но язык квалоидов при этом не вульгарен), обилие рекламы. Наиболее часто используемый таблоидный прием – вынос на первую полосу новостей, связанных с убийствами, самоубийствами, а также происшествиями, несущими непосредственную угрозу для жизни людей.

2. *Качественное содержание* – публикация материалов о различных сферах жизни с акцентом на социальной тематике. Но наблюдается недостаток аналитичности по сравнению с качественной прессой. Плюс тема секса и скандалы время от времени проскальзывают, хотя не являются основой наполнения квалоидов.

3. *Универсализация содержания.* Квалоиды наиболее близки к общественно-политической прессе: в квалоидах также понемногу уделяют печатные площади всем сферам жизни. На наш взгляд, подобный подход необходим, чтобы привлечь как можно больше читателей. Следствием этого признака может стать размытость содержания квалоидов. Такие издания стремятся привлечь каждого потенциального читателя, и в итоге квалоид может стать газетой обо всем и ни о чем.

4. *Диффузия журналистских жанров.* Для развлекательной прессы характерны такие жанры, как заметка, репортаж, интервью. В качественной прессе наряду с информационными активно используются аналитические жанры – статья, обозрение и т.д. У квалоидов мы наблюдаем жанровую размытость: материал может содержать в себе элементы репортажа, интервью, статьи.

5. *Вовлечение читателей в жизнь издания.* В отличие от качественной прессы, для квалоидов и развлекательных изданий характерно использование различных конкурсов. Но если развлекательные СМИ предлагают читателям побороться только за призы, то в квалоидах появляются конкурсы «бескорыстные», направленные на помощь, например, детдомам, детям с тяжелым заболеваниями. Также квалоиды «дают» читателям работу – публикуют их новости, пишут материалы по сообщениям, поступившим в редакцию. Качественная и развлекательная пресса такого подхода к читателю почти не использует.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Страшнов С.Л. Квалоид / С.Л. Страшнов // Журналист. – 2010. – № 9. – С. 64-65.

2. Скоробогатько В. Настоящий немецкий порядок / В. Скоробогатько // Журналистика и медиарынок. – 2010. – № 2. – С. 39.

3. Вартанова Е.Л. Северная модель в конце столетия. СМИ стран Северной Европы между государственным и рыночным регулированием / Е.Л. Вартанова. – М., Изд-во Моск. Ун-та, 1997. – (http://www.evartist.narod.ru/text19/019.htm#з_02_02_2).

4. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран / Е.Л. Вартанова. – М., 2005. – С. 144.

5. Большая советская энциклопедия. – (http://bse.sci-lib.com/article004621.html).

6. Индурский С.Д. Газета выходит вечером. Записки редактора / С.Д. Индурский. – М. : Мысль, 1979. – 164 с.

7. Мазенко В. Чтобы не похоронить газету, не стоит делать сайт ее электронной копией / В Мазенко. Беседовала Н. Решетова. – (http://www.planetasmi.ru/blogi/comments/5975.html).

8. Мазенко В. Наше место там, где находится сегодня читатель / В. Мазенко. Беседовала Ю. Варыга // Журналист. – 2011. – № 11 – С. 51-52.

9. Сазонов Е.А. «Жёлтая» пресса в контексте развития печати XX века (социокультурный аспект) : дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Е.А. Сазонов. – Воронеж, 2004. – С. 181-186.

10. Монастырская А.А. Таблоидная пресса в России, 1990-2000 гг. : дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А.А. Монастырская. – СПб., 2003. – 190 с.

11. Кажикин А.А. Типология отечественной региональной прессы рубежа XX-XXI веков (На примере печатной периодики Воронежской области) : дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А.А. Кажикин. – Воронеж, 2004. – С. 52.

12. Прытков А.В. Качественная и бульварная пресса в системе СМИ / А.В. Прытков // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 211-216.

Прытков А.В.
Воронежский государственный университет.
Аспирант факультета журналистики ВГУ.
E-mail: aleks.prytkov@gmail.com

Prytkov A.V.
Voronezh State University.
The post-graduate student of Department of journalism.
E-mail: aleks.prytkov@gmail.com

УДК 316.752.4+07

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ И ФОРМЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

© 2012 В.А. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2012 года

Аннотация: *политический конфликт в медийной реальности выступает как сложное и противоречивое отражение совокупности конфликтов в обществе. Ценностный конфликт более глубок и менее поддается сглаживанию, чем породивший его конфликт социальных интересов. Поэтому столь важной выглядит роль прессы, и прежде всего в качестве аналитика потенциальных или свершившихся конфликтов. Однако роль самой прессы как участника конфликта достаточно противоречива и нуждается в глубоком изучении.*

Ключевые слова: *масс-медиа, ценностный анализ медиасферы, значимость, оценка, ценность, идеал.*

Abstract: *the political conflict in media reality acts as a complex and contradictory reflection of some social conflicts set. The value conflict is deeper and it less suitable for compromises, than the social interest conflict which generates value oppositions. Therefore the press role looks highly important and first of all the role of analyst of potential or actual conflicts. However, the role of the press as participant of the conflict is rather contradictory and needs deep studying.*

Key words: *mass media, value analysis of the media sphere, significance, evaluation, value, ideal.*

Конфликт, как почти схожим образом трактуется в разных словарях, – это столкновение двух или более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях противодействия [14, 142]. Так что причины конфликта коренятся в базисных интересах личности, больших и малых социальных групп, институтов общества. Поэтому конфликт представляет собой один из возможных вариантов взаимодействия политических субъектов. Философ выделяет три основные сферы, в которых разворачивается спектр таких вариантов: модернизацию и эмансипацию, национальную историю, культуру и язык [7, 30].

В понимании политологов, конфликты являются наиболее распространенным источником и формой политических изменений. Изменения происходят в результате конкурентного взаимодействия двух и более сторон в сфере их коренных интересов. В этом плане существенны субъективные факторы текущего конфликта, среди которых способность его участников к модификации предмета спора, жесткость или пластичность занимаемых ими позиций [16, 460-461] – иными словами, свобода поведения в ценностной сфере.

Столкновение интересов означает противостояние сторон по поводу распределения в обществе материальных и духовных благ и ценностей, властных полномочий и символов могущества. Означает по существу, а выступает в форме конфликта мировоззрений, идеологий и противопоставления отражающих их духовных ценностей. Отчего в понимании природы конфликтов возникает определенная сложность, поскольку идеологическое выражение конфликта способно отделяться от его материальной сущности. Материальная сущность конфликта и его идеологическое оформление, хотя и находятся в непосредственных причинно-следственных отношениях, все же могут рассматриваться автономно. Неслучайно урегулирование конфликта материальных интересов далеко не всегда равносильно приостановке противоборства в сфере духовных ценностей.

Однако, возможна и другая трактовка вопроса. Так, политологи рассматривают, во-первых, три источника политических конфликтов – внесоциальные, социальные и комбинированные; во-вторых, три причины этих конфликтов – по поводу несовпадения статусов субъектов политики, из-за расхождения людей относительно ценностей и политических идеалов, а также в результате процессов идентификации граждан [16, 463-465]. Получается, что ценностный конфликт уравнивается с конфликтом по поводу распределения в обществе власти и могущества. Нам же это видится иначе – названного уравнивания нет и быть не может, а есть несовпадающие понимания конфликта: одно тяготеет к базисным представлениям о социуме, другое – к надстроечным.

© В.А. Сидоров, 2012

Политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов немыслима без идеологии. Отчего наиболее важным социальным источником политических конфликтов является расхождение людей относительно ценностей и политических идеалов, культурных традиций, оценок тех или иных событий. В этом же ракурсе следует рассматривать в качестве источника конфликта неадекватность восприятия индивидом или социальной группой как собственных интересов, так и позиций другой стороны. Вот почему неуклонно возрастает роль идеологического обеспечения политической жизни, отчетливости в расстановке ценностных приоритетов в каналах массовой коммуникации. И это же означает, что ценностный раскол, всегда начинающийся с элементарного расхождения по поводу идей, более глубок, более ожесточен, нежели собственно конфликт по поводу материальных благ. Потому что в него вторгается человеческая психика, в которой всегда найдется место уверенности индивида в справедливости его идеалов и представлений, праве на особое мнение, обидам, жажде реванша.

Идеи и люди, их воплощающие, руководят миром. Причем зачастую не имеет значения – истинны они или ложны, утверждает специалист в области политической философии. На судьбы народов глубокое влияние оказывают не только войны и революции, опустошительные следы которых рано или поздно изживаются, но и перемены в основных идеях, понятиях и верованиях, которые связаны с тем, что основополагающие элементы самой цивилизации осуждены на преобразование [6, 115].

Духовные ценности в качестве результата познания действительности оформляются интеллектом по законам научного мышления, следовательно, порождаются наиболее образованной частью общества. И, что примечательно, нередко вопреки своим коренным социальным интересам. Так что возникновение новых ценностей, переход к их доминированию в общественном сознании представляет собой чрезвычайно запутанный и противоречивый процесс, оценка которого с близкого расстояния не всегда объективна.

В этом отношении показательной стала телепрограмма «Суд времени», – сказал корреспонденту «Литературной газеты» известный кинорежиссер Владимир Меньшов. – Наконец в публичном пространстве удалось услышать позицию, противоположную антисоветской <...>. Поражало зрительское голосование [против безудержного антисоветизма высказались 9 из 10 зрителей этой программы. – В.С.]. Я не могу это объяснить. Знаю, что результаты произвели оглушающее впечатление на либеральную интеллигенцию... <...>. Итог оказался удивительным еще и потому, что он не соответствует результатам любых выборов в нашей стране. Я не верю, что на выборах происходит массовая подтасовка, – значит, есть причины, по которым телеголосование выявляет явную поддержку социалистической идеи, а на реальных выборах этого не происходит. Очень важно провести глубокие социологические исследования, определить, в каком состоянии наше общество. Необходимо понять, чего хочет народ, каковы его предпочтения и недовольства. Ведь со времен Горбачева мы очень многому научились и на многое переменили свои взгляды [15, 10].

Вот и распад традиционного общества, – оценивает состояние российского социума социолог Л. Бызов, – страшная травма для наций и народов. Но одни ее проходят относительно безболезненно, другие в муках и потрясениях. Неслучайно для нашей страны события 20-летней давности во многом носили характер «социально-культурной реформации», призванной сломать сложившиеся в обществе исторически этнокультурные стереотипы [3, 3]. И в самом деле, часть ценностных стереотипов из недавней российской истории в новой социальной ситуации обрела черты неактуального, почти нездешнего.

Так, подверглись девальвации ценности героизма, патриотизма, верности и бескорыстия. Забылась эстетизация подвига, примерами которой, полагает автор философского исследования о сущности героизма В.Д. Плахов, могут служить опера А.П. Бородина «Князь Игорь», фильм С.Д. Васильева и Г.Н. Васильева «Чапаев», поэма М. Алигер «Зоя». Однако современная «массовая культура» диктует свое, и высокая эстетика подвига и героического все более вытесняется лишенными глубокого ценностного содержания имиджевыми образами «героев» – «селебрити» (от лат. *celebrare* – восхвалять, упоминать, прославлять). Американский культуролог Д. Борстин назвал их «ходячими событиями». К имиджевым «героям» недавней истории Плахов причисляет, например, Мерилин Монро, а в текущей современности – Ксению Собчак, понимание героизма которой неотделимо от ее «сокровенной мечты» – стать секс-дивой [13, 91-92, 167].

Надлом в восприятии исторически устоявшихся социальных ценностей в то же самое время означает и сопротивление этому надлому, по-своему свидетельствует о повторной актуализации прежних ценностей в общественном сознании. Фаза надлома выступает в качестве индикатора зарождающегося ценностного противостояния.

В противостоянии, которое обычно вовлекает в себя основные СМИ, публично кристаллизуются политические позиции сторон, находят свое предельно радикальное выражение – таков закон

драматургии социального противоборства. Ценностный анализ истории общественных конфликтов показывает, что их участникам свойственно свою политическую позицию маркировать полярной символикой – либо как консервативно-охранительную, либо как радикальную. По мере развития ценностного конфликта его поляризация объективна, поскольку подпитывается расширением числа его участников, для которых желателен идейный выбор по принципу «или – или», полутона не поощряются. Отчего на первом плане идеологических противопоставлений могут оказаться не самые животрепещущие вопросы. Скажем, об отношении к традициям, даже если их значимость очевидна не всем.

Однако актуальность конкретной идеологической маркировки поверяется политической практикой: далеко не главные вопросы в жизни общества могут стать решающими. Именно так однажды случилось в истории Франции (1969 г.), когда президент Де Голль вынес на общенациональный референдум проект не самой значимой реформы – о новом административном делении страны. В обществе, в данной ситуации разделенном на сторонников традиции и приверженцев обновления, победили первые, и генерал Де Голль ушел с поста президента. И все же причина политического поворота была иной – Франция устала от некогда популярного лидера. Так что, как писал американский поэт Э. Паунд, «традиция – это красота, которую мы оберегаем, а не основы, которые нас удовлетворяют». И потому нельзя считать традицию принадлежащей всецело прошлому, следовательно, исключительно консерваторам. Спор о традиции не более чем маскирующие покровы столкновения совершенно других ценностей, афишировать которые политики не всегда считают нужным.

Ценностный конфликт, или ценностный раскол, радикализирует умонастроения в обществе, подчас ожесточает политическую жизнь – столкновения по поводу «символа веры» всегда оставляли кровавый след в истории. Память об этом долго не остывает в обществе, а позитивная динамика слабо выражена: обиды и боли не отступают, скудно культивируется почва к добру и примирению. Хуже того, ценностное противостояние способно возобновляться после периодов, казалось бы, его полнейшего урегулирования, когда позиции сторон прояснились настолько, что был найден консенсус и возврата к прежним спорам не должно быть. А они все равно возобновляются, и с каждым днем становятся еще более острыми.

К примеру, так это было в перестройку, когда дебаты о советской истории, политических персонажах недавнего прошлого, несмотря на отшумевшие дискуссии в годы так называемой «хрущевской оттепели», вспыхнули с новой силой. Вспыхнули, потому что основные проблемы общественного развития решены не были. Не решены и сегодня. Свидетельство тому – вспышка недовольства итогами состоявшихся 4 декабря 2011 г. выборов в Государственную думу РФ. Социальное неудовлетворение вылилось в уличные митинги, а также в информационную кампанию, широко развернувшуюся в медийной среде, прежде всего, в сетевом пространстве. Некогда начатый, но так и не завершенный процесс демократизации общественной жизни, – одна из нерешенных политических проблем. Демократия как ценность и разное ее истолкование стали предметом идейного раскола между властью и гражданско активной частью общества. Однако истинный смысл случившегося столкновения еще нуждается в объективном анализе.

Ценностный конфликт – его идеологическое оформление и сущность – относится (воспользуемся идеей Р. Барта) к классу слоистых объектов, две половинки которых нельзя отлепить друг от друга, не разрушив целого: таковы оконное стекло и пейзаж, но также – а почему бы и нет? – Добро и Зло, желание и его объект, дуальности, которые можно постигать, но не ощущать [1, 18-19]. Остроту ценностного раскола определяют, в свою очередь, формы его протекания. Следовательно, возникает новая «слоистость объекта». Стратифицируем его, перечисляя слои (страты) по мере возрастания напряжения в противодействии сторон ценностного раскола.

1) Философско-критический анализ литературных источников, в том числе кинофильмов, спектаклей, произведений монументальной скульптуры и пр. К этому слою ценностного противостояния следует отнести дискуссии по вопросам интерпретации таких явлений художественной жизни общества, которые не могут не восприниматься вне политического контекста и не могут не вызывать диаметрально противоположных оценок. Спор о литературном произведении – лишь открытая часть потаенной, и более обширной по содержанию, общественной полемики. Политический аспект которой ретушируется, заменяется иносказанием. Это было характерно для российской демократической печати XIX века, первых лет перестройки в позднюю советскую эпоху. На этом уровне дискуссии, как правило, корректны, и только взгляду опытного наблюдателя могут быть заметны скрытые сейсмические колебания общественного мнения.

2) Полемика, затрагивающая личностные начала участников конфликта, допускающая призывы к тем или иным мерам по устранению оппонентов из публичной сферы. Это по-своему

подтверждает мнение философа об опасности свободы, не корректируемой ответственностью, чему подчас способствуют СМИ, «содействуя вульгаризации и заземлению культуры – подрыву традиционных ценностей» [6, 129-130].

3) Брань как борьба или, говоря иначе, высшая стадия обострения идеологической борьбы, в которой не только и не столько сталкиваются ценности, сколько морально принижаются («разоблачаются») их носители. Последнее означает крайнюю степень раздражения (ожесточения) участников конфликта.

Характерный тому пример – ценностный раскол по вопросам истории, скажем, между российскими и украинскими элитами, интеллектуальными в том числе. И воспринимается такой раскол не иначе как конфликт культур, который определяется в качестве насилия, преодолевающего страх собственной смерти перед – мнимой или настоящей – угрозой полной утраты смысла существования: человек культуры теряет смысл жизни вместе с возможной гибелью собственного жизненного мира. Суицидальный терроризм в событиях 11 сентября в Америке, и не только, – наглядное подтверждение возможности и реальности пренебрежения одновременно собственной жизнью и жизненным миром своей культуры ради потустороннего, трансцендентного, утверждения ее ценностей [4, 78].

В последнем замечании процитированного автора нельзя не отметить один очень важный аспект: ценности, превращаясь в свое полярно противоположное значение (красота становится безобразием, добро – злом), не только несут в себе опасность «вечного» поддержания раскола в обществе между этносами и культурами, но и провоцируют на применение в ценностном отношении негативных методов их утверждения в сознании людей с помощью средств массовой информации.

Если объективно взглянуть на нынешнее состояние российской общественной мысли, на облик прессы и работу телевидения, то приходится признать правоту философа, констатировавшего, что «поношение и расправа с прошлым стали общим местом в статьях и книгах, посвященных самым разным темам и проблемам» [17, 9].

Поношение – не проявление политического свободомыслия и не часть культурно организованной дискуссии, а негативный метод информационной агрессии, сопровождающей или упреждающей в отдельных случаях агрессию вооруженную.

Анализируя разразившийся в 2005-06 гг. так называемый «карикатурный скандал», академик М.Б. Пиотровский заметил, что опубликованные в Дании карикатуры содержат весь набор стандартных поношений Мухаммеда, издавна существующих в христианской цивилизации, весь арсенал оскорблений, проверенных временем и практикой [12, 3]. Это практика столетиями длившейся вооруженной агрессии христианского Запада против мусульманского Востока. Если же известные историкам и содержащиеся в «датских карикатурах» поношения связать с гражданской войной в Ливии (2011 г.), войной, поддержанной со стороны НАТО, то окажется очевидным и упреждающий характер этих поношений.

Поношение сегодня и применительно к нашей стране, – с одной стороны, признак глубокого идейного раскола, охватившего Россию и постсоветское пространство. С другой, перестановка знаков прошлого через расправу с ним выступает как метод организации нового политического пространства. Нового, то есть не связанного со старым. Ни генетически, ни идейно. Потому-то один из деятелей современной Украины назвал 9 мая «днем оккупанта», а киевский «5-й канал» стремился убедить своих зрителей в том, что для украинцев война Отечественной ни в коем случае не была. И ведущий телепрограммы на этом канале все никак не мог понять, почему на Украине продолжают показывать советские фильмы о войне, если они противоречат правдивым украинским учебникам истории [5, 10]. Надо пояснить, что в цитируемой публикации говорится о новейших изданных на Украине школьных учебниках.

Нелишне отметить, что и в ходовых европейских учебниках истории Россия представлена лишь тремя сюжетами: участие Сталина в «большой тройке», ГУЛАГ и лучезарный Горбачев. С помощью политических провокаций нам с успехом навязывают перевернутую систему ценностей [8, 10]. Навязывают постоянство ценностного раскола в стране и – шире – в славянском мире. Принуждают к покаянию. Кого, зачем, перед кем? Частично на вопрос в публицистической статье отвечает философ: эти и родственные им акции работают прежде всего на те силы, которые стремятся пересмотреть итоги Второй мировой войны, обесценить соглашения в Тегеране и Ялте, тем самым лишить Россию идейной легитимации в современном мире со всеми вытекающими отсюда политическими, финансовыми и территориальными последствиями [10, 4].

Расколотая нация – слабая страна. Справедливость этого тезиса в доказательствах не нуждается. Скажем еще более жестко: такая страна оказывается в крайне опасном состоянии. Неспроста в нашем обществе раскол, в том числе и по идейным основаниям, стал восприниматься как болезненное, ненормальное состояние. И если политическая элита далеко не всегда демонстрировала свою волю к преодолению

раскола, то само общество, оказавшись на грани распада, гражданской войны, выработало некую сверхценность в виде общественного единства, полагает Л. Бызов. Явочным порядком сформировалась квазиидеология большинства – синтез умеренно левых и умеренно правых идеологем вокруг базовой ценности сильного государства, власти [2, 3]. Тем не менее, даже наиболее активные выразители этой квазиидеологии все равно сомневаются в успехе. Пора признать, констатирует публицист-философ: мы живем в идейно расколотой стране [9, 4].

Искать выход из идейного тупика столь же необходимо, как беречь материальные ресурсы для преодоления страной разразившегося в мире финансово-промышленного кризиса. Может быть, и всего необходимей. Только ни заклинаниями, ни договоренностями публично не касаться самых жгучих идеологических разногласий, делу не помочь. Разномыслие в медиареальности, в журналистике не устранить – это объективное свойство свободных медиа. Поэтому надо изучать процессы разделения и соединения людей по идеалам и интересам, искать язык для диалога. Общество расколото, и ни дубинкой, ни деньгами его не собрать, утверждает С. Кара-Мурза. И выражает надежду на обращение к разуму, совести, памяти и способности людей предвидеть будущее [11, 3].

Не оставляет надежду на взаимопонимание и А. Казин, когда из правоконсервативного лагеря обращается к своим идейным противникам из лагеря либералов: «Давайте начистоту, господа. Либо вы отказываетесь от советского периода отечественной истории как исчадия ада, и тогда вам надо выкинуть из семейных сундуков дедовские и отцовские военные ордена, перестать праздновать вместе с народом День Победы 9 мая, и начать отмечать (вместе с недобитыми эстонскими и латышскими эсэсовцами) дату образования власовской армии, раздувая тем самым бесконечную гражданскую войну, либо... благодарить в этот день Бога за то, что он даровал миру в 1945 году русско-советскую победу над коричневой чумой...» [10, 4].

Решать проблемы преодоления раскола доступно только всему обществу в целом, его интеллектуальным силам, прежде всего. Достижимо, если при этом понимать, что согласие не может быть всеобъемлющим, что даже наметившееся взаимопонимание в обществе хотя бы по самым спорным проблемам – это уже согласие. Вот почему столь важно подчеркнуть роль и значение журналистики в вопросах идеологического обеспечения согласия в стране. Роль далеко не однозначную и противоречивую. Что ж, тем более необходимо изучать медийную реальность, только знание всех уровней и пластов раскола в его идеологическом оформлении способно принести ощутимую пользу всем, кто обладает позитивной политической волей.

Изучение проблематики идейного раскола, отражаемого и формируемого в СМИ, нуждается в строгой конкретизации. Это далеко не рядовая научная задача, а осложненная рядом трудно разрешимых вопросов методологии исследований. Скажем, что представляют собой согласие и раскол с аксиологической точки зрения – ценность и антиценность, ценность и ее отрицание или же две полярные ценности, каждая из которых, как ни парадоксально, должна быть достойна уважения. В зависимости от того или иного ответа понимается глубина раскола, мера его допустимости, вреда и пользы.

Скажем, К.С. Гаджиев в сущности конфликта склонен находить ценность и антиценность, так как в самой человеческой природе, полагает он, видимо, коренится потребность иметь врага – злобного и беспощадного и в силу этого подлежащего уничтожению. Оппозиционность, неуживчивость, конфликтность, враждебность – такие же естественные формы проявления отношений между людьми, как и взаимная симпатия, солидарность, коллективизм и т.д. Инстинкт самосохранения и инстинкт борьбы составляют две стороны одной медали. Поэтому со значительной долей уверенности можно сказать, что одним из основополагающих побудительных мотивов человеческой агрессии является образ действительного или воображаемого врага, именем которого люди оправдывают свои действия [6, 240-241].

Это и есть иными словами выраженный вопрос о средствах достижения идейного согласия.

Вопрос, заведомо осложняемый тем, что при этом и само средство должно восприниматься обществом в качестве ценности. Вроде бы понятное условие, но и оно способно завести в тупик определенные политические силы, подвести их к использованию ложных приемов. В российской политике попытки представить антиценность ценностью повторяются время от времени: так, проведенная правительством в начале 90-х годов прошлого столетия ваучерная приватизация подавалась как забота (ценность!) о праве на собственность (тоже ценность!) каждого гражданина России, тогда как на самом деле, по поздним признаниям А. Чубайса, имела только один смысл – сформировать класс буржуазии в качестве гаранта невозвращения к советскому прошлому.

Далее, в процессе анализа не может не возникнуть парадокс, связанный, как ни странно, с актуальностью изучаемой проблематики. Изучать раскол предстоит тем, кто в него вовлечен, кому практически невозможно воспользоваться советом М. Вебера оставить свою политическую

позицию, словно галоши, за дверью научной лаборатории. Как ни старайся, нейтральности не будет. Следовательно, в процессе изучения придется искать самую главную ценность, на основе которой только и можно выработать методологически непротиворечивую концепцию исследования.

И еще одна проблема, без осознания которой достойные замыслу результаты не получить. Попытка найти для социально стратифицированного общества единую для всех ценность, пусть в своем звучании и самую высокую, – не более чем утопия. Исследователь все равно остановится перед дилеммой, некогда обозначенной А.М. Горьким: «С кем вы, мастера культуры?» В той или иной форме вопрос ставится и сегодня. Потому что приходится признавать, что какая-то часть произведений журналистики не способствует и никогда не будет служить общественному согласию. Для общественного согласия потребуется не только более высокий уровень экономических и политических отношений, но и понимание, что принцип – «тебе половина, и мне половина» – в идеологии бесполезен. Выбор, может быть, последний, но обязательно потребуется.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Ролан Барт / [пер. с фр.]. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2011 – 272 с.
2. Бызов Л. В ожидании «иного» / Леонтий Бызов // Литературная газета. – 2011. – № 22.
3. Бызов Л. Новорусская нация / Леонтий Бызов // Литературная газета. – 2011. – № 43.
4. Быстрицкий Е.К. Конфликт культур и методология толерантности / Е.К. Быстрицкий // Вопросы философии. – 2011. – № 9.
5. Вихарев И. «Программист» Шустер и его почитатели / Илья Вихарев // Литературная газета. – 2009. – № 21.
6. Гаджиев К.С. Введение в политическую философию : учеб. пособие / К.С. Гаджиев. – М. : Логос, 2004. – 336 с.
7. Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций / М. Грох // Вопросы философии. – 2011. – № 1.
8. Замостьянов А. Пространство победы / Арсений Замостьянов // Литературная газета. – 2011. – № 11-12.
9. Казин А. «Десталинизация» как зеркало нашего времени / Александр Казин // СПб. ведомости. – 2011. – 3 июня.
10. Казин А. С кем вы, господа-либералы? : Наша Победа и ее противники / Александр Казин // СПб. ведомости. – 2009. – 30 окт.
11. Кара-Мурза С. Предвидеть будущее / Сергей Кара-Мурза // Литературная газета. – 2011. – № 29.
12. Пиотровский М. Рецепт простой : не оскорблять друг друга / Михаил Пиотровский // СПб. ведомости. – 2006. – 22 февр.
13. Плахов В.Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы: Монография / В.Д. Плахов. – СПб. : Изд-во «Каро», 2008. – 240 с.
14. Политология. Энциклопедический словарь / [общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянова]. – М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с.
15. Пухнавцев О. Владимир Меньшов : «Нужно понять, чего хочет народ» / Олег Пухнавцев // Литературная газета. – 2011. – № 52.
16. Соловьев А.И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учеб. пособие / А. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 559 с.
17. Толстых В. Неразумное устройство / Валентин Толстых // Литературная газета. – 2009. – № 44.

Сидоров В.А.
Санкт-Петербургский государственный университет. Профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций.
e-mail: vsidorov47@gmail.com

Sidorov V.A.
St.Petersburg State University.
Professor of the chair of journalism theory and mass communications.
e-mail: vsidorov47@gmail.com

УДК 070

ПРЕДМЕТНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧЕРТА ЖУРНАЛИСТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

© 2012 Ж.А. Смаль

Академия медиаиндустрии

Поступила в редакцию 30 августа 2012 года

Аннотация: *Статья акцентирует внимание на том, что сегодня, в общем случае, нужны не просто универсальные журналисты, а профессионалы, обладающие предметной компетенцией. Данное положение особенно актуально для правовой сферы СМИ.*

Ключевые слова: *универсальный журналист, профессионал, правовая сфера СМИ.*

Annotation: *This article pays attention to the fact that not general journalists but the professionals with a specialization are actually needed today – especially for area of legal affairs media.*

Key words: *a general journalist, a professional, the area of legal affairs media.*

Претерпев различные изменения за годы советской власти, перестроечный период, журнализм снова становится разнообразным, разножанровым, разностильным, разноменталитетным. Основным «признаком, позволяющим отличить журналистику от других профессий, является ее универсальность, широта, многофункциональность, всеядность, способность выполнять любые функции, диктуемые моментом, и обязательная ситуативная информационность, образ движущийся, динамичный, сиюминутной, не ускользающей, не остановленной реальности» [6, 37].

Различные функциональные основания журналистской деятельности предполагают наличие разнообразных журналистских специализаций, которые сегодня имеют тенденцию к усложнению.

Тем не менее журналистика изначально предполагает универсализм [3, 244]. Связано это с тем, что в повседневной практике журналистам приходится отображать жизнь во всей ее многогранности и многообразии, используя все находящиеся в их распоряжении средства и формы. При этом мера универсальности, по мнению отдельных ученых, зависит, прежде всего, от уровня периодического издания, в котором журналист работает, от величины редакционного коллектива и от широты интересов самого человека [4, 38]. Не отрицая данной точки зрения, добавим, что универсальность всегда связана со специализацией, выступающей ее оборотной стороной.

Это положение наглядно иллюстрируется процессами конвергенции в различных видах профессиональной журналистской деятельности. Так, например, рассматривая слой конвергенции профессионализма, где происходит взаимопроникновение компетенций («пишущие» журналисты приобретают компетенции «снимающих» и так далее по всему профессиональному полю) профессор А. Калмыков пишет: «Для работы с современными гаджетами уже не требуется специальная подготовка. Следовательно, предпосылки для универсализации действительно складываются... Рутинные технические навыки отходят на второй план, освобождая место творчеству. Вот почему об универсальном журналисте можно говорить только с определенными ограничениями. Далеко не все обладают равными способностями к видению, писанию, интервьюированию и т.п. Универсализация как тенденция будет парадоксальным образом стимулировать специализацию» [1, 35]. Тем не менее каждое из новых технических средств имеет свои особенности, задающие требуемые форматы транслируемого контента. «Таким образом, – добавляет А. Калмыков, – и в этом случае универсализация порождает необходимость специализации» [1, 36].

Нужно сказать, что специализация журналиста не обладает той жесткой предметной технической замкнутостью, которая присуща, скажем, инженерной, агрономической или врачебной деятельности. Специализация журналиста своеобразна: глубокое освоение предмета сочетается с интересом к социальным, нравственным, психологическим проблемам, в которые этот предмет так или иначе включен. Журналистская специализация позволяет свободно ориентироваться в определенном круге явлений и одновременно

© Ж.А. Смаль, 2012

преодолевает «флюсоподобную» ограниченность профессионального знания или профессионального умения. «Универсализм и специализация органически сливаются в журналистике. Это позволяет не только оперативно откликаться на злобу дня, воздействовать на массовую аудиторию, но и преодолевать «стертость» мыслей, возникающую от частого решения однотипных задач, избегать «амортизации» чувств добиваться свежести и остроты взгляда на мир» [2, 16]. Отсюда следующий вывод: предметная и познавательная компетентность журналиста – неотъемлемая черта его профессионального облика.

В условиях все усложняющихся задач, стоящих перед журналистами, совместить универсальность со специализацией становиться все труднее. Сегодня, в общем случае, судя по результатам социологических опросов, нужны не просто пишущие журналисты, а профессионалы, хорошо разбирающиеся в определенной теме или проблеме. Данное положение касается не только специализированных изданий, которые остро нуждаются в журналистах, хорошо разбирающихся в экономических, правовых, психологических и других проблемах, но и массовых как традиционных, так и новых медиа.

Не лишним будет отметить, что большинство журналистов, освещающих, правовые вопросы, часто оказываются «не в теме» – слишком быстро меняется жизнь, реалии нередко воспринимаются ими в соответствии с традицией, с некими устаревшими шаблонами. Отсюда в прессе и неполнота анализа, упрощения и искажения.

Значит, проблема предметной компетенции, постоянное обновление и коррекция как базового, так и оперативного знания о действительности была и остается актуальной для журналистики в целом.

Позволим в этой связи осветить несколько базовых теоретических положений конкретной сферы журналистской деятельности, а именно правовой.

Используемые в нормативно-правовых актах, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, понятия должны иметь четкое юридическое содержание. Поэтому важным для понимания правовой сферы журналистской деятельности становится понятие «информация» с юридической точки зрения.

В главном, по крайней мере, с юридической точки зрения документе для журналистов Федеральном законе РФ «О средствах массовой информации » невероятно скудно и схематично сказано о том, что есть информация. В ст. 1 закона это понятие упоминается как массовая информация, ст. 2 дает определение того, что есть массовая информация, а также средства массовой информации: «массовая информация понимается как предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы, а к средствам массовой информации Закон относит периодические печатные издания, радио-, теле-, видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы периодического распространения массовой информации».

Ст. 4 вновь употребляет понятие информация именно в сочетании «массовая информация». Лишь в статьях 39 и 40 речь идет о собственно информации: ст. 39 – «Запрос информации». Ст. 40 – «Отказ и отсрочка в предоставлении информации». Статья 41 дает еще одну категорию – «конфиденциальность информации».

Принцип любой отрасли права разграничить понятия и определить, в чем различия и специфика каждой из упомянутых категорий. Важно это еще и потому, что право СМИ не является само по себе отраслью. Отрасль появляется и формируется, когда появляется новый предмет регулирования. В данном случае этот предмет – информация и все, что с ней связано – получение, использование, обмен и т.п.

Понятие «информация» изначально было связано с социальной сферой, с коммуникативной деятельностью людей. В русском языке, по мнению отечественного исследователя А.Д. Урсула, это понятие появляется в петровскую эпоху и употребляется в значении «идея, наука».

В современном обыденном понимании «информация» – это сведения, которые:

а) одним субъектом (субъектом информации) передаются другому субъекту (объекту информации);

б) точно, правильно, истинно отражают тот или иной фрагмент действительности;

в) значимы, то есть важны, актуальны, представляют интерес для объекта информации с точки зрения принятия им того или иного решения.

Именно значимость сведений отличает информацию от просто знания. Важен и второй из названных здесь признаков, поэтому безосновательно к слову «информация» добавлять прилагательные «истинная» или «достоверная»: ложной информации просто не бывает. Если сведения ложные, то это уже не информация. Но не всякие сведения, не содержащие истины, можно назвать дезинформацией. Дезинформация – это ложные сведения, специально созданные, «сфабрикованные» и сообщенные объекту дезинформации с тем, чтобы он принял решение, соответствующее интересам дезинформатора.

С точки зрения права, информация является объектом использования, но не может считаться вещью, то есть не может регулироваться нормами

вещного права. В этом специфичность «информации» как правовой категории.

Медиаиндустрия, тем не менее, имея в основе своей деятельности экономическую составляющую, обращает внимание именно на то, что «информация» – это объект купли-продажи. В процессе же гражданско-правовых отношений с объектом использования – «информацией», так или иначе, возникает собственник информации. Формируются общественные отношения, возникающие при взаимодействии с информацией, – сложнейшем и уникальнейшем с точки зрения права объекте, породившие новую, только лишь формирующуюся отрасль права – «информационное право». Анализ показывает, что существующие дефиниции «информационного права» можно условно разделить на две группы. Первая группа формируется, скорее всего, исходя из объектов, в связи с которыми возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию в информационной сфере. Это программы для ЭВМ; компьютеры; информатика – наука, изучающая информацию; одновременно «информация» и «компьютеры» как причинно связанные понятия; телекоммуникация как средство передачи, получения информации и удаленной связи. Отсюда, например, в основе программного права лежат отношения, возникающие при создании, производстве, распространении и употреблении программных продуктов для компьютеров.

Вторая группа включает понятия, обозначающие информационные права и свободы, которые должны гарантироваться информационным правом – «право знать», «право на доступ к информации» и др.

Практика журналистской профессии большей своей частью связана со сбором и получением информации. Здесь важен профессионализм журналиста, но важны и юридические гарантии, которые бы обеспечили право журналистов на доступ к информации именно на том этапе, пока она не стала массовой. Общие нормы, гарантии в обобщенных формулировках даны в Конституции РФ «право на доступ к информации». Ключевой момент в этих гражданско-правовых отношениях – кто решает значимость той или иной информации, или иначе, определяет общественную значимость информации, после чего она и переходит в категорию «массовой информации».

Как мы уже отмечали, юридическая наука больше склоняется к трактовке информации как объекте права, по аналогии с авторским правом –«произведение» – объект права. В этом нет никакой новизны с точки зрения логики права, так как над объектом совершаются действия, а именно: информация обрабатывается, вводится в гражданский оборот, может являться предметом купли-продажи, например, в виде печатных и теле– СМИ и т.п. Ряд же исследователей [5] полагают, что информация не может рассматриваться как объект права собственности.

Юридическая щепетильность привела исследователей к выводу о том, что можно рассматривать право собственности не на информацию, но на информационный продукт. Тогда далее по логике, субъектами права признаются граждане, органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения и т.п. Они становятся субъектами, но в отношении информационных ресурсов, но опять не «информации» как таковой. То есть с точки зрения права не возникает новой правовой дефиниции в отношении категории «информация», она не рассматривается юристами в отрыве от возможных гражданско-правовых отношений, социальных коммуникаций.

В зависимости же от природы этих отношений информация становится или ресурсом, или массовой, или конфиденциальной и т.п. информацией.

Журналистам, которые специализируются на освещении проблематики правовой сферы, важно конкретизировать именно юридическое значение терминов, дабы избежать различий в понятийности толкования, и, как следствие, в решении споров о праве на информацию, доступ к ней и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вестник электронных и печатных СМИ. – № 16. – М. : ИПК РТиР, 2011. – С. 29-43.

2. Горохов В.М. Основы журналистского мастерства / В.М. Горохов. – М., 1989.

3. Гуревич С.М. Основы научной организации журналистского труда / С.М. Гуревич. – М., 1987.

4. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения / М.Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлов В.А., 2001.

5. Мозолин В.П. Информация и право / В.П. Мозолин. – М., 2004.

6. Свитич Л.Г. Профессия : журналист : учеб. пособие / Л.Г. Свитич. – М. : Аспект пресс, 2003.

Смаль Ж.А.
Аспирант академии медиаиндустрии
e-mail: zhannasmal@mail.ru

Smal Zh.A.
Academy of the Mediaindustry, aspirant,
e-mail: zhannasmal@mail.ru

УДК 070:654.19(73)

КОНВЕРГЕНЦИЯ МЕДИАПЛАТФОРМ В АМЕРИКАНСКОМ ИНОВЕЩАНИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

© 2012 М.С. Темиров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2012 года

Аннотация: *данная работа исследует структурные и организационные трансформации в зарубежном вещании США, его генезис и эволюцию, а также современные процессы. В качестве иллюстрации автор использует обширный социологический материал, полученный с помощью опросов и других эмпирических и аналитических методик.*

Ключевые слова: *средства массовой информации, зарубежные радиостанции, иновещание, радио «Свобода/Свободная Европа», «Голос Америки», социологическое исследование аудитории, конвергенция, суррогатные медиа.*

Abstract: *This research work investigates structural and organizational transformations in U.S. foreign broadcasting, its genesis, evolution and contemporary processes. As illustration the author uses an extensive sociological data obtained through surveys and other empirical and analytical techniques.*

Key words: *media, foreign broadcasting, international broadcasting, RFE/RL, Voice of America, BBG, sociological audience research, convergence, surrogate media.*

Недавние события вокруг московского бюро русской службы радиостанции «Свобода», сопровождаемые скандалами, массовые увольнения сотрудников и заявления по этому поводу представителей правозащитной общественности о «подрывных планах» руководства радиостанции в отношении старейшей демократической институции России, привлекли внимание не только слушателей, но и специалистов в области СМИ, задавшихся вопросами о причинах такого решения, внутренних механизмах данного процесса и, в целом, о дальнейшей судьбе одной из самых старых вещательных корпораций мира. Консультант совета управляющих иновещанием Конгресса США (Broadcasting Board of Governors, BBG) в личной беседе даже назвал происходящее в русской службе «Свободы» publicity disaster (имиджевой катастрофой, публичным провалом): в соответствии с планом реорганизации, сокращена 41 из 95 штатных единиц (все – работники бюро радиостанции в Москве).

Сейчас ситуация в русской службе остаётся накалённой: уволенные из московского бюро журналисты создали движение «радио «Свобода» в изгнании» с целью публикации разоблачающих менеджмент материалов [1]. Судя по тому, что в их распоряжении оказалась инсайдерская информация из Праги, в главном офисе компании имеются активно сочувствующие движению сотрудники (вероятно, это связано с предстоящим вторым этапом сокращений, теперь уже в Праге): так, в социальной сети Facebook была распространена аудиозапись выступления президента «Свободы» Стивена Корна на закрытой встрече с редакторским корпусом радиостанции, которая состоялась после нашумевшей беседы Корна с уволенными журналистами и представителями российской правозащитной общественности. Президент RFE/RL выразил решимость довести начатые преобразования до конца и потребовал тех, кто их не поддерживает, «покинуть поезд».

Нужно отметить, что сокращение русской службы происходило и прежде, но только постепенно: так, несколько лет назад были закрыты бюро в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Однако столь болезненного процесса «Свобода», пожалуй, не переживала никогда. Некоторые «старожилы» радиостанции сравнивают современные события с решением о переносе штаб-квартиры из Мюнхена в Прагу в 1994 году; но и тот период не был настолько революционным.

Несколько слов о структуре американского внешнего вещания. Совет управляющих иновещанием (Broadcasting Board of Governors, BBG) формируется делегированием представителей обеих партий, промульгируется президентом США и назначается сенатом. В настоящее вре-

© М.С. Темиров, 2012

мя состоит из 7 членов, включая госсекретаря Клинтон (по традиции, каждый госсекретарь входит в совет), две позиции на данный момент вакантны.

В ведении BBG находятся все корпорации, осуществляющие информационную поддержку американской внешней политики: арабоязычные радиостанция Sawa и телеканал «Аль-Хурра», «Голос Америки», испаноязычное телевидение «Хосе Марти», радио «Свободная Азия» и «Свобода/Свободная Европа», производящие программы на более чем 30 языках мира. В этом, кстати, отличие американской иновещательной политики от других стран, имеющих иноязычные медиа (в Британии это всемирная служба BBC, во Франции – RFI, в Германии - Deutsche Welle и т.д.): везде это единая структура с различными редакционно-языковыми секциями, и только в США внешнее вещание представлено несколькими организациями, структурированными по региональному признаку.

Стратегия конвергенции медиаплатформ в отдельно взятой корпорации реализовывалась на «Свободе» одним из её авторов – нынешним заместителем директора американского бюро по международному вещанию (International Broadcasting Bureau, IBB – аффилированной с BBG структурой) Джеффри Тримблом, тогда директором по вещательной политике и стратегическому планированию радиостанции. Его повышение до позиции одного из главных технологов внешней американской пропаганды объясняет и нынешние метаморфозы на «Свободе», отображающие лишь общие трансформационные тенденции перевода всего иновещания США на единую мультимедийную платформу: разрозненные доселе субъекты и компоненты соединяются в конгломерат с единой структурой и централизованным руководством. Нужно, однако, заметить, что в BBG по сей день нет единства мнений относительно проводимой реформы, чем, в основном, и объясняются сопровождающие её скандалы: это подтверждается критическим выступлением 15 ноября с.г. на заседании BBG члена комитета по стратегическому планированию и бюджету, комитета по аудиту радиостаций Radio Free Asia и Radio Free Europe/Radio Liberty Совета управляющих Виктора Эша [2].

Чтобы разобраться в эволюции зарубежного вещания на страны бывшего СССР, необходимо обратиться к истории.

Западное радиовещание на СССР, являясь активным участником «холодной войны», в известной степени повлияло на итоги этого драматического «соперничества двух систем». Официально декларируемой целью радиовещания на СССР в ту эпоху было противостоять информационной монополии советских властей путем предоставления советской аудитории альтернативной информации. Правовой основой данной деятельности было положение статьи №19 «Всеобщей декларации прав человека», провозглашавшее «право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Западные радиостанции пользовались значительной популярностью среди советских слушателей, имея постоянную аудиторию в размере примерно 25 % взрослого населения СССР [3, 90]. Во время ранней фазы горбачевской перестройки еженедельная аудитория западных радиостанций снизилась с 25 % до 19 %, что, судя по всему, было следствием большей открытости советских СМИ и использования ими более живых форм подачи информации. С ноября 1988 года, когда руководство СССР прекратило глушение «Свободы», эта радиостанция стала самым популярным зарубежным СМИ в СССР, опередив «Голос Америки», который ранее держал пальму первенства в численности аудитории. Важной причиной большей популярности «Свободы» был формат ее передач, отдававших предпочтение освещению внутренних проблем СССР, что было более востребовано аудиторией, в то время как программы «Голоса Америки» как «протокольной» радиостанции должны были информировать и разъяснять слушателям официальную политику США.

Причины, по которым слушатели обращались к программам данных вещателей, были весьма многочисленными. Около 80 % слушателей предпочитали данные источники информации в силу своей заинтересованности в получении альтернативных новостей, неподконтрольных советской цензуре. Примерно 70 % обращались к западным радиостанциям в поисках информации, отсутствующей в советских СМИ. Важной мотивацией обращения к зарубежным радиопрограммам было стремление слушателей проверить правильность информации, предоставляемой советскими СМИ. Молодёжная часть советской аудитории была заинтересована в современной музыке и культурных программах. Специализация западных радиостанций была различной; спецификой «Свободы», например, было большое количество программ, посвященных проблемам прав человека, литературе и культуре.

Не имея возможности проводить исследования в СССР для определения размера аудитории

зарубежных радиостанций в годы «холодной войны», иностранные социологи разработали оригинальную альтернативную методологию определения численности аудитории, получившую название «проект по опросу путешествующих» и ориентированную на опрос тех граждан СССР, которые выезжали за границу. Всего в течение 1970-1990-х годов было проведено более 50 тысяч интервью с гражданами СССР. Собранный эмпирический материал позволил получить представление о размере аудитории западных радиостанций в СССР. Точность этой методики подтвердилась позднее, когда западные социологи получили возможность проводить опросы в России с начала 1990-х гг. [3, 79-80].

Анализ медиарынка с 1990-х годов проводится регулярно непосредственно в регионах вещания с использованием современных методик; вот, например, индексы доверия различным радиостанциям среди российской аудитории (данные за 2009 г.) [4]: *см. рис 1.*

Меньшая часть столбца – «полностью заслуживает доверия», большая - «частично заслуживает доверия».

А это график, иллюстрирующий рост количества пользователей интернета в Украине в период с 2004 по 2010 годы (в процентах к общему числу взрослых потребителей различных информационных продуктов; по результатам опроса примерно 2000 респондентов ежегодно в указанном временном интервале) [4]: *см. рис. 2.*

В нижеприведённой таблице отражена динамика изменения пользователей интернета в Украине в течение 2009-2010 годов: *см. табл. 1.*

Данные собраны путём опроса 2023 респондентов в 2009 г. и 2014 респондентов в 2010 г. Исследование проведено на основе репрезентативной выборки по возрастным, гендерным и профессиональным группам населения, отдельно в городах и сельской местности, на востоке, центральной части и западе страны; сбалансировано отражено мнение представителей разных образовательных слоёв в соответствии с их пропорцией в изучаемом сегменте медиарынка [4].

А вот, например, распределение пользователей интернета в Кыргызстане по регионам (север – Джалал-Абад, юг – Ош, центр – Бишкек): *см. рис. 3.*

Исследование проводилось среди пользователей Интернета старше 15 лет, владеющих киргизским языком (поскольку только данная категория является потребителем информации корпораций, вещающих на Кыргызстан: американской RFE/RL Kyrgyz Service, британской BBC «Кыргыз кызматы», турецкой TRT-Avaz, китайского Синьцзян-Уйгурского телецентра, передающего программы на кыргызском языке [4].

Приведённые ниже графики позволяют проанализировать динамику слушаемости в регионах вещания некоторых «суррогатных» медиа, среди которых выделяется радиостанция «Свобода/Свободная Европа» (под «суррогатными» понимаются медиаресурсы, обеспечивающие международное вещание в других странах извне или на их территории, с широким участием местного персонала, но при жестком центральном контроле. Исходя из наименования, их целью является «вытеснение» с рынка внутренних, «эндемических» игроков): *см. рис. 4.*

В первом графике анализируется динамика интереса кыргызской аудитории к зарубежным источникам информации (радио и ТВ «Азаттык уналгысы» – верхняя линия, вещание BBC на кыргызском языке – нижняя линия) в периоды до и во время т.н. «революции тюльпанов» 2005 г.

Данные получены на основе опроса 1417-1821 респондентов [4].

Следующий график показывает, что слушаемость радио «Свобода» на черкесском (кабардинском) языке резко возросла в период нападения боевиков на Нальчик в октябре 2005 г.: на графике это обозначено пиковой позицией верхней линии. *См. рис. 5.*

Рейтинги же других источников, предлагающих информацию на русском языке (русская редакция радио «Свобода», русская служба BBC, «Голос Америки» на русском – на графике они обозначены тремя нижними линиями) практически не изменились – в рамках социологической флуктуации.

Данные основаны на ежегодном опросе примерно 1000 респондентов в Карачаево-Черкесии с 2003 по 2006 годы [4].

Как видно из приведённых схем по Киргизии и Северному Кавказу, в периоды политической нестабильности наблюдается значительный рост интереса к «суррогатным» СМИ, и если другие международные медиа (Россия 24, РТР–Планета, Russia Today, BBC World Service, CNN, Al Jazeera) используются только как альтернативный источник информации, то вещание на языках местного населения служит, кроме того, существенным фактором этнической мобилизации. Такое изменение предпочтений в выборе источников информации подтверждает тезис, что во времена кризисов наблюдается рост национального самосознания, вызванный, видимо, потребностью в культурологическом «убежище» в атмосфере повышенной тревожности.

Исследования аудитории западных СМИ используют не только компаративистскую методику для анализа ситуации на медиарынке: они включают в себя чрезвычайно подробные квантитативные (количественные) и квалитативные

(качественные) обзоры, причём последнее исследование проводится двумя раундами – в середине и в конце анализируемого периода (календарного года) – при помощи панельного мониторинга программ «контрольными слушателями» (control listeners) и «участниками дискуссии» (panelists), и отдельно – фокус-групповым методом («Focus Groups with Target Listeners») [5].

В основу стратегии конвергенции легли как эти многолетние исследования целевой аудитории в регионах вещания, так и общие тенденции в современных информационных технологиях. Например, нынешнее руководство радиостанции «Свобода/Свободная Европа» требует от сотрудников усиленного продвижения производимого медиапродукта в социальных сетях, что, однако, встречает возражения коллектива, преимущественно состоящего из профессиональных журналистов: информация в социальных сетях совершенно иного формата и стандартов, не предполагает проверки фактов, их источников и достоверности, по коммуникативным приёмам скорее ближе к межличностному вербальному общению, чем предоставлению информации большим социальным группам. Однако сегодня социальные сети считаются у медиа-экспертов наиболее эффективным методом воздействия на целевую аудиторию в регионах, где подорвано доверие институциональным СМИ, что подтверждается, в частности, событиями т.н. «арабской весны». Но данные технологии ещё плохо проработаны и нуждаются в кропотливой «нюансовой настройке» в соответствии с конкретной социоментальной спецификой, что требует времени и соответствующих кадров, желательно – непосредственно из среды вещания, т.е. (по опыту «арабских революций») прежде всего, городской молодежи, городской интеллигенции и части предпринимательских слоев. Тем не менее, такая работа ведётся уже сейчас, и не исключено, что её последствия нам предстоит увидеть совсем скоро.

По сообщению от 14 ноября с.г., еженедельная аудитория основанных американским правительством СМИ в 2012 г. составила 175 миллионов человек по всему миру [6]. Эта оценочная цифра, однако, на 12 миллионов ниже, чем в предыдущем году – т.е. аудитория американского иновещания сократилась приблизительно на 7 %, что довольно существенно. Некоторые наблюдатели связывают такую коррекцию сменой социологического подрядчика BBG: теперь это компания Gallup, проводящая исследования по более строгим методикам. Ныне американское вещание охватывает территорию более чем 70 государств с совокупным населением 2,8 миллиарда человек [7]. В следующих таблицах приведены данные по странам с самой крупной аудиторией американских правительственных медиа: первая таблица приводит абсолютные цифры зрителей, слушателей и читателей, пользующихся информацией данных источников не менее одного раза в неделю, вторая – рейтинг этой аудитории в процентах ко всем потребителям медиапродукта в конкретной стране: *см. рис. 6.*

Из государств СНГ в этот список попали Украина с абсолютной аудиторией американских правительственных СМИ в 2012 году 7 223 742 чел. и Армения с совокупным рейтингом американских медиа 41,7 % [7].

Известный европейский социолог и философ Бернар Анри Леви называл сегодняшнюю индустрию новостей «Новой Библией». При этом за образец французский учёный брал CNN. С точки зрения текста, утверждал Леви, если игнорировать сакральную компоненту, Библия является лишь хронологией древних царств и мониторингом взаимоотношений в системах «объект власти – субъект власти», имея в виду власть небесную и земную, а объектом может быть как группа людей, объединённая этническими признаками (народ), так и отдельная персона. Аргумент сторонников такого подхода – «тот, кто пишет (или иным доступным образом документально фиксирует) сегодняшнюю историю, формирует историю завтрашнюю». В этой связи вспоминается одна современная африканская притча. Молодой африканец, выучившийся и живущий в Европе, привёз оттуда в подарок старой матери транзисторный приёмник: «Смотри, мама, – сказал он, – этот человек сидит очень далеко на севере и разговаривает, а мы сейчас его тут слышим». Мать, послушав недолго, отвернулась и продолжила заниматься своим нехитрым хозяйством. «Мама, – воскликнул молодой образованный европеец, – неужели тебя не поразило это чудо?». «Сынок, – ответила мать, – какая разница, каким способом воспроизводится чушь – из уст нашего колдуна или из этой коробочки...».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сайт движения «Радио Свобода в изгнании» находится по адресу: http://www.svobodanew.com/.

2. Видеотрансляция совещания BBG от 15.11.2012 опубликована здесь: http://www.bbg.gov/event/bbg-strategy-budget-committee-meeting-nov-15-2012/.

3. Parta, R.E. Discovering the Hidden Listener : An Assessment of Radio Liberty and Western Broadcasters to the USSR during the Cold War. Hoover Press, Stanford University, 2007.

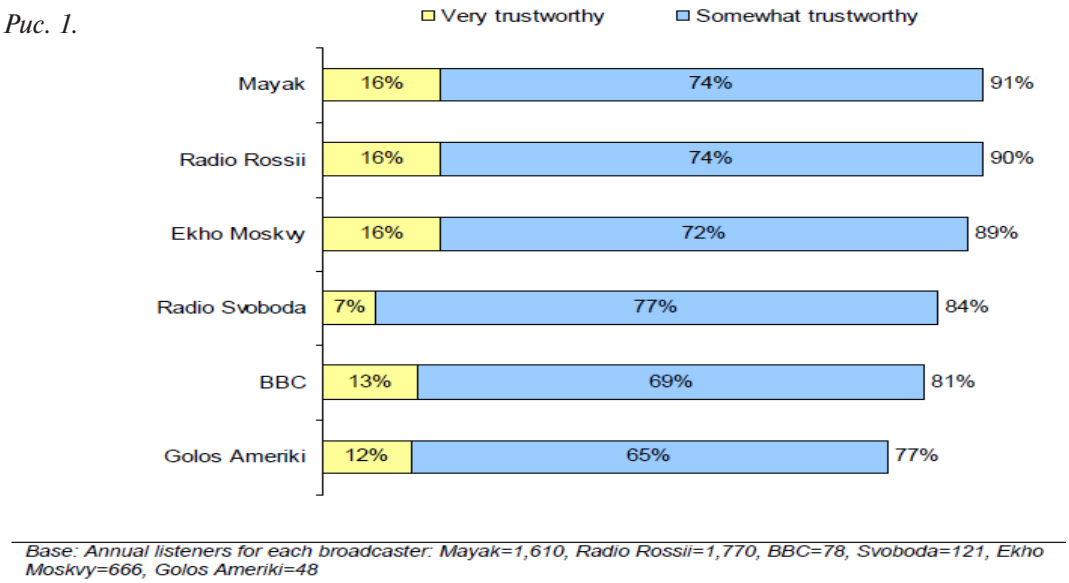
4. Материалы мониторингов и исследований (для служебного пользования), проводимых компаниями «Инсомар» в России, КМІС (Киевский международный институт социологии) в Украине, «Инфорекс Ltd ОсОО» в Кыргызстане по заказу группы InterMedia Survey Institute, доступны в архивах названных организаций.

5. Подробнее о методологии изучения аудитории американских СМИ за рубежом здесь : BBG Audience Research and Research Methodology. – http://www.bbg.gov/wp-content/media/2012/11/BBG-Audience-Research-and-Research-Methodology-Factsheet.pdf.

6. Данная информация опубликована здесь : http://www.bbg.gov/press-release/bbg-measures-audience-growth-in-key-markets/.

7. Доклад о приблизительной численности и структуре глобальной аудитории американского иновещания размещён по следующей ссылке : http://www.bbg.gov/wp-content/media/2012/11/BBG-2012-Audience-Overview-Factsheet.pdf.

Рис. 1.



Base: Annual listeners for each broadcaster: Mayak=1,610, Radio Rossii=1,770, BBC=78, Svoboda=121, Ekho Moskvy=666, Golos Ameriki=48

Рис. 2.

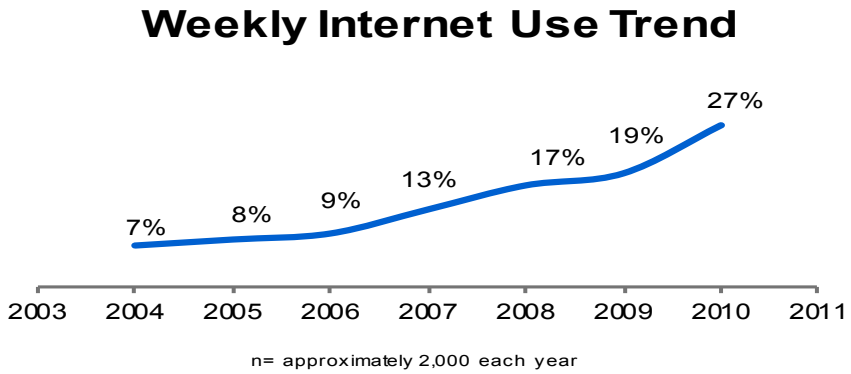


Табл. 1.

2009		2010
19%	кол-во взрослых пользователей интернета в течение последней недели среди опрошенных (%)	27%
19%	используют интернет как источник новостей (%)	26%
21%	имеют возможность пользоваться интернетом дома (%)	30%
7%	имеют доступ к широкополосному интернету (%)	13%
42%	Имеют доступ к сетям широкополосного интернета дома среди взрослых, пользовавшихся интернетом в течение последней недели (%)	73%
2009		2010

Рис. 3.

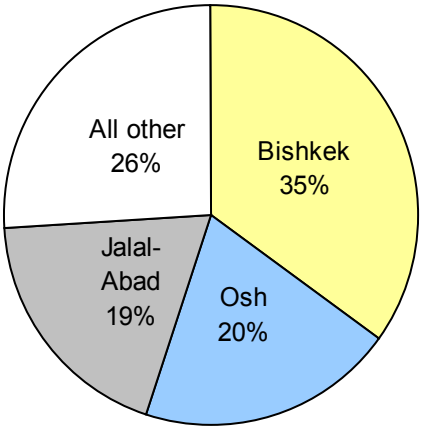


Рис. 4.

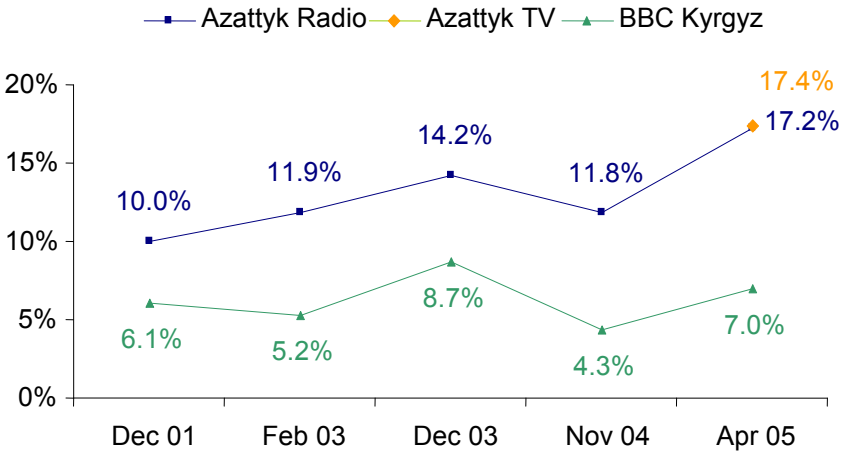
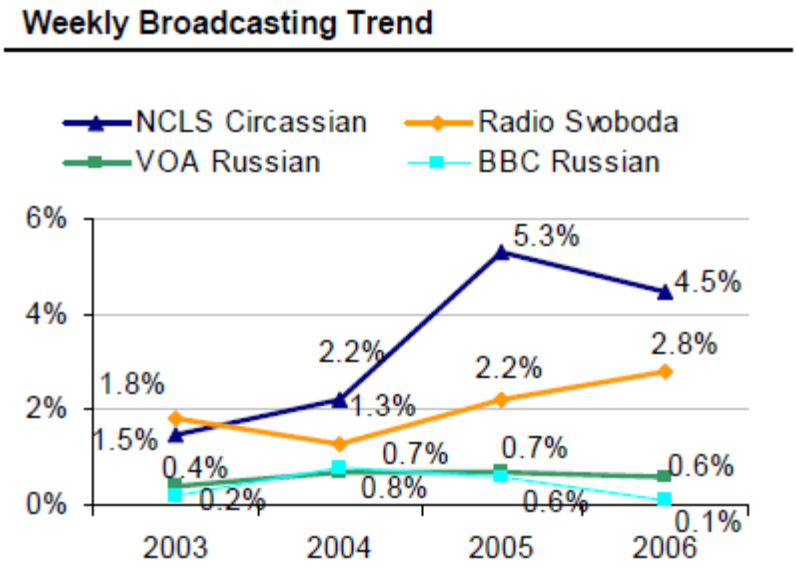


Рис. 5.



Source: InterMedia survey of Circassians (15+) in Karachaevo-Cherkessia, Base: n=997 in 2003, n=1,000 in 2004, n=1,004 in 2005, n=1,000 in 2006

Рис. 6. **Largest Audiences by Country for U.S. International Broadcasting**

Largest Audiences (Weekly unduplicated)							
2012		2011		2010		2009	
Indonesia	21,102,489	Indonesia	38,459,681	Indonesia	25,433,015	Nigeria	22,317,020
Nigeria	19,645,836	Nigeria	23,460,060	Nigeria	20,061,182	Indonesia	16,283,333
Iran	14,059, 365	Afghanistan	13,517,280	Iraq	14,039,225	Iran	14,513,543
Afghanistan	13,517,280	Iraq	12,440,055	Iran	10,373,316	Iraq	11,698,107
Iraq	12,440,055	Burma	10,271,060	Afghanistan	10,337,600	Pakistan	11,194,330
Burma	8,201,973	Egypt	9,321,174	Burma	8,540,000	Afghanistan	9,860,290
Ukraine	7,223,742	Ukraine	5,289,516	Pakistan	7,636,200	Egypt	8,114,370
Ethiopia	7,014,741	Tanzania	4,835,256	Egypt	6,951,384	Ukraine	6,638,340
Tanzania	4,835,256	Syria	4,279,076	Tanzania	4,835,256	Syria	5,745,233
Syria	4,279,076	Morocco	4,192,157	Morocco	4,281,563	Tanzania	5,548,032

Countries with the Highest Percentage of Audience Reach

Highest % Reach (Weekly unduplicated)							
2012		2011		2010		2009	
Somalia**	74.7	Afghanistan	74.5	Qatar*	86.3	Qatar*	86.3
Afghanistan	74.5	Iraq	66.9	Iraq	75.5	Iraq	72.7
Iraq	66.9	Somalia**	65.8	Rwanda	72.7	Rwanda	72.7
Kosovo	59.7	Haiti	62.6	Kosovo	67.5	Somalia**	66.8
Albania	48.9	Kosovo	59.7	Somalia**	65.8	Kosovo	64.8
UAE***	48.4	Albania	48.9	Afghanistan	65.0	Syria ****	61.1
Kuwait	45.3	UAE***	48.4	Haiti	50.1	Afghanistan	56.2
Armenia	41.7	Kuwait	45.3	Albania	45.8	Haiti	50.1
Niger	38.8	Morocco ^	42.2	Kuwait	45.3	Armenia	49.5
Oman	33.8	Armenia	41.7	UAE	45.0	Morocco	45.9

Темиров М.С.
Prague Independent Media Trainers Association – PIMTA.org
Исполнительный директор
E-mail: murat.temirov@pimta.org

Temirov M. S.
Prague Independent Media Trainers Association – PIMTA.org
Executive Director
E-mail: murat.temirov@pimta.org

УДК 141.319.8

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АРХЕТИП КАК ОСНОВА ИМИДЖА ТЕЛЕВЕДУЩЕГО: ЧУДЕСНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

© 2012 Е.А. Цуканов, И.В. Цуканова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 сентября 2012 года

Аннотация: *Культурные архетипы, которые с особой проницательностью и глубиной были изучены в первой половине XX века швейцарским психиатром Карлом Юнгом, сегодня превратились в универсальное средство воздействия на массовое сознание. Статья посвящена анализу имиджа популярных отечественных телеведущих в аспекте поиска его архетипических основ, а также изучению характера восприятия первообразов зрительской аудиторией.*

Ключевые слова: *имидж, архетип, мифологический образ, миф, массовое сознание, мифологическое сознание, масс-медиа, массовая культура.*

Annotation: *Cultural archetypes, studied and thoroughly analyzed by Swiss scientist Carl Jung in the first part of twentieth century, have turned into universal means of influence on mass consciousness nowadays. The article deals with the analysis of television presenters` images and focuses on the archetype foundations search as well as character of perception of preimages by the audience.*

Key words: *image, archetype, mythological image, myth, mass consciousness, mythological consciousness, mass media, mass culture.*

«Мифология ни в коем случае не является биографией богов, как часто кажется наблюдателю», – так говорил К.Г. Юнг [1, 38]. Эти слова классика психоанализа нам хотелось бы взять в качестве эпиграфа к данной статье, в рамках которой мы будем анализировать имидж современных «медиа-богов» – известных российских телеведущих. Следовательно, постановка исследовательского вопроса наиболее всего уместна именно в аспекте поиска причины их неувядающей популярности.

Чем в действительности обусловлена популярность таких телеведущих – Д. Нагиев, А. Беляев, Н. Дроздов, Л. Гузеевой и др. при всей сложной гамме чувств, которую они вызывают у зрителя? Только ли их профессионализмом, яркой внешностью, знаниями, средствами, вложенными в их раскрутку и поддержание или чем-то большим?

Основатель аналитической психологии К. Юнг считал, что существуют типы ситуаций и типы образов (архетипы), которые часто повторяются и имеют соответствующее значение. В качестве наиболее значимых, ученый выделил следующие мифологические архетипы: Мандала, Младенец, Мать («Предвечная Мать» и «Мать-Земля» – супраординатная, «демоничная» личность,) ее двойник – Дева, Возрождение, Дух. На некоторые из них как на основу имиджа современных телеведущих мы будем опираться в своём исследовании. Данное исследование задумано как цикл статей, каждая из которых посвящена анализу одного архетипического образа, положенного в основу имиджа тех или иных телеведущих.

Для начала нам необходимо определиться с основным категориальным аппаратом. Начнём с термина «архетип». В самом общем виде под архетипом принято понимать универсальные модели бессознательной психической активности, спонтанно определяющие человеческие мышление и поведение [2, 49]. Сами архетипы, по мнению К. Юнга, не имеют конкретного психического содержания, в отличие от архетипических представлений (символов) как результата совместной работы сознания и коллективного бессознательного [2, 49]. Следует отметить, что у самого К.Г. Юнга, по мере кристаллизации теории коллективного бессознательного наблюдается определённая терминологическая чехарда, но он различал эти два понятия, хотя в его работах встречается более десятка определений понятия «архетип». Вследствие чего в пространстве нашего исследования нам интересен не архетип как таковой (как безличная схема), а скорее архетипический мифологический образ.

© Е.А. Цуканов, И.В. Цуканова, 2012

Поскольку мы анализируем имидж известных российских телеведущих в аспекте его архетипического основания, а само телевидение является одновременно и элементом и проводником массовой культуры, мы считаем необходимым кратко обозначить необходимость использования термина «массовая культура». Это необходимо ещё и на основании её тесной связи с образами коллективного бессознательного и апелляции к ним.

Под массовой культурой принято понимать ту часть культуры, которая создается массами и для масс по заказу под давлением сил, господствующих в экономике, идеологии, политике и т.д. [3, 6]. Сегодня нет никаких сомнений в том, что массовая культура способствует формированию «массового человека» с хаотизированным сознанием. Этот человек руководим инстинктами и необъяснимыми чувственными порывами. Это особенно актуально в парадигме постмодернизма, «который видит в формах массовой культуры воплощение радикальных перемен в роли масс-медиа, стирающих грань между имиджем и реальностью» [3, 21].

А грань эта действительно тонка ещё и в силу того, что в настоящий момент в мировом масштабе происходит мощный процесс ремифологизации сознания и мышления, в ходе которого человек переходит от рационально-логической к иррационально мифологической форме понимания и объяснения мира. Поскольку современная культура занимается производством мифов, большие массы людей вовлечены не только в процесс мифопроизводства, но и мифопотребления. И, как отмечает К. Юнг, живое воздействие мифа ощущается тогда, когда высшее сознание, радующееся своей свободе и независимости, сталкивается с автономией мифологического образа и не только не может противостоять его обаянию, но и восторженно отдается неотразимому впечатлению. Образ срабатывает, потому что скрыто он присутствует в душе наблюдателя и появляется как ее отражение, хотя и не признается таковым».

Таким образом, архетипические мифологические образы поглощают массового зрителя. Но, как отмечал К. Юнг, «... если мы не можем устранить архетипы..., то на каждой новой ступени, достигнутой цивилизацией в дифференциации сознания, мы сталкиваемся с задачей поиска новой интерпретации, приемлемой для данной ступени, с тем чтобы связать все еще существующую в нас жизнь прошлого с жизнью настоящего, которая угрожает ускользнуть от этого» [1, 93].

Данная мысль классика психоанализа имеет непосредственное отношение к имиджу современных наиболее популярных телеведущих как новой интерпретации образа, приемлемой в современном социокультурном контексте. Краеугольная функция мифа и мифологических архетипических образов как базы для манипуляций сознанием зрителя подчёркивается многими современными исследователями. В частности, Д.Е. Братышев в своем исследовании прямо указывает на то, что «современный имидж служит задачам мифотворчества, а телеведущий – это полноценный мифотворец, каким был, скажем, шаман в некоторых древних языческих обществах» [4].

Однако здесь мы сталкиваемся с неким парадоксом: с одной стороны, налицо бессознательное тяготение, как потенциальной зрительской аудитории, так и лидеров индустрии развлечений к тому или иному мифологического образу, что в целом обусловлено омассовлением культуры и ремифологизацией сознания. С другой стороны в категориальном плане имидж – это образ-впечатление, который человек для себя специально выбирает, целенаправленно и длительно формирует в сознании реципиента и всячески поддерживает, используя для достижения определённых целей. В связи с чем, имидж представляет собой долговременный инициативный коммуникативный образ-роль, который эксплуатируется «звездой» телеэкрана для достижения и поддержания популярности. Таким образом, мы имеем дело с архетипическим имиджевым маркетингом, целью которого является продажа имиджа «звезды» вожделеющему этот образ массовому зрителю с массовым сознанием.

Отталкиваясь от положения о том, что в основе имиджа телеведущих лежит некий мифологический образ, мы начнём анализ. В качестве целостного образования имидж телеведущего является суммой таких элементов как внешний вид, манера поведения, стиль общения, а также совокупности бессознательных проявлений: жестов, мимики и т.п. Следовательно, эти элементы и станут основными критериями нашего анализа, которые мы после сравним с характеристикой того или иного мифологического архетипа К. Юнгом и его последователями. В ходе анализа мы также коснёмся таких сторон имиджа телеведущих как его эмоциональная окраска в аспекте позитивной или негативной доминанты образа, целенаправленности его формирования, степени рациональности восприятия, соответствия специфике передачи. Поскольку имидж это не только образ, создаваемый актёром в рамках отдельной телепередачи, но и шлейф различных интервью, демонстрационных выходок и т.д. вне эфира, по мере необходимости будем обращаться к ним как к дополнительному источнику.

Из множества мифологических архетипических образов, которые были бы интересны иссле-

дователю в качестве основы имиджа популярных российских телеведущих, мы остановимся на классических, выделенных К. Юнгом мифологических архетипах Матери-Дочери (Коры-Деметры) и Духа, наиболее узнаваемых в имидже популярных телеведущих. Данное исследование посвящено анализу архетипического образа Коры-Деметры (Матери-Дочери).

Просматривая многочисленные рейтинги телеведущих, мы обратили внимание на то, что практически все лидирующие позиции занимают уже немолодые ведущие: Лариса Вербицкая, Екатерина Андреева, Лариса Гузеева, Татьяна Веденеева, Лолита Милявская, Татьяна Толстая и Авдотья Смирнова, Мария Ситтель, Екатерина Стриженова и др. Размышляя о причине данной популярности, мы пришли к выводу, что это женщины без возраста. Соответственно, одной из гипотез нашего исследования является трансляция телеведущими мифологического образа и матери и дочери одновременно, т.е. амбивалентного в своей основе, что в конечном итоге и способствует их непреходящей популярности. Именно данный имиджевый фактор обусловливает возникновение целой гаммы чувств и ассоциаций, имеющих, несомненно, архетипическую основу.

Мы не будем углубляться в механическую и физиологическую стороны вопроса и анализировать те способы и средства, которые позволяют женщинам в 40-50 выглядеть на 25-30 лет. Вопрос этот скорее следует адресовать пластическим хирургам, косметологам и фитнес-инструкторам, а также имиджмейкерам, стилистам и прочим специалистам.

Поскольку проанализировать имидж каждой из указанных телеведущих в рамках одной статьи не представляются возможным в силу ограниченности объема исследования, мы считаем возможным проанализировать имидж только одной телеведущей, что достаточно наглядно проиллюстрирует нашу идею о влиянии мифологического архетипа на формирование привлекательного имиджа. В качестве основного объекта исследования мы остановимся на имидже Ларисы Гузеевой, ведущей программы «Давай поженимся», которая выходит в эфир с 2008 года по настоящее время. «Давай поженимся» представляет собой телевизионный проект первого канала для тех, кто озадачен поиском спутника жизни. Периодичность и время выхода программы – по будням во второй половине дня. В программе принимают участие предварительно отобранные кандидаты, которые в рамках программы являются «женихами» и «невестами». Каждый жених или невеста получают на выбор трех претендентов, которые демонстрируют, что они готовы дать будущему мужу или жене. Целевая аудитория – женщины и мужчины 25-35 лет. Рейтинг программы стабильно высокий.

Рассмотрим, как понимает К. Юнг мифологические архетипы Коры и Матери, а затем экстраполируем его на имидж некоторых современных российских телеведущих. Приведём основные характеристики мифологического архетипа Матери. Ссылаясь на К. Юнга, отметим, что в позитивном плане с этим архетипом ассоциируются следующие качества: материнская забота и сочувствие, магическая власть женщины, мудрость и духовное возвышение. Короче говоря, всё, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой, а также способствует росту и плодородию. Мать – главенствующая фигура там, где происходит магическое превращение и воскрешение. В негативном плане архетип матери означает нечто тайное, загадочное, темное: бездну, мир мертвых, все поглощающее, искушающее и отравляющее, т.е. то, что вселяет ужас и что неизбежно, как судьба [1, 218]. Г. Бедненко, развивая концепцию К. Юнга, отмечает, что как ролевая модель, архетип Матери – это: «... безусловно, материнский образ, принцип и сценарий. Она олицетворяет материнский инстинкт, желание родить ребенка, радость стать беременной, удовольствие от кормления, заботы и воспитания детей. Также это и предоставление физической, психологической или духовной пищи другим людям, даже не обязательно родственникам. В то же время, К. Юнг, характеризуя образ Деметры (Матери), отмечал, что в нем обязательно присутствуют элементы разложения, связанные с подземной жизнью Коры.

Экстраполируя этот факт на имидж телеведущих, предположим, что в двойном образе Девы-Матери, в отличие от позитивного, негативно-материнское начало архетипа в имидже будет содержать некую порочность, бывалость, намёки на богатый жизненно-семейно-эротический опыт, который может позиционироваться с разной степенью пошлости. Транслируя данный мифологический архетип, телеведущая будет делать акцент на свою хтоничность и иррациональность, поскольку Мать-Земля всегда хтонична. Она будет добиваться ассоциации с ночным временем суток. Будет склонна к позиционированию или наличию какой-либо негативной жертвы в семейной жизни (вплоть до принесения в жертву счастья и благополучия ребенка). Визуально она скорее будет представлена в тёмных тонах черного или красного цвета (это ее основные цвета) с «хищным» (по Юнгу, первобытным или звериным) выражением лица. Поскольку используется статус матери, ведущая будет акцентировать внимание на глубоком декольте, облегающей и вызывающей одежде. Возможно использование в речи ненормативной или сниженной лексики.

В то же время следует отметить, что телеведущая, эксплуатирующая в рамках своего имиджа архетип Матери далеко не всегда может быть подана как «ведьма-Геката», т.е. в негативном варианте. Она может походить на Королеву. Здесь будет доминировать её светлое начало, использованы светлые, пастельные тона одежды, умеренный грим, царственное выражение лица. Однако, как отмечает К. Юнг, в данном мифологическом образе должен присутствовать один необходимый элемент – ее тяжелая судьба.

Что касается мифологического архетипа Коры (Девы), то К. Юнг считал, что «Кора проливает свет на древнюю мифологическую идею своей способностью раскрываться подобно почке и в то же время содержать в себе весь мир. Эту идею можно уподобить идее ядра» [1, 126]. Дополняя образ Коры, Г. Бедненко, отмечает, что она предстает в образе девочки, девушки, сочетающем в себе невинность и любопытство, непосредственность и серьезное отношение к процессу познания этого мира. Исследовательница подчёркивает, как важно взрослой женщине сохранять внутреннюю связь с этим архетипом – той девочкой, которой она когда-то была [5].

Девическое начало Коры в данном двойном образе как основании имиджа может быть подано посредством упора на чистоту, непорочность, наивность, неумелость. В то же время, архетип Предвечной Девы изначально содержит в себе все возможные драматические события, ассоциации и проявления, связанные с её судьбой (по типу Персефоны), начиная с ее рождения на свет, взрослением, юностью, сложной и трепетной судьбой, замужеством, и заканчивая тем, что она сама дает жизнь другому существу.

Все это означает, что при использовании данного мифологического архетипа в качестве основы своего имиджа, телеведущей необходимо либо иметь в своей биографии указанные элементы и делать на них акцент, либо достаточно отчётливо продвигать их в качестве своей цели как женщины. Но в пространстве данного имиджа более уместно акцентировать внимание зрителя на светлой стороне биографии. Хотя тёмный, хтоничный двойник Коры также имеет место быть.

Интересно отметить, что, по мнению К. Юнга, божество, обладающее несколькими аспектами, вполне может являться только как один из них, с которым его связывают в данный момент. Применяя этот тезис к имиджу телеведущих, отметим, что они гипотетически могут сделать упор на любой составляющей данной мифологической пары.

Решающим фактором успешности и популярности имиджа Матери-Дочери является субстанциональное единство этого, на первый взгляд, двойного образа. Как неоднократно отмечал К. Юнг, мать и дочь составляют единое целое, единство, находящееся в пограничной ситуации – естественное единство; их следует рассматривать как двойной образ, каждая из половин которого – идеальное дополнение другой половины [1, 128]. Образ Девы-Матери (Дочери-Матери) совмещает в себе образы и начала и конца и именно поэтому, как отмечает К. Юнг, он выходит за пределы индивидуального к вечному и универсальному. Важной чертой психических образов, по утверждению К. Юнга, является то, что при любых обстоятельствах они биполярны и колеблются между их позитивным и негативным значениями».

Таким образом, как подчеркивает К. Юнг, «...каждая мать содержит в себе свою дочь, а каждая дочь – свою мать, и что каждая женщина простирается назад – в свою мать и вперед – в свою дочь. Это участие и смешение порождают характерную неопределенность в отношении времени: женщина живет раньше как мать, а позже как дочь. Память сознания об этих связях порождает ощущение, что ее жизнь простирается над поколениями – первый шаг к непосредственному переживанию и убеждению в пребывании вне времени, что несет с собой и чувство бессмертия. Жизнь индивида преобразуется в тип и становится подлинным архетипом женской судьбы вообще» [1, 184]. Это ли не аргумент в пользу бессменной популярности тех телеведущих, которые сознательно или бессознательно эксплуатируют этот мифологический архетип.

Перейдём к непосредственному анализу имиджа телеведущих, основа которого – мифологический архетип Матери-Дочери.

Начнём с анализа имиджа 53-летней Ларисы Гузеевой, профессиональной актрисы и популярной телеведущей программы «Давай поженимся». Сразу отметим, что в основе имиджа этой телеведущей лежит её собственная биография. В то же время, мифология, по мнению К.Г. Юнга, – это нечто значительно большее, чем всякая биография, ибо, хотя она может конкретно не называть фактов, органически связанных с определенным периодом жизни, она охватывает сами периоды как вневременные реальности...» [1, 38]. Таким образом, именно биография Л. Гузеевой создает мифологию её телевизионного образа.

Архетипическое содержание выражает себя, прежде всего посредством метафор. С помощью каких метафор, эпитетов и прочих средств художественной образности позиционируют себя популярные телеведущие? Просматривая в Интернете многочисленные интервью Ларисы и комментарии зрителей, мы столкнулись с целой гаммой восторженных откликов и негодований, что свидетельствует о яркой эмоциональной окраске образа. На наш взгляд, в основе имиджа

Ларисы Гузеевой лежит мифологический архетип негативной Матери-Дочери.

Поскольку образ амбивалентен, сначала выделим черты архетипа Коры (Девы) в имидже Л. Гузеевой. Зрительской аудитории программы «Давай поженимся» она запомнилась как исполнительница роли бесприданницы в фильме Э. Рязанова «Жестокий романс». Именно этот бессмертный кинообраз, на наш взгляд, в большей степени способствует архетипическим ассоциациям имиджа Ларисы Гузеевой с образом страдающей Коры (Девы) (мы помним, что по К. Юнгу, наличие страдания и тяжёлой судьбы обязательны для трансляции этого образа). И, действительно, Интернет вопиет о страданиях молодой Ларисы: непонимание одноклассников и однокурсников, зависть друзей и коллег, проблемы с алкоголем и прочие жизненные неурядицы и трагедии. На известном портале находим такие данные её биографии как незнание родного отца, воспитание её матерью и отчимом, всяческое сопротивление догмам, ношение коротких юбок, употребление косметики, курение, завоевание внимания любой ценой [6]. И все это в 70-е годы – годы строительства коммунизма!

В девическом компоненте образа Девы-Матери Л. Гузеева очевидно тяготеет к типу Артемиды, который детально проанализирован Г. Бедненко. В частности, его специфическими характеристиками являются: независимость и свобода от мнения родственников и мужчин, возможность выхода за пределы цивилизационного порядка в мир естественных природных законов «дикого леса», возможность подвергать себя испытаниям и страсть к игре, соревновательность и конкуренция. Г. Бедненко отмечает, что ролевой архетип Девы по типу Артемиды способствует формированию духа протеста, вплоть до формирования гендерных предпочтений: знакомство не с красивыми и богатыми молодыми людьми на дорогих иномарках, а с неопрятными безумными идеологами чего угодно, которые напоследок «стреляют» у них сигаретку» [5]. Это подтверждается сближением молодой Л. Гузеевой с авангардистской молодежью, увлечением течением хиппи, проведением свободного времени в любимом кафе питерской богемы – «Сайгоне», а также трагической смертью первого мужа-наркомана, тяжелой жизнью с С. Курехиным, расставание с третьим мужем – грузинским актёром Вахой и т.д. Безусловно, у Л. Гузеевой тяжелая судьба, но, все же, используя эти данные, публикуемые в открытых источниках информации, мы воспринимаем их в качестве дополнительного инструмента управления имиджем «телезвезды», которым она отнюдь не пренебрегает.

Как мы уже неоднократно отмечали в ходе нашего исследования, именно акцент на отсутствие конкретного возраста позволяет Л. Гузеевой в своем имидже совмещать черты мифологических архетипов и Девы, и Матери одновременно. Признанная красота этой телеведущей, соответствующая контрастному зимнему цветотипу не оставляет равнодушным зрителя. Воспоминания телеведущей о юности, рассуждения о том, как бы она поступила в той или иной жизненной ситуации героя передачи, будучи молодой – все это актуализации свойств и признаков молодости, которое наряду с кокетством дает существенный омолаживающий эффект. К тому же о чудесах пластической хирургии сегодня не говорит только ленивый. Причем нельзя сказать, что Гузеева выглядит на 25 или 35 лет. Визуально – можно дать около 40 лет. Но, очевидно, что визуальный фактор здесь не главный.

Подводя итог образа Девы, как одного из компонентов имиджа Л. Гузеевой, следует отметить, что он не является позитивным с точки зрения норм и ценностей даже современной морали. Основной зрительский контингент программы – это женщины и мужчины, что называется за 40. Негативность образа (а он также является привлекательным для аудитории) дополняется цветовой гаммой одежды телеведущей, в которой доминируют выраженные тёмные или контрастные тона: черный, фиолетовый, красный, черно-белый, а также наличие некоторых деструктивных жестов и поведенческих актов. Например, трудно однозначно квалифицировать такие действия Л. Гузеевой в качестве имеющих сознательную или бессознательную природу, как обрывание стеблей и лепестков цветов в ходе передачи, снимание и надевание кольца (не женщина и не девушка), проверка наличия часов (маркировка текущего вспять времени) [7]. Они могут быть как рационально продуманными, так и бессознательными. В любом случае, в целом образ Девы в качестве основы имиджа Л. Гузеевой смотрится достаточно органично, но это только одна сторона медали.

Есть и другая составляющая этого сложного имиджа – образ Матери. Апелляция к инфернальной природе, характерная для образа «низкой» хтонической богини, иллюстрируется специфическими имиджевыми откровениями Ларисы Гузеевой: «У меня есть одна проблема, – признается Гузеева в интервью журналу «7 дней», – стоить выпить, во мне просыпается какой-то другой человек, которого я сама боюсь и который ко мне не имеет отношения..., так и хочется стать гадостью и прокричать всем: «Да, вот такая я дрянь!». И несет меня во все тяжкие, просто дурь какая-то прет» [8], или: «каждый день я выкуриваю одну огромную сигару», «... я очень часто впадаю в депрессии [9]. Образ роковой женщины, отнимающей сердца поддерживается и такими фразами, данными в интервью: «... у меня в жизни не было такого опыта, чтобы я любила, а меня – нет [9].

Тяготение Л. Гузеевой к образу хтонической богини достаточно эффектно иллюстрируется совсем недавним имиджевым ходом телеведущей – размещением её фото в сети Интернет (в блоге фотографа Екатерины Рождественской) в новом образе женщины-вамп, в котором она даже с трудом может быть узнана [10].

Напомним, что архетипический образ страдающей богини-Матери предполагает наличие страдающих детей, которые неумолимо приносятся в жертву обстоятельствам. Множество интервью актрисы и телеведущей посвящены тем проблемам, которые возникли у неё в ходе рождения и воспитания детей, которых она очень любит, но регулярно жертвовала ими ради своих амбиций. Л. Гузеева умышленно не только не скрывает, но и сознательно акцентирует на этом внимание: «... сразу после родов у меня начался какой-то странный психоз. Мне казалось, что ребенка подменили. И... я отказывалась девочку кормить грудью», «...свою дочку маленькой почти не помню» [11], «...у меня была очень серьезная проблема в жизни, и я все свои негативные эмоции выплескивала на сына», «...в результате у ребенка случился нервный срыв» [11].

Формируя свой имидж, Лариса Гузеева сознательно употребляет сниженную лексику, чем очень активно влияет на формирование нужного негативного, но желанного образа роковой женщины, мифической богини.

Анализируя речь Ларисы Гузеевой в рамках передачи «Давай поженимся», а также в многочисленных интервью на предмет специфики формирования образа женщины без возраста, следует отметить, что достаточно часто она называет себя «девушкой» (будучи 53 лет от роду), вспоминает свою бурную молодость, актуализируя её тем самым в настоящем, с удовольствием говорит о своей красоте. В то же время она активно подчеркивает свое материнство, размышляет о судьбе своих детей, роли мужа в её жизни.

Таким образом, анализируя рейтинг современных телеведущих [12], мы видим, что его верхние позиции занимают немолодые уже ведущие, пользующиеся огромной популярностью: Мария Ситтель, Екатерина Стриженова, Мария Шукшина, Татьяна Веденеева, Екатерина Андреева. На наш взгляд, причина востребованности имиджа обусловлена управляемой (поскольку имидж – это искусственное образование) актуализацией тех или иных мифологических структур. В его основе лежит тот или иной архетипический образ, который порождает цепь ожидаемых ассоциаций и представлений, впечатлений. Именно акцент на отсутствие возраста посредством апелляции к мифологическому архетипу «Мать – Дочь», в аспекте популярности вышеуказанных телеведущих, наряду с фактором профессионализма, способствует привлечению более широкой зрительской аудитории. Как отмечает Г. Бедненко «... у мужчин образ биполярной Коры-Персефоны, земной и подземной, одновременно юной и старой, девственницы и блудницы, чрезвычайно популярен [5].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Юнг К.Г. Душа и миф : шесть архетипов / К.Г. Юнг. – Киев – Москва : Порт-Рояль – Совершенство, 1997. – 384 с.
2. Фурс Н.В. Архетип / Н.В. Фурс // Новейший философский словарь. – Минск : Изд-во В.М. Скакун, 1998. – С. 49.
3. Массовая культура : учеб. пособие / К.З. Акопян, А.В. Захаров и др. – М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 304 с.
4. Братышев Д.Е. Создание имиджа телевизионного ведущего : Технология моделирования персонифициров. образа ведущего : дис. ... канд. филол. наук. – 1.10. – Москва, 2002 / Д.Е. Братышев. – Режим доступа: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/384391.html.
5. Бедненко Г. Греческие богини. Архетипы женственности / Г. Бедненко. – Режим доступа: http://tortuga.angarsk.su/fb2/bedneg03/Grecheskie_bogini.fb2_5.html.
6. Биография, история жизни Гузеевой Ларисы Андреевны. – Режим доступа: http://www.mega-stars.ru/actresses/guzeeva.php.
7. Общение с Ларисой Гузеевой. – Режим доступа: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5748/fi2472.
8. Лариса Гузеева страдает от алкоголизма. – Режим доступа: http://www.paparazzi.ru/stars/180620/posts/.
9. Лариса Гузеева. Интервью. – Режим доступа: http://www.peoples.ru/art/cinema/actor/guzeyeva/interview.html.
10. Лариса Гузеева сменила имидж. – Режим доступа: http://www.fashion-concert.org/news/larisa-guzeeva-smenila-imidzh.html.
11. Интервью с Ларисой Гузеевой. – Режим доступа: http://www.2mm.ru/starmama/770.
12. Рейтинг самых популярных актёров и телеведущих России. – Режим доступа: http://www.kinopark.net/news/detailed/news588916.htm.

Цуканов Е.А. к.ф.н., доцент кафедры социально-культурной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры.
E-mail: tsukanov@rambler.ru
Цуканова И.В. к.ф.н., доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры.
E-mail: tsu1975@yandex.ru

Tzukhanov E.A. Ph.d., associate professor of social and cultural activity department. Belgorod State Institute of Art and Culture.
E-mail: tsukanov@rambler.ru
Tzukhanova I.V. Ph.d., associate professor of philosophy and history of science department. Belgorod State Institute of Art and Culture.
E-mail: tsu1975@yandex.ru

УДК 070:94(597)

ВЬЕТНАМ НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

© 2012 Чан Тхи Хоанг Йен

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 марта 2012 года

Аннотация: *В работе рассмотрены проблема освещения в российских масс-медиа разнопланового сотрудничества Вьетнама и России.*

Ключевые слова: *пресса, политика, экономика, культура.*

Abstract: *The paper discusses the problem of lighting in the Russian mass media many-sided cooperation of Vietnam and Russia.*

Key words: *press, political, economical, cultural.*

Перспективы международного сотрудничества. Современное мировое сообщество нельзя представить без сотрудничества, ставшее неотъемлемой чертой глобализации, сложнейшего процесса интеграции государств в единое мировое экономическое, политическое и культурное пространство в мире. В начале 1990-х годов, Россия, действуя в духе времени, заявила о своем намерении активно интегрироваться в мировую экономику, в это же время и во Вьетнаме начался переход от командно-административной экономики к экономике рынка.

Россия и Вьетнам – традиционные партнеры. «Отношения между Вьетнамом и Россией никогда не изменятся. Вьетнам победил самых сильных захватчиков мира (американцев в 70-е годы – **ред.**), не в последнюю очередь благодаря советским самолетам, танкам, пушкам и ракетам. Это уже история, но она никогда не изменится. Многие советские гражданские и военные специалисты отдали жизни во Вьетнаме – мы никогда их не забудем. Вьетнамцы и россияне доверяют друг другу. Такое доверие на доллары не купишь. Оно должно быть передано грядущим поколениям» [31]. «Однако цитирует РИА Новости председателя Общества вьетнамско-российской дружбы, президента национального университета, академика Дао Чонг Тхи, нынешние вьетнамцы смотрят на это через призму не любви, а экономического сотрудничества» [14]. Это доказывает, что Вьетнам высоко оценивает и надеется на экономическое сотрудничество с Россией, несмотря на то, что «сегодня Вьетнам более тесно связан с западными странами, Японией, США, а российское присутствие не очень заметно» [14].

На самом деле, у России во Вьетнаме «еще с советских времен сохранились экономические интересы. Главное совместное предприятие – «Вьетсовпетро» – было образовано в 1981 году и занимается добычей нефти на континентальном шельфе азиатского государства. Эта компания дает до трети всех валютных поступлений во вьетнамский бюджет. Россия также неплохо зарабатывает с помощью «Вьетсовпетро». Ее чистая прибыль с 1996 по 2009 год составила около 8,1 млрд. долл. Торговля России с Вьетнамом развивается не так быстро, как, например, с КНР, но перспективы очень неплохие. Дело в том, что из-за удорожания китайской рабочей силы в КНР многие предприятия переносят свои производства во Вьетнам» [16].

Правительства обеих стран уделяют большое внимание сотрудничеству путём активных политических контактов, и пресса последовательно освещает их. Перечислим тематику публикаций СМИ, связанных с процессом сотрудничества.

Освещение официальных визитов глав государств (подписание в ходе первого официального визита в СРВ Президента Российской Федерации Декларации о стратегическом партнерстве между Россией и Вьетнамом). Официальные визиты во Вьетнам Президента Российской Федерации состоялись в ноябре 2006 г. и октябре 2010 г.

Отчеты о деятельности координирующего органа торгово-инвестиционного взаимодействия – Российско-Вьетнамской межправительственная комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК). Её заседания проводятся ежегодно[1].

1. Договорно-правовая база торгово-экономических отношений с Вьетнамом насчитывает свыше 40 межправительственных и межведомственных документов, заключенных после 1991 г. Согласно Плану действий в области торговли и инвестиций товарооборот между нашими странами в 2012 г. должен увеличиться до 2 млрд. долл. США.

© Чан Тхи Хоанг Йен, 2012

Статьи о перспективах сооружения российскими специалистами атомной электростанции на территории Социалистической Республики Вьетнам, о создании зоны свободной торговли между странами таможенного союза и СРВ, о деятельности Делового совета по сотрудничеству с Вьетнамом, созданного 3 сентября 2007 г. и т.д.[2].

Российская пресса сообщила о том, что прорабатывается вопрос об открытии отделения Торгпредства России в СРВ в г. Хошимине; что объем российско-вьетнамской торговли в 2009 году по данным российской таможенной статистики увеличился на 9 % по сравнению с 2008 годом и составил 1561,8 млн. долл. США; что доля Вьетнама во внешнеторговом обороте России по итогам 2009 г. составила 0,33 % (42 место). За период январь-ноябрь 2010 г. доля Вьетнама во внешнеторговом обороте России составила 0,35 % (40 место) [2].

В январе-ноябре 2010 г. двусторонний товарооборот составил 1955,1 млн. долл. США (рост на 137,0 % по сравнению с тем же периодом 2009 г.). При этом российский экспорт составил 955,4 млн. долл. США (рост на 120,1 %), а импорт – 999,7 млн. долл. США (рост на 158,2 %). В структуре экспорта России во Вьетнам в январе-ноябре 2010 г. преобладали поставки металлов и изделий из них (44,9 %), минеральных продуктов (12,9 %), машин и оборудования (21,3 %), продукции химической промышленности (7,6 %).

В импорте России из Вьетнама значительную долю составили машины и оборудование (40,8 %), продовольственные товары и с/х сырье (26,7 %), текстиль, обувь (22,0 %), продукция химической промышленности (6,2 %) [2].

Не останавливаясь на этом, «Россия и Вьетнам поделились амбициозными планами по наращиванию темпов взаимной торговли. Товарооборот по итогам прошлого года составил 1 млрд. долл., по итогам этого ожидается уже 1,5 млрд. В планах, по словам г-на Медведева, увеличить его до 3 млрд., а впоследствии и до 10 млрд. долларов» [30].

Информация, представленная выше, почерпнута из российской печати и подавалась она в виде интервью, репортажей, очерков, подписей к фоторепортажам. В пользу того, что Россия возвращается во Вьетнам, говорит многое – в том числе и тон, и лексика публикаций («увеличить», «амбициозные планы», «хорошие перспективы» и т.п.).

Сотрудничество в военно-технической сфере. В 2007 г. «Известия» сообщает об открытии во Вьетнаме выставки моделей самолётов, посвященной 95-летию Военно-воздушных сил России: «На выставке представлены более десяти действующих моделей самолетов. Среди них модели МиГ, Су, Ан и других самолетов российских ВВС. Посетители также могут ознакомиться с историей и достижениями российской военно-авиационной техники на фотовыставке «Авиация России: люди и самолеты», посмотреть документальный фильм «60 витков восходящей спирали»... Выставка продлится около недели. В первый же день ее посетили более 100 человек» [6]. В 2008 г. «Новая газета» сообщает: «Главы МИД РФ и Вьетнама Сергей Лавров и Фам Зя Кхий на встрече в Москве договорились об укреплении военно-технического сотрудничества двух стран и цитирует заявление министра Лаврова: «Мы намерены расширять наше военно-техническое сотрудничество в соответствии с достигнутыми договоренностями и планами» [28]. Уже через год после подписания договора Вьетнам заказал России постройку ещё двух сторожевиков: «На судоремонтном заводе «Восточная верфь» во Владивостоке сегодня были заложены два сторожевых корабля для Военно-морских сил Вьетнама. К строительству этих кораблей будут привлечены и другие компании Приморья для поставки комплектующих» [8]. «Вьетнам изъявил желание приобрести у России подводные лодки, самолеты и другую военную технику. Более того, премьер-министр этой южноазиатской страны Нгуен Тан Зонг по окончании переговоров с Владимиром Путиным заявил, что уже подписал контракт на покупку всего перечисленного... Вьетнам неоднократно закупал различные вооружения в России. В частности, в 2001-2002 годах российские предприятия получили заказы на постройку восьми военных катеров проекта 1241.8, двух фрегатов проекта 1166.1 («Гепард») и берегового противокорабельного ракетного комплекса «Бастион» [12].

В 2010 году, по сообщению военно-дипломатического источника, «Вьетнам и Россия подписали контракт на поставку 12 многофункциональных истребителей Су-30МК2 и авиационное вооружение на $ 1 млрд.» [9].

После посещения Ханой с визитом и переговоров, министр обороны РФ Анатолий Сердюков сообщил: «Перспективы (военно-технического сотрудничества) очень серьезные. Вьетнамцам нужен пункт базирования подводных лодок. ВМФ России окажет им помощь по этому направлению», - сказал Сердюков. По его словам, Вьетнам также предлагает России участвовать в создании ремонтного завода с доком, который мог бы обслуживать и корабли российского ВМФ» [27].

На вопрос военного обозревателя «Времени новостей» «Верны ли прогнозы, что Вьетнам в ближайшие годы займет второе после Индии

2. Статьи в газетах: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Известия», «Время новостей», «Новая газета», «Российская газета».

место среди партнеров России в военно-технической сфере?», Александр Фомин, первый заместитель директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству ответил: «Сейчас Вьетнам в пятерке первых стран по объемам военно-технического сотрудничества с нами – вместе с Индией, Китаем, Алжиром и Венесуэлой. Масштабное сотрудничество с Вьетнамом разворачивается. Дело даже не в конкретных цифрах, а в широте подхода к сотрудничеству. Вьетнам для нас стратегический партнер. На какое место он выйдет в ближайшие годы, говорить пока сложно. Возможно, и на второе» [24].

Сотрудничество Вьетнама и России в военно-технической сфере развивается до уровня совместных разработок и передачи технологической документации. В январе 2012 г. «Вьетнам спустил на воду первый самостоятельно построенный военный корабль, на вооружении которого артиллерия и ракетные установки... Сообщалось, что первый «вьетнамский» катер строился по конструкторской и технологической документации, переданной вьетнамской стороне санкт-петербургским Центральным морским конструкторским бюро (ЦМКБ) «Алмаз», где разработан проект 12418» [33]. В другом проекте, «Россия и Вьетнам в 2012 году планируют начать совместную разработку ракеты, которая будет построена на базе российского аналога – ракеты «Уран» [26].

Вспоминая события в период обострения отношений между Вьетнамом и Китаем на Восточном море, генерал-полковник Анатолий Хюпенен говорит: «Сначала во Вьетнам были направлены два зенитных ракетных полка ПВО, да и то неполного состава, чтобы обучить вьетнамцев воевать на зенитных ракетных комплексах (ЗРК) С-75» [23]. Генерал-майор в отставке Евгений Антонов также поделился воспоминаниями: «Американцы недооценили нашу зенитную ракетную технику и, когда понесли значительные потери, были в шоке. Ракеты наши были сильные, боевая часть – 210 кг взрывчатки, покрытой броней со специальной нарезкой сверху. При разрыве она разлеталась на тысячи осколков и поражала цели. Американцы стали летать ниже и... попали под огонь зенитной артиллерии, о которой они тоже, видимо, были плохо осведомлены. Зенитчиками были вьетнамцы, наши специалисты только ремонтировали технику. Кстати, больше самолетов сбили зенитчики, а не ЗРВ» [22].

Вьетнамцы помнят, что благодаря русскому оружию Вьетнам одержал победу над США. Доверие к русской военно-технической науке является основой и сегодняшнего сотрудничества.

Сотрудничество в торгово-экономической и других сферах. Президент России Владимир Путин во время официального посещения Вьетнама в 2006 году сказал: «Возможности российской экономики и российских компаний растут, и мы можем от просто обмена товарами переходить к более масштабным проектам... Путин отметил, что в ходе переговоров в узком составе лидеры «потратили много времени, чтобы поговорить по всем направлениям сотрудничества с Вьетнамом». «Мы сделали это достаточно подробно, при этом упор был сделан на развитие, прежде всего, экономических связей» [25]. Россия интересуется сотрудничеством с Вьетнамом. А со своей стороны, Вьетнам активно вызывает российские инвестиции. В сентябре 2007 года произошёл российско-вьетнамский бизнес-форум: «В рамках форума будут подписаны несколько соглашений и контрактов о сотрудничестве в конкретных областях представителей деловых кругов в области коммуникаций, добычи и выработки минеральных ресурсов, в банковской и нефтяной областях». Как считает Нгуен Тан Зунг, «эти соглашения будут способствовать дальнейшему расширению и укреплению отношений, их выведению на новый уровень» [3]. Представитель Российской Федерации выступил: «Традиционные отношения дружбы между нашими народами, атмосфера доброжелательности создают хороший фон для решения на современном уровне сложных, поставленных жизнью задач» [3]. Для того чтобы привлекать российские инвестиции, премьер-министр обещал: «Вьетнам создает режим наибольшего благоприятствования для российского бизнеса, особенно в сфере инвестиций, и призывает российских предпринимателей активизировать свою деятельность в этой стране. Об этом заявил сегодня премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг на встрече с российскими и вьетнамскими бизнесменами... В настоящее время во Вьетнаме реализуется 54 проекта российских инвестиций на сумму $300 млн., и все они результативны, отметил премьер. Благоприятным условием для российского бизнеса служит стабильное социально-политическое положение в стране, рыночная экономика Вьетнама, а также активное экономическое развитие» [10].

На саммите АТЭС президент России встретился с президентом Вьетнама: «Медведев отметил, что такие встречи проходят регулярно «и на президентском уровне, и по правительственной линии», а сотрудничество между Россией и Вьетнамом развивается по всем направлениям, в том числе в экономической и гуманитарной областях» [20]. Через месяц «по итогам переговоров премьер-министра РФ Владимира Путина и его вьетнамского коллеги Нгуен Тан Зонга Россия и Вьетнам договорились о создании свободной экономической зоны, а также предоставлении

предпринимателям двух стран льгот для развития двусторонних экономических отношений» [28].

Активизировалось сотрудничество между двумя странами в нефтегазовой сфере [17]. Нефтегазовые интересы у России во Вьетнаме сохранились ещё с советских времен. Говоря о сотрудничестве в этой области, каждый человек ассоциирует с совместным предприятием «Вьетсовпетро» (участники – ОАО «Зарубежнефть» и Корпорация нефти и газа Вьетнама (КНГ) «Петровьетнам»), которое занимается добычей нефти на континентальном шельфе Вьетнама с 1981 года. «Вьетсовпетро» является первоочередным интересом лидеров обоих правительств. «СП «Вьетсовпетро» добыло в прошлом году стомиллионную тонну нефти (разработка началась в 1986-м) и принесло России более 500 млн. долларов дохода. Москва хочет не только с выгодой добывать вьетнамскую нефть, но и участвовать в ее переработке, чем должно заняться СП «Вьетрос» [18].

Глава «Газпрома» считает Вьетнам привлекательным партнером, в том числе и потому, «Газпром» «уже давно работает во Вьетнаме, осуществляет геологоразведку на шельфе... в перспективе мы сможем добывать газ совместно не только для своих нужд, но и для экспорта в третьи страны». Миллер добавил, что «сотрудничество в нефтегазовой сфере осуществлялось десятилетиями, но газовую сферу еще предстоит развивать» [13]. План Миллера сбылся в 2009 году, когда «Три документа в рамках расширения сотрудничества подписали «Газпром» и корпорация нефти и газа «Петровьетнам». Председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер и генеральный директор корпорации «Петровьетнам» Фунг Динь Тхык завизировали соглашение о стратегическом партнерстве, договор об учреждении совместного предприятия «Газпромвьет» (доля «Газпрома» – 51 %, вьетнамской стороны – 49 %) и дополнение к нефтегазовому контракту по блоку шельфа 112 о расширении действующей лицензии на два соседних участка» [19]. Кроме того, «вьетнамцы будут участвовать и в разработке нефтяных месторождений на российской территории... Как пояснил газете генеральный директор «Зарубежнефти» Николай Брунич, компания будет работать в Ямало-Ненецком автономном округе» [30]. Пресса последовательно освещала сотрудничество стран в сфере электроэнергетики. Наталья Алексеева цитирует выступления официальных лиц: «- Строительство АЭС – это свидетельство доверия Вьетнама к России, к российским технологиям, – подчеркнул на пресс-конференции Нгуен Минь Чиет... - Мы понимаем всю степень доверия и обещаем ввести АЭС в эксплуатацию в срок, – чуть позже заверил президента глава «Росатома» Сергей Кириенко. – А с учетом того, что Вьетнам становится одним из лидеров рынка энергетики в своем регионе, мы планируем создать совместную платформу для развития рынка энергетики во всем Тихоокеанском регионе» [1].

Сотрудничество в сфере культуры и образования. «Вьетнам и Россию связывают 60 лет крепкой дружбы, сотрудничество в самых разных областях, включая сферу образования, подготовки кадров. Во многом благодаря этому в вашей стране хорошо знают и ценят русскую литературу, искусство, знают русский язык» [16]. Во времена СССР русский язык был очень распространенный во Вьетнаме. Его учили во всех школах и университетах, вьетнамская элита также обучалась в России, в Беларуси, на Украине. Однако после распада СССР всё изменилось. Директор Центра исследований Восточной Азии Александр Лукин сказал в интервью газете «Время новостей»: «Вьетнам – это одна из стран, о которых мы совершенно забыли в 90-е годы. Произошло это частично по идеологическим причинам, а частично просто потому, что России было не до того... По его словам, то, что в 90-е годы сотрудничество России и Вьетнама практически сошло на нет, было серьезным упущением со стороны Москвы» [16]. В настоящее время, во Вьетнаме «во всех школах изучают английский язык. Русский – лишь 500 человек в двух университетах Хошимина. Есть школы с преподаванием на английском, французском, австралийский университет» [21]. Русским языком сегодня действительно мало пользуются: «В последние годы вьетнамских русистов их коллеги из академической и интеллигентской среды рассматривали как необъяснимых чудаков: какой может быть прок от подобных занятий?! Проректор университета, учившийся в Пятигорске, но за два десятилетия ни разу не пользовавшийся русским языком» [21]. Даже президент Путин заявил: «темпы товарооборота между Россией и Вьетнамом выросли с 2000 года в три раза, достигли миллиарда долларов и могут вырасти еще больше. Но вряд ли когда-нибудь для молодых вьетнамцев изучение русского языка станет таким же важным, как владение английским. Уже сейчас поколение тридцатилетних вьетнамцев по-русски не понимает вовсе» [14].

Для того чтобы поднять взаимоотношения на новый уровень фонд «Русский мир» открыл Русский центр в Государственном педагогическом университете города Хошимин на юге Вьетнама. «Известия» сообщили: «Это уже второй Русский центр во Вьетнаме – первый был основан фондом в Ханое в Международном институте при Вьетнамском государственном университете в июле 2010 года... Открытие Русского центра является важным общественно-политическим событием не только для всех жителей города, но и для всего

юга Вьетнама. В отношениях между Россией и Вьетнамом наблюдался период некоторого ослабления политических, экономических и культурных контактов. Сейчас наши связи в различных областях восстанавливаются и укрепляются, и этот позитивный процесс стремительно набирает обороты» [7].

В ответ президент Д. Медведев сказал: «А в этом году в моем родном Санкт-Петербурге открылся первый в мире институт Хо Ши Мина, в котором будет изучаться культура и история Вьетнама. Мы ждем, что запланированные в этом году Дни российской культуры станут ярким событием, которое продемонстрирует всем и молодому поколению вьетнамцев наши возможности, позволит лучше узнать друг друга» [16]. Лидеры приветствуют и поощряют распространение русской культуры, преподавание и изучение русского языка во Вьетнаме. В то же время они хотят, чтобы братский российский народ больше узнал культуру Вьетнама с ее многотысячелетней историей [16]. В настоящее время ежегодно в обеих странах проходят Дни культуры.

Сотрудничество активизировалось в банковской сфере [19], в области мобильной связи и информационных технологий [15], туризме. В 2010 г. СРВ с туристическими целями посетили свыше 40 тыс. граждан России. Это благодаря тому, что «Вьетнам отменяет визы для российских туристов. Уже со следующего года наши соотечественники смогут приехать в эту страну и оставаться там в течение 15 дней без соответствующих въездных документов» [11]. «В 2012 году во Вьетнаме иностранным туристам начнут возвращать НДС с покупок» [5]. Именно «Президент РФ также пригласил во Вьетнам российских туристов, рассказав, что местные жители настроены по отношению к россиянам очень дружелюбно и что вьетнамская кухня, острая, как он и любит, доставила ему настоящее гастрономическое наслаждение» [17].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Н. Россия возвращается во Вьетнам / Н. Алексеева // Известия. – 1 нояб. – 2010. – (http://www.izvestia.ru/news/367658).
2. Анализ двухсторонних российско-вьетнамских экономических отношений. – (http://vietnam.inconnect.ru/?id=50).
3. В Москве пройдет российско-вьетнамский бизнес-форум // Известия. – 11 сент. – 2007. – (http://izvestia.ru/news/408424).
4. Витебская Т. Вьетнам будет добывать нефть в России / Т. Витебская // Известия. – 17 февр. – 2006. – (http://www.izvestia.ru/news/311305).
5. Во Вьетнаме иностранным туристам вернут НДС с покупок // Аргументы и факты. – 20 сент. – 2011. – (http://www.aif.ru/travel/news/93117).
6. Во Вьетнаме открылась выставка посвященная ВВС России // Известия. – 9 авг. – 2007. – (http://izvestia.ru/news/406043).
7. Во Вьетнамском университете Хошимина открылся русский центр // Известия. – 12 нояб. – 2010. – (http://www.izvestia.ru/news/480849).
8. Вьетнам заказал России постройку ещё двух сторожевиков // Известия. – 22 июля 2009. – (http://izvestia.ru/news/455113).
9. Вьетнам купит у России 12 истребителей // Известия. – 10 февр. – 2010. – (http://izvestia.ru/news/466268).
10. Вьетнам обеспечит наилучшие условия для российского бизнес // Известия. – 12 сент. – 2007. – (http://izvestia.ru/news/408517).
11. Вьетнам отменит визы для россиян // Аргументы и факты. – 22сент. – 2008. – (http://www.aif.ru/society/news/26054>).
12. Вьетнам покупает российские подлодки и самолеты // Известия. – 15 дек. – 2009. – (http://izvestia.ru/news/463671).
13. «Газпром» «заманивает» вьетнамский газ в свои трубы // Известия. – 20 нояб. – 2006. – (http://www.izvestia.ru/news/388002).
14. Дубнов А. Путин и мавзолей / А. Дубнов // Время новостей. – № 214. – 21 нояб. – 2006. – (http://www.vremya.ru/2006/214/5/166012.html).
15. Карханина С. Одна из ведущих информационных компаний «Томска» заключила договор о поставке «Софта» во Вьетнам / С. Карханина // Комсомольская правда. – 26 окт. – 2011. – (http://www.kp.ru/online/news/1005966/).
16. Кобзев А. Дипломатическая добыча / А. Кобзев // Время новостей. – № 120. – 12 июля. – 2010. – (http://www.vremya.ru/2010/120/5/257649.html).
17. Кобзев А. Мы отсюда и не уходили / А. Кобзев // Время новостей. – № 200. – 1 нояб. – 2010. – (http://www.vremya ru/2010/200/5/263532.html).
18. Ломанов А. Смена российского караула / А. Ломанов // Время новостей. – № 53. – 27 марта. – 2002. – (http://www.vremya.ru/2002/53/4/21234.html).
19. Миронова Ю. СП с товарищами / Ю. Миронов // Время новостей. – № 232. – 16 дек. – 2009. – (http://www.vremya.ru/2009/232/4/243814.html>).
20. На саммите АТЭС Медведев встретился с президентом Вьетнама // Аргументы и факты. – 14 нояб. – 2009. – (http://www.aif.ru/society/news/42138).
21. Никонов В. Незаметное возвращение / В. Никонов // Известия. – 12 нояб. – 2010. – (http://www.izvestia.ru/news/368187).
22. Пороскоов Н. Вьетнамцы старались, чтобы мы не командовали / Н. Пороскоов // Время новостей. – № 75. – 29 апр. – 2005. –
(http://www.vremya.ru/2005/75/5/123998.html).
23. Пороскоов Н. «Награждать можно было за одно пребывание во Вьетнаме» / Н. Пороскоов // Время новостей. – № 75. – 29 апр. – 2005. – (http://www.vremya.ru/2005/75/5/123997.html).
24. Пороскоов Н. Неполадки в радиочастотах / Н.

Пороскоов // Время новостей. – № 28. – 18 февр. – 2010. – (http://vremya.ru/2010/28/4/247637.html).

25. Путин предложил президенту Вьетнама сменить масштаб // Известия. – 20 нояб. – 2006. – (http://izvestia.ru/news/387997).

26. Россия и Вьетнам вместе создадут крылатую ракету // Известия. – 15 февр. – 2012. – (http://izvestia.ru/news/515498).

27. Россия поможет Вьетнаму сформировать базу для подлодок // Известия. – 25 марта. – 2010. – (http://izvestia.ru/news/468167).

28. РФ и Вьетнам договорились о создании свободной экономической зоны // Аргументы и факты. – 15 дек. – 2009. – (http://www.aif.ru/society/news/43820).

29. РФ и Вьетнам расширят военно-техническое сотрудничество // Новая газета. – 16 сент. – 2008. – (http://www.novayagazeta.ru/news/39180.html).

30. Ситинина В. Углеводородный баланс / В. Ситинина // Время новостей. – № 200. – 28 окт. – 2008. – (http://www.vremya.ru/2008/200/4/215674.html).

31. Самохоткин А. Благодаря русским Вьетнам победил самых сильных захватчиков мира / А. Самохоткин // Время новостей. – № 8. – 20 янв. – 2003. – (http://www.vremya.ru/2003/8/5/31283.html).

32. Слободин А. Вьетнамский гость из Петера / А. Слободин // Время новостей. – № 187. – 10 окт. – 2002. – (http://www.vremya.ru/2002/187/5/27906.html).

33. Сотов А. ВМС Вьетнама обзавелись новым кораблем / А. Сотов // Российская газета. – 17 янв. – 2012. – (http://www.rg.ru/2012/01/17/molnija-site.html).

Чан Тхи Хоанг Йен
Аспирант кафедры рекламы и дизайна
Воронежского государственного университета
E-mail: benhoyeuthuong@yahoo.com

Tran Thi Hoang Yen
Voronezh State University
Ph.D student of department of advertising and design
E-mail: benhoyeuthuong@yahoo.com

УДК 070

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

© 2012 Е.А. Шаркова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 13 августа 2012 года

Аннотация: *Данная статья посвящена исследованию процесса формирования экологической журналистики в России. В статье раскрывается сущность понятий «экологическая информация», «экологическая журналистика», «аудитории экологической журналистики». В ходе исследования сделаны следующие выводы: экожурналистика в России начала зарождаться в начале XX века, когда появились первые экологические движения и начались первые научные изыскания в сфере экологии; в советский период экожурналистика развивалась в направлении художественной публицистики, поскольку была введена цензура и закрыт доступ к эко-информации; с конца 1980-х годов техногенные катастрофы, падение советского режима и снятие запретов с эко-информации - послужили толчком для развития сенсационной и аналитической экожурналистики; развитие экожурналистики в 1990-е годы обусловлено особым социальным заказом на новое качество и содержание коммуникации в системе «природа – общество».*

Ключевые слова: *экологическая информация, экологическая журналистика, аудитории экологической журналистики, экологические СМИ, экологическая коммуникация.*

Abstract: *This article is devoted to research of formation process of environmental journalism in Russia. The article reveals essence of the concepts: "environmental information", "environmental journalism", "audience of environmental journalism". During the research the following conclusions were made: environmental journalism in Russia began to emerge in the early 20TH century, when first environmental movement and first scientific researchers were appearing; in the soviet period environmental journalism developed in the direction of artistic-publicistic journalism as a result of the censorship and closing access to the eco-information; in the end of the 1980s technogenic catastrophe, the fall of the soviet regime and the lifting of bans on eco-information – influenced by development of the sensational and analytical environmental journalism; development of environmental journalism in the 1990s is the time when specific social order contributed to the emergence of new quality and content of communication in the system "nature -society".*

Keywords: *environmental information, environmental journalism, the audience of environmental journalism, environmental media, environmental communication.*

Проблема становления и развития экологической журналистики впервые была вынесена на всеобщее обсуждение в 1986 году, когда мир потрясло известие о взрыве на атомном реакторе Чернобыльской АЭС. Общественность испытала тогда колоссальный экологический стресс, вызванный информационным вакуумом. Социальную потребность в информации (об аварии и её последствиях, о радиации и её влиянии на здоровье человека, об экологических рисках и возможностях избежать их) журналисты не смогли удовлетворить по причине своей некомпетентности, отсутствия технических средств (Интернета и сотовой связи), закрытости экологической информации.

Под экологической информацией автор понимает любую информация в письменной, аудиовизуальной, электронной и любой иной материальной форме: 1) о состоянии элементов окружающей среды, таких как воздух и атмосфера, вода, почва, земля, ландшафт и природные объекты, биологическое разнообразие и его компоненты, включая генетически изменённые организмы, и взаимодействие между этими элементами; 2) о факторах, таких как вещества, энергия, шум и излучение, а также деятельность или меры, включая административные меры, соглашения в области окружающей среды, политику, законодательство, планы и программы, оказывающие или способные оказать воздействие на элементы окружающей среды, охватываемые в пункте 1; 3) о состоянии здоровья и безопасности людей, условиях жизни людей, состоянии объектов культуры, зданий, сооружений в той степени, в какой на них воздействуют (или могут воз-

© Е.А. Шаркова, 2012

действовать) состояние элементов окружающей среды, факторы, деятельность или меры, упомянутые в пункте 2. Таким образом, экологическая информация не ограничивается исключительно тематикой состояния окружающей среды, а напротив – включает в себя широкий спектр тем, освещающих различные сферы жизнедеятельности общества, такие, как политика и право, экономика и безопасность, здоровье и медицина, образование и культура и т.д.

С конца 1980-х годов экологическая журналистика – тема, чрезвычайно востребованная среди западных учёных. В своё время экологическую журналистику изучали Ш. Фридман [1], Р. Дж. Кокс [2], Т.Дж. Лайон [3], Д. Льюис [4], Г. Чапман [5], А. Хансон [6]. Среди отечественных исследователей особый вклад в разработку теоретических аспектов экологической журналистики внесли: Л. Коханова [7], Л. Сизова [8], О. Берлова [9], В. Колесникова [10], А. Кочинева [11], Н. Довыдова [12], О. Захарова [13].

В широком смысле экологическая журналистика представляет собой освещение вопросов, связанных со здоровьем населения, экономикой, природными ресурсами и различными научными исследования. В качестве предмета здесь выступает взаимодействие людей и природы, изменяющее окружающую среду путём использования, перераспределения или разрушения её ресурсов. В более узком смысле экологическая журналистика – это непрерывное, последовательное освещение экологических вопросов глобального и местного назначения. Здесь предметом являются не только проблемы, но и положительные примеры в области использования природных ресурсов.

Сопряжённость с экономической подсистемой общества наделяет экологическую журналистику особой прагматичной значимостью политико-экономической и социальной направленности. Экожурналистика апеллирует как к влиятельным и общественно значимым аудиториям, наделённым властными полномочьями принятия решений на высшем уровне, так и к обычным гражданам, нуждающимся в экологической информации с целью обеспечения безопасной здоровой и благополучной жизни для себя и своих близких.

Аудитории экологической журналистики автор предлагает разделить на четыре уровня:

- субъекты профессионального экологического действия (экологические НПО, специалисты сферы экологии и смежных с ней отраслей, специалисты предприятий, оказывающих негативное влияние на окружающую среду);
- субъекты науки – субъекты, представляющие научно-исследовательские институты (учёные, студенты);
- субъекты обыденного экологического поведения (граждане разных возрастов, социальных и профессиональных характеристик, а также население, затронутое экологическими проблемами);
- субъекты власти – субъекты профессионального экополитического действия (органы государственной власти, партии, политические движения, прокуратура, судебная власть, контролирующие структуры разных уровней);
- субъекты бизнеса (промышленный и сырьевой сектора экономики).

Таким образом, экологическая журналистика может быть ориентирована как на массовую аудиторию, так и на узких специалистов.

Резко возросшие потребности современного общества в качественных достоверных эколого-информационных продуктах обусловлены: увеличением в последние годы количества природных и техногенных катастроф; повышением уровня наследственных/приобретённых и хронических заболеваний, а также смертности среди населения земного шара; заметным сокращением невозобновляемых природных ресурсов, таких как пресная вода, девственные леса и т.п. «Когда окружающая среда оказывается под угрозой, общество направляет значительный свой ресурс в области информации и коммуникации на разрешение этой проблемы» [7, 19].

Новая фаза социально-экономического развития России стимулирует изменение всех общественных структур, в том числе и становления новой системы СМИ, где экологическая журналистика определяется в самостоятельный вид, заявляя о своих проблемах. Сегодня российская экологическая журналистика освещает деятельность индивидов, социальных групп и институтов власти, направленную на реализацию экологической политики: рассказывает об экоконкурентной борьбе, об экологизации сфер жизнедеятельности общества, о предпринимаемых мерах по обеспечению экобезопасности, об экологических проблемах и способах их решения. Экожурналистика обеспечивает информационно всех экополитических субъектом, таким образом, становясь актором, обслуживающим освещение политических отношений в системе «природа – общество».

Появление и укоренение феномена экологической журналистики в системе российских СМИ традиционно связывают с периодом 90-х годов XX века. Именно этот период истории современной России «повлёк за собой глубинные трансформации основных социетальных подсистем, в результате которых в стране появились новые институты в экономической, политической, социальной и иных сферах»

[14, 98], в том числе и экологической сферы. Конец 80-х годов стал переломным моментом в мировой экологической истории. Экологические катастрофы (трагедия на Чернобыльской АЭС, гибель Аральского моря и др.) показали, что воздействие человека на окружающую среду начало принимать угрожающие масштабы. «Общество начало осознавать, что главная экологическая проблема – это человек» [7, 37]. Природные и техногенные катастрофы стали постоянным объектом внимания и мониторинга журналистов. Глобальность экологических проблем являлась одним из основных факторов, способствовавших формированию и оформлению экологической журналистики в самостоятельный вид.

Ещё один фактор (как следствие глобальности экопроблем), оказавший первостепенное влияние на развитие отечественной и мировой экологической журналистики, – это усиление в конце 1980-х годов на всех уровнях роли неправительственного сектора. Экологическое движение в России в этот период характеризуется массовым появлением природоохранных формирований, которые различались, как по организации (фонды, ассоциации, клубы, комитеты, союзы, объединения и т.д.), так и по направлению деятельности (экологическое образование и воспитание, пропаганда экологических знаний, научно-техническая и практическая природоохранная деятельность, организация клубных движений по естественнонаучным направлениям, общественный контроль за соблюдений природоохранного законодательства и т.д.). Масштабность экологического движения явилась результатом повышения уровня информированности и социальной активности людей, что в свою очередь стало стимулом активного развития форматов экологической коммуникации, в том числе и экологической журналистики.

В то же время специалисты по теории журналистики и экологической политике указывают на то, что экожурналистика отнюдь не новое информационное явление для российских СМИ.

Так исследователь экологической журналистики Л. Коханова [7, 28], отмечает, что предпосылки появления экологической журналистики обозначились в России (СССР) ещё в 1920-х годах, когда в советской прессе стала фигурировать экологическая тематика. Круг популярных тогда экологических тем составили: заповедное дело (Россия была одной из первых стран, начавших создавать заповедники); развитие природоохранного движения, которое возглавляли известные тогда учёные В. Талиев, А. Силантьев, А. Щапов и И. Бородин; развитие учения о биосфере В. Вернадского. Уровень отечественной экологии, по оценкам западных учёных [15, 27], был настолько высоким, что в США до сих пор защищаются докторские диссертации по данному направлению советской истории. Журналистика периода 20-30-х годов осваивала новое направление: перевод научного знания в общедоступную информацию.

1940-50-е годы стали периодом становления в СССР антропоцентрической идеологии порабощения природы. Как пишет профессор Н. Воронцов [16], в 1948 году главный идеолог «лысенковщины» И. Презент заявил о том, что охранять природу от советского человека нелепо. Данный спекулятивный лозунг дал начало новому идеологическому направлению работы советских СМИ, в освещении социально-политических отношений в системе «природа – общество». Курс был взят на тиражирование стереотипа «советский человек – покоритель природы». Государство делало всё, чтобы этот лозунг воплотить в жизнь: была разрушена уникальная система заповедников, а на их месте начато строительство вредных промышленных производств; закрылось финансирование научно-исследовательских проектов; были репрессированы руководители экологического движения. По мнению автора, данный исторический период можно считать точкой отсчёта формирования до сих пор успешно цветущего российского «пользовательского менталитета», суть которого в паразитирующей функции человека в отношении природы. Природа оказалась в самом низу социальной иерархии: в обществе, благодаря антиэкологической пропаганде, стали распространяться «доминантно-покорительные модели поведения» [17, 105], экология стала восприниматься как тормоз прогресса, а экологи как юродивые. Экологическая информация была закрыта для журналистов. Все журналистские материалы подвергались жёсткой многоуровневой цензуре, по причине чего до середины 80-х годов экологическая ситуация в стране описывалась исключительно в светлых и позитивных тонах.

В период с 1960 по 1980 годы в советских СМИ и в художественной литературе развиваются темы научных экспедиций и путешествий, главными героями которых становятся отважные геологи, зоологи и другие представители естественных наук. В журналистике активно используются художественно-публицистические жанры. Выходят в свет очерки и зарисовки, описывающие природные ландшафты, флору и фауну Сибири, Камчатки и других живописных регионов страны. Одним из первых, кто начал писать о природе на страницах газет, был писатель, журналист, путешественник В. Песков, который сегодня в среде журналистов по праву считается патриархом отечественной экологической журналистики.

Ещё одна отличительная черта 60-х годов – формирование групп эко-активистов. Точкой отсчёта данного процесса историки считают строительство целлюлозно-бумажного комбината на озере Байкал. О. Яницкий отмечает, что на этом первоначальном этапе становления экологического движения в России главной «порождающей средой» стало общественное мнение, а основным каналом выражения общественного протеста, несмотря на цензуру, – центральная пресса [17, 105].

В 1970-х годах в советской печати становится популярна тема приумножения растительного мира страны. Печать начала демонстрировать свои организационные функции в природоохранных мероприятиях с целью помощи научному поиску. Журналисты в это время активно освещают ход экспедиций и проводят среди читателей конкурсы на участие в них, ведут переписку со школьниками, задействуют в работе над материалами представителей науки, привлекают к научным проектам внимание массовой аудитории (в данном случае показателен пример поддержки со стороны печати инициативы И. Мичурина в сборе необходимых материалов для селекционных опытов). В 70-е годы пресса собирала вокруг себя большое количество неравнодушных молодых активистов, мобилизуя их посредством журналистских материалов. Таким образом, можно сделать вывод, что функция природоохранного образования, присущая экологической журналистике, имеет давнюю традицию и опыт реализации в отечественных СМИ.

В 1980-х годах остро стала ощущаться проблема доступа к экологической информации. Одной из главных целей государственной информационной политики в сфере экологии было тщательное замалчивание экологических проблем и катастроф. Средства массовой информации описывали СССР исключительно, как благополучный регион, в котором нет места серьёзным экологическим проблемам. Лишь на заре перестройки, когда страну потрясла череда экологических катастроф (Чернобыльская трагедия, загрязнение Байкала, гибель Аральского моря) экологическое сознание общества пробудилось. В августе 1991 года в журналистских материалах впервые прозвучало: «Больное общество – больная экономика – больная природа». По словам М. Шкондина, одновременно с проявлением общественного интереса к правдивой экологической информации в стране начали формироваться социально-политические условия, при которых потребности аудитории могли быть удовлетворены [18, 134].

Этап открытия экологической информации на государственном уровне начался с доклада советских экспертов о последствиях чернобыльской аварии на заседании МАГАТЭ в Лондоне в 1986 году [19]. Профессиональное стремление журналистов к сенсациям оказало тогда существенное влияние на расширение гласности эко-информации в Советском Союзе. Аварии, катастрофы, низкая эффективность природоохранных мер – стимулировали появление потребности мониторинга экологической ситуации гражданским обществом. Эта потребность способствовала активизации экологического движения, что в свою очередь, обусловило корректировку функций экологической журналистики и появление на рубеже 90-х годов специализированных экологических СМИ как в центре, так и в регионах. В это время областные, краевые и республиканские государственные комитеты по охране природы совместно с другими организациями учреждают ещё в рамках СССР свои периодические издания и бюллетени [7, 65]. Экопроблематика всё чаще появлялась в журналистских материалах, становилась предвыборной платформой для отдельных депутатов, фракций и партий. В ситуации радикальных изменений в социально-политической и экономической жизни страны общественность испытывала потребность в анализе происходящего, что послужило причиной появления аналитических жанров в экологической журналистике. Развитие экологического направления в журналистике выявило спрос на специально подготовленных журналистов и авторов из экспертного сообщества, от которых аудитория ожидала научно-обоснованных предложений по решению экологических проблем.

Как показывает приведённый выше исторический обзор, экологическая журналистика в России начала зарождаться ещё в начале XX века, в Российской империи, когда появились первые экологические движения и начались первые научные изыскания в данной сфере. Включение природы в иерархию социально-политических ценностей тогда, с точки зрения автора, можно объяснить как минимум двумя причинами: во-первых, влиянием религии; во-вторых, влиянием крестьянской традиции почитания и уважения матери-кормилицы-земли [13, 20], укоренившейся в сознании значительной части населения страны, состоявшей из бывших крестьян и их потомков. Советский период с его антирелигиозностью, антропоцентризмом и ориентацией на сырьевую экономику ценность природы нивелировал, закрыв доступ к информации, введя цензуру и пропагандируя стереотип «советского человека – покорителя природы». Однако данные меры не затормозили развитие экожурналистики, а напротив – стимулировали появление в ней художественно-повествовательных жанров и целой плеяды

блистательных экожурналистов и экописателей. Череда техногенных катастроф, падение советского режима и снятие запретов с экологической информации послужило толчком для развития сенсационной и аналитической экожурналистики. Активная деятельность неправительственного сектора стимулировала появление на медиа-рынке специализированных экологических СМИ, а вместе с тем и нового поколения журналистов – экспертов в вопросах экологии. Таким образом, развитие экологической журналистики в 90-е годы двадцатого столетия было обусловлено особым социальным заказом на новое качество и содержание коммуникации в системе «природа – общество».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фридман Ш.М. Пособие по экологической журналистике. Комиссия ООН по странам Азии и Тихоокеанского региона / Ш.М. Фридман, К.А. Фридман. – Бангкок, 1988. – 111 с.

2. Cox Robert J. The environmental communication and the public sphere. Sage Publishing, Inc., Washongton, 2010. – 385 p.

3. Lyon Thomas J. This Incomparable Land : A Guide to American Nature Writing. Minneapolis : Milkweed Editions, 2001.

4. Lewis M. Jane, Michael R. Greenburg, David B. Sachsman, Ren e M. Rogers. The Reporter's Environmental Handbook. New Brunswick and London: Rutgers University Press, 2003.

5. Chapman Graham, Keval Kumar, Caroline Fraser, and Ivor Gaber. Environmentalism and the Mass Media. New York and London: Routledge, 1997.

6. Hanson Anders. The Mass Media and Environmental Issues. London and New York: Leicester University Press, 1993.

7. Коханова Л.А. Экологическая журналистика, PR и реклама : учеб. пособие / Л.А. Коханова / [под ред. Я.Н. Засурского]. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 383 с.

8. Сизова Л.В. Экологические периодические издания. Типология периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / М.Е. Аникина, В.В. Баранов, О.А. Воронова и др. / [под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской]. – М., 2007.

9. Берлова О.А. Как экологам работать со средствами массовой информации / О.А. Берлова, В. Борейко, В.Б. Колесникова, А.Л. Кочинева. – Киев, 2000.

10. Колесникова В.Б. Игра на информационном поле. Журналистика и ПР для зелёных / В.Б. Колесникова, О.А. Берлова, В.П. Захаров, А. Кочинева. – М. : МСоЭС, 2003.

11. Кочинева А.Л. «Экологическая журналистика». Центр координации и информации Социально-экологического союза / А.Л. Кочинева, О.А. Берлова, В.Б. Колесникова. – Москва, 1999. – 99 с.

12. Давыдова Н.Г. Сизова Л.В. Советы начинающим журналистам. Краткое пособие для молодых журналистов-экологов / Н.Г. Давыдова, Л.В. Сизова. – М., 2008.

13. Захарова О.А. Экологические коммуникации в социокультурном пространстве / О.А. Захарова. – М., 2008. – 150 с.

14. Савицкая А.С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ : дисс. канд. полит. наук / А.С. Савицкая. – СПб, 2009. – 213 с.

15. Реймерс Н.Ф. Начала экологических знаний / Н.Ф. Рейменс. – М. : МНЭПУ 1993. – 207 с.

16. Воронцов Н. Для нас и потомков. Охрана природы до Лысенко, Берии, при них – и сегодня / Н. Воронцов // Известия. – 1989. – № 228. – С. 3. – (http://abc.vvsu.ru/Books/sotsial_ekologija_hrestom/page0002.asp).

17. Яницкий О.Н. Россия : экологический взрыв (общественные движения, наука, политика) / О.Н. Яницкий. – Новосибирск, 2001. – 426 с.

18. Шкондин М.В. Типология периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / М.В. Шкондин, В. Баранов, О. Воронова. – М., 2009. – 236 с.

19. Доклад экспертов для МАГАТЭ об аварии на Чернобыльской АЭС и её последствиях. Лондон, 1986. http://accidont.ru/expert.html.

Шаркова Е.А.
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», факультет прикладных коммуникаций, кафедра «Связи с общественностью», соискатель.
E-mail: sharkova-katya@yandex.ru

Sharkova E.A.
Saint Petersburg State University, Institute «Higher school of journalism and mass communication», the faculty of applied communications, the department «Public relations», the applicant.
E-mail: sharkova-katya@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 20 страниц рукописи и до 6 рисунков, краткие статьи – до 5 страниц и до 4 рисунков.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, в соответствии с нижеприведенными требованиями, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (в 2 экз.);

2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы - на русском и английском языках (в 2 экз);

3) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции;

4) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках).

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Структура публикаций

Публикация полных статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следует заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее приводится дата поступления материала в редакцию, затем краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Редколлегия рекомендует авторам структурировать представляемый материал, используя подзаголовки: *ВВЕДЕНИЕ, МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА, ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ, СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.*

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилия, инициалы, должность, контактные данные - на русском английском языках).

3. Требования к оформлению рукописи

Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями ~ 2,5 см с левой стороны, размер шрифта – 14 (Times New Roman Cyr).

Все страницы рукописи, включая список литературы, таблицы, подписи к рисункам, рисунки следует пронумеровать.

Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Рисунки прилагаются отдельно (в 2 экз.). Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Надписи на рисунках даются на русском языке; размерность величин на осях координат обычно указывается через запятую (например, U, В; t, с). Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, “верх” и “низ”.

Полутоновые фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге (в 2 экз.), ксерокопии не принимаются.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если

ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Греческие буквы в тексте следует подчеркнуть красным карандашом, буквы латинского рукописного шрифта отмечать на полях. Во избежание ошибок нужно четко обозначить прописные и строчные буквы латинского, русского и греческого алфавитов, имеющие сходные начертания (C, c; K, k; P, p; O, o; S, s; U, u; V, V и т.д.), буквы I (i) и J (j), букву I и римскую единицу I, а также арабскую цифру 1, вертикальную черту | и штрих в индексах (a1, a'), латинское l (эль) и e (не эль). Прописные буквы подчеркиваются карандашом двумя черточками снизу, а строчные – сверху.

Химические и математические формулы и символы в тексте должны быть написаны четко и ясно. Необходимо избегать громоздких обозначений, применяя, например, дробные показатели степени вместо корней, а также exp — для экспоненциальной зависимости. Химические соединения следует нумеровать римскими цифрами, математические уравнения – арабскими. Десятичные доли в цифрах отделяются точкой. Химические формулы и номенклатура должны быть лишены двусмысленности.

4. Требования к оформлению электронной версии

В состав электронной версии должны входить: файл, содержащий текст статьи и иллюстрации, и файлы, содержащие иллюстрации. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman Cyr, 14-й кегль, через 1,5 интервала.

К комплекту файлов должна быть приложена опись (возможно в виде файла) с указанием названия и версии текстового редактора, имен файлов, названия статьи, фамилий и инициалов авторов.

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word (для серии Физика. Математика можно использовать редакторы Tex, LaTex) с точным указанием версии редактора.

При подготовке графических объектов желательно использовать форматы TIFF, JPEG, BMP, WMF.

При подготовке файлов в растровом формате желательно придерживаться следующих требований: - для сканирования штриховых рисунков – 300 dpi (точек на дюйм); - для сканирования полутоновых рисунков и фотографий не менее 200 dpi (точек на дюйм).

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они принадлежат и каким по порядку рисунком статьи они являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.

Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.